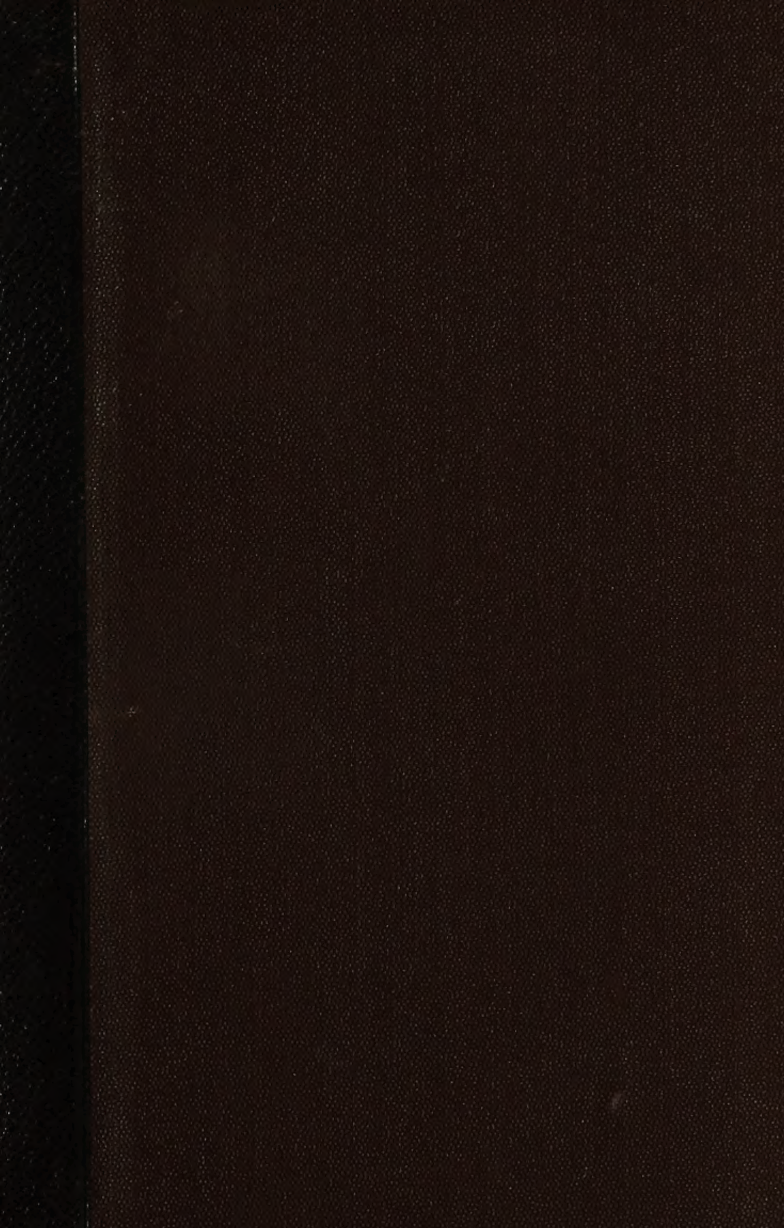

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ пятый.

Всемірная библіотека

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева, арт. императорскихъ театровъ;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго.
Гюи де Мопасана, со вступит. статьей З. А. Венгеровой.

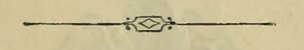
С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., 75.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ пятый.

Крестьянскія дѣти. Разсказъ. — **Иванъ да Марья.** Повѣсть.

С.-Петербургъ.
Типографія Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Оглавленіе.

Крестьянскія дѣти.

Разсказъ.

Сироты.

Въ одной изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ скудость и неурожайность почвы, короткое лѣто и длинныя зимы не позволяли крестьянамъ сосредоточить свои силы на одномъ хлѣбопашествѣ, а вызвали промыслы и фабричную дѣятельность, — до сихъ поръ еще существуетъ деревня Ломы.

Неприглядная сама по себѣ, вся изъ небольшихъ, трехъоконныхъ, крытыхъ соломою избенокъ, — она и помѣстилась на скучной, плоской, болотистой мѣстности. Не было при деревнѣ даже никакой рѣченки, никакого ручейка: воду для питья брали изъ колодцевъ, которые, кстати, въ болотистой почвѣ копать было легко и удобно; а для водопоя скота въ концѣ деревни былъ вырытъ мелкій прудъ, вѣчно затянутый зеленью и ржавчиной. Можетъ быть и вѣроятно, нѣкогда деревню окружали дремучіе лѣса; но крестьянская нужда, запашка и русская небережливость, а затѣмъ фабрики, — давно уже уничтожили ихъ далеко кругомъ, — и деревня Ломы стояла, какъ говорится, на полнѣйшемъ пустоплесьѣ, ничѣмъ, ни откуда не защищенная отъ суровыхъ зимнихъ вѣтровъ и мятелей, отъ лѣтняго зноя и отъ всякихъ иныхъ лихихъ непогодъ. Торчавшія кое-гдѣ по огородамъ одинокія ветлы, березы и рябины не давали тѣни, не украшали мѣст-

ности, а служили только пристанищемъ воронъ и галокъ, которыя, отъ времени до времени, косыми тучами поднимались и пролетали надъ деревней въ поле и обратно, оглушая воздухъ своимъ карканьемъ и криками.

Трудно себѣ представить болѣе печальное мѣсто для жилища человѣка: видъ деревни прежде всего наводилъ на мысль о бѣдности ея обитателей, о тоскѣ и скукѣ жизни въ ней. И мужики здѣсь, дѣйствительно, жили бѣдно, по нашему, — „ровненько“, по ихнему мнѣнію; но ни скуки, ни тоски не знали, и даже любили свою деревню, гдѣ родились и умерли ихъ дѣды и прадѣды, гдѣ они сами родились, бѣдствовали, трудились. Они не только любили свою родину, но даже любовались ею, находили въ ней особенныя удобства и красоты.

„Да чѣмъ наше не мѣсто?“ — говорили они. — „Наше мѣсто привольное: глянь-ка, — куда видать во всѣ стороны; мѣсто открытое, ровное, — ни горы, ни овражины, поѣзжай, куда хошь ... А воды-то сколь у насъ! не какъ у людей, — по тридцати сажень колодцы роютъ: у насъ копни, гдѣ хошь, аршина на два — сейчасъ тебѣ и вода ... Хлѣбъ у насъ родится, благодарить Бога, не хуже людей ... Травки, хоть она крупненька и жестконька, да зато ея въ-волю ... ну, про телятъ гуменники косимъ ... Нѣтъ, у насъ, благодарить Бога, мѣсто привольное, хорошее ... Вотъ лѣскомъ пообездолились; ну, да всѣмъ не возьмешь ... Да по нынѣшнему времени, куда ни поди, лѣсовъ-то нѣтъ ... Кои и стоятъ, такъ либо барскіе, либо купецкіе; да и тѣхъ въ умаленьи ... Да, насчетъ отопленья тѣсненько стало, нечего сказать: лучинку — освѣтиться — ту поди, купи, да поѣзжай за десять верстъ ... А то, чего

не жить на нашемъ мѣстѣ? наше мѣсто самое привольное ...

— Отчего же вы не поправляетесь, не богатѣете? — спросишь ихъ.

— Какъ не поправляемся? Нѣтъ, мы живемъ ничего, благодарить Создателя, — живемъ не хуже людей ... Недоимка на насъ стоитъ небольшая; скота — слава Богу: безъ лошади ни однаго двора не найдешь ... Живемъ ровно всѣ; другъ противъ друга никто не выскочилъ ... Ну, а богатѣть — это отъ Бога; кому какой предѣлъ ... У насъ богатѣевъ нѣтъ, всѣ одинъ къ одному живемъ ...

На эту деревню, на ея добродушныхъ обитателей, нѣсколько лѣтъ назадъ, обрушился страшный бичъ: появилась холера. Эта ужасная эпидемія, какъ чудовищный звѣрь какой, переносилась изъ селенія въ селеніе, останавливалась, пожирала избранныя жертвы — и, насытившись, шла далѣе. Крестьяне встрѣчали ее, какъ настоящія обреченныя беззащитныя жертвы. Правительсто принимало мѣры, разсылало врачей, печатало наставленія — какъ лѣчиться, какъ предохранять себя отъ болѣзни, — и эти мѣры достигали цѣли въ городахъ: чудовище уступало знанію — и, побѣжденное, скоро уходило прочь; но въ деревняхъ оно почти не встрѣчало сопротивленія, жертвы не защищались.

И что могли сдѣлать, какъ могли защищаться крестьяне? Наука доказываетъ, что главныя мѣры предохраненія составляютъ: правильная жизнь, питательная, не обременяющая желудка пища, осторожность отъ простуды, равномѣрная температура и чистый воздухъ въ жилищахъ. А крестьянинъ ѣстъ говядину два-три раза въ году, по большимъ праздникамъ: въ остальное же время наполняетъ желу-

докъ однимъ ржанымъ хлѣбомъ, капустой, кислымъ молокомъ, лукомъ, грибами; круглый годъ онъ не знаетъ другой пищи, да и не можетъ имѣть ея; онъ по цѣлымъ днямъ иногда долженъ работать или въ сырости, или подъ дождемъ, или подъ палящимъ зноемъ, и за благо считаетъ освѣжить перегорѣвшее горло тѣмъ же кислымъ квасомъ, или водой изъ перваго встрѣчнаго бочага; а возвращаясь усталый и измокшій домой, онъ съ радостью залѣзаетъ на горячую печку, чтобы согрѣться и отдохнуть, и дышетъ въ своей избѣ воздухомъ, зараженнымъ испареніями всего съѣстного, что здѣсь же готовилось, — всего домашняго скарба, испареніями нагольныхъ полушубковъ, которые составляютъ и его одежду, и постель, и изголовье, и одѣяло; измученные жаромъ, духотою, недостаткомъ воздуха въ избѣ, они ложатся спать — или въ сѣняхъ, гдѣ дуетъ и врывается холодный и сырой ночной воздухъ, во всѣ щели стѣнъ и пола, -- или въ сараѣ, или прямо подъ открытымъ небомъ. Возможно ли, при такихъ условіяхъ жизни, не захворать при эпидеміи, а заболѣвши вылѣчиться, хотя бы и при помощи цѣлаго медицинскаго факультета? Крестьянина спасаетъ и защищаетъ отъ болѣзни только одна природа; только закаленный, ко всему привыкшій и притерпѣвшійся организмъ.

Холера особенно сильно свирѣпствовала въ Ломахъ. Крестьяне объясняли это особеннымъ гнѣвомъ Божіимъ, и никто не подумалъ, что причина заключалась въ мѣстныхъ условіяхъ, — въ болотныхъ испареніяхъ, которыми дышала деревня, въ отсутствіи всякой растительности, въ быстромъ переходѣ отъ дневного зноя къ ночной сырости, въ колодезной водѣ.

Много уже жертвъ похитила холера, — многихъ домохозяевъ потеряла деревня, многихъ членовъ не досчитывались семьи. Ужасъ, уныніе, какой-то страхъ и тупая покорность видѣлись въ глазахъ оставшихся живыми; притупились даже сострадательность и сочувствіе къ чужому горю и страданію, которыя составляютъ отличительное свойство русскаго народа; начинали бояться другъ друга, сторонились одинъ отъ другого; не слышалось даже тѣхъ воплей, стоновъ и причитаній, которыя сопровождаютъ похороны: какое-то тупое, безмолвное отчаяніе царило въ деревнѣ.

Въ числѣ жертвъ холеры былъ одинъ крестьянинъ въ Ломахъ, не старый еще человѣкъ, трудолюбивый и дѣятельный, — Иванъ Парамоновъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, онъ сиротою былъ взятъ въ домъ крестьяниномъ деревни Ломовъ и призяченъ, т. е. крестьянинъ выдалъ за него свою дочь. Незадолго до холеры тесть и теща умерли, и онъ жилъ съ своею женою и троими дѣтьми, изъ которыхъ старшая была дочь, Марья, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, а двое другихъ мальчики: восьми лѣтъ и году.

Дольше другихъ щадила болѣзнь Ивана, и можетъ быть оттого, что онъ не падалъ духомъ, не прятался и не боялся ея. Но вотъ однажды, къ вечеру, но прежде времени, онъ едва дотащился съ поля домой, — и жена его невольно вскрикнула, взглянувши на его помертвѣлое, страдальческое лицо. Сердце сразу сказало ей, что страшная очередь дошла до ихъ семьи. Иванъ не пошелъ въ избу, и повалился на полу въ сѣняхъ. Маша выскочила изъ избы, чтобы ухаживать съ матерью за больнымъ отцомъ; но онѣ обѣ не знали — что дѣлать, за что взяться, чѣмъ помочь. Докторъ наѣзжалъ раза

два въ Ломы, оставилъ даже лѣкарства, объяснялъ — какъ употреблять ихъ, и какія еще другія мѣры принимать въ случаѣ заболѣванія; но въ отсутствіи доктора — оставленныя имъ лѣкарства и совѣты не помогали, и крестьяне извѣрились въ нихъ, рѣшивъ, что если кому отъ Бога „предѣлъ положенъ", такъ никакой лѣкарь не отходитъ, никакое лѣкарство не поможетъ, — а кому встать, такъ и безъ лѣкарства встанетъ ...

Долго сильная натура Ивана боролась съ болѣзнью; но скоро вслѣдъ за нимъ захворала и свалилась его жена, такъ что Машѣ пришлось ухаживать вдругъ за двумя больными — отцомъ и матерью, и въ то же время заправлять всѣмъ домомъ. Ждать помощи было не откуда: у всѣхъ сосѣдей былъ своей страхъ, своя забота, свое горе; родныхъ у нея въ деревнѣ не было. Маша не растерялась, не упала духомъ, не бѣжала съ воплями просить о помощи. Блѣдная, истомленная, съ измученнымъ страдальческимъ лицомъ, не смыкая глазъ ни днемъ, ни ночью, — переходила она отъ отца къ матери, подавала имъ пить, растирала ноги и руки, корчившіяся въ судорогахъ, дѣлала — что могла и умѣла, чтобы облегчить страданія, — приговаривала сквозь слезы тѣми ласковыми словами, которыя подсказывало ей сердце, и въ то же время носила на рукахъ маленькаго брата, когда старшій братишка уставалъ, бросалъ его; и въ то же время не забывала вечеромъ и утромъ выдоить корову, согнать со двора скотъ на пастушню и встрѣтить его, а также накормить братьевъ. Отецъ и мать, въ минуты облегченія страданія, смотрѣли на нее угасавшими глазами, какъ на ангела-хранителя, — призывали къ себѣ, приговаривали ласковыми словами, благословляли, просили,

какъ взрослую, не оставлять сиротъ, — своихъ малыхъ братишекъ; или напоминали о хозяйствѣ, о томъ, что нужно сдѣлать въ домѣ и въ полѣ, разсказывали: — гдѣ лежатъ ихъ скудные достатки, ихъ рубли и копейки, сбереженные для уплаты предстоящаго оброка и другихъ податей. Маша слушала ихъ серьезно и сознательно, успокоивала ихъ надеждою на выздоровленіе, увѣренно обѣщала не оставить сиротъ, исполнить все по ихъ желанію.

— Матушка, Машенька! да сама-то ты малъ человѣкъ, сама-то ты пропадешь, изведешься безъ насъ ... — говорила мать, среди стоновъ. Батюшки! дѣтушки мои малыя, болѣзныя! ...

— Дома не рѣшай, Машута ... какъ можно! ... братишковъ соблюдай, сдѣлай мужиками ... Охъ! ... Господь не оставляетъ сиротъ ... — стоналъ отецъ ...

— Рубаху-то на меня надѣнь холщевую ... и сарафанъ ... Бумажины не клади со мной въ гробъ-отъ: грѣшно ... — наказывала мать, вспоминая, что она, при точѣ на купцовъ миткаля, затаивала по нѣскольку золотниковъ пряжи, изъ которой потомъ ткала миткаль про себя и семью.

— Купцу-то ... Петру Митричу ... три рубля забралъ я у него подъ точу ... проститъ, чай; сходи къ нему ... поклонись ... для сиротъ, молъ ... Охъ ... А штуку-то срѣжь со стана-то, да отнеси ... всю съ концомъ ... Охъ ... самой чай не доткать ...

— Дотку, може, сама ... а нѣтъ, — отнесу, — увѣренно отвѣчала Маша.

Но пришло время, когда родители Маши не въ силахъ уже были и говорить; осунувшіяся, измѣнившіяся лица ихъ выражали одно только физическое

страданіе: помутившіеся глаза, казалось, не отражали ничего, не видѣли, не узнавали даже дѣтей, даже Машу, — которая продолжала переходить отъ отца къ матери, поправляла изголовье, прислушивалась къ тяжелому дыханію, съ тоскою заглядывала въ эти страшные тупые глаза, спрашивала: „что, болитъ?“ и не получала никакого отвѣта.

Это молчаніе, эти тупые глаза дѣйствовали на бѣдную дѣвочку сильнѣе, чѣмъ стоны и оханья больныхъ. Съ невыразимой тоской, съ болью въ груди и въ сердцѣ, съ чувствомъ страшной безпомощности и своего безсилія, — смотрѣла она на дорогихъ больныхъ. По лицу ея текли слезы, маленькія руки и ноги дрожали, она не въ силахъ была даже приподнять братишку, который ревѣлъ и просился къ ней. Она полубезсознательно слушала этотъ ревъ: онъ не трогалъ, не волновалъ ея; онъ какъ будто даже ободрялъ ее, мѣшалъ овладѣть ею ужасу, который подступалъ къ ней: она чувствовала около себя жизнь.

Но и родители ея еще не умерли: грудь тихо поднималась, слышалось сиплое дыханіе, голова дѣлала слабыя движенія, хотя руки и ноги и все тѣло лежали неподвижно, какъ бы уже утратившія жизнь. Вдругъ мать судорожно потянулась всѣмъ тѣломъ, тяжело, съ какимъ-то хрипомъ, вздохнула, глаза ея какъ будто раскрылись, сдѣлались на мгновеніе свѣтлыми — и искали взгляда Маши. Она припала къ матери, ожидая, — не скажетъ ли она чего-нибудь, смотрѣла ей въ глаза съ ожиданіемъ, съ любовью; но эти глаза были уже совсѣмъ стеклянные, совсѣмъ неподвижные, грудь не волновалась, дыханіе прекратилось ... Маша поняла, что съ матерью было все кончено, что это была смерть, что

она потеряла мать безвозвратно ... Въ то же время, въ груди отца начался страшный, предсмертный хрипъ, — „заходилъ хоробрецъ“, какъ говорять крестьяне ... Теперь только Маша совершенно растерялась: съ воплями, съ крикомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, не сознавая, — что дѣлаетъ, выбѣжала она изъ дома на улицу и остановилась середи ея.

— Батюшки! ... родненькіе! ... голубчики! ... тятенька ... маменька! ... батюшки! ... что будетъ! ... — кричала она, рыдая, держась за голову и безнадежно озираясь по сторонамъ.

Маленькій братишка поползъ за нею на четвереринькахъ, скатился кубаремъ съ лѣстницы и кричалъ въ голосъ, катаясь по землѣ около крылечка. Старшаго братишки не было въ избѣ: Маша отпустила его гулять.

Изъ сосѣднихъ избъ услышали ея отчаянный крикъ и вопли. Отворилось одно окошечко. высунулось женское лицо; отворилось и въ другой избѣ, — и оттуда тоже показалась голова, повязанная платкомъ.

— Что, Машутка, ревешь? — окликнули ее бабы. — Али побывшился кто изъ твоихъ-то? ... Матка, что ли? али батька? ... Не реви, дурочка: молви путемъ-то ... Вонъ братишко-то свалился, — убился, чай; подними его ... Али спужалась, дурочка? ... Что баешь-то? ... А ты не реви ... Коли побывшился который, такъ бѣги къ баушкѣ Офросиньѣ: она прибираетъ покойниковъ-то ... Окромѣ ея никто теперь не пойдетъ: не то время ... Тоже опасятся ... Слышь, — бѣги, къ баушкѣ Офросиньѣ ... Машутка, да не реви ... слышь: за баушкой Офросиньей подь ... Ну, что дѣлать-то? божеское попущенье на всѣхъ ... Знамо, сиро-

ты ... Да коли Божье насланіе; — Его власть — Создателя ... У всѣхъ горя, въ кажинномъ домѣ. — Подбери братишку-то; мотри, зашелся, реветъ... Подбери, да иди, говорятъ, за баушкой Офросиньей: больше никого не выкличешь, никто по теперешнему времени не выйдетъ ... Хоть все реви ... Эка болѣзна, — спужалась! Ну, Богъ съ тобой. Христосъ съ тобой! ... Окстись дѣвонька, окстись ... Что дѣлать-то, болѣзна! ... Сироты будете: васъ, сиротъ, Богъ не оставитъ ... Поди, матушка, поди за баушкой Офросиньей ... Эко дѣло! ... Господи, батюшка!

Маша, наконецъ, пришла нѣсколько въ себя, поняла, что ей говорятъ, подняла брата, взяла его на руки и пошла, заливаясь слезами, въ конецъ деревни, гдѣ, въ сиротской келейкѣ, жила одинокая, безродная бабушка Офросинья, единственный человѣкъ въ деревнѣ, не пугавшійся холеры и принявшій на себя мірскую службу: справлять и обряжать покойниковъ.

Это была старуха лѣтъ за семьдесятъ, худая, морщинистая, но еще бодрая. Лѣтъ пятнадцать уже жила она одна-одинешенька, въ своей избенкѣ, на самой околицѣ, и прокармливалась своими трудами: зимой пряла, а лѣтомъ ходила на поденщину, и на сѣнокосъ, и на жнитво: слыла повитухой и принимала новорожденныхъ у своихъ деревенскихъ бабъ; а когда пристигала крайняя нужда и не на чемъ было заработать, не стыдилась, закинувши на руку плетенку, обходить свою и сосѣднія деревни, прося подаянія Христовымъ именемъ. Теперь, въ годину общественнаго бѣдствія, ея заслуги передъ всѣмъ міромъ были велики: не было почти дома въ деревнѣ, въ который бы не призывали ее обрядить покой-

ника; были случаи, что тѣ старческія руки, которыя воспринимали новорожденнаго человѣка, обмывали и одѣвали его бездыханное тѣло въ послѣдній разъ на землѣ: надъ такими и у бабушки Офросиньи выкатывались слезы изъ глазъ.

„Вотъ, своими руками на свѣтъ приняла, — изъ своихъ и землѣ отдала!“ приговаривала она въ такихъ случаяхъ. „Вотъ Богъ-то, батюшка, никого не спрашиваетъ: жить бы еще — да жить ему, — а вотъ его взялъ, а мнѣ жить приказалъ!“

Маша вошла къ Офросиньѣ въ избенку и застала ее дома. Отъ слезъ дѣвочка не могла выговорить ни слова: языкъ ея не слушался; но старуха и безъ разсказовъ поняла, — въ чемъ дѣло.

— Сейчасъ, иду, иду ... Все собиралась у васъ побывать-то, да все никакъ не угодила, вишь, времечко какое Господь послалъ ... То тотъ, то другой ... Кого Богъ взялъ-то у тебя, дитятко? ...

— И ма ... и тя ... оба ... — всхлипывая, едва въ силахъ была отвѣтить Маша.

— Оба?! ... ахти, дѣвонька! горькая ты ... Пойдемъ, побѣжимъ ... Эка, я не угодила побывать-то ... А-ахъ, горькія сироты вы, горькія ... Вотъ такъ ужъ, Господи, батюшка! ... Сколько васъ, трое никакъ, ребятъ то? ... — разспрашивала Офросинья, спѣшно идя къ дому Маши.

— Трое.

— Ну-ка, трое, малъ-мала меньше! А-ахъ-ти, бѣда, ахти бѣда! ... Ну, дѣвонька, трудно тяжело тебѣ жить будетъ, — и себя, и малыхъ подымать ... Эка, Господи батюшка, насланіе на насъ посылаетъ ...

Маша, съ ребенкомъ на рукахъ, едва поспѣвала за старухой. Офросинья это замѣтила.

— Дай, я понесу ребенка-то ... — сказала она, протягивая къ нему руки.

Но мальчикъ испугался, заревѣлъ и спряталъ голову на плечѣ сестры.

— Ничего, бабушка ... донесу ... говорила Маша.

— Вишь ты: великъ-ли, а признаетъ тоже кровь то родную ... къ тебѣ припадаетъ ... Да ужъ теперь ты имъ замѣсто матери будешь ...

Когда они подходили къ избѣ, съ крыльца сбѣжалъ старшій братъ, Павлушка, съ испуганнымъ, взволнованнымъ, не столько опечаленнымъ, сколько недоумѣвающимъ лицомъ. Въ отсутствіе сестры онъ забѣжалъ домой и, не найдя ея, пораженный видомъ матери и отца, испугался. Выскочивши на улицу, онъ озирался по сторонамъ, и, увидя сестру, бросился къ ней, обнялъ ее ручонками, и взглянувши въ глаза сестры, вдругъ заплакалъ и прижался лицомъ къ ея платью.

— Вотъ и этотъ ровно къ матери ... подъ крылышко ... — говорила Офросинья, пріостанавливаясь и смотря на дѣтей. — Ахъ вы сиротки, сиротки горемычныя! ... Эка, Господи батюшка! ...

Офросинья входила на лѣсенку крыльца, Маша отдала маленькаго брата Павлушкѣ и велѣла имъ остаться на волѣ, а сама пошла вслѣдъ за Офросиньей. Она невольно схватилась за старуху, переступая порогъ дверей въ сѣни, гдѣ лежали отецъ и мать. Отецъ былъ живъ, но агонія продолжалась.

Крестясь, Офросинья подошла къ матери и закрыла ей глаза, а затѣмъ шопотомъ велѣла Машѣ зажечь на тяблѣ восковую свѣчку.

— Живъ еще, а не вдолгѣ и онъ отойдетъ: не помѣшать бы ... шептала старуха, указывая на отца.

Помолись-ка, родименька: легче будетъ и тебѣ, да и его душеньку Господь въ спокоѣ ослобонитъ … А за маменьку молись: поминай за упокой.

Маша съ тихими рыданіями крестилась и кланялась: весь ужасъ, который охватилъ было ея душу, прошелъ: теперь только тоска и жалость сжимали ея дѣтское сердце.

Офросинья взяла икону со свѣчкой и помѣстила ихъ въ головѣ у отходящаго, читая при этомъ вполголоса молитву. Маша стояла около отца, машинально крестясь и взглядывая сквозь слезы на мать. Маша была теперь точно въ полуснѣ: она не сознавала хорошенько, — что съ нею случилось, острыя болѣзненныя ощущенія притупились, ихъ замѣнила какая-то усталость: точно непосильная ноша навалилась и придавила ее. Она не понимала, — долго-ли стояла возлѣ отца, когда услышала, какъ-бы сквозь сонъ, слова Офросиньи:

— Вотъ и его Господь освободилъ … Ну, поклонись, Машутка, родителю, да пойдемъ, — вынь мнѣ про нихъ рубахи и одежду, все — въ чемъ положить ихъ да и уходи къ ребятамъ … покамѣсть я одна управлюсь … А-аха-ха, жизнь, жизнь наша человѣческая! … Что дѣлать-то! … Богу они надобны. А ты не убивайся, — не огорчай ихъ душеньки: смотрятъ онѣ теперь на васъ … Вотъ у тебя какая забота-то теперь: ты замѣсто матери осталась, а сама мала-малешенька, отъ земли не видать … Пойдемъ, родненька: гдѣ у тебя что лежитъ? вынимай, да давай мнѣ … Сготовимъ все перво …

Маша безсознательно исполняла всѣ распоряженія Офросиньи, но не забыла наказа матери о холщевой рубашкѣ. Выйдя по приказанію старухи на улицу,

она увидала братьевъ въ обществѣ другихъ дѣтей. Павлушка, держа на спинѣ, на закоркахъ, младшаго братишку, разсказывалъ что-то товарищамъ: у него и у слушателей лица были серьезны и озабочены. Общее горе деревни какъ будто наложило печать и на дѣтскія лица, отразилось въ дѣтскихъ душахъ. За время болѣзни — дѣти присмирѣли: не только пѣсенъ, или смѣха, но даже обычнаго шума и крика не было слышно на улицѣ, дѣти не играли, не бѣгали, а сбиваясь въ кучи — сидѣли гдѣ нибудь въ сторонѣ и втихомолку разговаривали.

Маша позвала братьевъ къ себѣ, взяла маленькаго на руки, посадила Павлушу рядомъ, обняла его и заплакала.

— Нѣтъ у насъ маменьки, нѣту тятеньки! ... Сиротки мы трое горемычныя! ... Какъ намъ жить-то, что дѣлать-то, къ кому голову приклонить? ... Опокинули насъ родимые тятенька съ маменкой! — причитала она, какъ большая, горько плача.

Плакалъ, смотря на нее, и Павлуша; серьезно, сосредоточенно, и молча стояли, смотрѣли и слушали окружавшія ихъ — другія крестьянскія дѣти.

Обрядивъ покойниковъ, Офросинья вышла изъ избы и присѣла около Маши.

— Что, родимая дѣвочка, поголосила по родителямъ? ... Поголоси, умница, поголоси: съ этого легче живется, да и родителямъ въ утѣшеніе, коли ихъ дѣточки поминаютъ; только не убивайся ужъ больно-то: батюшка — Господь васъ не оставитъ, Божьи вы дѣтки будете ... Вотъ, что, Машута: родителевъ я твоихъ обмыла, собрала, — и устала же ужъ грѣшница: стара стала, устаю ... а вотъ надо бы ихъ теперь въ избу внести, да подъ иконы положить: ну, ужъ мнѣ съ одной-то съ тобой не испра-

виться въ томъ ... Опять же вотъ и домовищи нужно искупить: здѣсь не найдешь у насъ, надо въ Дектярново ѣхать, тамъ мужичокъ одинъ ихъ производитъ: лѣсовъ-то около нихъ много, тесъ-отъ свой, не покупной ... Къ сосѣдямъ бы — къ кому постучаться; да не пойдутъ ни изъ-чего; больно настращались, заразы-то боятся; таковы грѣхи! А ужъ чего бы бояться: отъ Божьей воли нигдѣ не спрячешься ... Такъ вотъ что: сходи-ка ты, али вотъ паренька пошли, къ Никитушкѣ Кулявому: онъ хоть и сухорукій, да ничего, — за то придетъ — поможетъ намъ во всемъ: и за домовищами съѣздитъ, и завтра въ село, на кладбище, отвезетъ ... Паренекъ, сбѣгай по него . . . какъ тебя звать-то?

—Павлушка, — отвѣчалъ старшій изъ братьевъ Маши.

— Ну, такъ подь-ка, сбѣгай Павлушка,—молви: бабушка, молъ, Офросинья зоветъ; иди, молъ, помочь для души спасенья ...

— А то инъ мы всѣ сбѣгаемъ, — вызвался мальчикъ изъ окружавшей толпы постороннихъ дѣтей, готовясь бѣжать по указанію бабушки.

— Нѣту, не надо: всѣ-то вы побѣжите, да загагайкаете,—онъ, пожалуй, и не повѣритъ, не пойдетъ ... Вы, вѣдь, пострѣлы, дразнитесь все, да надругаетесь, что убогій человѣкъ ...

— Нѣту, баушка, зачѣмъ? — отвѣчалъ мальчикъ, стараясь сдержать невольную усмѣшку.

— Ну, ладно,—видала я довольно: начнутъ ковылять противъ него, да рукавъ-отъ спустятъ на рукѣ,—ровно и впрямь сухорукіе, трясутъ передъ нимъ ...

Въ толпѣ дѣтей многія засмѣялись.

— Такъ, вѣдь, это, баушка,—возразилъ тотъ же

мальчикъ, — онъ въ тѣ поры у барина горохъ сторожилъ, да съ палкой за нами гонялся, какъ въ горохъ бѣгали: вотъ мы ему на зло и представляли это ... А теперь мы съ нимъ ничего, развѣ когда сердитъ онъ оченно ...

— Ну да, да ... Развѣ когда! ... знаю я, видѣла! Пороть бы васъ надо отцамъ-то да маткамъ за это ... Нѣтъ, вотъ теперь пришелъ Божій-то гнѣвъ, такъ кто первые-то люди стали? нищая баушка Офросинья, да Никитка Кулявый ... Всѣ попрятались, всѣ боятся: только мы съ нимъ для міра-то и стараемся ... Нѣтъ, не надо, вы не ходите: пущай Павлушка одинъ добѣжитъ ... Подь, паренекъ, бѣги ... Въ большую-то избу не ходи, къ брату-то Егору: онъ тамъ мало водится, а либо на задворкѣ смотри гдѣ, либо въ огородѣ, около пчелъ ... Такъ и скажи: баушка, молъ, Офросинья зоветъ: иди тотчасъ и приведи его съ собой.

Павлуша тотчасъ же побѣжалъ. Прочіе ребятишки въ другое время, можетъ быть, не послушались бы баушки и побѣжали вслѣдъ за Павлушей, но теперь баушка была очень вліятельный человѣкъ въ деревнѣ: никто изъ дѣтей не осмѣлился ея ослушаться.

Вскорѣ на улицѣ показался Никитушка, въ сопровожденіи Павлуши. Это былъ мужикъ лѣтъ за сорокъ, съ большой головой, которая какъ-будто была вдавлена въ высоко приподнятыя и худыя плечи. Одна нога у него была много короче другой, поэтому онъ ходилъ, всегда согнувши здоровую ногу въ колѣнѣ, и казался маленькимъ; но когда сидѣлъ, или привставалъ на одной ногѣ, то вдругъ выросталъ: это неожиданное измѣненіе роста подчасъ пугало и смѣшило деревенскихъ ребятъ. Одна рука

у него также была короче другой, съ маленькими, сухими, скрюченными пальцами; за то другая, здоровая, обладала необыкновенной силой, и горе было шалуну, который попадался въ нее. Никитушка имѣлъ угрюмое, какъ-будто сердитое лицо: но глубоко впавшіе глаза его были очень добры и не соотвѣтствовали нахмуреннымъ бровямъ, сморщенному лбу и сердито сжатымъ губамъ, около которыхъ торчали рѣдкіе усы и бороденка. Онъ былъ уродцемъ отъ природы и чуть не со дня рожденія носилъ свою кличку — „Кулявый“.

Никита былъ уроженецъ Ломовъ и жилъ въ домѣ у старшаго брата, какъ бы изъ милости, но въ сущности былъ очень ему полезенъ и ѣлъ братнинъ хлѣбъ не даромъ: не участвуя въ полевыхъ работахъ, онъ справлялъ почти все домашнее хозяйство, — кормилъ скотъ, кололъ дрова, ловко управлялся съ топоромъ, когда надо было починить телѣгу или сани, справить косулю, соху или борону; починивалъ сбрую, могъ заложить и распречь лошадь, а потому ѣздилъ и въ лѣсъ, и въ поле, и въ лугъ, за хлѣбомъ и сѣномъ; сверхъ того, онъ имѣлъ и свою спеціальность: умѣлъ и любилъ ухаживать за пчелами.

Характеромъ онъ былъ мягкосердеченъ, добръ и уступчивъ, но крайне подозрителенъ и обидчивъ, и если ужъ раздражался, то доходилъ до бѣшенства, хотя и ненадолго. Когда ему казалось. что братъ тяготится имъ, то, ни слова не говоря, уходилъ изъ дома и нанимался куда-нибудь на подходящую для себя работу, разумѣется, изъ одного только хлѣба и грошеваго жалованья, — и скитался по чужимъ домамъ до тѣхъ поръ, пока братъ не приходилъ и не просилъ его возвратиться домой.

Никита никогда не просилъ милостыни и въ

церкви не становился наряду съ нищими, какъ человѣкъ убогій, но, напротивъ, пролѣзалъ впередъ и стоялъ у самаго амвона.

— Еще наживусъ Христовымъ-то именемъ, какъ и послѣднія рука-нога отнимутся. Богъ накажетъ, — говорилъ онъ; — а пока владѣніе есть, почто я чужой хлѣбъ есть стану, хоть бы и мірской! я завсегда свой хлѣбъ про себя достану, то ли у брата, то ли въ чужомъ мѣстѣ.

Мужики относились къ нему не только безъ пренебреженія, безъ покровительства и состраданія, но какъ къ своему брату, какъ къ родному, и даже какъ-будто уважали его, потому-что бесѣдовали о всякомъ дѣлѣ, не смотря на то, что онъ земли не имѣлъ, хлѣбопашествомъ не занимался и на сходы не ходилъ.

— Дядюшка, подь къ бабушкѣ Офросиньѣ, — сказалъ Павлуша, когда отыскалъ его въ огородѣ у пчелъ, какъ и предполагала старуха.

— Почто? — спросилъ Никита, продолжая строгать новую должею, которую онъ придѣлывалъ къ улью. — Гдѣ она?

— А у насъ ... Тятька то съ мамкой ... померли у насъ ...

Павлуша заплакалъ. Никита быстро обернулся, бросилъ работу и поспѣшно сталъ подниматься на ноги.

— Подемъ, подемъ, — говорилъ онъ. — Видно, что помочь ... А ты не реви, дурашка ... Онъ подошелъ къ Павлушѣ и протянулъ было къ нему свою длинную руку, съ намѣреніемъ погладить по головѣ; но Павлуша испугался и отскочилъ въ сторону, съ плаксивымъ и робкимъ взглядомъ.

— Что ты, что ты, дурашка? ... Я ничего, я, вѣдь, только, что, молъ, не плачь. Божья власть,

всѣ подъ Богомъ ходимъ ... Я съ жалости ... Я тебя не трону ... За что тебя бить? ... Ты ничего, ты сирота ... Подь-ка сюда ... Хошь медку дамъ ...

— Нѣту ... Подемъ ... Баушка-то звала ...

— Ну, ладно, я на поминъ душамъ коли принесу ... Пойдемъ ... да не бойся, дурашка, чтой-то ... Это вотъ кои озорничаютъ ребятенки-то ... А ты сирота ... Дайся — поглажу.

Павлуша изъ-подлобья, сквозь слезы, посмотрѣлъ на Никиту — и, встрѣтивъ его ласковый, привѣтливый взглядъ, довѣрчиво подошелъ къ нему.

— Ну вотъ, ну вотъ ... Не бойся, чтой-то ... Я ничего ... А ты не реви, глупенькій ... Не все ревѣть ... Богъ васъ, сиротъ, не оставитъ, — приговаривалъ Никита, гладя Павлушу по головѣ. — Подемъ ка, подемъ ... Видно, никто нейдетъ изъ сосѣдей-то ... Напужались, думаютъ, — пристанетъ; а она отъ Бога: на кого захочетъ, на того и пошлетъ ... А вотъ я и все промежъ больныхъ да покойниковъ, да ничего, а другой и хоронится, да Богъ находитъ; отъ него не спрячешься ... Вотъ и баушка Офросинья тоже ... И старый человѣкъ, а Богъ милуетъ ... Домовища-то есть ли, припасены ли? ... Нѣтъ, вѣдь, чай?

— Нѣтути ...

— Ну, стало быть, съѣздить нужно въ Дегтярново ... Вотъ и съѣздимъ: хошь-ли, возьму съ собой? авось поразмотаешься ...

— Возьми, — отвѣчалъ Павлуша ...

— Ладно, вотъ и съѣздимъ ... А ты не реви ... Что ревѣть-то? .. Великъ-ли ты и весь-отъ?

Они подошли къ Офросиньѣ. Она позвала Никиту вмѣстѣ съ Машей въ избу, а маленькаго отдала на руки Павлушѣ.

Въ переднемъ углу подъ образами стоитъ обыкновенно единственный въ избѣ столъ. Его отодвинули къ другой стѣнкѣ, а на лавки, которыя сходятся угломъ подъ тябломъ, всѣ втроемъ перенесли и положили покойниковъ и зажгли въ головахъ у нихъ желтыя восковыя свѣчи, которыя Офросинья не забыла захватить съ собою еще изъ дома. Тогда позвали остальныхъ дѣтей.

Павлуша вошелъ съ братишкой своимъ на рукахъ и робко, тоскливо, мигая глазами, на которыя навертывались слезы, смотрѣлъ на отца, мать, сестру, которая стояла неподвижно, наклонивъ голову, и что-то шептала дрожащими губами, смотря на трупъ матери. Старуха обѣими руками обняла ихъ всѣхъ и сдвинула въ кучу.

— Вотъ, сиротинки Божіи, — вотъ ваши родители: собрались они въ дальнюю, вѣковѣчную путь-дороженьку ... Вотъ смотрите, наглядывайтесь на нихъ; а ихъ душеньки около васъ вьются ... невидимо вьются около васъ ...

Изба вдругъ огласилась страшными, раздирающими душу воплями Маши, которая бросилась на трупъ матери; Павлуша и маленькій Сашка также заплакали навзрыдъ, въ голосъ. Офросинья стояла надъ ними, склонивши на руку голову и вздыхая покачивала ею. Никитушка не выдержалъ ... и, смахнувши рукою слезу съ рѣсницы, вышелъ закладывать лошадь въ телѣгу.

Онъ уѣхалъ въ Дегтярново одинъ. Маша не пустила брата, замѣтивъ, что „не время теперь кататься: и Богъ, и добрые люди осудятъ“. Никита было возразилъ, что „онъ — малъ человѣкъ, что съ него не спросится, а однако бы поразмотался со слезъ да съ горя“; но Офросинья при-

няла сторону Маши и похвалила ее за разсудительность и умъ.

— Богъ милостивъ, будетъ изъ тебя — прокъ, проговорила она Машѣ: — не уронишь дома и братишекъ поднимешь; не обидѣлъ тебя Господь умомъ-разумомъ, и родители съ того свѣта будутъ на тебя смотрѣть — да радоваться …

— А ты, баушка, переночуй сегодня у насъ ночку-то: все съ тобой ровно какъ полегче …

— Изволь, болѣзная, изволь: отчего не переночевать, ночую … завтра тоже и печку истоплю: хоть кашу сваримъ, блинковъ испечемъ, на поминъ души покойничковъ … Есть-ли мучка-то?..

— Есть, баушка … Тятенька недавно пудикъ купилъ …

— Ну вотъ и ладно … Коли домовища привезетъ, завтра ихъ, батюшекъ, и землѣ предадимъ, похоронимъ … Вотъ я къ старостѣ схожу, — скажу, чтобы послалъ мужиковъ съ утра могилки выкопать про нихъ, да батюшку повѣстилъ.

У крестьянъ нѣтъ ни погребальныхъ колесницъ, ни катафалокъ, ни даже малѣйшаго ихъ подобія. На другой день, у избы Ивана Парамоновича стоялъ старый его сивка, запряженный въ большую машинную телѣгу, и въ нее, безъ всякаго парада, даже безъ священника, выносили изъ избы и уставляли два домовища, два еле сколоченныхъ изъ неокрашенныхъ еловыхъ досокъ гроба, съ тѣлами хозяевъ избы. Спереди, на грядкѣ, кое-какъ примостился и взялъ возжи Никита, — и нехитрая процессія тронулась.

За телѣгою шли только Маша, съ ребенкомъ на одной рукѣ, и рядомъ съ нею Павлуша. Мужики,

выносившіе гробы, стояли безъ шапокъ, крестилися и кланялись; въ оконцахъ избъ виднѣлись головы и лица, осѣнявшія себя крестнымъ знаменемъ и провожавшія покойниковъ вздохами и поклонами. Офросинья не пошла провожать, а предложила Машѣ остаться у нея въ домѣ, чтобы присмотрѣть за печкой и приготовить поминки по христіанскому обычаю.

Только одинъ Никита былъ чужой въ этой печальной процессіи: старый сивка былъ совсѣмъ родной, общій любимецъ и постоянный товарищъ покойнаго Ивана въ его земной работѣ. Иванъ купилъ его сосунчикомъ, въ тотъ годъ, какъ женился; самъ выкармливалъ его, самъ объѣзжалъ и пріучалъ къ работѣ; больше десяти лѣтъ они вмѣстѣ, общими силами, взрывали Иванову полосу, вывозили на нее удобреніе, сѣмена, и свозили съ нея хлѣбъ. Они съ одной земли питались, на одну и ту же полосу клали и свой трудъ, и потъ, и силу, — надъ одной горевали и радовались. Нѣжная дружба соединяла хозяина и сивку: ни одного дня не встрѣчались они безъ ласковаго слова съ одной стороны, и такого же ласковаго ржанія — съ другой; Иванъ гладилъ его по спинѣ, трепалъ по шеѣ; а сивка норовилъ положить ему свою голову на плечо; послѣ дѣтей и жены, Иванъ больше всего на свѣтѣ любилъ своего сивку: когда ему недужилось или плохо ѣлось, Иванъ былъ самъ не свой и терялъ аппетитъ ...

— Я лучше самъ не доѣмъ, да сивку́ накормлю, — говорилъ онъ. И дѣйствительно: бывали скудные годы, почти голодные, — Иванъ и жена его постились и худѣли, а сивка находилъ всегда свою привычную пищу — и тѣла не терялъ ...

И вотъ теперь, подъ непривычной рукой, сивка

тихо, неохотно, едва передвигая ноги, уныло опустя голову и уши, — бредетъ по пыльной проселочной дорогѣ, везя своего друга къ послѣднему жилищу, на вѣчную разлуку, — точно и вправду понимаетъ онъ, — какую печальную обязанность исполняетъ, какую послѣднюю службу служитъ своему другу.

— А вѣдь чуетъ онъ, понимаетъ, сивка-то, — говоритъ вдругъ Никита, оборачиваясь къ Машѣ.

Онъ сидѣлъ до сихъ поръ молча и угрюмо посматривалъ на дорогу и на лошадь, раздумывая о будущей судьбѣ, нуждѣ и горѣ, которыя ждутъ впереди сиротокъ, и не отыскивая въ головѣ никакого слова, которое бы онъ могъ имъ сказать въ утѣшеніе.

„Больно ужъ онѣ малы остались“, — размышлялъ онъ. — „Ну что, хоть бы и Машутка: — ну что — двѣнадцать годковъ! велика ли сила? Ай, трудно — тяжело имъ будетъ ... Пущай домъ остался, всякое заведеніе, да что подѣлаешь безъ рукъ-то? какъ прокормишься? ... Тоже трое ртовъ, малъ-мала меньше ... И сродственниковъ-то никого, кажись, нѣтъ у нихъ ... Да что сродственники? ... Развѣ пожалѣютъ? ... Всякій самъ про себя ... Извѣстно, люди найдутся, разберутъ ихъ по домамъ, — да какова жизнь-то будетъ! ... Ай, люди то не жалостливы! ... Вотъ сивка имъ еще останется ... Да что пути-то безъ хозяйскихъ рукъ? и того, пожалуй, продать придется ... Продадутъ, деньги проживутъ; а лошадь добрая ...

И мысль его остановилась на сивкѣ и выразилась, наконецъ, въ словахъ, которыя онъ сказалъ Машѣ.

— Право, чуетъ, — продолжалъ онъ. — Смотри-ка ты на него: ровно самъ не свой идетъ: мухи вонъ

всего облѣпили, а онъ хоть-бы головой тряхнулъ, хоть-бы хвостомъ махнулъ ... Ты что думаешь? онъ, даромъ что животное, а онъ понимаетъ ... Скотъ, скотъ, а онъ чувствуетъ, — кто его кормитъ, право, чувствуетъ, не въ примѣръ лучше человѣка ... Продавать что-ли его будешь, али нѣтъ?...

— Не знаю еще — какъ, — отвѣчала Маша, усаживая половчѣе Сашу и отирая съ измученнаго лица своего потъ и слезы.

— Зачѣмъ продавать?... Сивку-то?... Нѣтъ я не дамъ сивку продавать ... вступился Павлуша. — Маша, я не дамъ сивку! — настаивалъ онъ, теребя сестру за сарафанъ.

— Ну, ну, ладно, не продадимъ, — успокоила его Маша.

— Измаялась ты съ ребенкомъ ... Далеко, вѣдь, до села-то ... Дай-ко мнѣ,—я подержу; ничего, не убью, не бось ...

— Нѣтъ, вѣдь не пойдетъ, обревется ... Ничего, я сама донесу ...

— А сродственниковъ-то, кажись, нѣтъ у васъ? — продолжалъ Никита.

— Есть одна тетка ... Сестра она тятькѣ-то была — сводная ... отъ разныхъ матерей они ... Только и есть, да и то въ отдѣльности живетъ; а то больше нѣтъ никого ...

— Дѣтная она—тетка-то? ... Много дѣтокъ-то у нея, али нѣтъ?

— Двое у нея ... двѣ дѣвочки.

— Вотъ она, можетъ, возьметъ паренька-то ... меньшинькаго-то? ...

— Сашку-то? — быстро спросила Маша, обхватывая братишку свободной рукой и прижимая къ себѣ. — Почто? ... Нѣту, я не отдамъ ... Да она и

не возьметъ: больно малъ ... хлопотно вѣдь съ нимъ ... Не на ногахъ еще: возиться съ нимъ надо ...

— Ну, такъ вотъ старшаго, Павлушку: этотъ на своихъ ногахъ, и шустрый, въ работѣ скоро помогать станетъ; его возьметъ, чай, тетка-то съ радостью ... Да и чужіе кто бездѣтные, примутъ, въ сынки возьмутъ ...

— Я не пойду ... Не хочу я ... Я съ Машкой стану жить! — раздражительно возразилъ Павлуша ...

— Не пойдешь? Радъ-бы не пошелъ, да коли кормиться-то нечѣмъ будетъ? ... Сестренкѣ-то одной васъ не поднять: велика-ли она, сама-то? ... Вотъ братишку-то нести—смотри-ка, какъ смаялась ... А скоро-ли еще онъ на свои-то ноги встанетъ?

— Давай мнѣ на закорки: я понесу,—сказалъ Павлуша.

— Ну, ужъ иди, иди, — одинъ-то: сама донесу. — Но Павлуша присталъ къ сестрѣ и добился того, что она отдала ему брата. Саша былъ очень доволенъ и улыбался, сидя на спинѣ у брата.

— И Сашу не отдадимъ, и самъ не пойду ... Такъ и будемъ жить всѣ вмѣстѣ ... съ Машкой,— рѣшительно сказалъ Павлуша, бодро шагая около сестры.—Маша, вѣдь не отдадимъ Сашу никому?— настаивалъ онъ ...

— Нѣту, нѣту, — не отдадимъ ...

— Ты вотъ около дому управляйся, а меня вотъ въ подпаски отдай ... Я справлюсь ... спасу ... А тутъ и Сашка ходить выучится: онъ ужъ стоять примается, дыбкомъ стоитъ ... А пока то я, то ты таскать его станемъ ... Подпаску-то вотъ по десяти рублей въ лѣто платятъ, и одѣваютъ! Вотъ и прокормимся. А въ люди я никуда не отдамся и

Сашку не отдамъ. Домъ у насъ есть, сивка есть, пестрянка есть: вотъ и будемъ жить своимъ домомъ... Даве я съ ребятишками толковалъ.—„Какъ, чу, жить будете?“ — „Такъ, молъ, и будемъ жить своимъ домомъ“. — „Такъ, чу, и живите; а въ чужіе люди не отдавайте: нѣтъ хуже“. — И ребятишки молвили...

— Батюшка наказывалъ, чтобы какъ можно дома не рѣшать, — вспомнила Маша, и залилась слезами отъ новаго приступа тоски и горя.

Никита съ сочувствіемъ прислушивался къ этой дѣтской бесѣдѣ и съ грустью любовался ихъ смѣлостью и готовностью итти на борьбу съ предстоящей нуждой, лишеніями, безпомощностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые были бы способны расхолаживать подобную рѣшимость и пугать дѣтское воображеніе предстоящими трудами и всякими невзгодами: онъ по опыту зналъ, какъ мало нужно человѣку, и какъ тяжело ѣсть чужой хлѣбъ.

— Живите, живите, дѣтки, сиротки горемычныя, — говорилъ онъ, — живите въ одной кучкѣ, другъ за дружку держитесь крѣпче, не расходитесь, другъ дружкѣ помогайте... Нѣтъ того лучше, какъ свой уголъ, своя изба, свой, не чужой, не оговоренный кусокъ... Хоть и нужда пристигнетъ, — ничего, перетерпите: съ голода не умрете; ну, и ради Христа посбираете: съ васъ не взыщется, вы малолѣтки,—кому и подать, какъ не вамъ... А все держитесь своего угла, все въ кучкѣ живите. Богъ милостивъ, не оставитъ васъ, сиротинокъ; и православная земля не безъ добрыхъ людей, — поддержатъ васъ... съ голоду не дадутъ помереть. А по чужимъ домамъ поразбредетесь, — на что ужъ хуже: и тамъ не пристанете, да и промежъ себя ровно чужіе

будете; и свое гнѣздо остынетъ, совсѣмъ раззорится, послѣ и не совьете ...

— Я и тятѣ съ мамой обѣщался, что дома рушить не буду и братьевъ въ своемъ дому подниму, — просто, но твердо сказала Маша.

Вдали показалось село. Впереди его, возлѣ самой дорого, виднѣлось кладбище, огороженное деревянной рѣшеткой, между кирпичными столбами, обсаженное березами.

Никита остановилъ лошадь у воротъ. Священника на кладбищѣ не оказалось: пришлось послать за нимъ въ село. Въ ожиданіи его, гробы перенесли и поставили къ церкви. Дѣти, усталыя, присмирѣвшія, печальныя, усѣлись кучкой на церковной паперти, крѣпко прижимаясь другъ къ другу. Никита уѣхалъ на сивкѣ за батюшкой; мужики, вырывшіе могилу и переносившіе гробы, ушли вонъ за ограду и разлеглись тамъ въ тѣни березокъ: дѣти остались одни среди этого жилища мертвыхъ, возлѣ гробовъ, покинувшихъ ихъ родителей — единственныхъ людей, для которыхъ они были дороги, которые жили и работали не столько ради себя, сколько для нихъ ... Уныло, печально и безмолвно было кругомъ дѣтей. Однообразныя насыпи, подернувшіяся уже зеленью, и еще свѣжія, желтѣвшія недавно взрытой глиной и пескомъ, — простые деревянные кресты — безъ всякихъ украшеній, безъ всякихъ надписей, — все однообразно, просто, безцвѣтно, какъ жизнь тѣхъ тружениковъ, которые здѣсь покоились; только около самой церкви чугунныя рѣшетки окружаютъ нѣсколько каменныхъ плитъ и мраморныхъ мавзолеевъ, съ блестящими металлическими крестами и надписями: это могилы богатыхъ купцовъ-фабрикантовъ, вышедшихъ изъ тѣхъ же крестьянъ; богатство,

сдѣлавши ихъ чуждыми крестьянину при жизни, заботливо огораживаетъ ихъ отъ него и отмѣчаетъ ихъ прахъ послѣ смерти . . .

Сколько горя, трудовъ и лишеній понесли на землѣ эти люди, которые безвѣстно навѣки скрыты подъ этими невысокими могильными холмиками! Сколько тщеславія, праздности, лѣни, а можетъ быть чужого горя, чужихъ слезъ — напоминаютъ эти прочные мавзолеи! . .

Дѣти наши, конечно, не думали этого: они въ простотѣ души своей, можетъ быть, даже желали бы и надъ прахомъ своихъ родителей поставить такой же нарядный памятникъ, невольно лѣзшій имъ въ глаза; они не знали и того, что, оставаясь жить, приготовляясь къ самостоятельному труду, къ борьбѣ со всякаго рода горемъ и лишеніями, неся въ жизнь вѣру въ себя и любовь къ людямъ, — они самими собою ставятъ своимъ родителямъ такой памятникъ, который неизмѣримо дороже, цѣннѣе и прочнѣе всякаго мраморнаго монумента.

Но вотъ явился и священникъ. Отпѣваніе и похороны совершились очень быстро. Маша чуть не обезпамятѣла, когда въ послѣдній разъ цѣловала и прощалась съ дорогимъ ей прахомъ; все что затѣмъ послѣдовало, она видѣла, слышала и чувствовала — какъ во снѣ: и стукъ молотка по крышкѣ гроба, и шуршаніе веревокъ, опускавшихъ гробъ, и зіяющую яму, которая поглотила ея дорогихъ, и комья земли, которые быстро летѣли внизъ и наполнили эту яму. Машинально, по чьему-то приказанію, и она сама бросила туда три горсти земли. Забыла она на время о братьяхъ, которые стояли рядомъ и оба плакали. Слышала, какъ во снѣ, и слова батюшки передъ уходомъ его съ кладбища:

— Совсѣмъ сироты остались! Бѣдныя! . . . Жалко, жалко! . . . Сколько народа, сколько перебрала! Когда утолится гнѣвъ Божій?! А это братишки? . . . Малы, малы! . . . Ну, Господь васъ благословитъ . . . Господь не оставляетъ сирыхъ.

Она полубезсознательно приняла и благословеніе батюшки, протянула подъ благословенье свою руку и хотѣла поцѣловать, но не успѣла, благословляющую.

Священникъ съ дьячкомъ ушли; мужики, зарывавшіе могилу, поднявши на плечи заступы и перекрестившись на церковь, поклонившись покойникамъ, также удалились; а Маша все стояла на одномъ мѣстѣ, не сводя глазъ съ поднявшейся надъ землею свѣжей насыпи.

— Ну, что же, Машута, пойдемъ домой, — сказалъ ей нерѣшительно и осторожно Никитка. — Полно! . . . эка дѣвочка желанная! Вона, уйми ребятъ-то: ревутъ . . .

Маша оглянулась на братьевъ, порывисто обняла ихъ обоихъ и сама зарыдала.

— Посидимте, посидимте вотъ маленько на могилкѣ . . . — проговорила она. — Простимтеся съ тятенькой и маменькой въ остальной разъ, да и поѣдемте . . . Ахъ, милые вы наши родители! благословите-ка вы насъ, пожалѣйте-ка вы дѣтокъ своихъ! . . Что вы подѣлали, на что насъ опокинули! . . . Не къ кому намъ идти, не къ кому голову приклонить, окромя васъ . . . Научите-ка вы насъ, — какъ намъ жить, какъ нужду-горе проводить . . . Гдѣ у насъ солнышко ясное — батюшка, гдѣ угрѣвъ теплый — матушка? Кто насъ пожалѣетъ, кто разуму научитъ, кто ласковымъ словомъ взыщетъ? Пожалѣйте-ка насъ, люди добрые, сиротъ горемычныхъ, — что ни отца нѣтъ, ни матушки, — сиротки мы круглыя . . .

Маша причитала не заученныя слова. Причитанья, какъ и пѣсня, не сочиняются, а слагаются въ народѣ вдругъ, какъ непосредственное и невольное выраженіе тяжелой думы, болѣзненнаго чувства: въ нихъ, какъ въ слезахъ, разрѣшается душевная скорбь.

Никита не останавливалъ и не мѣшалъ Машѣ высказывать свое горе, — напротивъ, онъ, такъ сказать, всей своей душой слушалъ и раздѣлялъ жалобы несчастной дѣвочки; даже Павлуша затихъ, не ревѣлъ, и только всхлипывалъ, смотря на сестру и прислушиваясь къ ея словамъ.

Наконецъ, Маша отерла слезы, помолилась на церковь, поклонилась въ землю, долго не поднимала головы съ могилы родимыхъ; но когда поднялась на ноги, лицо ея было печально, но спокойно.

— Прощайте, родименьки! — сказала она въ послѣдній разъ, съ глубокимъ, не дѣтскимъ вздохомъ. — Прощайте!

Потомъ она оборотилась къ Никитѣ:

— Пойдемъ, Никитушка, поѣдемъ. Спасибо тебѣ за неоставленье твое; дай тебѣ Богъ здоровья. Пойдемъ, Павлуша. — И молча, благоговѣйно крестясь, вышли они съ кладбища — и на лошади поѣхали обратно домой.

Дорогой всѣ были унылы, мрачны; никакой разговоръ не вязался. Даже Павлушка, которому Никита, желая его развлечь и потѣшить, далъ править лошадью, равнодушно и безъ увлеченья держалъ въ рукахъ возжи. Маша задумчиво держала на колѣняхъ Сашку, который заснулъ отъ тряски въ телѣгѣ. Никита съ любовью, но молча, посматривалъ на сиротъ, и молча думалъ свою думу:

„Вотъ теперь, вѣдь, опекуна къ нимъ, поди, приставлять будутъ: кого-то приставятъ? . . . Пожалуй,

такого изобрутъ, что ихъ-то всѣхъ разсуетъ по людямъ, да и домъ-отъ не соблюдетъ... Другой и слушать не станетъ, что кучкой хотятъ, въ своемъ гнѣздышкѣ, жить... Скажетъ: „чего малыхъ дѣтей слушать? развѣ они понимаютъ!“ А кому заступиться-то? Некому, родныхъ нѣтъ... Тетка-то? Богъ ее знаетъ — какова она, да и въ отдальности...

— Э-эхъ, сиротки, сиротки горемычныя! Тоже думаютъ сами про себя: „вмѣстѣ жить будемъ, промышлять про себя станемъ, другъ за дружку держаться“. Нѣтъ, сердечныя, разведутъ васъ, раздадутъ по людямъ, кто вамъ домъ на руки покинетъ? кто вашему разуму повѣритъ? Да и не управиться вамъ: пускай полосу міръ за себя возьметъ, а чѣмъ скотинку-то кормить будете? а безъ коровки, да безъ своего хлѣбца — чѣмъ вы прокормитесь? Міръ полосу возьметъ за себя, такъ и оброкъ съ нея платить будетъ, — вамъ ничего не дастъ. А коли опекунъ самъ поправляться станетъ, такъ — каковъ человѣкъ: иной, коли Бога не побоится, такъ не много вамъ достанется... Да больно-то хлопотать про чужое дѣло не много людей найдется: по нашему мѣсту, у всякаго своего горя да нужды довольно...

— Вотъ у меня, — такъ ни передо мной, ни за мной нѣтъ никого: послужить развѣ для Бога, язнуться на міру, что пойду въ опекуны, — назначайте, молъ? Пожалуй, еще не пустятъ, — скажутъ: „гдѣ тебѣ! ты кулявый, самъ бездомокъ, за самимъ отъ роду полосы не бывало“. А я бы зналъ, какъ дѣло-тъ поправить, — даромъ бездомокъ: у меня бы дѣтки всѣ вмѣстѣ жили; Машутку-то я вижу: она складная дѣвочка, умная, не заболталась бы, и братьямъ заболаваться не дала бы... А полосу-то я сталъ бы то помочью, то изъ-полу работать: все

бы у ребятъ свой хлѣбушка былъ... И они бы въ кучкѣ росли, какъ родныя... Да нѣтъ, изоберутъ и меня: никому не лестно, никто не польстится къ нимъ въ опекуны-то... Не у чего, не велико владѣнье-то...

Никита рѣшился въ душѣ предложить себя въ опекуны къ малолѣтнимъ и даже настойчиво добиваться этого на міру; но разговоръ объ этомъ съ дѣтьми отложилъ до времени.

Когда подъѣзжали къ деревнѣ, сивка, безъ понуканья, побѣжалъ скорѣе. Павлуша съ улыбкою обратился къ Никитѣ:

— Смотри-ка, дядюшка, къ дому-то сивка-то какъ ровно нахлестанный, держать надо... Така лошадь, такъ домъ знаетъ! заведи теперь ее, куда хошь, да пусти одну, — придетъ... А ты говоришь: продать... Ни за что не дамъ продавать...

— На что этакую лошадь продавать? Она для дома работница, — отвѣчалъ Никита. — Я это такъ только, попытать васъ: что-де у нихъ въ головѣ-то... А у васъ въ головѣ-то, — даромъ вы дѣтки, — все умное, да хорошее... Нѣтъ, зачѣмъ скотину продавать? не продадимъ... Родителямъ вашимъ сивка служилъ, и вамъ послужитъ; а ты его беречь да кормить будешь.

Напоминаніе о родителяхъ и близость дома, опустѣлаго, сиротскаго дома, въ которомъ не было уже болѣе дорогихъ, привѣтливыхъ лицъ, мгновенно уничтожило мимолетную улыбку, набѣжавшую было на губы Павлуши при разговорѣ о сивкѣ. Онъ уныло опустилъ головку, выпустилъ изъ рукъ возжи и заплакалъ.

— Что ты, болѣзный! — участливо спросилъ Никита.

— Тятьки съ мамкой жалко . . . — едва проговорилъ Павлуша, всхлипывая.

Видъ своей избы поднялъ и въ душѣ Маши съ новою силою всѣ тѣ болѣзненныя ощущенія, которыя на время было примолкли: обливаясь слезами, — вылѣзла она изъ телѣги; но не забыла позвать Никиту зайти въ избу, чтобы отобѣдать и помянуть покойныхъ.

Въ избѣ ихъ встрѣтила бабушка Офросинья. Она все прибрала въ ней, привела въ порядокъ, вымыла столъ и лавки, и хлопотала у печки.

Баушка, хотя добрая отъ природы, не была такъ ласкова и чувствительна, какъ Кулявый. Видя дѣтскія слезы, она не стала утѣшать дѣтей, не стала ихъ приговаривать, тотчасъ же заставила приняться за работу: Машѣ велѣла помогать себѣ съ стряпнѣ, а Павлушу послала набрать щепочекъ, чтобы печь блины. Ничего не понимающій Сашка, совершивъ такое дальнее путешествіе, спалъ крѣпкимъ сномъ. Управивши лошадь, пришелъ и Никита. Сѣли обѣдать и справлять поминки. Благодаря баушкѣ, не скудна была поминальная трапеза: ѣди просяную кашу, ячные блины, и въ концѣ, къ удивленію Маши, Офросинья подала овсяный кисель съ сытой: муки на кисель промыслила она, а меду далъ Никитушка. За киселемъ съ сытой поминали родителей.

Дѣти снова заплакали.

— Ну, не все ревѣть, — сказала Офросинья. — Не плачьте много-то: имъ тяжело живетъ отъ дѣтскихъ-то слезъ . . . Лучше Богу молитесь, да просите Его, Создателя, чтобъ успокоилъ ихъ душеньки во царствіи Своемъ небесномъ: тамъ имъ будетъ лучше. не-чѣмъ здѣсь . . . Вотъ, вамъ-то такъ нудно будетъ! ай тяжело вѣкъ-отъ жить! Особливо сиротамъ . . .

Вотъ, Машутка, скоро хлѣбъ въ полѣ поспѣетъ; надо его сжать, убрать ... Объ этомъ вотъ подумай-ка: безъ хлѣбушка не проживешь ... Я, вонъ, посмотрѣла въ чуланѣ-то, — аи мало у васъ запасенаго-то! станетъ-ли на недѣлю муки-то? и то наврядъ-ли. А до новой-то еще далеко. Ну, извѣстно, первое время сходишь — насбираешь: подадутъ, прокормишься; да на это надѣяться нечего, надо свою-то полосу сжать — убрать ...Свой-то хлѣбецъ вѣрнѣе ...

— Поспѣетъ, буду жать; я жать умѣю, — отвѣчала Маша.

— Знаю, что умѣешь; да много-ли ты одна нажнешь! и сила то въ тебѣ дѣтская, и ребенокъ-то у тебя на рукахъ, и въ дому тоже всякая работа на тебѣ будетъ ... Не управишься дѣвонька ... Пускай и я буду къ тебѣ захаживать когда, пособлять, — послѣ заплатишь хоть ржицей; а все и вдвоемъ-то мы не далеко съ тобой уѣдемъ.

— И я буду жать: я тоже умѣю, — сказалъ Павлуша.

Офросинья и Никита улыбнулись.

— Ну, ужъ ты-то работничекъ! — сказала бабушка: — не столь ты нажнешь, сколь намнешь; либо пальцы отрѣжешь у себя; будешь послѣ безпалымъ вѣкъ-отъ ...

— Нѣтъ, умѣю, не отрѣжу пальцевъ! — настаивилъ мальчикъ. — Меня еще мама лѣтось учила: я жалъ ...

— Ну, много ты нажалъ, полно-ка ...

— А ужъ снопы безпремѣнно я буду возить на гумно ... И молотить буду ...

— Ну, ладно, хорошо ... Ты нишкни ужъ. Извѣстно, безъ работы и ты гулять не будешь: сестрѣ пособишь по силѣ ... А вотъ, какъ на счетъ всего

полевого-то, Машутка, — надобно тебѣ обдумать: тебѣ надѣяться не на кого ... Міру-ли будешь кланяться, просить помочи, али въ люди всю работу сдашь, по сиротству, изъ-полу? ... Вотъ, сѣнцо-то, слава Богу, кажись все управлено у васъ: по крайности хоть скотинкѣ на зиму припасено ... А не прокормишь и однимъ сѣномъ, безъ яровицы: и яровая соломка, и ржаная — все требуется ... Изъ-полу отдать, придется, либо скота убавлять, либо кормочку прикупать, а какія у тебя купилы-то? ... Вотъ и подумаешь, — что дѣлать-то!

Маша сосредоточенно слушала старуху и размышляла, ничего не отвѣчая. Она видѣла, что впереди ей предстоитъ много тяжелыхъ, почти неразрѣшимыхъ для ея силы задачъ.

— Вѣдь, имъ опекуна, чай, приставятъ отъ міра, — вмѣшался Никита.

— Да вѣдь — что опекунъ? ... Развѣ онъ будетъ думать, да радѣть къ ихнему дѣлу? Абы какъ! ... Кабы какой стоющій человѣкъ попался, да Бога помнилъ, ну такъ бы ... А то отъ опекуновъ-то больше обиды для сиротъ-то бываетъ, нечѣмъ добра ...

— И я тоже думалъ, баушка Офросинья ... Больно они мнѣ жалостны, сироты-то ... Вотъ не знаю, — хочетъ ли Машутка, а то бы я, пожалуй, язнулся въ міру опекуномъ-то къ нимъ. Я бы ужъ не обидѣлъ ...

— Ужъ на что бы этого лучше: гдѣ тебѣ ихъ обидѣть! Вотъ, Машутка, Господь видимо тебѣ помогаетъ ... Вотъ кланяйся, проси Никитушку-то: ужъ на что этого лучше! онъ васъ соблюдетъ и не обидитъ ...

Маша кланялась и просила о неоставленіи, но

признавалась, что она не понимаетъ что значитъ такое — опекунъ. Баушка Офросинья поспѣшила ей растолковать, что опекунъ такой человѣкъ, который дается сиротамъ отъ общества, замѣсто родителей, — что онъ будетъ заправлять всѣмъ домомъ и всѣмъ распоряжаться, и что они, дѣтки, будутъ у него подъ началомъ, все равно что у отца съ матерью.

— А я не къ тому, — прибавилъ Никита: — я только для Бога хочу; мнѣ живите какъ знаете: ты умная и Павлуша — шустрый ... Я васъ только стану наслѣдовать когда въ нуждѣ — въ какой, чтобы люди васъ не обидѣли; да какая въ чемъ у васъ недохватка, по малой силѣ, ну и по разуму еще вашему ребячьему, — такъ чтобы все въ порядокъ произвести, для васъ же ... Ну, и ужъ я васъ по людямъ не раскидаю: живите всѣ вмѣстѣ ...

— Такъ не оставь, дядюшка Никита, — говорила Маша, вновь кланяясь, — сдѣлай такую божескую милостъ ... Я и сама пойду на міру проситься, чтобы тебя къ намъ приставили, коли милость твоя будетъ ...

Слова эти очень тронули Никиту: у него навернулись слезы на глазахъ.

— Я не то-что ... Я ото всей души, — отвѣчалъ онъ. — Я хоть и кулявый, а человѣка не обижу даромъ ... Что мнѣ? И другимъ обидѣть васъ-сиротъ не дамъ ... Меня разумомъ Богъ не обошелъ, только-что вотъ кулявый я ... Для Бога мнѣ хочется, для души — для своей.

— Да ты бы вотъ что, Никитушка: перешелъ бы пока и жить-то къ нимъ, — посовѣтовала Офросинья ...

— Нѣтъ, этого я не могу ... И брату будетъ не въ удовольствіе, да и люди, пожалуй, подумаютъ,

что я на чужой, да еще сиротскій, хлѣбъ польстился ... Да и на что? ... Она умная, она управится ... Ее только поддержать ... На что чужого имъ въ домѣ? пущай живутъ промежъ себя, сестра съ братьями ... Крѣпче промежъ нихъ будетъ ... на всю жизнь это пойдетъ ... Да и что я? ... Я развѣ работникъ? чѣмъ имъ помогу? ... Только чтобы отъ недобраго человѣка ихъ оберечь, что неизвѣстно, кого имъ приставятъ ... Нѣтъ, пускай одни поживутъ: я только наслѣдовать буду ... А на ихные хлѣба къ нимъ я не пойду ...

Вскорѣ послѣ этой бесѣды, Офросинья и Никита ушли. Бабушку куда-то кликнули, а Никита заботился о домѣ брата, изъ котораго онъ ушелъ съ ранняго утра. Дѣти остались совершенно одни. Это одиночество сначала очень ихъ испугало, на нихъ напалъ какой-то безпричинный страхъ и тоска; вспоминалось опять и горе. Маша обняла Павлушу, и нѣкоторое время они сидѣли молча и неподвижно; но проснулся Сашка, закричалъ — и какъ бы оживилъ мертвую тишину, которая стояла въ избѣ, пугала и гнела дѣтей. Надо было взять Сашку на-руки, накормить, успокоить его ...

А затѣмъ началась работа, которая съ этой минуты должна была сдѣлаться неразлучнымъ спутникомъ дѣтей на всю ихъ жизнь ...

Сиротская жизнь. Первые шаги.

Какъ же пошла жизнь нашихъ бѣдныхъ сиротъ?

Родители ихъ были одними изъ послѣднихъ жертвъ холеры; она какъ будто насытилась и оставила Ломы. Прошелъ день, два, три, — прошла цѣлая недѣля безъ смертныхъ случаевъ; заболѣвшіе стали выздоравливать. Ужасъ, тупая покорность судьбѣ, невольный страхъ заразы, равнодушіе къ чужому горю — стали проходить. Деревня начала оживать, приходить въ себя: на поляхъ показались работающіе мужики и бабы, на улицѣ послышались человѣческіе голоса, малыя ребятишки стали играть и бѣгать.

Въ одинъ изъ ближайшихъ праздниковъ, вся деревня собралась на сходъ, чтобы осмотрѣться, сосчитать убылыхъ, сообразить, что дѣлать съ землей, оставшейся безъ хозяевъ, какъ на будущее время справлять оброки, подушныя и разныя подати и повинности, которыя оставались тѣми же, хотя число рабочихъ рукъ и убыло. Разныхъ вопросовъ, заботъ у крестьянскаго общества было не мало.

Крестьянская жизнь въ деревняхъ сложилась совсѣмъ иначе, чѣмъ жизнь городского жителя. Обыватель города знаетъ только свою семью, свои личные интересы, отвѣчаетъ только за самого себя, въ общественныхъ дѣлахъ участвуетъ мало, и если

участвуетъ, то черезъ своихъ выборныхъ. Городской обыватель, имѣющій въ городѣ собственность, также несетъ извѣстныя повинности, преимущественно денежныя; но отбывши ихъ, онъ можетъ, если захочетъ, вовсе не принимать никакого участія въ дѣлахъ своего общества; онъ можетъ прожить всю жизнь, не зная своего сосѣда, не являясь никогда въ общественныя собранія, гдѣ разсуждаютъ о нуждахъ общества и устраиваютъ въ немъ тѣ или другіе порядки.

Въ деревняхъ совсѣмъ наоборотъ. Крестьянинъ немыслимъ безъ своего общества, онъ не можетъ не знать своего сосѣда, не можетъ вести жизнь уединенную и чуждую общественнымъ интересамъ: крестьянинъ отвѣчаетъ не только за себя, но и за своихъ сосѣдей, за все свое общество; онъ не можетъ шагу ступить, не можетъ ничего сдѣлать, устроить такъ или иначе свою жизнь — безъ согласія общества. Только дома, въ своей избѣ, въ своей семьѣ, въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ — онъ полный и безотвѣтственный господинъ самому себѣ; за воротами своего двора, за границей своей маленькой усадьбы, на улицѣ, на выгонѣ, въ лугу, въ полѣ, — онъ уже зависимый членъ общества, хозяинъ несамостоятельный. Выгонъ, лугъ, поле — принадлежатъ не лично ему, а всему обществу: онъ только пользуется ими съ согласія всего общества, пользуется въ указанномъ мѣстѣ и въ указанномъ размѣрѣ, опять-таки по усмотрѣнію всего общества, согласно общественнымъ интересамъ. Все общество, а не отдѣльно каждый хозяинъ, отвѣчаетъ въ исправномъ платежѣ оброка за землю, отбываніи всякаго рода другихъ повинностей. Крестьянинъ платитъ, между прочимъ, такъ называемую подушную подать, то есть подать съ души, съ отдѣльнаго человѣчес-

каго существа, — но и за эту подать отвѣчаетъ общество: и смерть крестьянина, прекращеніе его личнаго существованія, не освобождаетъ крестьянское общество, къ которому принадлежитъ умершій, отъ платежа этой подати впредь до новой ревизіи, т. е. до новой переписи всего народонаселенія. Если крестьянинъ по какимъ либо причинамъ, не въ силахъ заплатить оброка и отбыть всѣ другія лежащія на немъ повинности, за него платятъ и отбываютъ всѣ прочіе члены его общества, обыватели его села или деревни.

Понятно, почему крестьянинъ такъ связанъ со своимъ обществомъ, со своею деревнею, — почему онъ принимаетъ такое живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ своихъ. Понятно, сколько вопросовъ, сколько заботъ предстояло сельскому сходу въ деревнѣ Ломы — первому послѣ холеры, похитившей у общества много рабочихъ рукъ, много плательщиковъ. На сходъ этотъ собрались не только мужики, но и многія бабы.

Городскія женщины не принимаютъ личнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, и если являются иногда въ собранія, которыя завѣдуютъ этими дѣлами, то развѣ только въ качествѣ любопытствующихъ, постороннихъ зрительницъ. Это происходитъ не оттого, что городская жительница очень занята своимъ домашнимъ дѣломъ, своей семьей, и не оттого, что она неспособна разсуждать и дѣйствовать на томъ поприщѣ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина, а потому, что такъ уже сложилась жизнь, таковы общественныя условія, — которыя, впрочемъ, годъ отъ году измѣняются, доставляя женщинѣ все большій доступъ къ общественнымъ дѣламъ и занятіямъ.

Крестьянская женщина въ деревнѣ, принимая рав-

ное съ мужикомъ участіе во всѣхъ полевыхъ работахъ, и въ то же время завѣдуя всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ, трудится не меньше, а въ сложности, пожалуй, даже больше мужчины: кромѣ работы въ полѣ и огородѣ, она должна истопить избу, изготовить обѣдъ, убрать и накормить рогатый скотъ, выдоить корову, присмотрѣть за дѣтьми, напоить, накормить и обшить ихъ, мужа и себя, словомъ — сдѣлать для своей семьи, своими руками, почти все то, что въ городахъ у зажиточныхъ людей дѣлаютъ слуги, няньки, повара, кухарки, скотницы, прачки, швеи, портные ... Крестьянская баба почти не знаетъ отдыха: встаетъ въ домѣ раньше всѣхъ и ложится послѣдняя; мужъ и вся семья обѣдаетъ, а она прислуживаетъ; старшіе въ домѣ мужчины послѣ обѣда ложатся отдохнуть хоть ненадолго, дѣти убѣгаютъ играть на улицѣ, — а она не имѣетъ времени даже для послѣобѣденнаго отдыха. Поэтому понятно, что и крестьянская баба не можетъ постоянно являться на сходы и принимать наравнѣ съ мужемъ участіе во всѣхъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ, и при отцѣ, при мужѣ, при взросломъ сынѣ — она никогда почти не ходитъ на сходъ. Но она знаетъ въ подробности всѣ свои мірскія дѣла, и когда становится домохозяйкой, безъ взрослаго мужчины въ домѣ, то посѣщаетъ мірскія сходки, разсуждаетъ, споритъ, подаетъ голосъ, отстаиваетъ свои права и интересы, наравнѣ со всякимъ мужикомъ. Вотъ отчего на этотъ первый послѣ холеры мірской сходъ въ деревнѣ Ломы пришло вмѣстѣ съ мужиками и много бабъ: это были недавно осиротѣлыя вдовы, матери-домохозяйки.

Унылые, печальные — сходились крестьяне; не было ни одного веселаго, улыбающагося лица. Всѣ

почти крестьянки были повязаны бѣлыми платками, — единственный трауръ, который онѣ носятъ. Въ былое, обыкновенное время, сходы всегда были шумны: мужики любятъ галдѣть, горланить, и по дѣлу, и безъ дѣла, какъ только сходятся большою толпою. На этотъ разъ крестьяне были молчаливы, сосредоченны; бабы стояли печально, подперши головы руками; большинство изъ нихъ плакало.

— Ну, что же, православные, — началъ староста: — послѣ этого божескаго насланія, — намъ надо въ землѣ разобраться ... Тоже не мало народа промежъ насъ, изъ общества, Божья воля повыбрала; а земля осталась, и повинность наша на насъ стоитъ ... Надо, какъ ни на есть, исправляться ... Вотъ вдовы, сироты осталися; есть дома, — чуть не вовсе опростались ... Какъ надумаете на счетъ раскладки всякой? ... Время придетъ, подать ждать не станетъ: ее подай ... Надо, обо всемъ удумать.

Староста остановился и вздохнулъ. Вздохнула за нимъ и вся сходка, точно одной грудью. Нѣсколько секундъ продолжалось полное, унылое молчаніе.

— Опроси бабъ-то сперва, — проговорилъ, наконецъ, одинъ старикъ: — кои захотятъ, — всю землю, можетъ, за собой оставятъ; а другимъ, можетъ, не подъ силу; снять ее съ себя будутъ проситься, — всю, али тамъ сколько кому въ мочь въ силу поднять ... Ты опроси сперва ихъ, а послѣ о круглыхъ сиротахъ посудимъ.

— Знамо, сперва опроси бабъ ... подтвердилъ весь міръ.

— Да ужъ, стало быть, съ того пойдемъ, — согласился староста. — Ну, такъ говори, хоть ты, что ли, Агафья! У тебя вотъ большакъ-отъ побывшился,

да два паренька ужъ почитай женихи, — подростки крупные остались, управиться могутъ ... Старшаго то въ эту зиму, чай, женить будешь ... Тебѣ не слѣдъ отъ земли отбиваться ... Ты, какъ была при покойномъ, въ томъ же розникѣ оставайся ... какъ было на тебѣ два тягла [1], такъ и будь. Поднимешь, чай? ... Вытянешь съ ребятами-то? ...

— Ну, какъ не поднять ... Подниметъ! ... заговорили мужики.

Агафья, баба высокая, широкоплечая, коренастая, съ большими, точно у мужика, загорѣлыми и въ мозоляхъ руками, поклонилась міру.

— Помилосердуйте, господа-міряне, послобоните: отъ землицы бы не отреклась, да подать-то больно велика по нонѣшнему времени ... Сами знаете: больше двадцати рублей съ тягла сходитъ всего-то, а съ двухъ тягловъ сорокъ выдетъ ... Гдѣ экое мѣсто денегъ, по сиротству своему, теперь вымотаешь,—съ чего?... Земля у насъ не родима, сами знаете: на сторону хлѣбца не продашь, впору самимъ прокормиться ... Съ чего же подать-то добыть?... И при большакѣ-то, царство ему небесное, батюшкѣ моему сердечному ... (Агафья отерла слезы, полившіяся изъ глазъ)... и при немъ-то подъ силу промышляла, только-только концы сводила, а теперь-то ужъ и не вѣдаю, какъ и жить. Знамо, парни подростки, — да гдѣ еще имъ добыть противъ отца: не добыть имъ съ-эстолько ... Знамо, отъ землицы что отбиваться: землица намъ надобна, и хоть трудненько, да ну ужъ, управимся, може, какъ-никакъ со своими съ робятками ... Только вотъ подать-то

---

[1] Тягло — опредѣленное количество земли, которое могутъ обработать два работника, напр. мужъ съ женой. На подростка, неженатаго, накладывается полтягла.

больно велика, ее-то не осилишь: вотъ что боязно, а то что бы. Въ подати-то нельзя-ли какое ослобожденіе сдѣлать, хоть бы на годокъ, поколь парня старшаго вотъ обженю, себѣ помощницу въ домъ получу ... Вотъ нельзя ли какъ, господа міряне, — поудумайте-ка про наше горе сиротское ...

Агафья опять поклонилась.

— Нѣтъ, ужъ подать по землѣ и по тягламъ, какъ уставлено ... — заговорили мужики. — Теперь новыхъ-то розниковъ будетъ много, вовсе опустѣлыхъ,—вонъ у малыхъ сиротъ; съ нихъ поневолѣ снимешь: а никому, міру же платить съ нихъ придется: тягла-то на всѣхъ прибудетъ ... Нѣтъ, ужъ коли кто въ какихъ тяглахъ по землѣ остается, тотъ такъ и плати ...

— Ну такъ ты, стало, на прежнемъ положеніи,— такъ и оставайся, какъ была прежъ того ... — проговорилъ староста Агафьѣ, и обратился къ слѣдующей бабѣ.

Агафья больше не возражала и безмолвно согласилась.

Слѣдующая баба, Дарья, къ которой обратился староста, представляла собою совершенную противуположность Агафьѣ: маленькая, худая, истощенная, блѣдная, — она, очевидно, выбилась изъ силъ отъ тяжелой работы и горя. У нея остались на рукахъ маленькія дѣти и ни одного взрослаго работника въ домѣ. Дарья сразу объявила міру, что она не въ силахъ тянуть прежняго тягла — и проситъ освободить ее отъ земли, пока подростутъ дѣти.

— А чѣмъ же ты ихъ кормить-то, поднимать-то ты ихъ чѣмъ будешь? спросили ее.

— А ужъ какъ Богъ приведетъ ... Онъ меня обидѣлъ съ малыми дѣтьми. — Онъ, батюшка, пущай

за насъ и отвѣчаетъ ... — говорила Дарья. — А мнѣ съ семьей дѣлать нечего, и взяться нечѣмъ ... какъ угодно, господа-міряне! Буду по силѣ, по мочи своей, въ поденщину, на работу ходить, а ребятишекъ, кои постарше, по міру буду посылать, Христовымъ именемъ побираться ... Больше мнѣ и дѣлать нечего! ... Вся я тутъ, господа-міряне: что хотите, то и дѣлайте! ... И силушки моей нѣтъ, и горе меня совсѣмъ извело, съѣло ...

Дарья даже и не плакала, и говорила съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ.

Міръ рѣшилъ освободить ее отъ земли, пока подростутъ дѣти. Оказалось и еще нѣсколько семей, лишившихся своихъ работниковъ, отъ которыхъ необходимо было принять на міръ или весь надѣлъ, или часть его. Предстоящее обществу увеличеніе податей все больше выяснялось, и лица крестьянъ становились все мрачнѣе и печальнѣе. Дошла очередь и до нашихъ сиротъ.

— Объ этихъ и толковать нечего, — замѣтилъ кто-то въ толпѣ: — ни отца, ни матери не осталось, и сами малолѣтки ... Землю отъ нихъ всю подъ міръ, въ передѣлъ пустить, а къ нимъ опекуна изобрать ...

— Знамо, — подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Да къ коему дѣлу опекуна-то приставлять безъ земли? — замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ. — Роздать робятъ-то по домамъ, а скотъ и дворъ съ избой продать ... Пущай деньги-то ихнія лежатъ да берегутся до возраста ... А то опекунъ, счеты да учеты, да послѣ жаловаться будутъ на него же ... Кому лестно? кто пойдетъ?

Большинство схода присоединилось къ этому послѣднему мнѣнію. Тогда, неожиданно для всего міра,

выступилъ Кулявый. Онъ стоялъ до сихъ поръ въ заднихъ рядахъ, какъ-бы посторонній слушатель, и не принималъ участія въ мірскихъ совѣщаніяхъ. Движеніе его въ средину толпы привлекло общее вниманіе.

Еще болѣе удивило всѣхъ, что онъ держалъ за руку Машу.

— Чего тебѣ-ка, Никитушка ... Никита Ларивонычъ? — спросилъ его староста.

Кулявый, не отвѣчая на вопросъ старосты, раскланивался съ міромъ на всѣ стороны. Подражая ему, кланялась и Маша.

— Къ вамъ, господа-міряне, — заговорилъ онъ наконецъ, придерживаясь за плечо Маши и поднимаясь на здоровой ногѣ во весь ростъ. — Пришелъ проситься послужить обществу ... Покойникъ Иванъ Парамоновъ, передъ тѣмъ, какъ душѣ съ тѣломъ разстаться, наказывалъ вотъ дочкѣ своей, Машуткѣ, какъ можно чтобы дома не рѣшать, хозяйство все блюсти, отъ полосы не отказываться, и милыхъ ребятъ, братишекъ ея, на своей землѣ, въ своемъ дому поднять и мужиками сдѣлать ... Машутка родителю своему въ томъ и обѣщанье дала ... И желаютъ они вотъ, ребятишки малые, землю за собой оставить, какъ было при покойникахъ, и прежнее тягло тянуть ... Изъ дома своего разбиваться не хотятъ, а жить своимъ домомъ, въ одной кучкѣ ... Вотъ помилуйте, господа-міряне, — не оставьте въ томъ сиротокъ круглыхъ ... Какъ Богъ, такъ и вы! ...

— Какъ то можетъ статься? — заговорили въ толпѣ.—Гдѣ имъ тягло вытянуть!... Гдѣ имъ съ полосой управиться?! ...

— Недоимка только стоять будетъ.

— Земля пролежитъ впустѣ, а міръ за землю плати замѣсто ихъ.

— Одно баловство! ... Дѣти малыя: они и избу сожгутъ ...

— И себя-то изведутъ безъ пути! ...

— Какъ можно! ... Ребята — ребята и есть! ... Знамо, послѣднее измотаютъ, да и сами-то избалуются ...

Когда шумъ и говоръ схода поутихъ, Кулявый опять продолжалъ свою рѣчь:

— А вы, господа-міряне, поприслушайте ... и поразсудите милостиво на всякую руку ... Извѣстно, они дѣти малыя; да они умныя и степенныя дѣти, а особливо вотъ эта дѣвочка, старшенька: куда разсудку въ ней много, даромъ невелика ... Они дѣти не балованныя ... Опять же сиротки: и нужды, и горя — всего много про нихъ припасено, не до баловства имъ будетъ ... А извѣстно, для наглядки и всякаго совѣта и разсужденія, по малому ихъ разуму и по малосилью, нужно имъ опекуна приставить ... Такъ вотъ, коли въ угоду міру честному, я бы служилъ: соблюлъ бы сиротъ для общества и во всякомъ бы дѣлѣ и помогъ, и поучилъ, и наставилъ ... Хоть самъ я, по убожеству своему, и безъ земли живу, да порядокъ всякій знаю, и запою за мной, али худа какого, чай, міръ не примѣчалъ: ни я шатунъ, ни я бездомокъ, ни разсудкомъ Богъ меня обидѣлъ ... Чай, міръ честной не покоритъ?

— Да ты съ чего къ нимъ приникаешь-то, съ коего боку ты имъ родня-то приходишься? ... сердито проговорилъ братъ Куляваго, мужикъ съ суровымъ, угрюмымъ лицомъ ...

— Я, братецъ, отъ васъ не уйду, коли самъ не прогонишь, — отвѣчалъ ему на-отрѣзъ Никита: — какъ былъ, такъ и останусь твой слуга и работникъ — и нахлѣбникъ твой, коли самъ не прогонишь:

Я не на ихъ сиротскіе хлѣбы напрашиваюсь: мнѣ ихняго ничего не нужно, и отъ твоего хлѣба-соли я не отказываюсь, коли могу послужить тебѣ по силѣ, по мочи моей ... При тебѣ я буду, какъ былъ, и свою работу у тебя въ дому, что допрежъ того правилъ, и теперь справлю; а хочется только для Бога, да для души своей — послужить обществу и слезы сиротскія утереть ... Можетъ, и на томъ свѣтѣ, передъ Создателемъ-батюшкой, во что-нибудь моя послуга зачтется, да и передъ своимъ міромъ мнѣ лестно, коли Богъ приведетъ ребятокъ, сиротокъ круглыхъ, въ людей выходить ... Вотъ и буду думать самъ про себя: „на что-нибудь да на свѣтъ родился же, зачѣмъ нибудь да жилъ же на свѣтѣ; все равно человѣкъ, а не звѣрь лѣсной, — не какъ тотъ: только бы промыслить что про себя, да самому сыту быть, а значитъ, вотъ и для другихъ, и для общества послужить могу ...“ Вотъ господа-міряне, я изъ-за чего только прошуся; да и ребятокъ-то больно жалко ... Въ своей-то избѣ — они точно пташки малыя въ своемъ гнѣздышкѣ ... Хоть и матки нѣтъ, такъ ихъ только обогрѣй да покорми невдолгѣ, а тутъ они оперятся и сами про себя промыслятъ; въ кучкѣ-то имъ и тепло, и спокойно: другъ около другъ грѣются. А выкинь-ка ихъ изъ гнѣздышка, да раззори его, — вотъ и извелись, и пропали ... А вы, господа-міряне, посмотрите, что за ребятки-то: умные, степенные ребятишки ... Изъ нихъ люди выйдутъ стоющіе, только ихъ поддержать ... Вотъ, Машутка, проси міръ-то честный, кланяйся.

Маша покланилась сходу.

— Помилуйте, господа-міряне, не оставьте: приставьте къ намъ дядюшку Никиту, а мы будемъ ста-

раться изо всѣхъ силъ, чтобы какъ лучше, а не то, чтобы изсорить да измотать ... Работать станемъ, — какъ можно: чего не знаемъ, дядюшка Никита научитъ; а чего не осилимъ, — можетъ, и міръ православный помочь какую окажетъ ... Не разводите только насъ съ братьями, дома нашего не рѣшайте ... Не оставьте, господа-міряне! ...

Маша опять поклонилась на всѣ стороны.

Міръ былъ тронутъ: на серьезныхъ, грубыхъ, сосредоточенныхъ и мрачныхъ лицахъ показалась мягкая, привѣтливая улыбка; глаза мірянъ ласково, даже съ нѣжностью, смотрѣли на маленькую фигуру Маши, стоявшую среди толпы съ опущенными къ землѣ умными глазами, съ серьезнымъ лицомъ, со сложенными на груди руками. Нѣкоторыя изъ бабъ заплакали.

— Да гдѣ же тебѣ, экому прыщу, съ братишками, съ домомъ, да еще и съ полемъ управиться? — ласково спрашивали ее мужики. — Тебѣ и квашни-то не промѣшать ... хлѣба-то не спечь ...

— По силѣ возьму, такъ и промѣшаю; а спечь испеку ... Я и при мамкѣ - покойницѣ хлѣбы - то пекла ... И въ печь посадишь, и вынешь, когда она на поле уйдетъ, бывало.

— И печку скутаешь во время: не остудишь, и угару не напустишь?

— Какъ можно! развѣ не видно, когда прогорѣла, когда нѣтъ? ... Видно, вѣдь ...

— Да тебѣ и корову-то не продоить ...

— Продою. Какъ можно не продоить! ... Ее не продоить, такъ она молока сбавитъ, да и нездорова живетъ ... Да у насъ пестрянка-то, благодарить Бога, не туго доится-то ...

— А полевую-то работу всякую знаешь?

— Орать да косить — вотъ не умѣю, а боронить — боронила ... А жать-то я люта: еще и въ томъ году въ ползагонѣ только противъ матушки шла: а нынече полѣтнѣй стала, такъ, чай, и силы прибавилось, еще больше нажну ...

— А все полосы-то одна не одолѣешь: какъ же управляться-то будешь? ... Къ міру все же будешь кучиться ... У міра теперь дѣловъ да заботы, по нонѣшнему времени, и безъ васъ не мало! не одни вы сироты-то ... Да хоть бы міръ и помогъ, всего помочами не придѣлаешь ... Какъ же будешь управлять-то? ...

— Ну, ужъ гдѣ сила не возьметъ, такъ изъ полу, али изъ третьяго снопа сдавать станемъ ...

— Ну, а подать-то съ чего будешь платить? ... Хлѣбомъ-то, пущай, прокормишься, а подать-то съ чего возьмешь? ...

— Зимой работы искать буду какой: я вотъ ткать ручна, а либо что ... А Павлушка, вотъ на лѣто въ подпаски отдамъ ... Какъ — никакъ, да надо промышлять, ужъ коли мужиками быть, землей заниматься, такъ надо подать добывать ...

Отвѣты Маши вызвали ропотъ одобренія.

— Эка дѣвочка умная! ... Эка болѣзная! ... Эта не пропадетъ! ... По отцамъ дѣтки ... Иванъ-то былъ, покойникъ, мужикъ стоющій, куда угодно ... И матка баба работная была, съ разсудкомъ, — говорить нечего! ...

Такія и подобныя мнѣнія слышались въ толпѣ.

— Ну, коли инъ такъ, — будь по-твоему, — объявилъ староста Никитѣ рѣшеніе схода: — отдаетъ тебѣ на руки міръ ребятъ, сиротъ этихъ самыхъ. Принимай, соблюдай ихъ, учи уму разуму, слѣлай людьми ... Богъ самого тебя за это дѣло не оставитъ ...

И землю отъ нихъ отбирать не станемъ ... Хозяйствуйте съ Богомъ! ... Смотри только, чтобы недоимки не было: міру теперь трудно будетъ ... Ну, Никита Ларивонычъ, принимайся съ Богомъ ... Получай, Машутка! вотъ тебѣ опекунъ — Никита Ларивонычъ; слушайся, почитай его ... Онъ теперя какъ быть вамъ замѣсто родителей будетъ... Ну, ступайте...

— А ты коли вотъ что, староста,—сказалъ Кулявый, поклонившись міру: — ты послѣ схода-то возьми кого человѣкъ трехъ-четырехъ, да и приходите къ сиротамъ-то — свидѣтельствуйте все, что у нихъ послѣ родителей осталось, чтобы все въ извѣстности было: и вамъ спокойнѣе будетъ, и мнѣ ... А то какъ бы грѣха послѣ того, да пересудовъ не вышло, что сиротскаго чего я не сберегъ, али покорыствовался чѣмъ ... Я этого не желаю ... Не оставь, приди ...

— Ладно, ужо послѣ схода придемъ ... — отвѣчалъ староста.

— Да, сдѣлай такое твое одолженіе ... Ну, Машута, поклонись, поблагодари міръ честный, да пойдемъ ...

Кулявый и Маша, веселые и довольные, возвращались къ дому.

Послѣ похоронъ Ивана съ женою, Никита каждый день навѣдывался къ сироткамъ, и они уже успѣли къ нему привыкнуть и полюбить его; даже маленькій Сашка смѣялся, махалъ ручонками и тянулся къ нему, когда онъ приходилъ. Кулявый сажалъ его къ себѣ на здоровую ногу и подкидывалъ кверху, что очень забавляло обоихъ. Сашка понялъ даже и то, что приходъ Кулявого нерѣдко сопровождался большимъ кускомъ сладкихъ сотовъ, доставашимся на его долю.

Теперь Павлуша съ братомъ, въ ожиданіи возвращенія со схода сестры съ дядей Никитой, сидѣлъ на улицѣ передъ своей избой и училъ маленькаго Сашку стоять и ходить. Мальчуганъ весело смѣялся, когда ему удавалось, установившись на нетвердыхъ еще и непривычныхъ ноженкахъ и покачиваясь всѣмъ туловищемъ, съ выраженіемъ нерѣшительности и страха на лицѣ, переступить два-три шага и упасть на протянутыя впередъ руки старшаго брата. Иногда опытъ не удавался, и Сашка или садился на землю, или падалъ: тогда Павлуша поднималъ его и снова уставлялъ на ноги. И учитель, и ученикъ равно были увлечены своимъ дѣломъ — и не замѣтили, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ остановился Кулявый съ Машей, любовно наблюдавшіе за ними.

— Ай да Сашка, ай да Сашка! — не утерпѣлъ наконецъ и заговорилъ Кулявый. — Вотъ и пошелъ, вотъ и пошелъ ... Пусти-ка пусти его ко мнѣ ... Ну, ну ... Подь сюда, подь ... Подь къ опекуну своему ...

Кулявый присѣлъ на землю и манилъ къ себѣ Сашку. Тотъ, поощренный успѣхомъ предыдущихъ опытовъ, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, двинулся по направленію къ сестрѣ и Кулявому — и, первый разъ въ жизни совершилъ переходъ въ нѣсколько аршинъ. Кулявый былъ въ восторгѣ, подхватилъ его на руку и весело смѣялся.

— Ахъ ты пузанъ, ахъ ты пучеглазый! ... приговаривалъ онъ, — смотри-ка, ко мнѣ-то далеко-далеко прибѣжалъ ... Вотъ, Матушка, скоро намъ съ нимъ и не носиться: самъ бѣгать будетъ, на своихъ ногахъ ... И тебѣ, и Павлушкѣ руки развяжетъ ... Ай да Сашка! ... Вотъ, Павлюкъ, меня сегодня въ опекуны къ вамъ приставили, помни: въ тотъ самый

день и Сашка впервой пошелъ ... Вотъ попомните ...

— Такъ приставили, дядя? — переспросилъ Павлуша съ радостью, не понимая хорошенько, въ чемъ дѣло, но раздѣляя удовольствіе, выражавшееся на лицѣ Куляваго.

— Приставили, приставили. Вотъ я те, погоди, подберу къ рукамъ, — весело отвѣчалъ Кулявый, пѣстуя Сашку. — Теперь вотъ у меня Сашка на свои ноги всталъ, самъ ходить будетъ; а тебя въ работу посылать стану: будетъ тебѣ гулять-то съ нимъ ...

— Да я и самъ того желаю, — возразилъ Павлуша:—мнѣ и то надоѣло въ нянькахъ-то ходить... Ты меня больше куда на сивкѣ посылай: въ лѣсъ по дрова, али сѣно возить, вонъ снопы ... Я все справлю, небось ... Али боронить — вотъ: сбороню, небось.

— Всего, всего отвѣдаешь, погоди ... Гулять не дадимъ ... Подь-ка, вонъ, помогай Машуткѣ-то: она въ домъ пошла, можетъ, что нужно; а я здѣсь пока съ Сашкой посижу ...

Павлуша весело побѣжалъ въ избу вслѣдъ за сестрой.

Маша усаживалась за ткацкій станъ. Жнитво еше не началось, и все свободное отъ другихъ работъ время она употребляла на то, чтобы доткать штуку миткаля, которую не успѣла окончить мать. Точу эту мать ея получала отъ купцовъ, имѣвшихъ по сосѣдству фабрики, на которыхъ машинами ткались разныя бумажныя ткани. Въ то же время, для увеличенія производства, купцы эти раздавали готовыя основы въ ручную точу по крестьянскимъ домамъ. Маша не хотѣла срѣзать неоконченную основу, какъ наказывали - было ей мать и отецъ пе-

редъ смертью, но намѣревалась непремѣнно доткать сама, снести купцу работу оконченною и попросить на будущее время новой. Сколько ей заплатятъ за нее, она не знала; тѣмъ болѣе не думали о томъ, выгодна ли эта работа. Она имѣла въ виду только одно, что и покойная мать ея, и всѣ другія женщины въ деревнѣ добивались иной разъ этой работы — какъ милости, потому-что на ней одной только онѣ и могли получить какія-нибудь деньги, особенно въ зимнее время.

Тяжела эта работа и для взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе для ребенка. При ней каждую секунду весь организмъ въ сильномъ движеніи: одна рука толкаетъ челнокъ съ ниткой утка, застилающею поперекъ продольную основу; другая такъ крѣпко ее прибиваетъ, что сотрясаются и грудь и плечи; въ то же время то одна, то другая нога давятъ на подножки, которыя отодвигаютъ внизъ то одинъ, то другой рядъ нитокъ основы, чтобы пропустить челнокъ. Не одинъ десятокъ верстъ пройдетъ такимъ образомъ ткачъ по подножкамъ стана въ теченіе цѣлаго дня, и пройдетъ не такъ, какъ ходятъ гуляя, а такой походкой, гдѣ при каждомъ шагѣ нога дѣлаетъ усиленное давленіе, при чемъ руки находятся въ такомъ непрерывномъ движеніи, какъ будто бы несли и подкидывали какую-нибудь тяжесть. Не мудрено, что послѣ такой прогулки заболятъ спина и грудь, заломитъ ноги и руки. Въ деревняхъ, гдѣ занимаются точей на фабрикѣ, крестьянскихъ дѣвочекъ съ десяти — одиннадцати лѣтъ уже пріучаютъ къ этой работѣ и сажаютъ за станъ. Конечно, имъ даютъ сначала ткани поуже и полегче; но въ четырнадцать — пятнадцать лѣтъ дѣвочки уже ткутъ широкіе миткали и становятся опытными и искусными

ткачихами. Легко сказать, что иная такая ткачиха въ недѣлю зимою вытыкаетъ до трехъ штукъ миткаля, по пятидесяти аршинъ каждая; но стоитъ подумать и сообразить, — сколько поперечныхъ нитокъ въ аршинѣ тонкаго миткаля, и сколько разъ нужно нужно ударить бердомъ [1], чтобы приколотить эти нитки одну къ другой и выткать только одинъ аршинъ ткани! ... А каждый ударъ берда требуетъ усиленнаго движенія всего организма! ... И какъ при этомъ подумаешь, что за точу аршина миткаля платится отъ половины до одной копейки, рѣдко болѣе, — то поймешь, какъ дешево оцѣнивается рабочій трудъ, какою дорогою цѣною пріобрѣтаются тѣ рубли и копейки, которые получаютъ работники, — получаютъ и малыя крестьянскія дѣти. И все-таки эта работа считается въ крестьянствѣ еще самою легкою и выгодною.

Маша ткала широкій миткаль; слѣдовательно, работа ея была уже совсѣмъ не дѣтская.

— Дядюшка Никита прислалъ меня: не надо-ли тебѣ что помочь? — спросилъ Павлуша, вбѣгая въ избу.

— А Сашка?

— Онъ съ нимъ остался: повожусь, говоритъ, поколь, а ты сестрѣ помоги ...

— Такъ вотъ что: поски-ка цѣвокъ, коли ... У меня ихъ мало.

— Ладно.

Павлуша очень охотно принялся за дѣло. На воробахъ, — большихъ рогуляхъ, вращающихся на

[1] Бердо — принадлежность всякаго ткацкаго стана, снарядъ — вродѣ деревянной частой гребенки, между зубьями котораго пропускаются нитки основы и которымъ приколачиваютъ одну къ другой нитки утка.

оси, надѣть мотокъ бумажныхъ нитокъ. Съ этихъ воробовъ нитки нужно перемотать, навить на длинную катушку-дудочку, на цѣвку. Этой работой всегда занимаются малыя дѣти; на фабрикахъ ихъ зовутъ поэтому цѣвочниками. Павлуша сѣлъ на обрубкѣ дерева, своявшемъ около воробовъ, подвинулъ къ себѣ корзину съ цѣвками, надѣлъ одну изъ нихъ на коконецъ желѣзнаго ворота — скально, вращавшагося въ особомъ станкѣ, завилъ конецъ нитки отъ воробовъ на цѣвку — и началъ вертѣть воротъ; цѣвка быстро завертѣлась, накручивая нитку, — работа закипѣла. Павлуша, вертя одною рукою скально, другою управлялъ ниткою такъ, чтобы она ровно ложилась вдоль всей цѣвки, рядъ за рядомъ. Онъ работалъ проворно и ловко: видно было, что дѣло это для него привычное. Въ избѣ слышался нѣкоторое время только стукъ стана, свистъ и визгъ воробовъ и скально съ цѣвкой.

— А что, — Машутка, спросилъ Павелъ, снимая готовую, насаживая новую цѣвку и пользуясь тѣмъ, что сестра связывала въ это время оборвавшіяся нитки основы: — теперь ужъ насъ не тронутъ, при дядѣ Никитѣ: въ люди не будутъ раздавать?

— Нѣту, нѣтъ ... Благодарить Бога, всѣ вмѣстѣ будемъ.

— То-то; а то я было надумалъ ...

— Что?

— Ни въ жисть бы не пошелъ въ чужія люди...

— Какъ-бы ты не пошелъ-то? ... Не спросили бы, — отдали ...

— А я бы убѣгъ ...

— Куда? ...

— А къ тебѣ ...

— Да и меня бы отдали ...

— Ну, въ лѣсъ бы убѣгъ ...

— Поймали бы да выстегали ... Только бы и было ...

— А я бы ...

— Что?

— Въ чужихъ людяхъ, говорятъ, нѣтъ хуже ... бьются ...

— Ну, такъ что дѣлать-то? ... Ревѣлъ бы да жилъ ... На то мы сироты ...

Маша вздохнула.

— Кабы не дядюшка Никита, дай Богъ ему здоровья, — и по людямъ бы роздали, и землю отобрали, и скотину, и домъ бы продали — все ... — продолжала она.

— А онъ какъ же?

— А онъ упросился у міра-то ... къ намъ въ опекуны ... чтобы назирать за нами; а староста велѣлъ слушаться да почитать его ... Теперь, что онъ велитъ, то и дѣлай ...

— Онъ ничего, я его не боюсь ... Прежъ того думали — злой, а онъ вонъ какой ... д-о-брый! ... И пугаетъ меня коли, а я не боюсь: смотрю да смѣюсь только ... Онъ ничего ...

— А ты не вздумай, смотри, дразниться съ нимъ ...

— Вона ... чтой-то! ... Онъ добрый ... Я и ребятамъ сказываю, что, молъ, вотъ дядя Никита какой: думали — злой, а онъ меду намъ носитъ ... и все для насъ, всячески ... и помогаетъ во всемъ ... „Такъ вамъ", — говорятъ, „хорошо пришлось: вы сиротки ... А на насъ, говорятъ, грозится". А я говорю: „а вы на что дразнитесь? Не дразнитесь, такъ онъ и ни Боже мой, николи не тронетъ" ... Такъ Петрушка говоритъ: молви, говоритъ ему, — пущай насъ медомъ-то кормитъ, и мы его замать не ста-

немъ"... А я говорю: „коли станете замать, такъ я васъ камнемъ; а нѣтъ, поймаю, да и подержу до него,—онъ по-свойски расправится".—„Такъ мы,—чу, тебя самого вздуемъ и въ кругъ пускать не станемъ" ...

— А ты что же? ...

— А я говорю: „не замайте, такъ и я не трону ... За что съ нимъ дразниться! онъ не для однихъ насъ, для всего міра служитъ" ...

— Ну? ...

— Ну, ничего ... молчатъ! ... Да теперь не станутъ и они ... Тоже видятъ! ... Это съ гороха все: почто въ барскій горохъ не пускалъ,—больно, вишь, сторожекъ былъ ...

— Ну-ка, ски, ски, замѣтила Маша, снова принимаясь стучать бердомъ.

Воробы и скально опять завертѣлись въ рукахъ Павлуши.

За этою работой засталъ дѣтей староста, пришедшій въ избу вмѣстѣ съ нѣсколькими мужиками-домохозяевами. За ними слѣдовалъ Никитушка съ ребенкомъ на рукѣ и нѣсколько бабъ, забѣжавшихъ въ избу изъ одного празднаго любопытства.

Увидя посѣтителей, Маша и Павлуша прекратили работу.

— Ну, здорово, хозяева, Богъ на помочь!—сказалъ полушутливо, полусерьезно староста, помолившись на образа въ углу и слегка кланяясь маленькимъ работникамъ.—Али точешь? ...

— Да, ткала ... Послѣ маменьки осталась штука недоткана,—отвѣчала Маша.

— Э, да широкая, не подъ силу тебѣ-ка ... Смотри-ка, пасмъ [1], видно, въ тридцать,—говорилъ

[1] Пасма — счетъ нитокъ въ основѣ; обыкновенно 120 нитокъ въ пасмѣ.

староста, наклоняясь надъ станкомъ и разсматривая миткаль.

— Въ тридцать пасмъ, — отвѣчала Маша.

Бабы приподнимались на цыпочки и черезъ плечи старосты и другихъ мужиковъ вытягивали головы, чтобы взглянуть на Машину точу, точно на какую рѣдкость.

— Ничего, ровненько, и плотно таково ... Ни близенъ, ни недосѣковъ [1] нѣтъ ... — добродушно критиковалъ староста. — Ай да дѣвочка, умная! ...

— Ужъ такова-то дѣвонька, такова сручная къ всему, умная! — вполголоса подтверждали бабы, и нѣсколько радушныхъ рукъ протянулись къ Машѣ, чтобы обнять, погладить ее по головѣ, поправить платокъ, тѣми же ласковыми руками сдвинутый съ ея головы.

— А этотъ что, мужикъ-отъ, — цѣвки скалъ — что-ли?—шутилъ староста, тыкая пальцемъ въ лобъ Павлуши, стоявшаго около сестры.

— Нечто,—отвѣчала за него Маша.

— А не балуется?

— Ну, какъ безъ того ... Маленькій еще ... Когда и балуетъ ...

— А ты его за вихоръ, чтобы не баловался. Вотъ дядя-то Никита тебѣ задастъ; онъ теперь назирать за вами будетъ, ему вы препоручены ... Какъ что забалуешь, такъ онъ тебя за вихоръ, да и дубцомъ ...

Павлуша, который до сихъ поръ, съ неопредѣленною улыбкою и весь красный, посматривалъ изъподлобья на старосту, теперь спряталъ свое лицо за плечи сестры.

---

[1] Близны большіе узлы на ткани; недосѣки рѣдины въ ткани, происходящія отъ слабаго и неровнаго прибиванія нитокъ утка бердомъ.

— Почто его дубцомъ? — вступился Никита. — Онъ не балуется, ничего: онъ шустрый, ему только работу подавай ... Мы съ нимъ дружки-пріятели большіе ... У насъ съ нимъ все по согласу дѣло пойдетъ, по любви ...

— Ну то-то, смотри: и впередъ, чтобы не баловаться, а то дубцомъ ... — продолжалъ староста.

— Гдѣ ужъ ему баловничать? Сиротка сиротка и есть ... не до баловства! ... — со вздохомъ говорили бабы, покачивая головами.

— Ну, хозяйка, показывай всѣ свои пожитки: вотъ надо все Никитѣ Ларивонычу съ рукъ на руки сдать, чтобы все въ цѣлости, въ сохранности было для васъ же ... — говорилъ староста, обводя глазами избу.

— Извольте смотрѣть, — отвѣчала Маша, слѣдя глазами за взоромъ старосты.

— Божьяго-то благословенья только и есть? — спросилъ староста, указывая на тябло съ иконами, гдѣ стояло три деревянныхъ образа безъ всякихъ украшеній, мѣдный крестикъ и такой же складень.

— Есть еще въ сѣнникѣ Никола угодникъ да Пречистая ...

— Господи, батюшка, Спасъ пречестной, Мать Пресвятая, Богородица, Никола угодникъ, батюшка!... шептали бабы, крестясь и вздыхая.

— Ну такъ вотъ примѣчайте! — обращался староста къ свидѣтелямъ.—Ну, вотъ еще станъ, воробы, скально ... Вона посуда около печи ... Да что, это изведется, — этого, считать нечего ... Деревянной-то посуды много-ли у тебя! ...

— Да что? ... отвѣчала Маша; — вота три чашки большихъ, двѣ махонькихъ, полдюжины ложекъ; вотъ два уполовника, двѣ квашенки, ведеръ двои, три

кадушки — двѣ про кисленицу, одна про огурцы; авось посолить, коли Богъ приведетъ ... Жбанъ квасной ... Ну, рѣшетъ двои, тоже и сито есть, когда для пшеничненькаго, али для блиновъ ... А то три лукошка, — али два? ... — нѣтъ, три, да мѣрка деревянная ... то въ амбарушкѣ ... Ну тоже плетюхъ три: двѣ щепныя, одна прутяная ...

— А чугуновъ нѣтъ, али насчетъ чего изъ желѣза: ножей, пріемцевъ [1] ?...

— Какъ же, есть: чугунъ есть; а изъ желѣза вотъ косарь, два топора: одинъ-то тупица, а другой топоръ хорошій, новый ... Ножей у насъ — три ножа ... Вотъ пріемцовъ нѣтъ ... Были двое старенькихъ, да поржавили, поломались ... Опять-же двѣ косы, три серпа ...

— Ну, то насчетъ полевой сбруи, — то опослѣ ... По бабьему-то хозяйству все ли сказала? еще чего нѣтъ-ли?...

— Да все, кажись ... Не вѣдаю, что еще ... Да нѣтъ, все ужъ теперь ... Да и быть нечему: у насъ, благодарить Бога, всего довольно насчетъ домашняго заведенія: тятька съ мамкой, царство имъ небесное, запасливы были ...

— Запасливы и есть, — подтвердили бабы. — Поминай ихъ, матушка, поминай: всякая снасть хозяйская водится, всего довольно; есть съ чѣмъ около печи походить, благодарить Бога ... А про васъ, сиротокъ, и особливо: довольно — предовольно ... И ведерко, и кадушечка, и рѣшетечко — все есть, слава Богу ... А оно все требуется ...

— Какъ не требуется, дѣвонька? Никакъ въ дому нельзя безъ этого ... А поди-ка, купи: оно нынче

---

[1] Пріемцы—вилки.

все денежки, все на базарѣ - то кусается, дорого стало . . .

— Ну, показывай одежду носильную, что въ избѣ есть; а тутъ въ сѣнникъ пойдемъ! — приказывалъ староста.

Въ избѣ, на полатяхъ и на печи оказались два старыхъ полушубка и три рваныхъ кафтанишка, которые днемъ служили обиходною одеждой, а ночью подстилкой, изголовьемъ и одѣяломъ во время сна. Вся остальная одежда сохранялась въ сѣнникѣ — холодной комнатѣ, или, лучше сказать, свѣтломъ чуланѣ, который въ крестьянскихъ избахъ всегда пристраивается около сѣней и служитъ кладовою, въ которой сберегается все самое дорогое и цѣнное изъ крестьянскаго имущества.

Здѣсь Маша указала старостѣ и его спутникамъ новый нагольный полушубокъ, сѣрый верхній халатъ и нанковую, праздничную, толсто стеганную на ватѣ, поддевку отца, — его теплую кошачью шапку, рукавицы, нагольный полушубокъ и нанковую коротышку матери, и перешитую изъ старой, покрытую новою синею крашениной, свою собственную шубку. У Павлуши, по его малолѣтству, еще не было никакой своей верхней одежды: зимою онъ выбѣгалъ на улицу въ сестриномъ старомъ полушубкѣ, который и она-то донашивала послѣ матери, — а на ноги надѣвалъ также сестрины, а иногда даже отцовскіе, валеные сапоги, которые съ удобствомъ замѣняли ему и штаны, также не полагавшіеся еще по его возрасту.

Здѣсь же въ сѣнникѣ хранилась сбруя: хомутъ со шлеей и — предметъ особенной роскоши — красная, росписная дуга, употребляемая только въ большіе торжественные праздники. На палкѣ, протяну-

той отъ стѣны въ стѣну, висѣли три серпа, двѣ косы, три молотила; тутъ же заложены были два гребня, на которыхъ прядутъ ленъ. Подъ лавкой лежали: топоръ, два запасныхъ сошника къ сохѣ, корзина съ веретенами и коробъ съ бѣльемъ и платьемъ. Маша выдвинула этотъ послѣдній, висѣвшимъ на поясѣ ключемъ отперла висячій замокъ и открыла крышку.

Бабы, державшія себя до сихъ поръ довольно степенно и стоявшія сзади мужиковъ, тутъ не выдержали, — протиснулись впередъ, подъ предлогомъ помочь Машѣ, и съ жаднымъ любопытствомъ окружили коробъ. Мужики, несмотря на свою серьезность, невольно улыбнулись при этомъ и переглянулись другъ съ другомъ, а староста сказалъ:

— Бабы, да вы хоть бы меня-то съ Никитой пропустили, а то ничего не видно будетъ сквозь васъ: вѣдь, не стеклянннныя, чай ...

— А мы вотъ такъ: мы присядемъ тутъ... Вамъ черезъ насъ и видать будетъ все, — догадалась одна баба, присѣдая. Ея примѣру послѣдовали и прочія.

— Ты вынимай, дѣвочка, да подавай намъ, а мы имъ казать станемъ, — говорила другая.

— Бабы — бабы и есть! — замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ, насмѣшливо и презрительно улыбаясь. — Эка невидаль, подумаешь: у кажинной, чай, въ своемъ коробу то же ...

— Да мы, вѣдь, ей же помочь ...

— Ну, да что говорить ... Вы вотъ, авось на полосу придете ей помочь-то ... жать ...

— Такъ не придемъ что ли? Знамо, придемъ, скорѣе васъ ... Только голосъ подай, Машутка, — вось примемся: придемъ, подхватимъ тебѣ-ка, поможемъ ...

— А ты, молъ, водки припаси, да пироговъ напеки, лапшу свари... по сиротству... Такъ, что-ли? — продолжалъ насмѣхаться тотъ же мужикъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, на водку-то васъ, мужиковъ, скорѣй приманишь, чѣмъ нашу сестру... — заговорили-было бабы; но староста остановилъ ихъ.

— Ну-ка, полноте, нишкните... время-то не рано... полдничать пора... Ну, кажи, Машутка, да на дворъ пойдемъ къ скоту...

Всѣ оборотились къ коробу и тогда только замѣтили, что Маша, опустя низко голову, какъ-бы смотря внутрь короба, горько плакала. Слезы ея падали на платокъ матери, который та обыкновенно носила, и которымъ теперь было покрыто сверху все, лежавшее въ коробу. Смотря на откинутую крышку короба, на этотъ платокъ, Маша вспомнила, какъ, бывало, мать, допустивши только одну ее, свою старшую дочку и помошницу, запиралась въ сѣнникѣ, открывала этотъ коробъ и перебирала свои сокровища, а Маша, такъ же, какъ эти чужія любопытныя бабы, присѣвши около на корточкахъ и заглядывая внутрь короба, слѣдила за руками матери, вынимавшими и укладывавшими разное тряпье, прислушиваясь къ ея ласковымъ словамъ.

„Вотъ эти рубахи мнѣ были въ приданое — и тебѣ пойдутъ, какъ замужъ тебя отдавать буду“, — говорила, бывало, мать. — „Вотъ, смотри, какія... тонкія и съ оборочками... И вотъ этотъ сарафанъ изъ краснаго французскаго сатина, и шаль шерстяная... подъ вѣнцомъ я въ нихъ была.. тебѣ же берегу... Нонѣ платья пошли шить больше, а все и сарафанъ износишь... ничего!... Смотри-ка, ситецъ-отъ какой: плотный, да кра — а — сный!... Экихъ ситцевъ нынче мало и ткутъ... больше

все рѣдочь пошла... Вотъ и рушнички эти тебѣ же... Смотри-ка, концы-то какіе!... А вотъ тятькины шаровары и рубаха... Плисовы шаровары, хорошія; рубаха тоже французская... знатная!.. Не даю часто надѣвать-то, берегу... Вотъ смотри! сколько лѣтъ, а равно новенькія... Вотъ ты также все прибирай да береги... Бережeное-то все долго живетъ..."

Маша, бывало, слушала эти тихія, ласковыя рѣчи, смотрѣла въ привѣтливые глаза матери, на ея загорѣлое, грубое, но доброе лицо, и сама улыбалась ей, и на душѣ у нея было такъ полно, отрадно, тепло, тихо... Вѣкъ бы такъ сидѣла она, слушала и глядѣла на мать... И вотъ — нѣтъ ея, не слышно ея голоса, не видно этой улыбки ласковой, этихъ добрыхъ, любящихъ глазъ!

— Про родимую, видно, вспомнила, болѣзная, — догадались бабы, вновь протягивая руки къ головѣ, къ плечамъ Маши и лаская ее. — Какъ не вспомнить свою родѣльную?... За что ни возьмись, на что ни погляди — все она, все ея рученьки, ея заботушка... Ну, матушка, болѣзна дѣвочка, — ну, не плачь, сердечная... Что ревѣть-то? Что дѣлать-то?... Отъ Бога ужъ такой, видно, предѣлъ тебѣ положенъ... Положись на Его волю, Создателеву... Оботрись, сердечная, оботрись, не реви... Вынимай, матушка, вынимай... показывай...

Маша, ничего не отвѣчала, всхлипывая, съ полными слезъ глазами, начала вынимать и показывать одну вещь за другою. Бабы старательно пересчитывали и раскладывали около себя и къ себѣ на колѣни вынутыя вещи. Но староста не ошибся: бабы не увидѣли въ коробу ничего такого, чего бы не было у каждой изъ нихъ. Сосчитали полдюжины

рубашекъ женскихъ, три рубашки мужскихъ ситцевыхъ, три пестрядинныхъ, полдюжины разныхъ рушниковъ, нѣсколько бумажныхъ платковъ и фартуковъ, плисовыя шаровары, кушакъ красный, нѣсколько коротенькихъ кусковъ миткаля, нѣсколько мотковъ бумажной пряжи, кусокъ толстаго холста. На самомъ днѣ нашли кошелекъ, сшитый изъ треугольныхъ ситцевыхъ лоскутовъ, и въ немъ сосчитали два рубля тридцать копеекъ денегъ: это былъ весь капиталъ. Когда вынуты и сосчитаны были мотки бумажной пряжи, бабы, нисколько не стѣсняясь дочери и присутствующихъ, замѣтили съ искреннимъ соболѣзнованіемъ:

— Смотри-ка, и бумажки-то сколь мало наворовала покойница! ... Маленько, маленько! ... Совѣстливая была покойница, дай ей Богъ царство небесное ...

— На кого точете-то? — спросилъ староста.

— На Василья Митрича ткали: онъ насъ не оставлялъ, спасибо, завсегда работу давалъ и деньгами впередъ подъ работу ссужалъ, когда по нуждѣ ...

— Точно что добрый, сказываютъ ... только учетистъ больно, — за каждымъ золотничкомъ въ штукѣ-то вяжется ... Ему не моги сырую принести — говорили бабы.

— А тебѣ бы какъ? — смѣялись мужики: — отхватить бы фунта два бумаги-то, да и напрыскать штуку-то, хоть выжми: въ мокрой-то не два фунта набѣжитъ ... Этакъ-то нонѣ никто не любитъ ...

— Нѣтъ, нонѣ вонъ какъ иные: только тки хорошенько да̀ пряжи не воруй, такъ отъ каждой штуки аршина по два — по три отрѣзаютъ ткальѣ ... Одѣваются съ этого другія и семью всю одѣваютъ ... А у иного и точешь хорошо, и не воруешь, кажись, —

а ему все не въ удовольствіе: всякую штуку охаетъ и воровкой-то тебя попрекнетъ, и пригрозитъ, что отъ работы откажетъ, — да норовитъ еще и при разсчетѣ-то понажать да убавить супротивъ другихъ фабрикъ ... А нечего дѣлать, — кланяешься да просишь работки и у такихъ, коли у другихъ нѣту ... По нуждѣ нашей безъ работы-то пропадешь ... Опять же и привычка къ одному мѣсту ... ну да и впередъ забираешься ...

— Да, дѣвонька, нынче изъ-за работки-то покланяешься, походишь ... За что — ни за что, только бы дали ... Машины-то эти пошли, купцы товаромъ-то забиваются, на рушнину-то [1] и не смотрятъ ...

— А ужъ въ цѣнѣ-то такая прижимка пошла, сказать невозможно: за кою прежъ того по три рубля платили, нонѣ рубль съ четвертью только даютъ ... А и то, батюшка, только не оставь, работки дай ...

— Ну, Маша, запирай коробъ-отъ, — перебилъ староста тараторившихъ бабъ, — да пойдемте теперь во дворъ. Скотину-то, чай, уже пригнали на стоянку ...

— Пригнали! — отвѣчалъ сзади голосокъ Павлуши, появившагося въ дверяхъ сѣнника: — только пустилъ сейчасъ ... Жалуются пастухи-то: жарко, чу, больно, — муха ѣстъ, не стоитъ скотина-то ...

— Да ужъ теперь скотинкѣ бѣда ... Самая злая муха по теперешнему времени ... Страсть, скотина сдыряетъ! — говорили мужики. — Сгонять-ся-то вотъ нужно бы пораньше: теперь по росамъ только и пастушня ...

---

[1] Ручнина, рушнина — вообще ручная, а не машинная работа. Здѣсь — ручная точа.

— А ворота-то затворилъ-ли? — спросила Маша.

— Ну такъ ... неужели ужъ? ... отвѣчалъ Павлуша обиженнымъ голосомъ.

— Самъ отворилъ, скотину принялъ и ворота заперъ опять ... Ну молодецъ! хозяинъ будешь! — говорилъ староста Павлушѣ, идя изъ сѣнника черезъ сѣни во дворъ.

Скотины въ хозяйствѣ сиротъ оказалось всего на всего только три штуки: извѣстная сивка, корова пестрянка, да ярочка, купленная Иваномъ весною, для развода. Косуля, соха, борона, розвальни, дровни и телѣга съ колесами — хранились тутъ же, на дворѣ. Ими заключился осмотръ всего хозяйства, всего богатства сиротъ.

— Въ амбарѣ-то, вѣдь, чай, ничего нѣтъ? — спросилъ староста.

— Нѣту, хлѣбушка-то у насъ давно вышелъ... — отвѣчала Маша.

— Да гдѣ быть! ... Не у васъ однихъ, ни у кого нѣтъ залежнаго-то: всѣ давно покупаемъ ... Ну, да вотъ скоро новый будетъ: Богъ дастъ, справимся ... Ну вотъ, Никита Лавривонычъ, теперь вступайся съ Богомъ ... Все тебѣ съ рукъ на руки сдано, все видѣли ... Ничего, хоть сироты, а все у нихъ, слава Богу, какъ быть по крестьянству: недостачи ни въ чемъ нѣтъ: и насчетъ скотинки, и насчетъ одежи, и всего прочаго, всякаго домашняго обихода, — все, слава Богу, какъ быть слѣдуетъ! ... А отъ сѣнника-то ключъ ты къ себѣ возьми, однако, — цѣлѣе будетъ: какъ никакъ, а все дѣти ... Баловать бы не стали ...

— Богъ милостивъ, — Ксенофонтъ Семенычъ, отвѣчалъ Никита: — кажись, не такія дѣтки, не то въ нихъ положено ... А особливо Машутка-то ...

Самъ видѣлъ: равно большая! Нѣтъ, я крѣпко на нихъ надѣюся ...

— Ну, какъ знаешь ... И то сказать: твое дѣло — твой отвѣтъ, твой и разсудокъ, — говорилъ староста. — Ну, живите, ребятки ... Берегите, наживайте, а не проживайте ... Родители вамъ вотъ оставили, не съ пустыми руками покинули ... Вотъ теперь ужъ сами ... Ты, Машутка, старшенькая, — ты и старайся теперь, за мѣсто матери будешь для малыхъ братишекъ ... Ну, счастливо! ... Живите! ...

— Да, живите ... Давай Богъ! — говорили и прочіе міряне, бывшіе свидѣтелями осмотра имѣнія. — Что-жъ, — Господь сиротъ не оставляетъ ... птичку — и ту питаетъ Творецъ небесный ... И васъ не оставитъ ... Часъ добрый! ... Живите себѣ! ...

Староста, мужики и бабы ушли. Въ избѣ остались только сироты и ихъ опекунъ. Никитушка Кулявый, который до сихъ поръ не спускалъ съ руки Сашку и носился съ нимъ въ продолженіе всего осмотра, теперь отдалъ его на руки Машѣ.

— Ну, вотъ, дѣтушки, говорилъ Кулявый: — вотъ ужъ вы теперь въ своемъ дому хозяева настоящіе ... Никто васъ не тронетъ, не выгонитъ ... И полоска ваша вся за вами осталася ... Теперь надо хозяйствовать ... Вонъ ужъ иные за серпокъ принимаются, и наши всѣ, пожалуй, съ субботы зажинать станутъ. Знаешь ли свои-то полосы?

— Ну, какъ не знать? ...

— И я также знаю ... вмѣшался Павлуша.

— Ой-ли?

— Право, знаю ... Хошь ли, пойдемъ, покажу всѣ: и въ пару, и въ оржаномъ, и въ яри всѣ знаю ...

— Да, надо-бы мнѣ посмотрѣть-то ... Вотъ обѣдайте, а я пойду домой, побываю, справлю, что нужно, — да и приду опять передъ вечеромъ ... Тутъ и исходимъ пока до стада.

Никита поднялся чтобы идти.

— Дядюшка Никита, возьми ключъ-отъ, — сказала Маша.

— Какой ключъ?

— А отъ сѣнника-то ... Староста-то говорилъ, чтобы ты ключъ у себя держалъ ...

— Полно-ка ... Такъ вѣдь онъ не знаетъ васъ, какія вы робятки ... а я знаю ... Кабы вы непутныя какія были, такъ — знамо: я самъ бы взялъ ... А то чтой-то! ... Развѣ ты свое добро не лучше людей убережешь? ... Для себя же, не для кого, беречь станете ... Нѣтъ, родимая, не надо, береги у себя. Больно-то часто ходить мнѣ къ вамъ некогда: и то братъ-то ужъ хмурится ... А вы хозяйствуйте съ Богомъ сами; а коли въ чемъ нужда, такъ Павлушку пришли, либо сама прибѣги ... Мука-то не дошла ли у васъ?

— Да ужъ одинъ хлѣбецъ остался только; а то не знаю, хватитъ-ли на квашню еще ...

— Ну, вотъ, я про то думалъ: хотѣлъ было и призанять про васъ, и спрашивалъ, да время-то такое, — ни у кого нѣтъ залежнаго-то; а время къ работѣ, запасаются, никто не даетъ ... Ну, нечего дѣлать, пока до жнитва-то сходите, посбирайте ... Что дѣлать-то? ... Только бы вотъ нажать, да пообстоялись снопы, а то нахлыщемъ, да новенькой мучки-то смелемъ ... Тогда не страшно ...

— Я и думала такъ, что какъ утрось скотину спустимъ, — запереть избу, да идти всѣмъ посбирать.

— Что же? ... Не отъ лѣни, отъ нужды сирот-

ской; подьте — посбирайте ... Богъ дастъ, справитесь, сами подавать будете ... Это ничего, не зазорно, — это не украсть ... Всѣ на міру живемъ ... Отъ міра и принять не стыдно, особливо Христовымъ именемъ, да еще сироткамъ малымъ. Не ярку же продавать въ самомъ дѣлѣ изъ-за этого ... Отъ милостынки убытка ни у кого не живетъ ... Походите, ничего, пока ... Ты вотъ что, Машута: ты побывай у бабушки Офросиньи, да и поспрошай ее: куда идти-то; она тоже ходитъ часомъ, она знаетъ и тебя научитъ, по какимъ деревнямъ, гдѣ подаютъ-то лучше ...

— Ладно, дядюшка, я сбѣгаю къ ней.

— Ну, прощайте пока.

Никита ушолъ, а дѣти сѣли обѣдать. Весь ихъ обѣдъ давно уже состоялъ изъ одного молока и чернаго ржаного хлѣба: но они не считали еще эту трапезу скудною: и у другихъ, — у сосѣдей ѣли то же самое.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ, у крестьянъ, молоко считается большимъ лакомствомъ, и если есть оно, да хлѣбъ, такъ мужикъ считаетъ себя счастливымъ. Вотъ плохо бываетъ — въ лѣтніе посты, особливо въ Петровки, когда еще и овощи не поспѣли, и грибовъ еще не родится, а молоко ѣсть грѣхъ, — не полагается ... Вотъ тогда ужъ дѣйствительно мудрено сказать — съ чего живъ, чѣмъ питается крестьянинъ ... Хорошо еще, если зеленаго луку уродилось вволю, да не надо за нимъ на базаръ бѣжать и покупать, а есть свой на огородѣ. Зеленый лукъ — неоцѣненное подспорье въ пищѣ мужика: хорошо его ѣсть просто съ солью и съ хлѣбомъ, хорошо потолочь и развести съ квасомъ, а по нуждѣ и съ водою ... Крестьяне не боятся разстроить

имъ свой голодный желудокъ, не боятся, что сдѣлается изжога или иное какое непріятное послѣдствіе отъ такой пищи; а запаху лукомъ не слышатъ, потому что его ѣдятъ всѣ, отъ мала до велика ... Ну, разумѣется, когда поспѣютъ огурцы на грядахъ, когда начнутъ родиться грибы, тогда пища крестьянина дѣлается разнообразнѣе и лакомѣе: кормилица земля и тутъ имъ помогаетъ. Грибы ѣдятъ и соленые, и вареные, и печеные; огурцы крошатъ въ квасъ, мѣшаютъ съ лукомъ, съ грибами, — выходитъ кушанье чудесное, особливо если забѣлить молочкомъ. Впрочемъ, все это пища второстепенная: былъ бы только хлѣбъ ржаной, — и крестьянинъ больше ни о чемъ не заботится.

Итакъ, наши сироты въ пищѣ пока не нуждались: хлѣбъ еще былъ, а пестрянка лакомила ихъ молокомъ. Справлялись они о грибахъ, — Павлуша раза два отпрашивался у сестры и бѣгалъ въ сосѣдній молодой березовый перелѣсокъ, но возвращался съ пустымъ кузовкомъ: лѣто стояло жаркое, сухое, негрибное. Да въ Ломахъ и вообще-то, вслѣдствіе безлѣсья, грибовъ мало родилось; и какіе грибы! самые послѣдніе: сѣрые, подосиновки, сыроѣжки, маслята. За грибами надо было ходить въ купеческіе лѣса, верстъ за пять, за шесть, да и то — коли еще лѣсникъ не прогонитъ и не отниметъ корзинки.

Маша, предвидѣвшая, что ей своего хлѣба хватитъ не больше, какъ на два, на три дня еще, — была довольна согласіемъ Никитушки — идти посбираться, и, слѣдуя его совѣту, тотчасъ послѣ обѣда побѣжала къ бабушкѣ Офросиньѣ за наставленіемъ и указаніемъ.

— А ты вотъ какъ, дѣвонька, — учила ее старуха: — ты въ Романово не ходи, и въ Куделино не

ходи, — даромъ близко, и деревни большія; а ты ступай въ Гари, да въ Ганино, да въ Панино. Тамъ староверы живутъ: они хоть и по старой вѣрѣ, и въ церковь въ нашу не ходятъ, а они Бога боятся и нищую братію жалѣютъ и любятъ, и подаютъ не въ примѣръ противу нашихъ ... Да и живутъ они богаче и запаснѣе ... За что ужъ имъ и Богъ помогаетъ и грѣхъ ихъ прощаетъ тяжкой, что въ церковь Божію не ходятъ, — за милостыню-ли ихнюю неотказную, или такъ — что къ винищу въ этому они не пристрастны, не какъ наши, — али то, что другъ другу помогаютъ, другъ друга въ бѣдѣ не оставляютъ, — только-что живутъ тѣ старовѣры, почитай, всѣ богато: и скотны, и хлѣбны, и стройка хорошая; всѣмъ запаснѣе нашихъ!... Вотъ только знай примѣръ: какъ подойдешь подъ окно, постучи подожкомъ, да и затяни въ голосъ, нараспѣвъ, жалобно, — слыхала чай: „Господи Исусе, Христе Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшка и матушка, милостыньки Христа ради!“ — Пропой, да и стой, жди ... Не услышатъ, не подадутъ сразу, ты и въ другорядь, и въ третіе. А подадутъ, скажутъ: „прими Христа ради!“ а ты въ отвѣтъ: „Богъ спасетъ, кормильцы!“ ... Вотъ ... Ужъ тамъ подадутъ — въ кажинной избѣ, отказа не бываетъ, и подаютъ-то иной разъ не то, что одинъ сукрой хлѣбца, а и колобка, и пирожка середку, вчерашняго ... Тебѣ деревню-то всю сразу и не обойти, — кошолка-то полная будетъ. Иные многомочные и корзинку, и мѣшокъ еще съ собой берутъ ... Ну, тебѣ не осилить; особливо ты съ ребенкомъ пойдешь ... Можно бы тебѣ ребятишекъ-то и дома покинуть, я бы, пожалуй, присмотрѣла, — да только мой совѣтъ: иди лучше съ ними ... Увидятъ — сиротки, — подадутъ боль-

ше, да и жалостнѣй: всѣ — то маленьки, да еще маленькаго на рукахъ таскаютъ ... Нѣтъ, иди со всѣми!... А избу-то замкни ...

Маша поблагодарила бабушку Офросинью, и на другой день, рано утромъ, взявши на одну руку полусоннаго Сашку, а на другую корзину, и вооруживши такою же корзинкой Павлушу, отправилась въ Гари, по указанной бабушкой Офросиньей дорогѣ.

Утро только-что начиналось. Густой сырой туманъ сплошною полупрозрачною стѣной поднимался съ низинъ и застилалъ еще первые лучи восходящаго солнца. На травѣ лежала мокрая обильная роса. Въ мѣстахъ, освѣщенныхъ утреннимъ свѣтомъ, но еще не согрѣтыхъ солнцемъ, она блестѣла алмазами; а тамъ, гдѣ — холодные еще — солнечные лучи, продравшись сквозь туманъ, ложились по землѣ яркими полосами, — роса сверкала и переливала всѣми цвѣтами радуги, точно горсти драгоцѣнныхъ камней были разсыпаны по травѣ, по кустамъ, по листьямъ и хвоѣ деревьевъ. Дѣти, поеживаясь на свѣжемъ утреннемъ холодѣ, весело и легко шли, то проселочными дорогами, то, для сокращенія пути, прямо полемъ и лугомъ, не замѣчая, что ихъ голыя ноги и полы платья, обдаваемыя холодною росой, были совсѣмъ мокры. Нити паутины стлались по землѣ, висѣли въ воздухѣ и часто прилипали къ лицамъ дѣтей.

— Ишь ты паутины-то что: ведреный день будетъ — замѣтила Маша.

Павлуша такъ же, какъ и сестра, зналъ, что летающая въ воздухѣ паутина, по мнѣнію крестьянъ, служитъ признакомъ хорошей погоды; но онъ шелъ, — ни на что не обращая вниманія, ничего не замѣчая, или лучше сказать, отражая въ себѣ безсознательно всю окружающцую природу, живя съ нею одною

жизнью. Ему было беззавѣтно весело и радостно на душѣ: онъ шелъ около сестры въ припрыжку, шаркая ногами по мокрой травѣ, нарочно толкая встрѣчное деревцо или кустъ, чтобы его съ ногъ до головы обсыпалъ росяной дождь. Изодранный кафтанишка его весь былъ мокрый, отцовская старая шапка сдвинулась на затылокъ и едва держалась на головѣ; его личико горѣло и улыбалось, глазки весело сверкали. Онъ то и дѣло, идя около сестры, принимался скакать на одной ножкѣ, или кривлялся и прыгалъ. Серьезная, сосредоточенная Маша, наконецъ, остановила его:

— Да что ты, ровно козленокъ, прыгаешь? — замѣтила она. — Чему радуешься?... Али забылъ, зачѣмъ идемъ? не на гулянку, чай, а за милостынькой ... Радость не велика, веселиться нечему ... Подь смирненько, полно ... Далеко вѣдь еще итти-то, — напрыгаешься ...

— Я не устану ...

— Еще устанешь, погоди ... Солнышко-то обогрѣетъ, да припекать начнетъ, — стомѣешь!... Да и не гоже: милостыньку-то принимаютъ со крестомъ, да съ молитвой и со смиреніемъ ... А на тебя кто посмотритъ, — подумаетъ, — въ лѣсъ по грибы собрался, — али по ягоды — на гулянку ... За милостынькой-то, бабушка говоритъ, горе да нужда гонятъ ... Добрые-то люди хоть подаютъ, а тоже осуждаютъ, какъ кто не съ нужды побирается ... А съ нужды да горя человѣкъ не запрыгаетъ, какъ ты: притуманишься, голову-то повѣсишь ...

Павлуша присмирѣлъ и задумался.

— Ты почемъ все это знаешь? ты не побиралася, вѣдь, никогда? — спросилъ онъ сестру.

— Мнѣ бабушка Офросинья все толковала ...

Руку-то, — говоритъ, — протянуть за милостынькой перво тяжело живетъ, стыдно; послѣ ужъ привыкнешь ... Иной, говоритъ, извѣстно, подастъ, да и самъ перекрестится, — Бога благодаритъ, что привелъ Господь милостыньку сотворить; а другой на тебя глядитъ, — да думаетъ: „вишь, попрошайка шатущая! работать-то лѣнь, пошла по чужимъ людямъ клянчить“. Иной это и молвитъ, да у кого совѣсть-то есть, такъ и по глазамъ, безъ рѣчей видитъ.

— Стало, другой и обругаетъ, и прогонитъ?...

— А ты какъ думалъ? бываетъ и то ...

— На что же пошла-то? ... Лучше бы не ходить вовсе ...

— А ѣсть то что станемъ? Мука-то подходитъ, а тутъ жать надо приниматься ... Авось, Богъ дастъ, милостыньки-то наберемъ, насушимъ сухарей, да и станемъ кормиться, пока до своего-то хлѣбца.

— Только до своего дотянуть, а тутъ ни въ жисть не станемъ ходить ...

— Знамо, не станемъ ...

Въ это время, съ боковой тропинки на перерѣзъ имъ вышелъ на дорогу, по которой шли дѣти, крестьянскій мальчикъ лѣтъ четырнадцати, въ такомъ же, какъ они изорванномъ кафтанишкѣ, въ картузѣ, изъ котораго по всѣмъ швамъ лѣзла вата, и безъ козырька, и также съ плетушкой на рукѣ. Мальчикъ былъ некрасивый, бѣлобрысый, курносый, весь въ веснушкахъ, отъ которыхъ лицо его казалось пестрымъ, съ красными слезящимися глазами, которые, однако смотрѣли задорно и нахально. Онъ подошелъ къ нашимъ дѣтямъ и, не кланяясь, пристально и пренебрежительно осмотрѣлъ ихъ.

— По милостыньку что-ли собрались? — спросилъ онъ недружелюбно.

— Нечто, — отвѣчала Маша, робко опуская глаза.

— Откуда?

— Изъ Ломовъ.

— Куда же идете-то?

— Въ Гари ...

— Вишь ты ... Почто-же больно далеко-то? Ближе есть у васъ деревни, сосѣднія ...

— Тамъ, сказываютъ, богатые живутъ и милостивые, — подаютъ, чу ...

— Какіе милостивые! черти, старовѣры! Своимъ они подаютъ, кои ихнимъ крестомъ крестятся, а вы, чай, церковники? ... Ваши-то ломовскіе, вѣдь, кажись, въ церковь ходятъ ...

— Какъ не ходить: каждый праздникъ ...

— Ну, такъ не сказывайтесь, а то хорошаго не подадутъ; развѣ сухую корку выбросятъ; а то иная старая чертовка и обругаетъ ... Вы впервой я вижу ...

— Впервой ... Мы сиротки ...

— Даромъ сиротки, а все не сказывайтесь ... Я вотъ ужъ и ходить туда бросилъ: меня признали, не подаютъ ...

— А ты откуда? — спросилъ Павлуша.

— Я-то?

— Да ...

— Я изъ Прислонихи ... Матка-то у меня дворовая была, при господахъ служила; а тутъ какъ воля вышла, отошла отъ господъ-то ... перво въ людяхъ жила, да не по мысли показалось, попросилась, въ Прислонихѣ избушку выстроила, да и живетъ ... шитвомъ она занимается, на купцовъ шьетъ ... Да плохо промышляетъ: кормиться нечѣмъ ...

— А ты-то? — спросила Маша.

— А я вотъ по міру и хожу: что насбираю, а она нашьетъ, тѣмъ кормимся ...

— А еще большой! — проговорилъ Павлуша, отвѣчая самому себѣ на невысказанную мысль, и тотчасъ же струсилъ, спрятался за сестру, когда увидѣлъ нахальный взглядъ и вызывающій вопросъ мальчика:

— Такъ что?...

— Своей-то землицы, видно, нѣту у васъ? — спросила Маша, торопясь замять замѣчаніе брата.

—- Какая у насъ земля! Нѣту ея; да хоть бы и была, что въ ней за корысть: одна надсада, ломайся вѣкъ-отъ, безъ пути ...

— И по міру-то ходить не сладко!

— Ничего, чудесно!... особливо лѣтомъ!... Вотъ зимой студено, хуже ... А таперича вотъ — съ утра обѣгалъ деревни двѣ-три, на день-то и будетъ, сытъ ... А тутъ и лежи, сколь влѣзетъ ... Я съ шести годовъ по міру пошелъ, всѣ мѣста кругомъ вызналъ ... Матка-то пытала-было меня и въ ученье отдавать, и въ люди отдавала, да я отбился ... Возьму да и убѣгу; потому кормятъ плохо, а бить — бьютъ походя; да еще работай про нихъ цѣлый день ... Сначала-то я у крестнаго жилъ, матка меня отдала, какъ сама въ людяхъ жила ... А крестный-то самъ голый, ѣсть нечего; вотъ онъ меня и началъ по міру-то посылать ... А то слѣпого водить отдавалъ въ наймы; такъ маткѣ не понравилось, потому дядя-то крестный деньги себѣ взялъ, а маткѣ ничего не далъ за меня ... А тутъ матка меня въ подпаски, было, отдавала, и въ печники-то, было, въ ученье, и на фабрику совала ... Да что это, наплевать!... Нѣтъ, вотъ кабы купцы почаще помирали, житье бы нашему брату было ...

— Какъ, что ты это? — спросила Маша, почти съ испугомъ.

— А какъ-же?... Какую милостыню-то разда-

ютъ, — страсть!... Деньгами, а не то — что кускомъ!... На поминъ-то душѣ ... Какъ-же!... По рублю, бываетъ, раздаютъ, а то по полтинѣ и по двугривенному ... Только жиды же купцы эти!... Объявятъ по рублю, али по полтинѣ, — народа набѣжитъ гибель, издалече пріѣзжаютъ, на лошадяхъ: начнутъ раздавать; ну, первый кто продерется, хорошо, помногу даютъ ... А тутъ видятъ, — народу валитъ непролазная, — и сбавятъ ... А ужъ останныхъ-то по калачу одѣляютъ, вмѣсто денегъ ... И тутъ весело: толкаются, тискаютъ другъ друга, чтобы впередъ-то пролѣзть; тутъ драка идетъ, приказчики кричатъ, ругаются, спорятъ: „ты“ — говорятъ — „ужъ получилъ, въ другой разъ лѣзешь“; — тотъ божится, крестится ... Смѣхотушка! ровно ярмарка!... Ну, ужъ пойдемте — я васъ до Гарей-то провожу: мнѣ все одно; я васъ поучу, какъ просить-то ... Меня, правда, тамъ не больно любятъ: вишь ты, въ огородахъ раза два видали, картошки я тамъ порылъ да моркови потаскалъ маленько, ну и огурчиковъ порвалъ съ грядокъ, — такъ жалко имъ, видишь ты, — обѣднѣли черезъ это ... Ну, да я за овинами на выгонѣ посижу, подожду васъ: а вы поберетесь, такъ за дружбу за мою — подѣлитесь и со мной послѣ ... А я вамъ скажу за то, у которыхъ купцовъ поминки когда будутъ: я все знаю... Приходите тогда ...

Машѣ и даже Павлушѣ не былъ особенно пріятенъ неожиданный спутникъ; но они не посмѣли возражать ему. Разсказавши все про себя, объявивши, что его зовутъ Семіошка, онъ разспросилъ и объ нихъ, и когда узналъ, что у нихъ есть свой домъ и скотъ, объявилъ, что когда-нибудь, пожалуй, придетъ къ нимъ въ гости.

— У насъ дядюшка-опекунъ есть, надзираетъ за нами, — отвѣчала догадливая Маша: мы не сами по себѣ живемъ ...

— Такъ что вамъ! Не на запорѣ же онъ васъ держитъ ... Ужъ неужто такъ и погоститься-то у васъ не дастъ?... Я вотъ приду, посмотрю ...

Дѣти молчали.

— А вотъ я тоже большой мастакъ дудки дѣлать, — сказалъ вдругъ Семіошка, пройдя молча нѣсколько шаговъ.

— Какія дудки? — переспросилъ съ любопытствомъ Павлуша.

— А всякія: вотъ изъ ивовой корки, изъ сосны, изъ можжухи ... И жалѣйки, и большія, — вотъ что пастухи дудятъ ... Такія дѣлаю знатныя, съ переборомъ ... Меня тоже пастухъ обучилъ, какъ я въ подпаскахъ ходилъ ... Сдѣлать, что-ли, тебѣ?...

— Сдѣлай, — поспѣшилъ отвѣтить Павлуша.

— Да на что тебѣ? — замѣтила Маша брату.

— Какъ на что? дудѣть будетъ: занятно!...

— Некогда ему этимъ заниматься-то, по его сиротству!...

— Вотъ невидаль!... Ходи да дуди ... Я самъ завсегда съ дудкой хожу: только вотъ сегодня не взялъ, забылъ ... Слушай, Павлуша: я къ тебѣ приду, вось и дудку принесу ... Хочешь?...

— А что-же?

— Ничего ... Хочешь, принесу, — подарю?...

— Подари ...

— Ненужно ему ... Мы при несчастьи теперь, безъ родителей ... сиротки ... Намъ не приходится веселиться да съ дудками бѣгать ... Не надо ...

— Пустое все ... Я принесу вось ...

Вдали показались Гари.

— Вона Гари-то ... Вотъ я васъ прямо къ нимъ и привелъ, — говорилъ Семіошка. — Вотъ теперь ступайте прямо: какъ въ улицу войдете, такъ съ перваго дома и начинайте ... А тутъ есть которые большіе дома, двуэтажные, — тамъ денежки просите ... Такъ прямо и просите копеечки ... Вамъ хлѣбца, али колобка изъ окна подавать будутъ, а вы: „батюшки и матушки, нѣтъ-ли копеечки? посолиться нечѣмъ, другую недѣльку безъ сольцы живемъ ... хоть бы фунтикъ искупить, въ животахъ справить ..." Да поминайте, что сироты круглыя, нѣтъ ни отца, ни матери, и сродственниковъ нѣтъ никого ... какъ есть одни-одинешеньки ... Жалобнѣй причитайте: больше подадутъ! ... Да не сказывайте, что домъ-отъ и скотъ есть свой; а станутъ спрашивать, говорите, „міръ, молъ, за старую недоимку все забралъ да распродалъ, — и сами теперь гдѣ день, гдѣ ночь — пристаемъ, куда пустятъ Христа-ради ..." Такъ, смотри, и говорите! ... Надаютъ тогда страсть много: они любятъ, у кого ничего-то нѣтъ: больше жалѣютъ ...

— Да, наговоришь этакъ-то, а послѣ узнаютъ, что наврали, — тогда и глазъ не покажи въ деревню-то ... Никакой вѣры не будетъ: пожалуй, еще гонять будутъ, — возражала Маша.

— Такъ что! они одни, что ли? Есть деревни-то и безъ нихъ, слава Богу! ... Кому о тебѣ справляться-то? да когда еще справятся, а по крайности тутъ надаютъ много ... за разъ! ...

— Нѣтъ, мы врать не станемъ, а что по правдѣ Богъ дастъ ... — проговорила Маша.

— Вишь-ты — какая! ... Погоди, походишь мѣсяцъ-другой — не то заговоришь ... Видали мы экихъ-то ... Правда-то — она кормитъ впроголодь ...

Такъ ты, коли такъ, и проси подъ окномъ-то: „у меня молъ, и изба своя есть, и лошадь, и корова, и земля своя“ ... такъ тебя и погонятъ изъ-подъ окна-то помеломъ ... только и будетъ! ...

— Ну, что ужъ будетъ, — возразила Маша. — Что Богъ дастъ ...

Они подходили къ самой деревнѣ. Семіошка остановился.

— Вотъ я тутъ подожду, а вы ступайте, — сказалъ онъ, кидаясь на сыроватую еще траву. — Полежу пока на солнышкѣ: вишь ты, какъ обогрѣвать стало! Вотъ, ни рябина, ни черемуха еще не поспѣла, а то у нихъ, чертей, много ея живетъ по огородамъ-то ... И яблоки есть у одного; только тоже еще больно зелены, кислыя-раскислыя ...

— Экой неотвязный какой навязался! ... проговорила Маша, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ своего спутника. — Ровно изъ земли выросъ, присталъ!

— Я его не боюся ... Коли къ намъ придетъ, да бахвалить станетъ, мы съ Петрунькой такъ его вздуемъ! — похвалялся Павлуша.

— Пущай бы лучше и не ходилъ вовсе! — замѣтила Маша.

Но тутъ вниманіе дѣтей было отвлечено: передъ ними открылась длинная деревенская улица. Гари была деревня большая и нарядная. Всѣ почти дома крыты тесомъ, иные въ пять и болѣе оконъ, на каменныхъ фундаментахъ, съ разрисованными въ яркія краски наличниками, ставнями и воротами. Солнышко, поднявшееся уже высоко, весело играло въ большихъ стеклахъ оконныхъ створчатыхъ рамъ; струйки дыма, поднимавшіяся изъ всѣхъ трубъ, красиво и отчетливо выдѣлялись на голубомъ, безоблачномъ небѣ; голуби громко ворковали подъ за-

стрѣхами, воробьи чирикали и шумно перелетали съ крыши на заборъ, съ забора на деревья, которыхъ было много въ огородахъ; пѣтухи, разгуливая важнымъ шагомъ со своими курами, то и дѣло перекликались и горланили на всю деревню. Улица была пуста еще, только двѣ старухи-нищенки стояли подъ окномъ крайней избы; но все кругомъ смотрѣло весело, оживленно, все дышало довольствомъ, спокойствіемъ ...

И нашихъ дѣтей вдругъ охватила какая-то беззаботная радость, веселье, — но не надолго ... Они вспомнили, что пришли сюда просить подаянія Христовымъ именемъ, что они должны протянуть руку къ чужому добру и выпрашивать его жалобнымъ голосомъ, — что они нищенки, сироты-побирушки: имъ вдругъ сдѣлалось и стыдно, и грустно ...

Они остановились около крайней избы, гдѣ стояли уже двѣ старухи, оборотившія къ нимъ свои сморщенныя и, какъ имъ показалось, непривѣтливыя лица ... Дѣти не знали, какъ начать, какъ приступить къ дѣлу, за которымъ пришли ... Эти молчаливыя, недружелюбныя лица нищенокъ особенно смущали ихъ ...

Наконецъ, Маша осмѣлилась, подошла къ самому дому, стала рядомъ со старухами и откашливалась, приготовляясь начать приговоръ, какъ учила бабушка Офросинья; но вдругъ одна изъ старухъ шмыгнула впередъ ея и сердито, плечомъ, оттолкнула ее назадъ.

— Что вы, пострѣлята, въ чужую деревню пришли! — зашамкала, она, — да еще впередъ людей лѣзете ... впередъ старыхъ ... Мы здѣшнія, да ждемъ, — видишь! ... А вы на-кось ... впередъ старухъ! ... Пойди прочь, да стой въ сторонкѣ,

жди своего череду; какъ намъ подадутъ, тогда и подходи, а не моги впередъ лѣзть ...

Маша робко и покорно отступила; но бойкій Павлуша не выдержалъ и, слѣдуя за сестрой скорчилъ гримасу и показалъ старухѣ языкъ. Маша этого не видала.

— А вотъ какъ я почну тебя подогомъ, пострѣлъ ты этакой! ... разсердилась старуха, замахиваясь на Павлушу палкой.

Тотъ отскочилъ и спрятался за сестру. Въ это время открылось окно, подъ которымъ происходила стычка, и въ немъ показалась рука съ ломтемъ хлѣба и женская голова, повязанная платкомъ съ распущенными по спинѣ концами, какъ повязываютъ староверки.

— Аи чтой-то вы это? ... Этакъ вы Христовымъ-то именемъ ходите! ... Ахти, старъ человѣкъ! ... говорила женщина, качая головой и задерживая милостню, за которою тянулись-было уже двѣ старушечьи руки.

— Согрѣшила, грѣшная! — говорила сердитая старуха, крестясь двуперстнымъ крестомъ. — Сомутилъ пострѣленокъ ... Да дразнится, языкъ кажетъ: таковъ поскуда-мальчишка ... Ну, согрѣшила, осерчала ... Господи Исусе Христе Сыне Божій помилуй насъ ... Подай, матушка!

— Онъ не дразнился ... оправдывалась Маша.

— Она сама зачала: толкаться стала .. защищался и Павлуша.

— Да съ чего вы? — разспрашивала женщина.

— Я говорю: „не лѣзь впередъ старухъ: мы ранѣ васъ пришли ... Опять же вы чужестранны, а мы свойскія, здѣшнія ...“ А онъ началъ дразниться ...

— Нѣтъ, ты зачала: съ Машуткой толкаться снялась ... Мы тебя не замали, — настаивалъ Павлуша.

— Нишкни ужъ ты, полно! — строго остановила его Маша.

— Поди еще церковники, — бороматала старуха.

— Отколѣ вы? — спрашивала Машу словоохотливая баба въ окнѣ.

— Изъ Ломовъ, — отвѣчала Маша.

— Ну, такъ и есть: церковники ... Всѣ Ломы въ церковь ходятъ, — ворчала сердитая нищенка. — Почто же къ намъ-то ходите? ... Ходили бы по своимъ ... Да еще дразнится, окаянный! ... Подай, матушка, намъ-то. Отпусти насъ ... Этимъ, поди, зазнамо грѣхъ и подавать-то ...

Женщина раздумчиво протянула внизъ руку. Старухи, крестясь, приняли милостыньку, сказали: „Богъ спасетъ", и злобно, презрительно, взглянувши на дѣтей, пошли дальше. Сердитая даже плюнула въ ихъ сторону.

Дѣти, оторопѣлыя и сконфуженныя, стояли въ нерѣшимости передъ смотрѣвшею на нихъ женщиной и не знали, что дѣлать: они чувствовали себя не-то виноватыми, не-то понапрасну обиженными.

Баба въ окнѣ, между тѣмъ, думала: „а что, не грѣхъ ли, и въ самомъ дѣлѣ, зазнамо подавать церковникамъ? ... И чтобы не смущаться духомъ и не согрѣшить, скрылась въ избу и захлопнула окно.

— „Будутъ просить Христовымъ именемъ", — думала она: — „такъ подамъ несмотря, ровно сама не знаю кому: батюшкѣ Христу подамъ ..."

И она прислушивалась и ждала, чтобы подъ окномъ запѣли обычную нищенскую просьбу. Но дѣти не догадывались и, принимая захлопнутое окно

за отказъ въ подаяніи, постояли нѣсколько минутъ, посматривая другъ на друга и потомъ побрели къ слѣдующей избѣ, отъ которой уже отошли старухи.

— Вотъ наозорничалъ, баловень! ... выговаривала Маша брату. — Теперь, пожалуй, нигдѣ подавать не станутъ: придемъ домой съ пустыми руками ...

— Это онѣ оттого, что мы не ихной вѣры; правду говорилъ Семіошка, что не надо сказываться, — оправдывался Павлуша.

— Ты у меня, смотри, не слушай, что всякой говоритъ. Нашелъ кого слушать ... Видать его, Семіошку-то, — говорила Маша; а сама въ то же время думала: „такъ неужто и въ самомъ дѣлѣ изъ-за того не подаютъ, что въ церковь ходимъ, — неужто изъ-за милостыни-то душой кривить, напраслину на себя говорить?“

Но въ слѣдующихъ домахъ дѣти были счастливѣе: имъ подавали охотно, и Сашка, сидѣвшій у сестры на рукѣ и начинавшій-было попискивать отъ голода, уже жевалъ кусокъ хлѣба. Въ одной избѣ молодая сердобольная хозяйка, увидя такихъ маленькихъ сбируновъ и узнавши, что они сироты круглыя, безъ отца и матери, — дала не только по колобу и по большому куску пирога, но еще и денегъ семитку, т. е. двѣ копейки серебромъ. Она не спрашивала дѣтей, какой они вѣры, но обласкала ихъ, пожалѣла, подивилась какъ Маша, такая маленькая, управляется съ домомъ, и замѣтя, какъ устала дѣвочка, нося брата, велѣла дѣтямъ присѣсть подъ окномъ и отдохнуть.

— А малому-то я сейчасъ кашки дамъ съ молочкомъ: пущай поѣстъ, да и вы похлебайте, ничего ... Все лучше, чѣмъ въ сухомятку, — говорила

добрая женщина, и дѣйствительно, выдала имъ въ окно чашку съ молокомъ и кашей.

Подъ вліяніемъ этой ласки и привѣтливости дѣти ободрились и повеселѣли, охотно отвѣчая на всѣ разспросы; но въ это время мимо ихъ возвращалась съ полною уже корзиной подаянія — ихъ случайный врагъ — старуха-нищенка. Она остановилась противъ избы, гдѣ они сидѣли, и обратились къ хозяйкѣ:

— Что ты посуду-то поганишь? Они, вѣдь, чай, мірскіе церковники ... Своимъ — такъ вы сухой краюшкой милостыньку-то подаете, а этихъ пострѣловъ и молокомъ, и кашей ублаготворяете! ... Чего свекровь-то смотритъ! ... Погодь, скажу: она тѣ кичку-то сдвинетъ! ... Посуду поганить! ...

— Это у насъ мірская чашка-то ... — робко и растерянно отвѣчала молодая женщина. — Подайте, что ли, коли доѣли, да ступайте съ Богомъ, — оборотилась она къ дѣтямъ ...

— Мірская! ... Нѣтъ ты, видать, не больно законъ-то соблюдаешь ... И знать что тебя изъ-чужа взяли ... Ты и въ чистой подашь, пожалуй, и чистую опоганишь, да не скажешь ... А изъ-за тебя послѣ вся семья согрѣшитъ, наѣстся ... Нехорошо: бабочка молодая еще ты, а нехорошо дѣлаешь: ты ужъ отъ закона-то не отстаешь ли вовсе? ... Не въ мірскія ли собираешься? ... Увижу, — скажу свекрови безпремѣнно ...

— Да что, бабушка, — право, мірская эта чашка у насъ ...

— А ложки-то тоже мірскія? ... Нарокомъ что-ли завели, чтобы съ мірскими водиться? ... А! ... Давно ли это? ...

— Такъ вѣдь они дѣти малыя, сиротки ... Я ложки-то помою, али и совсѣмъ спрячу ... Жалость

меня на нихъ взяла, на дѣтокъ малыхъ ... этихъ! ... И ты, кажется, бабушка, отъ меня обиды не видала ... Кажется, завсегда тебя привѣчаю и подаю всѣмъ ...

Бѣдная женщина была, видимо, смущена и испугана. Дѣти прислушивались къ разговору ея со старухой и не столько понимали, сколько чувствовали, что она можетъ быть въ отвѣтѣ и даже пострадать за свою доброту и ласку къ нимъ. Крестьянскія дѣти, живущія въ томъ краю, гдѣ рядомъ съ православными селеніями есть раскольничьи, знаютъ, какъ иные раскольники чуждаются православныхъ и считаютъ за великій грѣхъ пить и ѣсть изъ одной съ ними посуды; они знаютъ, что въ иныхъ деревняхъ не дадутъ даже напиться проходящему путнику, если онъ не такой же раскольникъ, и если не случится посудины, назначенной для мірскихъ, т. е. однажды опоганенной ихъ прикосновеніемъ. Тѣмъ съ большею любовью и жалостью смотрѣли наши дѣти на приласкавшую ихъ женщину; но она уже не смѣла быть и привѣтливою къ нимъ: получа обратно чашку, она хоть притворно, но сурово велѣла итти имъ прочь отъ своего дома и продолжала заискивающе оправдываться передъ злою старухой-раскольницей. Уходя, дѣти нѣсколько разъ оглядывались на ласковую бабу, желая хоть встрѣтить ея взглядъ; но она упорно отворачивалась отъ нихъ и поторопилась закрыть окно тотчасъ, какъ нищенка отошла отъ него.

— А все изъ-за тебя, — говорила съ уперкомъ Маша брату: — все изъ-за тебя ... Не свяжись ты дразниться со старухой, ей бы и въ голову не пришло разспрашивать, какія мы да откудова, — и не знала бы она, что мы не ихной вѣры ... Вотъ изъ-

за тебя, можетъ, и бабѣ этой доброй отъ свекрови достанется.

— Кабы пришла эта старая чертовка къ намъ, въ Ломы, я бы подговорилъ ребятъ ... Мы бы ей задали ...

— А вотъ тебѣ, перво, такъ правда, — что нужно бы задать ... Ты у меня помни: не балуй, не бахвалься.

Но скоро плетюшки были наполнены милостыньками. Маша совсѣмъ изнемогла, неся на одной рукѣ брата, а на другой наполненную кусками корзинку. Она рѣшилась итти домой и, выйдя изъ деревни, присѣсть, и отдохнуть.

За овиномъ ихъ встрѣтилъ Семіошка, который поджидалъ ихъ. Онъ безъ церемоніи взялъ кусокъ пирога и началъ жевать его; а когда дѣти присѣли отдохнуть, онъ, не спрашивая ихъ согласія, выбралъ всѣ лучшіе куски и положилъ въ свою плетюшку.

— На что ты это? — спросила его Маша.

— А что?

— На что же берешь-то?

— А себѣ ... Съ васъ будетъ и этого ... Всего не съѣдите сегодня, а завтра опять насбираете ...

— Да мы завтра не пойдемъ ... Это намъ на недѣлю будетъ ... Намъ нажнитво нужно, пока до своего хлѣба ...

— Ну, ничего, сходите опять ... Хотите, я вамъ еще мѣсто покажу? ... Хорошее ...

— Такъ ты не тронь же, Семіошка! Это наше! — разгорячился Павлшуа.

— И не ваше, а мірское ... Это милостынька ... что же вы набрали, а мнѣ съ пустой плетюшкой что-ли домой-то итти, да голодному сидѣть изъ-за васъ?! ...

— Какъ изъ-за насъ? … Поди, самъ насбирай … Мы тебѣ не мѣшали …

— Куда я теперь пойду? … Да ужъ и поздно. Вѣдь у насъ и уговоръ былъ такой, что я васъ провожу до Гарей, а милостыньку пополамъ … Вѣдь я же васъ научилъ какъ и сбирать-то: безъ меня бы вы столько не набрали …

— Врешь: насъ не ты, а бабушка Офросинья учила … И уговору у насъ не было, мы тебя не звали съ собой: ты самъ присталъ … Отдай, говорятъ! — горячился Павлуша, схватившись за плетюшку Семіошки.

— А ты, слушай, не приставай: а то такъ отдую, — вѣкъ не забудешь … Гдѣ тебѣ со мной?

— Отстань, Павлуша; Богъ съ нимъ, отступись, — уговаривала Маша. Но Павлуша былъ не такой человѣкъ, чтобы уступить сразу: забывши разницу въ возрастѣ и силѣ, онъ бросился на Семіошку, но въ ту же минуту и полетѣлъ кубаремъ отъ его толчка.

— А еще задерешь, — ужъ тогда прибью вправду … Вишь ты, прыщъ! … говорилъ Семіошка, приподнимаясь и забирая свою корзинку. — А ты лучше будь другомъ: я, вось, къ вамъ приду и дудку тебѣ принесу, — подарю даромъ … А этого добра жалѣть нечего: не купленное … Поди — опять не выберешь! міръ-отъ великъ … Счастливо пока оставаться: отдыхайте, а я пойду …

Семіошка пошелъ отъ нихъ прочь. Павлушка хныкалъ отъ досады.

— А ты не реви; слушай, — вскрикнулъ ему Семіошка, отойдя нѣсколько шаговъ: — пра, дудку принесу … Жди …

— Приди-ка, такъ я те вздую съ Петрунькой! —

отвѣчалъ ему Павлуша. — Мы вдвоемъ-то сладимъ съ тобой, небось ...

— Отстань ты! — прикрикнула на него Маша.

— Приду, приду, вось, безпремѣнно ... Не взять вамъ меня и втроемъ, а не то что ... А ты бы лучше вотъ какъ: не оставъ, молъ, Семіонъ Вахрамѣичъ, милости просимъ къ намъ въ гости!

Семіошка приподнялъ свой картузъ, захохоталъ и пошелъ въ сторону, уже не оборачиваясь.

— Никогда не пойду вдругорядь за этой милостынькой! — сердито проговорилъ Павлуша.

— Дай-ка, Господи, кабы безъ нея обойтись! — сказала и Маша. — На что бы лучше! ...

Въ обратный путь Павлуша вызвался нести Сашу, а Маша тащила обѣ корзины. Усталые, измученные, едва добрели они домой къ полудню. Когда они разсказали о своихъ похожденіяхъ Никитушкѣ, онъ вздохнулъ и промолвилъ:

— Да, дѣтушки, не сладокъ даровой хлѣбъ: хоть сухой, да свой собственный, заработанный, не выпрошенный, — на что ужъ лучше! ...

Полевыя работы.

Кулявый осматривалъ сиротскія полосы вмѣстѣ съ маленькимъ хозяиномъ, Павлушей: тотъ показывалъ ихъ своему опекуну. Пришлось побывать не только во всѣхъ поляхъ, но и во всѣхъ полевыхъ участкахъ.

Крестьянскія полосы одного и того же хозяина никогда не бываютъ смежны одна съ другою, но всегда раскиданы въ разныхъ мѣстахъ; это происходитъ вслѣдствіе того, что при всякой деревнѣ, во всякомъ полѣ, есть земля лучшаго и худшаго качества, болѣе и менѣе удобренная: ободворичная, т. е. близкая къ селенію, ко дворамъ, и дальняя. Первая, ободворичная, всегда лучше удобрена, лучше разработана, получаетъ въ посѣвѣ самыя хорошія сѣмена, — слѣдовательно, и урожаи иа ней бываютъ всегда несравненно прибыльнѣе, „приполоннѣй", — какъ говорятъ крестьяне, — чѣмъ на участкахъ дальнихъ, на которые и удобренія попадаетъ меньше, и сѣмена похуже, — которые обрабатываются не такъ тщательно, а иногда остаются даже и вовсе не вспаханными по недостатку времени или зерна на посѣвъ. Владѣя землею сообща, общиной, крестьяне дѣлятъ ее между собою поровну, не только мѣрою, но и достоинствомъ; каждый имѣетъ равную

полосу изъ хорошей, ободворной земли, и изъ дальнихъ полей.

Въ этомъ общинномъ владѣніи землею, въ равномѣрномъ раздѣленіи полей между крестьянами, есть много справедливости, много выгоды и пользы для общественной жизни крестьянства, но есть и нѣкоторыя неудобства, особенно при вступленіи въ общество новаго члена, при передѣлѣ, то есть новой разверсткѣ полосъ. Тогда отъ всѣхъ полосъ, начиная съ крайней въ полѣ, отрѣзываются такіе лоскутки, изъ которыхъ, въ другомъ концѣ поля, могла бы составится мѣрная полоса для новаго члена общества; слѣдовательно, прежнія полосы суживаются, границы ихъ передвигаются. Затѣмъ кидается жеребей, кому какою полосою владѣть: такимъ образомъ, нерѣдко случается, что полоса, хорошо удобренная и тщательно обработанная руками заботливаго, трудолюбиваго и знающаго хозяина, попадаетъ въ руки лѣниваго или неопытнаго, и чрезъ два — три посѣва теряетъ свое прежнее достоинство. Понятно и то, что при такомъ порядкѣ крестьянинъ, не считая себя вѣчнымъ владѣльцемъ полосы, не станетъ заботиться объ улучшеніи и обработкѣ земли — такъ, какъ если бы онъ считалъ ее неприкосновенною и вѣчною своею собственностью. Слѣдовательно, общинное владѣніе землею нѣсколько мѣшаетъ личной предпріимчивости каждаго отдѣльнаго хозяина въ улучшеніи сельскаго хозяйства; но въ то же время оно имѣетъ и другія, великія достоинства: оно уравниваетъ членовъ крестьянскаго общества въ главномъ источникѣ ихъ благосостоянія — землѣ; оно спасаетъ каждое отдѣльное лицо отъ крайней, безпомощной бѣдности, которую общество не допуститъ — въ собственныхъ интересахъ: оно ставитъ

каждаго члена подъ надзоръ всѣхъ остальныхъ и всѣхъ обязываетъ заботиться о каждомъ; оно служитъ той связью, той крѣпкой силой, соединяющей и обезпечивающей нашъ русскій народъ, которой завидуютъ и которую стараются создать у себя западные народы Европы. Общинная жизнь, общинное владѣніе землею есть исключительная, характерная особенность русскаго народа, которая служитъ залогомъ нашей силы, которою мы должны дорожить и охранять ее. Всѣ ея недостатки могутъ быть устранены самимъ обществомъ, при развитіи грамотности, при увеличеніи образованія и накопленіи научныхъ знаній; но и въ настоящемъ своемъ видѣ, при всѣхъ своихъ временныхъ недостаткахъ, она, наша община, приноситъ неизмѣримо больше пользы, чѣмъ вреда.

Кулявый съ Павлушей пришли прежде всего въ паровое поле.

Крестьяне до сихъ поръ въ своемъ полевомъ хозяйствѣ придерживаются почти первобытныхъ пріемовъ и первобытной системы сѣвооборота. Они дѣлятъ всѣ свои поля на три, по возможности, равныя части, или смѣны: одна называется паровой, другая озимой, третья яровой. Первая-та, которая, послѣ двухъ хлѣбовъ, оставляется на годъ безъ посѣва, отдыхаетъ, согрѣвается удобреніемъ, парится солнышкомъ и теплыми лѣтними дождями, а потому и называется паромъ, или паровымъ полемъ. Въ продолженіе своего отдыха, оно приготовляется подъ посѣвъ самаго дорогого для крестьянина — озимаго, т. е. сѣющагося съ осени подъ зиму хлѣба — ржи. Въ то же время, на второмъ полѣ растетъ уже и спѣетъ озимь — рожь прошлогодняго посѣва, а на третьемъ зеленѣетъ ярь — овесъ, ячмень, пшеница

яровая, горохъ, ленъ, греча, — словомъ, всѣ тѣ хлѣба, которые сѣются весною и къ осени поспѣваютъ, которые не переносятъ остуженной зимними холодами земли, а требуютъ постоянно теплаго, яркаго солнышка, въ древности у славянъ называвшагося Ярилою.

Озимь сѣется по пару, а ярь по озими; слѣдовательно понятно, что то поле, которое прошедшій годъ было подъ паромъ, нынѣшній годъ сдѣлается озимымъ, будетъ подъ рожью, — а то, которое было подъ озимью, станетъ яровымъ; прошлогоднее же яровое нынче превратится въ паръ. Ясно, полагаю, и то, что въ теченіе трехъ лѣтъ каждое поле, послѣ двухъ лѣтъ работы, выростивши крестьянамъ въ одинъ годъ рожь, а на другой всякую ярь, — на третій годъ отдыхаетъ и ничего не производитъ, и этотъ-то годъ оно и называется паровымъ полемъ. На немъ крестьяне весною пасутъ свой скотъ, а потомъ, когда приходитъ время, на него вывозятъ удобреніе, — навозъ со своихъ дворовъ, раскидываютъ его по полосамъ и зарываютъ, прикрываютъ землею, переворачивая ее плугами, косулями или сохами, гдѣ какъ заведено, смотря по свойству почвы. Земля, повернутая такимъ образомъ, сначала лежитъ длинными, твердыми пластинами, или большими комьями; затѣмъ, подъ вліяніемъ воздуха, солнца, дождей, вѣтровъ, она разсыпается на болѣе или менѣе крупные комья и перемѣшивается съ удобреніемъ, которое въ это время тоже гніетъ, разлагается, превращается въ тѣ питательныя вещества, которыя поступаютъ впослѣдствіи въ пищу хлѣбныхъ растеній. Для того, чтобы способствовать мельчайшему раздробленію почвы и смѣшенію ея частицъ между собою и съ удобре-

ніемъ, а также и для того, чтобы освободить почву отъ сорныхъ травъ и сдѣлать ее мягкою и наиболѣе удобною для распространенія въ ней нѣжныхъ корешковъ растеній, посредствомъ которыхъ она питается, — землю потомъ еще не одинъ разъ пашутъ и боронятъ.

Въ усовершенствованныхъ хозяйствахъ существуютъ иные, — улучшенные способы обработки, и другіе сроки въ распредѣленіи работъ; но русскіе крестьяне, да и большинство русскихъ помѣщиковъ, — къ сожалѣнію, крѣпко держатся пока старыхъ, завѣщанныхъ дѣдами порядковъ въ хлѣбопашествѣ. Они до сихъ поръ руководятся только опытомъ, только переходящими изъ рода въ родъ скудными, поверхностными наблюденіями, на вѣру принятыми правилами и пріемами, — не знаютъ и не вѣрятъ, что сельское хозяйство, хлѣбопашество, есть наука очень мудреная и сложная, основанная на законахъ природы, требующая разнообразныхъ и обширныхъ научныхъ знаній. Но въ то же время, постоянно обращаясь съ одною и тою же почвой, крестьяне отлично знаютъ, практически, свойства земли, на которой живутъ и которую пашутъ, — любятъ ее, какъ свою кормилицу, и съ любовью занимаются хлѣбопашествомъ. И если бы возможно было къ этимъ практическимъ знаніямъ и къ этой любви прибавить хоть небольшія, элементарныя научныя свѣдѣнія, которыя бы освѣтили и осмыслили для крестьянина его полевую работу, то, при врожденной ему понятливости и сметкѣ, онъ сдѣлался бы отличнымъ сельскимъ хозяиномъ и сумѣлъ бы извлечь изъ земли вдвое больше того, что она даетъ ему теперь, въ вознагражденіе его тяжелаго, часто чрезмѣрнаго и непроизводительнаго труда.

Нѣтъ матеріальнаго труда, который былъ бы благороднѣе и полезнѣе хлѣбопашества: оно сближаетъ человѣка съ природой, привязываетъ его къ землѣ, а слѣдовательно и къ родинѣ: оно сохраняетъ его здоровье и силы, даетъ тихія радости, въ то же время закаляя и смягчая характеръ въ постоянной, но дружеской борьбѣ съ природой; оно не мертвитъ, но оживляетъ мысль и воображеніе, такъ какъ работникъ имѣетъ дѣло съ живымъ, растущимъ, какъ бы чувствующимъ и говорящимъ матеріаломъ. Съ другой стороны, избытокъ хлѣба въ народѣ есть главное условіе общаго благосостоянія въ государствѣ; онъ создаетъ спокойствіе и довольство, даетъ досугъ, а слѣдовательно и время, и возможность для ученья, для нравственнаго и умственнаго развитія: онъ отвлекаетъ народъ отъ чрезмѣрнаго наплыва на фабрики, столь гибельно дѣйствующаго и на здоровье, и на нравственность народа, — способствуетъ правильному и равномѣрному распредѣленію богатствъ, мѣшая чрезмѣрному скопленію ихъ въ однѣхъ рукахъ, въ ущербъ другимъ ...

Но намъ пора воротиться къ нашимъ деревенскимъ друзьямъ ...

Кулявый съ Павлушей пришли на паровое поле въ ту пору, когда пашню нужно боронить. Среди разстилавшейся передъ ними сѣрой, взрытой, покрытой крупными комьями площади, кое-гдѣ виднѣлись полосы уже взбороненныя, какъ бы расчесанныя и приглаженныя бороною.

— Вотъ ужъ добрые люди и боронить принялись, — говорилъ, проходя мимо ихъ, Кулявый ...

— А вотъ это наша полоска-то, — указывалъ ему Павлушка: — ее тятька останную запахивалъ, я помню; завтракать я ему носилъ ... и сивкѣ тоже

сѣнца принесъ въ корзинкѣ, перекусить тоже... Вотъ то самое мѣсто и кормились... Вотъ!...

Глазенки Павлуши подернулись печалью при воспоминаніи объ отцѣ: онъ задумчиво смотрѣлъ вдоль полосы, по которой еще такъ недавно ходилъ отецъ вслѣдъ за сивкой, впряженнымъ въ косулю. Точно туманъ застилалъ глаза Павлуши, онъ отеръ ихъ рукавомъ рубахи, — это были слезы.

— А какъ хозяина-то видать! — развлекъ его голосъ Куляваго: — вотъ полоса, и вотъ полоса... Смотри ка у тятьки-то какъ хорошо: пластъ-отъ лежитъ прямой да ровный... Видно, что косуля-то въ рукахъ шла — не прыгала, не вертѣлась; ровно по ниткѣ вырѣзалъ... А вотъ у сосѣда-то: тутъ забралъ — бѣлу землю выворотилъ, а тутъ только наверху черканулъ, дернины-то не подрѣзалъ; а вонъ, вонъ и совсѣмъ изъ земли выскочила: видать, поверху даромъ прошла... Да нарвано, да накривулено!... ай!... ужъ не пашня же эта будетъ, не жди тутъ хлѣба... Чья-то это полоса-то?

— А это Дормидохина, — отвѣчалъ Павлуша: — и самъ отъ онъ нескладной, не сручной ровно какой, — да и лошадь-то у него новая... да тощая же, братецъ, тощая... Идетъ, идетъ, да станетъ; а онъ какъ полыснетъ ее кнутомъ, такъ она въ сторону, изъ борозды-то вовсе выскочитъ и съ косулей-то... Вотъ отъ того!... Вонъ какъ у насъ сивка-то, — такъ того и погонять не надо: онъ идетъ, — ровно разговариваетъ, идетъ — не выступитъ... За то онъ у насъ умный, который годъ въ работѣ у однѣхъ рукъ... А у Дормидохи, самъ знаешь, — что годъ, то лошадь, да купитъ палочницу: ну, она и мотается у него лѣто-то кое-какъ... Потому и работа!...

– Вишь ты какой: все дѣло разсудилъ! — съ улыбкою замѣтилъ Кулявый ...

— Да какъ же можно: привычная лошадь, ухоженная, какъ нашъ сивка, — али новая ... можетъ и къ работѣ-то совсѣмъ не навычена, да еще худая, малосильная! ... Ничего не подѣлаешь! ...

— Да такъ, такъ! ... Вотъ я посмотрю, какъ ты у меня боронить-то станешь ... Съ той недѣли приматься и тебѣ время ...

— Я не боюсь ... Погоди, какъ мы съ сивкомъ управляться почнемъ. — Такъ я, коли придемъ, борону-то въ прудъ стащу, — пускай мокнетъ ... Она, поди, поразсохлась ...

— Что же, ладно, стащи ... Припасайся, — говорилъ Кулявый, видимо довольный смышленностью и ретивостью Павлуши.

— А вѣдь вотъ мѣшка четыре, а пожалуй и съ осминой [1], сѣмянъ-то потребуется ... Вотъ сколько нахлыстать придется! ... продолжалъ Кулявый размышлять.

— Что-жъ, нахлыщемъ ... Только бы далъ Богъ нажать, а то нахлыстать долго-ли! ... спокойно и серьезно разсуждалъ Павлуша.

— Да кто нахлыщетъ то? ... ты что-ли? Ужъ больно тебѣ все нипочемъ! ... Машуткѣ-то некогда: жать надо; а мнѣ съ одной-то рукой не больно сподручно ... А тоже, смотри, сноповъ четыреста придется отхлыстать-то, али больше ...

— Такъ вѣдь развѣ я одинъ? ... Ребятишекъ попрошу: помогутъ ... Знаю, что помогутъ ... Велика-ли эта работа! Живо околотимъ; только бы, вось, кто провѣялъ.

---

[1] Осмина — два четверика; мѣшокъ — четыре четверика.

— А не знаешь, сколь тятька-то сѣялъ на свой розникъ?

— Вотъ не знаю ... Машутка, чай, знаетъ: та все знаетъ! ... И я бы зналъ, да меня не допущали до этого, потому малъ былъ; а тутъ Сашка родился, такъ въ няньки приставили: все больше съ нимъ ...

Изъ парового поля перешли въ озимое. Рожь уже совсѣмъ пожелтѣла и наклонила свои отяжелѣвшіе отъ зеренъ колосья. Кулявый сорвалъ колосъ, намѣреваясь посмотрѣть, — окрѣпло-ли зерно; то же самое сдѣлалъ Павлуша и, охлыставши его между ладонями, — съ видомъ знатока, взялъ зерно въ ротъ и раскусилъ его зубами.

— Поспѣло совсѣмъ: жать надо, — серьезно и увѣренно проговорилъ мальчуганъ. Никита засмѣялся.

— Ахъ ты пострѣлъ! — сказалъ онъ смѣясь, — да что ты понимаешь! ...

— Да чего понимать-то: смотри самъ, — ужъ и молочка нѣтъ, совсѣмъ ожестклo... Чего ждать-то? жары какія стоятъ! ... Какъ разъ потечетъ ... Безпремѣнно надо зажинать ...

Павлуша говорилъ это безъ малѣйшаго бахвальства, совершенно спокойно и съ убѣжденіемъ.

— Ай да мужикъ! ... молодецъ! — сказалъ Кулявый, посматривая на Павлушу одобрительно и съ любовью. — Поспѣла и есть: вотъ съ субботы зажинать ...

Въ яровомъ полѣ посмотрѣли на ячмень и на овесъ. И они уже начали спѣть и желтѣть ...

— Ай, плохи нонче яровые-то! — замѣтилъ Кулявый.

— Да не съ чего и быть-то имъ: много-ли до-

ждей-то было? — разъяснилъ Павлуша. — Ярь, сказываютъ съ дождей растетъ, а нонче вонъ какое лѣто-то ...

— Да и спѣетъ: не управиться съ рожью-то, и она подгонитъ ... Замнетъ насъ работа ... Бѣда! ... разсуждалъ Никита.

Павлуша уже не могъ подать въ этомъ случаѣ никакого мнѣнія или совѣта и молчалъ. Онъ только мысленно рѣшился непремѣнно помогать сестрѣ въ жнитвѣ и собирался жать тѣмъ серпомъ, которымъ прошлый годъ жала сестра: онъ поменьше и полегче.

Въ субботу ступинскіе крестьяне сдѣлали зажинъ: — то-есть положили начало жнитву, — той тяжелой работѣ, которая называется страдою, тому періоду полевыхъ работъ, который прозвали страдною порою. Нѣсколько недѣль сряду, изо дня въ день, съ утра до поздняго вечера, будутъ теперь крестьяне съ серпами въ рукахъ стоять, нагнувшись до земли, подрѣзать, собирать въ снопы сжатый хлѣбъ; съ утра до заката будетъ палить ихъ согнутыя спины горячее лѣтнее солнышко; вдосталь загорѣютъ, почернѣютъ ихъ лица, постоянно смоченныя потомъ; перетрескаются ихъ сухія, измученныя жаждою губы; начнутся приливы крови къ головѣ, боли въ поясницѣ, ломотушка въ усталыхъ рукахъ и ногахъ ... Замолкнутъ въ деревняхъ не только пѣсни, но даже и веселыя шумныя рѣчи ... Страдная пора! тяжелая работа! ...

Хорошо еще, если уродилъ Богъ хлѣбецъ съ высокой соломой, съ тяжелымъ полнымъ колосомъ, — если работу облегчаетъ надежда на добрый, приполонный урожай: легче и веселѣе тогда работается ... Но бываетъ, что рожь тощая, съ мелкимъ, на поло-

вину пустымъ, колосомъ, а яровое такъ низко, такъ рѣдко, что въ горсть захватить нечего, и приходится водить серпомъ чуть не по самой землѣ; случается, что крестьянинъ жнетъ — и знаетъ, что онъ едва соберетъ посѣянныя сѣмена, а самая работа, весь прежній и настоящій трудъ пропадаютъ даромъ: тогда работа становится еще тяжелѣе, еще мучительнѣй! ...

А не жать, не убирать хлѣба, нельзя: крестьянинъ дорожитъ каждымъ зерномъ, каждой соломиной ... Ему все необходимо и все дорого, для собственнаго продовольствія и для посѣва, и для прокормленія скота, о которомъ онъ заботится не меньше, чѣмъ о себѣ самомъ; денегъ у него нѣтъ, купить не на что, да, случается, и негдѣ...

Есть благодатныя земли, есть счастливыя страны, гдѣ родится хлѣбъ безъ всякаго удобренія, на едва распаханной почвѣ, и родится такъ, что всякое зерно, брошенное въ землю, приноситъ земледѣльцу 10, 15, 20 зеренъ прибыли; но наши сироты жили въ такой сторонѣ, гдѣ земля родитъ только послѣ старательнаго ухода за ней, только тщательно разрыхленная и сильно удобренная, и то еще какъ родитъ! ... Крестьянинъ считаетъ себя счастливымъ, если хлѣбъ пришелъ самъ-пятъ, самъ-шестъ, то-есть на одно посѣянное зерно онъ получилъ еще четыре или пять зеренъ барыша; онъ доволенъ и тогда, когда хлѣбъ родится самъ-четвертъ; а сплошь и рядомъ онъ приходитъ самъ-третей и даже самъ-другъ. И вотъ, крестьянинъ, посѣявшій на свой розникъ, т. е. тягольный участокъ земли, двѣ съ половиною четверти ржи, часто получаетъ только 7—8 четвертей, изъ которыхъ двѣ съ половиною опять долженъ употребить на посѣвъ: значитъ, на продовольствіе у него

остается всего-на-все около 5—6 четвертей, т. е. 45—50 пуд. И это на весь годъ, на прокормленіе себя, жены, троихъ-четверыхъ дѣтей!

Разсчитайте-ка, на долго-ли хватитъ ему этого хлѣба, если на каждаго человѣка въ день нужно по крайней мѣрѣ два фунта муки. Эта простая ариѳметическая задача приведетъ васъ къ такому выводу, что семьѣ въ пять человѣкъ не достанетъ этого хлѣба и на полгода ... А тамъ впереди еще шесть мѣсяцевъ, въ которые хлѣбъ нужно будетъ покупать, платить за него деньги; а деньги нужны еще и на подати, на соль, на деготь, на одежду, на обувь, — да мало-ли на что еще. А великъ ли крестьянскій заработокъ! Мужикъ идетъ зимою въ работу за двадцать копеекъ въ сутки, а баба и за десять: много-ли тутъ сберешь денегъ! ...

Вотъ эти-то думы о будущемъ и дѣлаютъ иногда пору уборки хлѣба страдною порою больше, чѣмъ самая работа подъ палящимъ солнцемъ, съ пересохшимъ горломъ, съ запекшимися отъ зноя губами, съ болью и ломотой во всѣхъ членахъ ...

Русскій крестьянинъ не боится труда и не тяготится имъ ... Посмотрите на работу крестьянъ, когда они жнутъ свой собственный хлѣбъ, — и сравните выраженіе ихъ лицъ, ихъ движенія — въ одномъ случаѣ, когда уродился хорошій хлѣбъ, и въ другомъ, — когда урожай плохъ. Въ первомъ случаѣ — вы увидите веселыя и довольныя лица, быстрыя, живыя и энергичныя движенія, точно эти люди не знаютъ усталости: въ другомъ — васъ поразитъ утомленіе и скука на лицѣ, вялость и апатія въ движеніяхъ: вы думаете, что работаютъ лѣнтяи или люди, которые выбились изъ силъ и которымъ ихъ работа противна ... Вы поймете тогда, что русскій кре-

стьянинъ дѣлается лѣнивъ и безпеченъ, повидимому, только тогда, когда трудъ его не окупается, когда онъ чувствуетъ и сознаетъ, что работа его не многимъ цѣннѣе бѣганья бѣлки въ колесѣ ... А въ противномъ случаѣ — и самая страдная работа для него легка и незамѣтна: онъ никогда не потяготится ею, никогда на нее не пожалуется.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, преимущественно на югѣ и востокѣ, въ степныхъ губерніяхъ, хлѣбъ не жнутъ серпомъ, но косятъ: это значительно облегчаетъ и ускоряетъ работу; но при этомъ теряется больше зерна, чѣмъ при жнитвѣ; а поэтому въ сѣверныхъ и среднихъ, менѣе хлѣбородныхъ губерніяхъ, гдѣ посѣвы меньше, а хлѣбомъ дорожатъ больше, серпъ въ общемъ еще употребленіи. Наука въ замѣну серпа и косы выдумала жатвенныя машины, которыя работаютъ въ десятки разъ скорѣе; но онѣ дороги и недоступны крестьянамъ: для нихъ коса и преимущественно серпъ надолго еще останутся единственными орудіями жатвы, и „страдная пора“ долго еще не пройдетъ для нашихъ крестьянъ.

Маша ходила на жнитво заурядъ со всѣми ступинскими бабами. Каждое утро, послѣ того какъ обсохнетъ роса, она клала на плечо серпъ, брала на руки Сашку и шла на свою полосу, въ сопровожденіи Павлуши, который также съ серпомъ на плечѣ, несъ въ рукахъ черный глиняный кувшинъ съ водою для питья.

Павлуша осуществилъ свое намѣреніе, и съ перваго же дня, вооружившись маленькимъ серпомъ сестры, пріучался жать; сначала дѣло у него шло плохо: онъ путалъ и рвалъ рожь, нѣсколько разъ обрѣзалъ себѣ пальцы, — но скоро научился, и хоть далеко отставалъ отъ сестры и успѣвалъ на-

жать не больше одного снопа, въ то время — какъ Маша принималась за третій, — но работалъ упорно и неутомимо.

Въ то время, какъ они жали, Саша сидѣлъ на снопахъ и забавлялъ самъ себя, какъ умѣлъ и хотѣлъ. Соскучившись уединеніемъ и бездѣйствіемъ, онъ отправлялся иногда за бабочкой или коромысломъ — и ползъ на четверенькахъ по колючимъ остаткамъ соломы до тѣхъ поръ, пока не получалъ хорошей царапины до чувствительной боли: тогда начиналъ кричать и ревѣть. На помощь ему являлись или Маша, или Павлуша, поднимали его и, съ приличными выговорами и внушеніями, переносили на другую кучу сноповъ, поближе къ себѣ. Иногда Павлуша увлекался и самъ: ловилъ какую-нибудь попавшуюся по дорогѣ букашку и подавалъ ее Сашкѣ для развлеченія; а то кидалъ въ него выдернутой съ корнемъ сорной травой или цѣлымъ снопомъ, отчего Сашка хохоталъ или ревѣлъ, а Маша останавливала шалуновъ. Сама она работала — не развлекаясь, серьезно и сосредоточенно: гибкая молодая спина ея нагибалась безъ боли, но уставали руки отъ однообразнаго усиленнаго движенія, — такъ что приходилось, особенно первые дни, — съ непривычки, какъ думала Маша, — оставлять работу на нѣсколько минутъ и махать одряблою, дрожавшею рукою, чтобы вновь сдѣлать ее способною къ работѣ.

Бабы, жавшія по сосѣдству, съ улыбкой удовольствія посматривали на этихъ работавшихъ дѣтей, и, проходя мимо, каждая изъ нихъ считала долгомъ остановиться и сказать имъ ласковое, ободряющее слово.

— Ай да ребятишки, ай да работнички! ... — говорила одна. — Послушай, поспѣшай, паренекъ, — не отставай отъ сестры-то, не отставай! ...

— Машутка, чай, устала, дурочка? ... спрашивала другая.

— Нѣтъ! ...

— Какъ нѣтъ: мы посноснѣй тебя, да и то спинушка переломилась ... А и этотъ туда же! ... Да ужъ нѣтъ, братъ, не ужать за сестрой-то, нѣтъ! ... Дай-ка, я прихвачу тебѣ-ка ...

И то та, то другая, идя въ поле или уходя съ него, сжинали въ помощь Машѣ — по три, по пяти сноповъ. А молоденькія дѣвушки, ровесницы и сверстницы Маши каждый день, возвращаясь съ своей работы и находя Машу на своей полосѣ, помогали ей. Приходила на два денька и бабушка Офросинья, тоже пожать на сиротокъ.

Но, несмотря на все, Маша осталась далеко позади всѣхъ прочихъ семейныхъ и взрослыхъ жней: иныя полосы были уже совсѣмъ сжаты, а ея полоса еще только въ половинѣ. Въ послѣднее время она оставалась на ней одна только съ Сашей. Павлушу Кулявый послалъ боронить, и мальчикъ, бродя босыми ножонками по комкамъ земли, вслѣдъ за бороною и своимъ другомъ сивкой, покрикивая, посвистывая и напѣвая, — находилъ, что эта работа и легче, и веселѣй, и сподручнѣй ему, какъ мужчинѣ.

Столь же охотно Павлуша принялся и за другую работу, для которой Кулявый оторвалъ его отъ бороньбы. Когда сжатая рожь обстоялась и достаточно просохла, надо было перевезти на гумно и охлыстать нѣсколько сотенъ сноповъ, чтобы намолоть своей муки и исподволь припасать сѣмена для посѣва.

Гумномъ у крестьянъ называется та часть ихъ усадьбы, которая назначена для склада сноповъ въ скирды, и гдѣ находится овинъ и ладонь, или токъ.

Въ овинѣ сушатъ снопы, для того, чтобы зерно было сухо и лучше отставало отъ колоса при молотьбѣ, а ладонь или токъ — крѣпко утрамбованное пространство передъ овиномъ, на которомъ раскладываются снопы при молотьбѣ. На крѣпкой и гладкой ладони, или току, зерна хлѣба не теряются, не затаптываются, не уколачиваются въ землю, подъ ударами цѣповъ, которыми выбиваютъ зерно изъ колоса. На ладони легко собирается обмолоченная солома, удобно сметается въ одну кучу зерно, не теряется и мякина, которая отлетаетъ при провѣиваніи зерна.

Когда время дорого, а хлѣбъ нуженъ, и сушить снопы въ овинахъ некогда, то ихъ не молотятъ цѣпами, а только охлестываютъ, или околачиваютъ обо что-нибудь крѣпкое: о столбъ, бревно, положенные на ладони. При этомъ зерно изъ снопа отдѣляется не все на-чисто, а только самое крупное и тяжелое. Околоченные такимъ образомъ снопы называются околотками.

Работа эта легкая и веселая, и какъ только Кулявый намекнулъ о ней, Павлуша, пока дядя Никита закладывалъ лошадь, обѣжалъ всѣхъ своихъ пріятелей ребятишекъ, приглашая ихъ на помочь. Охотниковъ явилось много. Кулявый не успѣлъ еще привезти съ поля первой телѣги со снопами, а на гумнѣ уже суетилась и толкалась цѣлая толпа маленькихъ, бѣлоголовыхъ помочанъ, подъ предводительствомъ Петрушки, главнаго дружка Павлушина, бойкаго, живого, десятилѣтняго мальчика.

— Надо, ребята, припасать пока, — распоряжался Петруша. — Вы, Митька съ Демкой, разметайте пока ладонь, чтобы чисто было, а мы пойдемъ, — бревно промыслимъ гдѣ, да притащимъ.

— Вотъ чурбанье лежатъ, нѣсколько ихъ: чего

далеко-то ходить! — указалъ одинъ изъ мальчиковъ на полугнилые обрубки дерева, валявшіеся около овина и приготовленные для сушки хлѣба.

— Нѣтъ, что чурбанье! ... не годятся: вертѣться будутъ, легки ... Тутъ надо тяжелое бревно, чтобы лежало крѣпко, — да длинное, — чтобы всѣмъ около него встать, хлыстать-то ... Пойдемъ, я знаю — гдѣ: у дяди Андрея подъ амбаромъ есть ... Пойдемъ, прикатимъ сюда ...

— Заругается ...

— Ну вотъ, заругается! ... Не съѣдимъ, цѣло будетъ: послѣ опять откатимъ на то же мѣсто ...

И усиліями нѣсколькихъ маленькихъ рукъ пигмеевъ большое и тяжелое бревно было прикачено и положено на ладони. Скоро показался и ожидаемый возъ сноповъ: на немъ лежалъ внизъ животомъ Павлуша, а Кулявый велъ подъ уздцы сивку.

— Дядя Никита! — закричалъ съ воза Павлуша: — вонъ мои-то помочане всѣ тутъ ... Ждутъ! ... Я говорилъ, что помогутъ! ...

И прежде чѣмъ Кулявый успѣлъ что-нибудь отвѣтить, Павлуша сползъ съ воза, сзади телѣги, и несся впередъ къ своимъ дружкамъ-помощникамъ.

— Экой пострѣлъ! Ну-бы свалился, да подъ колеса! ... успѣлъ только проговорить вслѣдъ ему Кулявый; а ужъ Павлуша бѣглымъ взглядомъ окинулъ все на ладони и кричалъ оттуда:

— Дядюшка, и припасли все, приготовили ... И бревно притащили ... Давай скорѣй сваливать, да поѣзжай опять: тамъ Мишутка подастъ тебѣ; а мы живо обкатаемъ, — охлыщемъ.

Никита, ковыляя около лошади, весело улыбался на заботливую хлопотню Павлуши и на всѣхъ своихъ

маленькихъ сотрудниковъ, которые вмѣстѣ съ хозяиномъ нетерпѣливо окружали возъ.

— Ай да ребятки! вотъ спасибо, вотъ спасибо! ... Всѣхъ медомъ одѣлю, вось; только вы у меня не шалить, хорошенько хлыщите: старайтесь, чтобы чисто, а не то-что такъ только, махаться безъ пути ... Силенки-то вотъ у васъ мало: не выколотить вамъ ...

— Не сумлѣвайся: такъ охлыщемъ ... лучше бабъ! ... Сваливай, знай! — отвѣчали ребятишки, окружая возъ, въѣхавшій уже на ладонь, и упираясь въ него съ одного бока съ намѣреніемъ опрокинуть.

Кулявый отступилъ и смотрѣлъ на нихъ съ улыбкой.

— А ну, ну ... Что же вы? ,.. Опрокидывайте ... Но и десятокъ маленькихъ рученокъ не могъ покачнуть воза: несмотря на всѣ усилія и суетню, онъ не подавался.

— Что же, хвастуны, а? ... поддразнивалъ ихъ Кулявый, посмѣиваась.

— Такъ ты не подвернулъ? ... Ты подверни колесо-то хорошенько, — защищались ребятишки.

— Да какъ еще вамъ? ... Колесо подвернуто: видишь! ... совсѣмъ подъ телѣгой! ...

— Ребята, вотъ какъ! — горячился Петрушка: бери всѣ вдругъ за заднее колесо, всѣ берись, сразу ... Ну ... И ребятишки уцѣпились за колесо — и съ крикомъ, съ гамомъ, пыжились, кряхтѣли, силясь приподнять его. Въ горячкѣ, въ азартѣ, они не замѣтили, какъ Кулявый, сзади ихъ, уперся своей сильной здоровой рукой въ грядку телѣги: бокъ телѣги приподнялся, возъ опрокинулся, снопы полетѣли на земь ... Ребятишки съ хохотомъ отступили и были въ полномъ восторгѣ, увѣренные, что возъ опрокинулся — благодаря только однимъ ихнимъ усиліямъ.

— Что, дядя Кулявый! а? ... Вишь ты, и опро-

кинули! ... кричали они. — Нѣтъ, мы, какъ всѣ-то примемся ... такъ ...

— Ну, да ужъ сильны, сильны, что говорить: ужъ самъ теперь вижу, смѣялся Кулявый, оправляя телѣгу. Ну, хлыщите же теперь, а я пока поѣду за другимъ возомъ ... Постарайтесь для Бога, господа помочане! ..

— Да ужъ ... не сумлѣвайся! ... отвѣчали ребята серьезно.

— Ты, дядя Кулявый, теперь сталъ вонъ какой! ... Мы тебя не боимся ... — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Какой? ...

— А вожеватый сталъ! мы и не дразнимся нонче съ тобой ... Какъ съ Павлушкой повелся, такъ и вожеватый сталъ ... д—о—брый! ...

— Это оттого, что Павлушка-то меня уму учитъ ... Вотъ я и сталъ другой ... поумнѣлъ! ...

— То-то ... И мы тебя не замаемъ нонѣ ...

— А ты намъ меду давай ... — проговорилъ паренекъ съ плутоватыми глазками, хихикая и прячась за другихъ. — А то мы опять почнемъ ...

Но нѣсколько сердитыхъ толчковъ въ бокъ заставили забіяку замолчать: товарищи устыдились и не поддерживали его выходки.

— Ты что, жила, клянчишь! — выговаривали они ему, когда Кулявый уѣхалъ: — развѣ такъ гораздо? ... Ты чай, на помочь пришелъ; слышь, самъ сказалъ: всѣхъ, говоритъ, одѣлю, только постарайтесь ... А ты клянчишь! ...

— Ну, принимайся, робя ... Буде ... Становись! ...

Мальчуганы стали въ рядъ около бревна, и приподнимая надъ головами снопы, со всего размаха опускали ихъ и били колосьями по бревну. Работа

кипѣла, сопровождаясь криками, похвальбами, прибаутками.

— У меня-то? ... Смотри-ка ... Почитай, ни единаго зернышка не осталось: хоть не молоти послѣ, — хвасталъ другой.

— А вы вытряхивайте, чтобы въ середкѣ-то зерна не оставалось, да кидайте въ одну кучу, а то спутаемся ... — распоряжался Павлуша.

— И суха же, братцы, нонѣ выстоялась! не суша — молоти ... — разсуждали дѣти.

— Вотъ бы теперь молотить, а то двойная работа ...

— Да и дровъ бы не пали ...

— А коли же жать-то, коли теперь молотить сняться? ... Пока эту молотишь, а коя на корню-то стоитъ, та уйдетъ ...

— Такъ неужто? ... Знамо, уйдетъ ... Тутъ на всякое дѣло свое время пригнано ... Вотъ обожнутся, да посѣются, поосвободятся маленько, — тутъ и молотьба пойдетъ сряду ...

— Да, вотъ тогда работка-то пойдетъ во всю ночь, безо сна ...

— А я смерть люблю подъ овиномъ съ дѣдушкой сидѣть: онъ у насъ сушитъ-то ... Сидишь тамотки: теплина-то горитъ, дымъ-отъ валитъ съ искорами, кругомъ-то темень ... Страсть! ... А онъ еще другой разъ страшное разсказываетъ: все бы слушалъ ...

— Да, подъ овиномъ-то, сказываютъ, не хорошо живетъ: бука, чу, кажется ... и хватаетъ ...

— Дѣдушка говоритъ: коли со крестомъ да съ молитвой, такъ ничего ему не подѣлать съ человѣкомъ ... Это, вотъ, кои ругатели бываютъ, да душу свою заклинаютъ, — онъ къ тѣмъ, правда — что выходитъ, — кажется! ... и ломаетъ того чело-

вѣка! ... А коли хошь и увидишь его, да молитву сотворилъ, перекрестился, да отчурался, — онъ тотчасъ и пропадаетъ ... не тронетъ ...

— А я видѣлъ ... — сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, черноглазый и чумазенькій.

— Кого?

— А его самого ...

— Врешь ...

— Провалиться, видѣлъ!

— Гдѣ?

— Въ ямникѣ, подъ овиномъ ... Вотъ недавно ... Тятька меня послалъ: „слазь" — говоритъ: „тамъ метла кинута" ... Я слѣзъ туда, — а онъ тамъ и сидитъ ...

— Какой онъ?

— Ccтра-ашенный, черный! ... Видать, кошка ... большу—-ущая! ... Сидитъ, ощетинился ... А глаза-то такъ горятъ, ровно искры ... Стра-а-асть! ...

— Такъ она, можетъ кошка и есть? ... замѣтилъ мальчикъ постарше.

— Да! ... кошка! ... Какъ же! ... Больно ты ловокъ: разѣ экія кошки бываютъ? Глаза-то по кулаку, да и самъ-отъ съ жеребенка ... Большущій! ...

— Что же ты? ...

— Я слѣзъ туда ... Темно, вѣдь, ничего не видать ... И его не видно было ... Я шарю по стѣнѣ руками-то, нащупалъ метлу-то, только взялъ ее, да оборотился, — а онъ и сидитъ ... Я какъ закричу благимъ матомъ, да въ него метлой ... ужъ намъ не знаю съ чегой-то ... А онъ какъ фырксетъ, да мимо меня прыснетъ! ... Такъ и пропалъ, ровно сквозь землю ушелъ ... Вылѣзъ я оттуда — тятька-то испугался: такъ я пересмякъ, а руки-то да

ноги такъ ходуномъ и ходятъ ... Насилу отошелъ: мамка ужъ святой водой прыскала на меня ... Страсть, парень, такая! ... ужасти! ... Я только что снесъ, а другому человѣку, не снести ...

Работа пріостановилась. Всѣ слушали разсказчика, разинувши ротъ и оборотясь къ нему. Герой разсказа былъ, видимо, доволенъ произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— А я бы, кажись, не испужался, — сказалъ одинъ изъ слушателей. Я бы ...

— У-ухъ! ... раздался вдругъ страшный голосъ изъ глубины овина, къ которому дѣти стояли спиною.

Всѣ дѣти вздрогнули отъ страха, нѣкоторыя взвизгнули и бросились бѣжать, не оглядываясь; а только что хвалившійся храбростью присѣлъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и уткнулся лицомъ въ кучу сноповъ.

Но изъ овина, вслѣдъ за страшнымъ уханьемъ послышался веселый громкій смѣхъ и показался Семіошка.

— Стойте ... Не бѣги ... Не бойтесь ... Чудаки экіе! ... Это я ... Павлушка, узналъ ли? — говорилъ Семіошка, выходя изъ-подъ пеледа[1]. — А еще говоритъ: не испугался бы ... Эхъ вы — трусишки! ...

Разбѣжавшіяся было дѣти, услыша человѣческій голосъ и смѣхъ, стали останавливаться, оглядывались и возвращались, нерѣшительно и стыдливо посматривая въ землю, по сторонамъ и на Семіошку. У каждаго изъ нихъ, вмѣстѣ со стыдомъ, явилась и досада на виновника ихъ испуга и обнаруженной трусости.

— Чего испужались-то? ... На, вотъ смотри:

---

[1] Пеледомъ называется часть овина, выступающая крышею надъ ладонью, или токомъ.

не мертвый, живой, какъ есть, жиляной да костяной; а вы испужались ... — говорилъ Семіошка, усаживаясь на кучу сноповъ.

— А ты чего ухаешь невзначай? ... — раздражительно спрашивалъ Павлуша, недружелюбно посматривая на неожиданнаго гостя. — Никто тебя не испугался, а невзначай, знамо, до кого ни доведись ... всякій можетъ обробѣть ... Ты съ чего это? ... Что тебѣ-ка? ...

— А ты звалъ заходить-то ... Дудку-то просилъ: вотъ я принесъ ... Чудесная вышла! ... Да иду я гумнами-то, — вижу — хлыщите, узналъ тебя ... Подошелъ тихо, слушаю — что у васъ, а вамъ никому и не въ примѣту меня ... Слышу про буку — вонъ этотъ разсказываетъ: дай, думаю, попугаю ... Забрался подъ пеледъ-отъ, да какъ ухну! ... а вы спужались, да ровно комарье въ стороны разлетѣлись ...

Семіошка опять расхохотался. Мальчики стали уже обижаться.

— Такъ ты что же такъ-то? исподтишка-то? ... Ты чего зубы-то скалишь ... Ты думаешь, — сробѣемъ тебя, что-ли? Коли хошь, выходи прямо ... Не бось, не уважимъ, взбучимъ ... Ну, выходи! ... горячились, подступая къ Семіошкѣ, самые задорные.

— Да вы что же? ... Вѣдь я не драться пришелъ ... Я вотъ къ дружку: онъ меня звалъ, — оворилъ Семіошка, указывая на Павлушу.

— Когда я тебя звалъ? ... Я еще ...

— А дудку-то просилъ принести ...

— Такъ что? ...

— Ну, я и принесъ: нарокомъ про тебя сдѣлалъ ... Вотъ слушай, — поиграю ...

Семіошка вытащилъ изъ-за пазухи маленькую де-

ревянную дудочку съ дырками, приложилъ ее къ губамъ и, перебирая пальцами по отверстіямъ, заигралъ. Дудка издавала печальные, однообразные звуки. Дѣти съ любопытствомъ прислушивались. Работа была совсѣмъ позабыта.

За этимъ занятіемъ засталъ дѣтей Кулявый, привезшій новый возъ сноповъ.

— Ай да помочане! — сказалъ Никита съ легкимъ упрекомъ. — Чѣмъ бы работать, а они вона-что! ... И самъ хозяинъ-то тутъ же.... Плохо, братъ, Павлушка! ...

— Да это вотъ Семіошка пришелъ съ дудкой, а то мы всѣ хлыстали, — стыдливо оправдывался Павлуша, хватаясь за снопы и намѣреваясь приступить къ работѣ.

Его примѣру послѣдовали и всѣ прочія дѣти, сконфуженныя замѣчаніемъ Никитушки. На кучѣ сноповъ остался одинъ только Семіошка, — но и тотъ нѣсколько смутился, засунулъ дудку опять за пазуху и сталъ подниматься, нерѣшительно посматривая на Куляваго.

— А это что за Семіошка? ... Отколѣ ты, малецъ? — спрашивалъ Кулявый, забывшій разсказы дѣтей о встрѣчѣ съ нимъ.

— Я изъ Прислонихи ... — отвѣчалъ Семіошка.

— Какъ сбирать-то ходили ... въ Гари-то: помнишь, мы тебѣ сказывали? — подсказалъ Павлуша.

— А-а ... Такъ это ты милостыньку-то у нихъ отнялъ?

— Я не отнялъ: они сами отдали ... У насъ такой уговоръ былъ ... Я ихъ тогда поучилъ и дудку обѣщалъ ... Вотъ я и принесъ ... — говорилъ Семіошка, отступая на всякій случай подальше отъ Куляваго.

— Ай, паренекъ! я вижу, — ты не путный, шатущій ... И тогда-то ихъ обидѣлъ, и теперь-то вотъ по пустякамъ съ дудкой пришелъ ... А они у меня ребятки всѣ дѣльные, — на помочи, на работѣ всѣ были; а ты пришелъ вотъ отъ работы ихъ отбивать! ...

— Такъ я не зналъ того ... Я обѣщалъ, просилъ онъ меня: вотъ и пришэлъ, принесъ ему ...

— Это дудку-то ... Въ экое время? ... Ну, видно — дѣлать тебѣ нечего, работки нѣтъ никакой ... Ты-бы вотъ лучше подсобилъ, похлысталъ ... Вишь ты какой дюжій, здоровый ... А я бы ужо тебя медомъ покормилъ ... Лучше бы, чѣмъ въ дудку-то играть ...

— Такъ что! ... Я пожалуй, съ моимъ удовольствіемъ ... Кабы они молвили, я бы давно ...

И Семіошка бодро и охотно взялъ снопъ, сталъ около бревна и усердно сталъ его охлестывать.

— У меня, небось, ни зерна не останется, — не какъ у нихъ, — говорилъ онъ, вытряхивая снопъ и оглядывая его. Вотъ, смотри-ка ...

— Ладно, ладно ... Вотъ и хорошо ... Вотъ такъ и постарайся для добраго дѣла, людямъ на помочь: и тебѣ Богъ подастъ ...

— Ну, ребята, считай снопы: кто противъ меня околотитъ ... Только чтобы безъ фальши, на-чисто ... — бахвалился Семіошка. — Вотъ я два — третій.

— Ну, давай! — вызвалось нѣсколько мальчиковъ.

Работа опять оживилась. Никитушка съ улыбкой удовольствія посматривалъ на помочанъ и только похваливалъ, поощряя ихъ.

— Ахъ, молодцы! вотъ молодцы! говорилъ онъ.— Вотъ спасибо! ... Дай Богъ здоровья ...

— Ну, работайте, работайте: а я за остальнымъ возомъ поѣду.

Но когда онъ съѣхалъ съ пустою телѣгою съ гумна и скрылся изъ вида, Семіошка вдругъ остановился.

— Это кто-же тебѣ?... дядя, что ли? — спросилъ онъ у Павлуши.

— Это опекунъ нашъ...

— Вотъ что!... Ну, парень, опекунъ же у тебя!... Смотри, робя, на меня.

И Семіошка, согнувши одну ногу и вставши другою на колѣно, пошелъ по ладони, очень похоже представляя Куляваго. Онъ срезу замѣтилъ всѣ ухватки Никитушки: точно такъ же, какъ онъ, при каждомъ шагѣ вздергивая вверхъ однимъ плечомъ и очень похоже подогнувъ лѣвую руку, точно она была короче правой.

Общимъ, неудержимымъ хохотомъ разразились всѣ дѣти; даже Павлуша невольно улыбнулся, — но тотчасъ же и остановился: ему сдѣлалось стыдно, жалко Куляваго и досадно на Семіошку.

— Отстань, не смѣй представлять дядю Никиту!... закричалъ онъ. — Перестань, говорятъ, Семіошка!...

Но тотъ, увлеченный общимъ смѣхомъ, не унимался, и еще поддразнивалъ Павлушу, который, наконецъ, вышелъ изъ себя, и съ полными слезъ глазами набѣжалъ и со всего размаха ударилъ Семіошку. Тотъ споткнулся, упалъ, но тотчасъ же вскочилъ и вцѣпился Павлушкѣ въ волосы.

— Петрунька! — закричалъ Павлуша, защищаясь — насколько ставало силы, — Петрунь... не выдавай!...

Петрушка бросился выручать друга и вцѣпился

въ Семіошку; но этотъ былъ сильнѣе ихъ обоихъ вмѣстѣ, и маленькіе бойцы уже ревѣли, пищали и просили о помощи остальныхъ своихъ однообщественниковъ.

— Не выдавай своихъ!... Чужой!... Ребя, не выдавай!... слышались уже разнообразные голоса.

Мгновенно всѣ ребятишки сомкнулись въ одну кучу, сбили съ ногъ, смяли и тормошили Семіошку. Онъ сначала молча и злобно защищался и ногами, и руками, и даже зубами; но многолюдство его осилило. Скоро среди визга, писка, криковъ и ругательствъ послышались ревъ и жалобы Семіошки. Онъ уже не защищался, а только ревѣлъ, стоналъ и просилъ, чтобы его отпустили.

„Лежачаго не бьютъ!“ — это убѣжденіе есть даже и у русскихъ дѣтей: оно, видно, въ крови у русскаго человѣка. Побѣдители остановились тотчасъ, какъ услышали и поняли, что побѣжденный проситъ пощады: они перестали его бить, но не могли не побахвалиться...

— Что, будешь-ли помнить ломовскихъ ребятъ?... Что ты думалъ?... Съ чужой деревни пришелъ, да драться вздумалъ?... Думалъ, — мы своего въ обиду дадимъ!... Нѣтъ, братъ, не дадимъ!... Пятерыхъ экихъ приводи, такъ умнемъ, — не то, что...

Семіошка поднялся съ земли весь растрепанный, изорванный, перепачканный въ пыли, всклокоченный. Онъ стоялъ, злобно озираясь и всхлипывая, отиралъ грязной рукой слезы на грязномъ лицѣ.

— Вонъ, вѣдь, васъ сколько, — а я одинъ!.. Навалились, черти... говорилъ онъ.

— Это тебѣ за милостыньку и за дядю Никиту... За все!... — оправдывался Павлуша.

— Ладно, погоди: встрѣться ты мнѣ одинъ-на-одинъ, — я тебѣ припомню ... И дудки коли не дамъ ... — говорилъ Семіошка, отходя.

— И не надо ... Самъ не возьму ... Наплевать! ... А ты помни ломовскихъ! ...

Семіошка медленно, озираясь, уходилъ съ гумна; но, отойдя на нѣкоторое разстояніе, остановился, началъ ругаться, грозить и показывать кулаки.

— А ты что-же ушелъ-то? ... Что же издальки-то грозишься? ... поддразнивали его дѣти, смѣясь. — А ты подходи! ты обѣщалъ подсобить-то, поработать хотѣлъ! ... Али сытъ? ... Отвѣдалъ медку? ... Сладокъ ли? ...

Дѣти провожали Семіошку похвальбами, пока онъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ; потомъ принялись опять за работу.

Отъ Кулявого, по просьбѣ Павлуши, мальчики сначала скрыли подробности и сказали только, что Семіошкѣ надоѣло работать, — и онъ ушелъ; но послѣ работы, при угощеніи медомъ, все разболтали и даже порядкомъ прихвастнули въ описаніи тѣхъ истязаній, которыя, будто-бы, нанесены были ими Семіошкѣ. Кулявый слегка только замѣтилъ, что нельзя такъ человѣка тиранить, что этакъ, пожалуй, можно на всю жизнь изувѣчить или и до смерти убить; онъ не могъ скрыть, что заступничество за него со стороны Павлуши очень его тронуло и было ему пріятно.

— А ужъ горячій же и ты, Павлушка! ... Наскочишь когда, — достанется и тебѣ досыта ... — говорилъ Никитушка, подавая мальчику лишній кусокъ меда, когда прочіе помочане разошлись.

Кулявый былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, какъ вслѣдствіе такого заявленія любви къ

нему, такъ и потому, что урожай ржи оказался хорошимъ. Съ 500 сноповъ нахлыстали почти двѣ четверти; хотя рожь была привезена самая лучшая, — съ ободворицы, но хлыстали дѣтскія руки, въ снопахъ остались еще зерна: слѣдовательно, можно было ожидать по 4 четверика съ сотни сноповъ, — а это считается у крестьянъ блестящимъ урожаемъ. На ободворичной полосѣ съ четверти посѣва ожидалось около 1000 сноповъ, — слѣдовательно, ржи должно было быть до 40 четвериковъ, или 5 четвертей. Положимъ, что на дальнихъ полосахъ рожь была порѣже и колосомъ поменьше, но все-таки, значитъ, рожь должна была придти, пожалуй, больше, чѣмъ самъ четвертъ. Для крестьянъ сѣверныхъ губерній это считается хорошимъ урожаемъ.

Порадовалась и Маша, когда вечеромъ пришла съ работы, и Кулявый объяснилъ ей, что они могутъ надѣяться получить въ нынѣшнемъ году всего до десяти четвертей, или двадцать мѣшковъ ржи, по крайней мѣрѣ.

— Мѣшковъ-то пять мы посѣемъ, а пятнадцать-то вамъ на весь годъ станетъ прокормиться, — говорилъ Кулявый: — это великая еще милость Господня къ вамъ, сиротамъ. Яровые-то нынче плохи, да тебѣ и не осилить ихъ сжать: придется изъ третьяго снопа, а то и изъ-полу, отдать кому изъ семейныхъ, не возьмутся-ли, — поспрошать ... Больше дѣлать-то нечего. На помочь въ жнитвѣ надѣяться нельзя: у всѣхъ жнитва-то много. Только-бы Богъ привелъ съ рожью-то какъ справиться, да обсѣяться во-время ...

— Дядюшка Никита! мнѣ бабы сегодня говорили: „у васъ, чу, вонъ рожь хлыщутъ, и мучка свѣженька будетъ ...“ намелете, такъ зови, чу, на

помочь на ячмень, али на овесъ; напеки, чу, пироговъ съ лукомъ; ничего намъ больше не надо ... Мы, де, придемъ, вамъ — сироткамъ подсобить ... для Бога... Хоть, чу, работы и своей довольно, да вамъ помочь — ровно милостыню подать ... Зови, чу, когда въ воскресенье: всѣ придемъ, всей деревней ...

— Такъ вотъ, Машутка, чего лучше: это благодарить Бога ... Всѣ-то придутъ, такъ сразу весь поднимутъ — ячмень-ли, овесъ-ли; выхватятъ сразу... долго ли имъ; особливо, какъ захотятъ порадѣть! ... Ай да бабы! вотъ спасибо ... Прямь, что онѣ лучше мужиковъ-то, добрѣе ... Это, Машута, и оттого, что старанье твое большое видятъ ...

— Это онѣ проговорили, что будто и съ этого ... Да кажись, что же? ... Я ... какъ люди, такъ и я ... Супротивъ людей еще отстаю много на полосѣ-то.

— Ну, такъ развѣ твоя сила супротивъ людей!? .. Ну, да что про то и говорить? ... Далъ бы только Господь тебѣ по силѣ ... Не черезъ-силу-ли ты ломишь? смотри — не надорвися ... Не болитъ ли гдѣ? ...

— Нѣту, ничего пока. Въ крыльцахъ маленько поламливаетъ, да въ рукахъ. Ну, да вѣдь ужъ это работа такая! ... Вотъ всѣ бабы — и тѣ жалуются на поясницы ... Безъ этого нельзя ...

Никитушка пытливо взглянулъ на Машу — и замѣтилъ, что за послѣдніе дни жнитва она очень похудѣла и измѣнилась: стала совсѣмъ какая-то черная, щеки впали, и глаза точно ввалились.

— Нѣтъ, ты не больно натуживайся ... Ты черезъ силу не жни ... Раздышку себѣ давай ... Ты еще съ тѣломъ-то не собралась ... — заботливо совѣтовалъ онъ Машѣ.

— Дядя Никита, а мнѣ завтра жать, али боронить идти? — спросилъ Павлуша.

— Съ утра-то поди пожни, потому я поѣду на мельницу: мучки поскорѣй вамъ смолоть; а ворочусь, — послѣ обѣда поборонишь.

— Да мнѣ и немного ужъ осталось, развѣ на одинъ уповодъ ... Добороню, да и вплоть опять съ Машкой жать примусь ...

Кулявый промолчалъ.

— Вотъ, дядя Никита, — продолжалъ Павлуша, обиженнымъ голосомъ: — ты все Машку жалѣешь ... да хвалишь, — все Машка, да Машка; а я, какъ ни работаю, мнѣ никогда спасиба не скажешь и не жалѣешь ...

— Да за что мнѣ тебѣ спасибо-то сказывать? ... Ты — мужикъ, самъ про себя работаешь, чай не изъ-за спасиба ... — отвѣчалъ Кулявый, улыбаясь.

— Такъ-то такъ, а все ты ее одну жалѣешь, а меня николи ...

— Да что тебя жалѣть-то? ты поработаешь, да и подуришь: вона даве драку затѣялъ ... А она только и знаетъ, что, не разгибая спины, жнетъ — да жнетъ: небось, не свяжется съ ребятами драться, али не станетъ въ дудку играть ...

— Ну, такъ ... И я, вѣдь, не за все же ... Кажись, тоже работаемъ ...

— Да это что говорить: и ты у меня паренекъ стоющій, умный ... Не какъ Семіошка ... А ты вотъ попробуй, пожни-ка, — какъ сестра, изо дня въ день, цѣлую недѣлю, отъ росы до росы: вотъ похвалю и пожалѣю ...

— И прожалъ-бы, небось, кабы дѣвка былъ ... А кто же другую-то работу справлять станетъ, мужицкую-то? ...

Кулявый добродушно засмѣялся.

— Ну, спи-ка, спи, полно ... мужикъ! ... Прощайте-ка, пока ... Пора и мнѣ домой. Ложись и ты, Машутка: время ужъ, вѣдь ... Слава тебѣ, Господи, — нонѣ у насъ денекъ радостный, хорошій: до новаго хлѣбца Богъ привелъ дожить ... Спите съ Богомъ, дѣтушки: завтра опять на работу ...

— Какъ мы Семіошку нагрѣли, Машутка, — страсть! ... — похвасталъ Павлуша передъ сестрою, послѣ ухода Куляваго: — Егорка какъ налетѣлъ, какъ свистанетъ его въ бокъ, такъ онъ и повалился въ растяжку; а Петрунька съ Ванькой ... какъ почали трепать, какъ почали его! ... А я все въ рыло-то его, все въ рыло-то ... Кто за волосья, кто за что ... Такъ и растянули ... Небось, взмолился! ...

— А тебѣ-то хорошо ли досталося? ... По чему пришлося-то? ...

— Ну да ужъ по чему — ни по чему ... хоть пущай и досталось, да и онъ же будетъ помнить ломовскихъ робятъ ... Да еще скоро струсилъ — догадался, — проситься сталъ; а то бы, кажись, потроха его не осталось ...

— Ахъ, отстань-ка ты, и въ самомъ дѣлѣ спи ... Правда, что дубцомъ бы тебя надо ... Видно, что не умаялся день-отъ ... Трещитъ, ровно сорока ...

Маша говорила тѣмъ раздражительнымъ тономъ, который появляется у людей больныхъ, измученныхъ физическою болью и чрезмѣрно утомленныхъ непосильной работой. Павлуша замолчалъ, натащилъ на голову кафтанишко, которымъ прикрылся ложась спать, и хотя не возражалъ сестрѣ, но думалъ про себя: „Вишь ты, дѣвчонка-то что значитъ: поработала черезъ силу — и раскисла совсѣмъ, заслюня-

вилась ... Правда, гдѣ имъ противъ насъ, мальчишекъ: не выстоять, ни Боже мой! ... Пожалуй, сняться съ ней хорошенько, такъ и я одолѣю, даромъ малъ; а Петрунька ... Петрунька и говорить нечего, поборетъ сразу! ... Мужикъ завсегда сильнѣе бабы ... Правда, что на жнитвѣ мужику супротивъ ихъ не выстоять, а поди-ка, — подними которая съ эстоль, что дядя Никита одной здоровой рукой ... Такъ вѣдь — еще убогій человѣкъ, кулявый! ... А здоровый-то мужикъ! ...“ Но дальнѣйшія думы воинственно настроеннаго Павлуши были прерваны крѣпкимъ сномъ, который мгновенно овладѣлъ имъ.

Маша не была такъ счастлива: она долго ворочалась, потихоньку стонала, потирала ноющія руки и ноги: все ее маленькое, несложившееся еще и неокрѣпшее тѣло было не въ мѣру утомлено и ныло отъ напряженія продолжительной, однообразной, не дѣтской работы; сонъ не приходилъ къ ней такъ скоро и не былъ такъ крѣпокъ, сладокъ и освѣжителенъ, какъ у Павлуши ... Но на другой день, въ обычное время, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, она была уже на ногахъ и снова принималась за безконечную крестьянскую работу, вплоть до воскресенья, которое давало возможность отдохнуть, выспаться, посидѣть и полежать спокойно.

Дни шли за днями. Полевая работа подвигалась впередъ. Ржаное поле почти все было сжато и покрыто суслонами, бабками, крестами, въ которые укладываются сжатые снопы до перевозки ихъ на гумно и укладки въ большіе скирды. Начинали жать ячмень и овесъ ...

И не для крестьянскаго глаза весело смотрѣть на эти неоглядныя желтыя поля, покрытыя щетиной

сжатой соломы, усѣянныя — какъ золото блестящими на солнцѣ копнами хлѣба. А какъ должно быть любо это зрѣлище крестьянину, который сознаетъ, что вся эта красота — результатъ его труда, что каждая горсть этого хлѣба собрана его руками, каждый шагъ политъ его потомъ, — что здѣсь, на этомъ полѣ, все его богатство, его спокойствіе, обезпеченіе его самого и его семьи!... И какое веселое, хорошее время настанетъ для крестьянина, когда онъ весь этотъ сжатый и радующій его хлѣбъ свезетъ съ поля къ овину и сложитъ въ скирды, въ которыхъ онъ уже обезопашенъ и отъ дождей, и отъ сырости, когда онъ — какъ говорится — „уже у рукъ"!...

Но для этого нужно выждать и выбрать время, когда снопы въ стойкахъ продуваемые вѣтромъ, пропекаемые солнышкомъ совершенно выстоятся, просохнутъ. А бываетъ нерѣдко, что крестьянинъ, занятый другими работами, не угодитъ во-время свезти съ поля сжатый хлѣбъ, или помѣшаетъ ненастная погода, дожди, — снопы сырѣютъ, начинаютъ согрѣваться, зерно въ колосу прорастаетъ, даетъ ростокъ: это большое горе, большая потеря для землепашца. Надо тогда разбирать снопы изъ стоекъ, разставлять ихъ на гузовья, снопъ отъ снопа отдѣльно, чтобы ихъ удобнѣе продувало вѣтромъ, чтобы они не сгарались и обсыхали...

А другое дѣло, между тѣмъ, не ждетъ: еще не дожата и не свезена рожь, а ужъ поспѣваетъ и надо жать яровое, теребить ленъ, пора сѣять озимый хлѣбъ. Въ это время работа обыкновенно раздѣляется на мужскую и женскую: тамъ, гдѣ нужна лошадь, — работаетъ большею частью мужикъ: онъ сѣетъ, пашетъ, боронитъ, свозитъ съ поля снопы; а женщина во все это время не разстается съ серпомъ —

и работаетъ не разгибая спины. Особенно тяжело бываетъ жать яровое, потому что оно растетъ ниже ржи; а яровой соломой крестьяне дорожатъ, какъ кормомъ для скота, и потому жнутъ ее почти подъ самый корень, то-есть водятъ серпами почти вплоть по землѣ; разумѣется, при этомъ и нагибаться надобно ниже. Убійствена эта работа и своимъ однообразіемъ: изо дня въ день, нѣсколько недѣль сряду приходится стоять въ одномъ и томъ-же положеніи и двигать руками однимъ и тѣмъ же способомъ, какъ вчера, такъ и сегодня, такъ и завтра, — какъ машина безъ малѣйшаго участія мысли и соображенія ...

И почти вся работа, доставшаяся на долю крестянской женщины, имѣетъ такой, такъ сказать, машинный характеръ, гдѣ машиною является она сама ... Мудрено-ли и отупѣть, и поглупѣть, и сдѣлаться грубою и безсердечною при такой работѣ? Странно-ли что крестьянская баба и выругается какъ мужикъ, и скажетъ грубость, и не пойметъ иногда простой вещи, и усталая, выбившаяся изъ силъ, иной разъ понапрасну толкнетъ и прибьетъ даже своего собственнаго ребенка? Не больше-ли должно удивлять въ крестьянской женщинѣ всякое проявленіе доброты, нѣжности, состраданія къ чужой нуждѣ и чужому горю? А такія проявленія въ крестьянкѣ являются чаще, чѣмъ въ крестьянинѣ. И по отношенію къ нашимъ сиротамъ — на помощь первыя явились бабы.

— Ну, Машутка, — сказали онѣ въ субботу, — припасайся! завтра придемъ къ тебѣ ячмень жать ... Вонъ ужъ ломаться сталъ ... А овесъ-то еще постоитъ, ничего ...

— За неоставленье ваше благодаримъ покорно, — отвѣчала Маша, кланяясь: — только что не обезсудьте:

припасъ-то у меня больно плохъ ... Пироговъ напеку съ картофелемъ и съ лукомъ, ну и картошки нарою — наварю; а больше-то ничего у меня нѣтъ ... Варевца-то нѣтъ ... Ужъ не обезсудьте ...

— Ну-ка отстань! Чего съ тебя спрашивать, по сиротству твоему! ... Не все для угощенья, надо и для Бога постараться ...

Маша еще разъ поклонилась, поблагодарила и побѣжала сказать и посовѣтоваться съ Кулявымъ. Тотъ надоумилъ Машу обратиться къ бабушкѣ Офросиньѣ — съ просьбой пособить въ приготовленіяхъ къ помочи. Бабушка была дома и охотно согласилась. Наканунѣ еще началась нехитрая стряпня и продолжалась на другой день съ ранняго утра. Изъ новой муки, которую уже успѣлъ Кулявый смолоть, поставили квашню, замѣсили хлѣбы, отняли часть на пироги. Павлушѣ была задана работа — нарыть въ огородѣ картофелю: онъ оказался уже порядочный, съ Сашинъ кулакъ. Павлушка же долженъ былъ и очистить его, когда разварили. Очищенный — его заставили толочь и растирать, чтобы приготовить начинку для пироговъ. Бабушка Офросинья промыслила гдѣ-то кисленицы — и варила щи; а Кулявый съ утра куда-то исчезъ, ничего не сказавши, и явился уже въ то время, какъ бабы стали сходиться на полосу. Онъ воротился веселый и довольный — и принесъ нѣсколько фунтовъ гороху, который тотчасъ же велѣлъ разварить; но это было, очевидно, не все, зачѣмъ онъ ходилъ: что-то онъ таилъ до времени, не сказывалъ ни Машѣ, ни бабушкѣ.

— Ты вотъ что, Машутка, — говорилъ онъ, — ты ступай-ка на полосу, снеси околотковъ снопы вязать, — да и сама стань съ бабами-то, жни; имъ охотнѣе съ хозяйкой-то будетъ ... А мы здѣсь съ

бабушкой управимся ... А пироги испекутся, я съ Павлушкой принесу — перво пополдничать до обѣда-то, а обѣдать-то попозже будемъ.

— Не огнѣвались бы, что долго ждать-то? пожалуй, осердятся ...

— Ну, ужъ иди, иди ... Я самъ приду: тамъ видно будетъ.

Маша нашла бабъ устанавливающимися для жнитва.

— Али и сама хочешь пожать? — встрѣтили ее бабы. — Ну, ужъ полно, отдохнула бы, безъ тебя пожнемъ ... Управлялась бы дома-то ...

— Тамъ у меня бабушка Офросинья съ дядей Никитой поправляются, — отвѣчала Маша. — Ужъ покорно благодарствуйте на неоставленьи вашемъ; а мнѣ зазорно: будете про меня работать, а я стоять да смотрѣть ... Нѣтъ, ужъ дозвольте и мнѣ ...

— Ну, ну, становись ... И то сказать: хозяйка!

— Какъ же можно, дѣвка! ... Хозяйка и есть! ... Ну, благославляйтесь, бабы ...

— Господи благослови на сиротскую прибыль ...

— Да, Господи батюшка, милостивый Создатель ... Одинъ Онъ, батюшка, про всѣхъ припасаетъ, — про насъ грѣшныхъ ...

Серпы зашуршали по соломѣ. Солнышко еще было невысоко, въ воздухѣ стояла еще утренняя прохлада и сырость: жалось скоро и весело.

— А ну, Машутка, ну! ... Ай дѣвонька, ай умница! ... Смотри-ка, смотри, — изловчилась жать-то ровно большая! — говорили бабы, искоса посматривая на Машу.

— Ну, не отставай же, коли ...

И онѣ ускоряли работу, снисходительно и ласково улыбаясь на усилія Маши не отстать отъ сильныхъ и опытныхъ жней.

— Спина-то болитъ-ли, Машутка? — отъ времени до времени спрашивали бабы, приподнимаясь, чтобы свить поясъ для снопа изъ ржаной соломы, или связать и перенести въ пятокъ сжатый снопъ.

— Побаливаетъ.

— А крыльца-то ломитъ-ли?

— Ломитъ.

— А руки-то, да ноги ноютъ ли?

— Ноютъ.

— То-то, дурочка! ... — жалостливо и ласково приговаривали бабы. — Это такая наша работка ... Не до тебя доведись, малаго человѣка, а и у нашей сестры ... На вѣку-то ломаешь, ломаешь спину-то,— кажись, ужъ бы работка эта въ привычку: а и то иной разъ — что рученьки, что спинушка, такъ и не слышишь! ровно не свои ... Всю разломитъ ...

— Да, Господи-батюшка, — начинаетъ опять которая нибудь баба, радуясь работѣ въ компаніи, дающей случай поговорить. — Всему-то отъ Отца Небеснаго свой предѣлъ положенъ: ты вотъ баба али дѣвка — жни, земля — хлѣбца роди, съ неба солнышко свѣтитъ, дождичекъ идетъ ... Всему своя обязанность, никто безъ дѣла не сидитъ ... Курочка и та яички несетъ, человѣку служитъ ...

— А червякъ, бабоньки, зачѣмъ на свѣтѣ живетъ? ... я что сдумала ... — разсуждаетъ другая, не переставая жать.

— Червякъ отъ дождя живетъ ... Не было бы мокра въ землѣ, — не было бы и хлѣбца, и червя бы не было ... Стало, все требуется ... Все одно по одному ...

— Извѣстно, Божье дѣло ... Премудрость! ...

Пришло время, — стали жнеи поглядывать и на солнышко: это глядѣлъ ихъ глазами желудокъ, на-

чинавшій заявлять аппетитъ. Но Кулявый не дремалъ и не заставилъ долго ждать себя. Бабы скоро увидали его — и догадались, что онъ вмѣстѣ съ Павлушей несетъ перехватку: легкій завтракъ. Никто изъ нихъ, впрочемъ, и вида не показалъ, что замѣтилъ его приближеніе и понялъ, зачѣмъ онъ шелъ; напротивъ, всѣ работали еще прилежнѣе прежняго.

— Богъ на помочь, бабоньки!... сказалъ Кулявый подойдя.

— Богъ спасетъ! — отвѣчали бабы, не переставая жать.

— Ну, хозяюшка, — обратился Кулявый къ Машѣ, — не пора-ли жнеюшкамъ-то перекусить? время-то ужъ не рано. Кланяйся-ка, проси!

— Пожалуйте, не обезсудьте ... — проговорила Маша, — кладя серпъ на плечо и кланяясь. Бабы тотчасъ же прекратили работу и стали усаживаться въ кружокъ.

— Машута, рѣжь пироги-то съ Павлушкой, — говорилъ Кулявый: да подавай, — а я вотъ пока подносить буду.

И Никита, съ какой-то особенной торжественностью, вынулъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой.

— Чтой-то это? — невольно спросили бабы.

— А это вотъ хозяйка молодая, для любви для вашей, для вашего неоставленія, по сиротскому своему достатку, проситъ, — не обезсудьте, хоть малость подкрѣпитесь ...

Маша съ недоумѣніемъ смотрѣла на Куляваго и только теперь догадалась, что скрывалъ и чѣмъ былъ такъ доволенъ опекунъ, придя утромъ: она поняла, что онъ ходилъ куда-то и на какія-то, извѣстныя ему, собственныя средства, досталъ водки.

— Ай! да напрасно... чтой-то!... — говорили бабы. — Мы не изъ-за этого, мы для Бога...

— Не столь для того, что угостить, — съ этого не напьешься, — а больше для почтенія... что сдѣлали вы сиротамъ экую добродѣтель, — продолжалъ Кулявый, подавая стаканчикъ крайней бабѣ. — Отъ самаго сиротскаго сердца... пожалуй-ка... Прими...

— Вотъ такъ ужъ не чаяли, бабы!... передъ самимъ Христомъ не чаяли... — говорила баба, принимая стаканъ... — Впрямь, что сиротское сердце чувствуетъ... Хоть не пью, а какъ не принять отъ сиротъ... Будьте здоровы... Дай Богъ поправляться...

Разсчетъ Никитушки былъ вѣренъ: бабы выпили по полурюмкѣ, иныя только пригубили: но всѣ были очень довольны оказаннымъ отъ сиротъ вниманіемъ, поставили этотъ сиротскій расходъ въ большое, очень повеселѣли и рѣшили, закусывая, что, какъ-никакъ, а нужно постараться — и до обѣда сжать сиротамъ весь ячмень.

Послѣ завтрака, онѣ, очень довольныя, снова весело принялись за работу; а Кулявый возвращался домой сь лукавой, веселой улыбкой.

Бабы не пошли обѣдать, пока не кончили всего ячменя, и за обѣдомъ были снова удивлены. Не только опять повторилось угощеніе водкою, но, сверхъ всякаго ожиданія, подано было два варева: щи съ горохомъ и горохъ самъ по себѣ; а въ заключеніе, — что произвело уже окончательный эффектъ, — на столъ была поставлена чашка съ медомъ. Помочанки совсѣмъ развеселились, расхвалили Машу, обѣщали даже придти помочь и на овесъ.

— Вотъ ужъ больно нынче трудно! — говорили бабы: вѣдь, какъ бы сиротамъ не помочь! все бы

выжали: да ужъ никакъ вѣдь непоспѣваемъ. И своей-то работы прибыло намъ, послѣ убылыхъ-то, да и за долги-то ужъ нынче больно нажимаютъ ... Извѣстно тебѣ, Никита Ларивонычъ, бабушка Офросинья, никакъ по нонѣшнему времени невозможно, чтобы нашему мужику управиться, не заняться у богатыхъ, — на подати, значитъ ... и на нужду всякую ... Ну, и даютъ, — да и нажимаютъ же ... И въ сѣнокосъ-то къ нему придти, и на жнитво-то не одинъ разъ кликнетъ ... А какъ откажешься? нельзя, впередъ приберегаешь богатаго-то: свое бросаешь, да идешь ... Ну, правда, и угощаютъ хорошо, нечего сказать ... Вотъ, въ то воскресенье, ходили къ Ивану Васильеву, — такъ вѣдь что! мало, что водкой послѣ каждаго кушанья, а еще чаемъ поитъ, да все потчуетъ: пейте да кушайте ... А за обѣдомъ-то блины, да лапша съ грибами, да лапша съ горохомъ, да простой горохъ, — каша гречневая, да каша пшенная, а послѣ того меду подали, — вотъ ровно у васъ же, съ пирогами — съ пшеничными ... Ужъ угощаютъ! ... А, вѣдь, не въ пріятность! ... И деньги-то ему отдай, и ростъ-то, проценты эти, заработай, и помочами-то ужъ мучатъ ... Мы у васъ-то ровно какъ чувствуемъ, что въ пользу это себѣ, для души поработалъ, и безъ водки безъ этой ... А тамъ только слыветъ — что помочь, а ровно подневольна барщина ... Ну, покорно благодарствуй, Машутка! Никита Ларивонычъ! ... ты вѣдь ихный настоятель-то ... сиротскій ... Бабушка Офросинья! ... Много довольны на вашемъ угощеньи ... Надѣйтесь напредки, только бы Богъ грѣхамъ потерпѣлъ: маленечко бы, маленечко со своимъ управиться! ... Опять придемъ, подхватимъ ... Надѣйтеся! ...

Этотъ день былъ праздникомъ и для сиротъ: они давно не лакомились такими вкусными кушаньями, которыя ѣли вмѣстѣ съ помочанами.

Мірская помочь! — какое великое, святое ободряющее слово! какая высоконравственная, христіанская форма благотворительности, выработанная русскимъ сердцемъ, русскою общинною жизнью! ...

Зимняя пора.

Настала зима. Опустѣли окрестности деревень; замолкли поля и лѣса; только галки стаями кружатся въ морозномъ воздухѣ, да воробьи чирикаютъ, сидя по заборамъ. Скотъ весь спрятался по дворамъ и хлѣвамъ. Бабы сѣли за гребень, за станъ; мужики принялись запасать на зиму дровъ и лучины.

Добыть дровъ для отопленія и лучины для свѣта, зимою, въ иныхъ мѣстахъ, составляетъ для крестьянина тяжелую заботу и трудную задачу. У насъ, на Руси, много лѣсовъ: больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ государствѣ; лѣса составляютъ богатство Россіи, но это богатство респредѣлено крайне неравномѣрно: есть губерніи почти сплошь покрытыя непроходимыми лѣсами, которые на половину растутъ непроизводительно, не принося никому никакой пользы; но есть и такія, гдѣ лѣса и совсѣмъ не растутъ, или прежде были, да теперь уже вырублены, земля изъ подъ нихъ распахана или затоптана скотомъ и лежитъ въ пустыряхъ. Въ совершенно безлѣсныхъ губерніяхъ, преимущественно хлѣбородныхъ, жители изловчились замѣнять лѣсъ въ постройкахъ камнемъ и глиной, а въ топливѣ — соломой, кизякомъ (прессованный навозъ), тростникомъ и т. п. Притомъ въ этихъ губерніяхъ и зимы бываютъ не такъ продолжительны и не такъ

суровы, да и жители богаче хлѣбомъ и скотомъ, а слѣдовательно, и лишнимъ матеріаломъ для отопленія. Страдаютъ отъ недостатка лѣса преимущественно тѣ мѣстности, гдѣ недавно, еще на памяти стариковъ, каждая деревня, какъ стѣною, была ограждена лѣсами, взамѣнъ которыхъ теперь тянутся неоглядныя поля или стелется рѣдкій и корявый кустарникъ, и гдѣ при томъ почва не черноземная, а бѣдная, нехлѣбородная; слѣдовательно, солома нужна крестьянину и на кормъ для скота, и на подстилку, и на крышу для избы. Крестьянинъ въ такихъ мѣстахъ недавно еще, очень недавно, не зналъ, что значитъ покупать лѣсъ для постройки, не говоря уже о топливѣ, не думалъ и не заботился о томъ, гдѣ онъ промыслитъ дровъ или денегъ на ихъ покупку; ему стоило только заложить лошадь въ дровни, заткнуть за поясъ топоръ и черезъ часъ онъ возвращался изъ сосѣдней дачи съ цѣлымъ возомъ березовыхъ плахъ, которыми хозяйка раскаливала печку до красна. Не то теперь. Въ надѣлъ крестьянамъ лѣсовъ не давалось: всѣ они остались за помѣщиками, а помѣщики большею частью распродали ихъ купцамъ, которые не полѣнились тотчасъ же вырубить ихъ на дрова и сжечь на фабрикахъ, на заводахъ, на пароходахъ и желѣзной дорогѣ, или, приберегая до времени и для такой же участи, обрыли канавами и окружили лѣсной стражей... Студено стало въ мужицкой избѣ, не обожжетъ нынче мужикъ спины на горячей печкѣ, засыпая на ней послѣ дневныхъ трудовъ, полузамерзшій и окоченѣвшій на скрыпучемъ зимнемъ морозѣ... Да еще и не то бѣда, что не больно горяча печка: коли есть полушубокъ, прикрыться можно, подъ нимъ согрѣешься и въ холодной избѣ, а то бѣда,

что и дровъ-то достать вовсе негдѣ: либо поѣзжай за тридцать верстъ, и все-таки покупай, либо плати такія деньги, что на одно отопленіе избы уйдетъ весь заработокъ годовой. Вотъ тутъ задумывается крестъянинъ, а особливо если къ этому еще и починку нужно произвести въ домѣ или во дворѣ; а это бываетъ нужно каждый годъ; тамъ бревно выгнило — изба на бокъ садится, тамъ столбъ на дворѣ подопрѣлъ, — того смотри заборъ упадетъ, то половица прогнила, крылечко совсѣмъ перекосило, валится, жерди съ крыши сыплются, отрухли вовсе, соломы не держатъ, крышу вѣтромъ срываетъ, да и мало ли еще что ... А на все это нужно дерево, бревна, тесина ... И все это стоитъ страшныхъ для крестьянина денегъ, если нѣтъ по близости лѣса, и онъ дорогъ, а столѣтній опытъ не научилъ еще крестьянина обходиться безъ дерева и замѣнять его чѣмъ нибудь другимъ ...

У нашихъ сиротъ, вплоть до самой зимы, благодаря ихъ собственному труду, заботамъ Куляваго и помощи добрыхъ людей-односельцевъ, все шло хорошо и благополучно. Хлѣбъ, посѣянный отцомъ собранъ и обмолоченъ, новая полоса озимью засѣяна и ушла подъ зимній снѣгъ такая зеленая, плотная; посчитали въ амбарѣ — приполонъ: славу Богу, станетъ хлѣбца прокормить себя по сиротству чуть не до новаго; въ сараяхъ сѣна и яровицы хватитъ про сивка и про буренку, развѣ мало чего не достанетъ ... ну, такъ и солому съ крыши на холостой стаѣ можно снять, да по нуждѣ въ кормъ употребить: какъ нибудь до весны, до подножнаго корма, протянутся; по крайней мѣрѣ не придется разставаться съ буренкой-кормилицей и съ сивкомъ, безотвѣтнымъ работникомъ. Все это соображали и

радовалысь дѣти, еще больще ихъ радовался Кулявый, опекунъ, но задумывался о будущемъ.

— Прокормиться-то вы изъ изъ-за своего молочка и изъ-за своего хлѣбца прокормитесь, — разговаривалъ онъ съ Машей, — Богъ милостивъ, съ корзинкой подъ чужими окнами Христовымъ именемъ стучаться не придется, — это Богъ милостивъ! И скотинку протянемъ и полоску, авось, на тотъ годъ сдобрить будетъ чѣмъ: сивка съ буренкой настоятъ наземцу ... Все это, благодарить Создателя: справились, какъ быть мужикамъ, какъ слѣдуетъ! ... И подать, какъ ни какъ, справимъ: то поточешь, Машута, зиму-то: вотъ штуки у купцовъ будемъ брать, то овсеца продадимъ: сивка-то и на сѣнцѣ проживетъ .,. Ну, а ужъ чего не дохватитъ, ужъ какъ ни какъ, да сдѣлаемся ... А вотъ ужъ на счетъ протопленья и свѣта, зимнимъ дѣломъ, ужъ не знаю какъ и сдумать ... И какъ быть, и гдѣ взять, ужъ и не знаю ... Это протопленье насъ хуже всего сомнетъ ...

— А тятька, бывало, все въ купеческій лѣсъ ѣздилъ по дрова-то, и бревешки, бывало, важивалъ! ... присталъ къ разговору Павлуша.

— Ну, такъ-то тятька, — возразилъ Кулявый, нахмурившись, — онъ былъ мужикъ полный, работникъ настоящій, не намъ съ тобой чета; а мы съ тобой чѣмъ выработаемъ-то, на какія деньги дровъ-то въ купеческомъ лѣсу покупать будемъ? ...

— Да нѣтъ, дядюшка, какія деньги: онъ такой ловкій былъ, никакъ лѣсникамъ въ руки не давался ... Не поймать его имъ низачто!

— Ну, что мелешь, самъ не знаешь что! ... еще больше нахмурившись, сердито остановилъ Павлушу Кулявый ... Ты не ври, чего не знаешь ...

— Да я не вру, дядя, намедни на улицѣ мужики говорили: тоже насчетъ дровъ горевали ... Вотъ, чу, ловокъ былъ на счетъ лѣса-то, Иванъ, Павлушкинъ тятька! ... а я тутъ былъ, — на меня и указали ... Никогда, чу, не попадывался ни одному лѣснику, а сколько, чу, бывало, дровъ навозитъ изъ купеческаго лѣса: всю зиму имъ отапливался! ...

— А я тебѣ говорю: не ври и языкомъ не мели! ... уже совсѣмъ сердито, почти прикрикнулъ на своего любимца Кулявый ... Вдругорядь я тебѣ за это вихоръ надеру ...

Этотъ окрикъ былъ до того не въ привычкахъ Куляваго по отношенію Павлуши, что тотъ не столько испугался, сколько изумился и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Куляваго во всѣ глаза, какъ бы собираясь спросить: за что тотъ сердится, и чѣмъ онъ провинился передъ нимъ ... Кулявый понялъ этотъ взглядъ и продолжалъ уже болѣе мягкимъ и ласковымъ голосомъ:

— А ты, дурашка, родителевъ-то поминай добромъ да молитвой, а не слушай всего, что люди говорятъ ... Мало-ли что недобрый чезовѣкъ скажетъ ... Развѣ это въ честь человѣку: чужое добро, хоть-бы даже и купецкій лѣсъ, воровать? ... Знамо, иной по нуждѣ и согрѣшитъ, и въ чужой лѣсъ съѣздитъ; а все это ему не въ похвалу ... И я васъ этому не учу ... А про родителей ты не моги никогда ничего худого молвить: ты имъ не судья! ... И что люди про нихъ говорятъ не въ пользу, не слушай ... Ты ничего не видалъ, ничего не знаешь: гдѣ тебѣ ихъ осуждать! ... Имъ Богъ судья! ... А въ людяхъ зла всегда довольно, про своего брата всегда найдутъ что недоброе сказать ... А ты то думай, что родители-то жили,

про кого работали, про кого копили да припасали? — все про васъ, не про себя ... вотъ ты это и думай, а не то болтать зря, что люди мелютъ ... Можетъ, чего и въ помышленіи-то у родителя твоего не было, и то скажутъ, а ты, сынокъ, съ чужихъ рѣчей на родительскую память поклепъ будешь вводить ... Не годится такъ, Павлуша, никогда не моги про родителей молвить ...

У Павлуши на глазахъ навернулись слезы ...

— Да, вѣдь, я, дядюшка, не къ тому ... не къ худому ... Всѣ, вѣдь, вонъ они ѣздятъ по дрова-то, кто куда, да сказываютъ, сторожовъ вездѣ нынѣ наставили, того смотри попадешься ... А тятька, сказываютъ, молодецъ былъ, ловкій, не попадался николи ... Они хвалили, а не то ругать. — Кабы ругать стали, неужели бы я далъ? ... Я бы самъ выругалъ за тятьку-то! ...

— Да вотъ ты еще ругаться снимись съ большими-то, чтобы побили, либо выстегали ... вмѣшалась Маша.

— Нѣтъ, я не дамся, убѣгу ...

— Убѣжишь ... не убѣжишь, поймаютъ, и на домъ придутъ, изъ избы возьмутъ ... А ты лучше поменьше на улицу-то бѣгай, больше около дома водись, такъ лучше дѣло-то будетъ: ни рѣчей не услышишь, ни тебя никто не тронетъ ... А то больно ты прытокъ да горячъ! ... Хоть бы прутиковъ, хворостнячку какого промыслить гдѣ, дядюшка Никита: вотъ бы онъ и возилъ да возилъ на сивкѣ-то, дѣлать-то ему теперь нечего ...

— Ужъ справлялся я, Машута, ходилъ; нынче вонъ и за прутья-то денежки подай, и тѣхъ безъ денегъ не даютъ ... За возокъ-то вонъ четвертака спрашиваютъ. а надолго-ли его? На недѣлю не хватитъ ...

— А вотъ что я надумала, дядюшка Никита, схожу я къ купцамъ, выпрошу подъ точу рубля хоть три, можетъ дадутъ, да и купить на эти деньги прутнячку ... Павлуша пускай его перевозитъ да въ кучки перевяжетъ ... То́пить-то станемъ полегче, а студено будетъ, — полушубки-то есть, слава Богу, согрѣемся, не замерзнемъ ...

— Такъ что же, покупайте, я все перевезу ... И нарублю, и въ пучки свяжу. ... согласился Павлуша.

— А тутъ какъ управится съ этимъ, дѣлать будетъ ему нечего, Павлушкѣ, на заводъ его отдадимъ, цѣвки скать ... По крайности не шатается, и однако въ домъ заработаетъ, все гривенъ шесть въ недѣлю дадутъ ...

— Умница ты, Машута, разсудокъ у тебя хорошій! ... Лучше не придумаешь ... Только вотъ не хотѣлось бы мнѣ молодца-то на заводъ пускать ... говорилъ Кулявый.

— А что, ничего, — возразилъ Павлуша: — я ничего и на заводъ; знамо, хоть что-нибудь заработою, тамъ тожъ платятъ ... Наши вотъ которые робята, сиротки, тоже собираются ... Тамъ людно, весело, сказываютъ ...

— Что же тебѣ, дядюшка, не по мысли-то? — спрашивала Маша. Дѣлать-то ему нечего будетъ дома ... Сашка вонъ теперь ужъ не все на рукахъ, а самъ ходитъ ... Со скотиной я уберусь ... Что онъ будетъ такъ шататься зиму! ...

— Такъ-то такъ ... Балуются они тамъ больно на заводахъ этихъ ...

— А мы ему не велимъ баловаться-то ... Станемъ заказывать ... Онъ сирота: ему баловаться не приходится ...

— И плохо же тамъ: на одной сухомяткѣ придется жить съ субботы до субботы ...

— Ну, какъ быть-то ... Кокуръ ему надѣлаю на недѣлю-то ... когда и пирожокъ. А въ субботу — воскресенье, домой прибѣжитъ: варевца похлебаетъ, молочка ...

Кулявый, молча, печально взглянулъ на Павлушу: онъ сознавалъ, что лишнихъ два рубля въ мѣсяцъ, которые могъ бы заработать Павлуша, составляютъ большой разсчетъ въ сиротскомъ хозяйствѣ, и не могъ возразить противъ намѣренiй Маши, но онъ лучше ея зналъ жизнь дѣтей на фабрикѣ и жалѣлъ своего маленькаго любимца.

— Ничего, дядя, не сомнѣвайся, проживемъ и денежки заработаемъ ... ободрялъ его Павлуша, инстинктивно чувствуя, что Кулявый его жалѣетъ. Долго-ли? вѣдь, всего только пять дней на заводѣ-то: по субботамъ съ полуденъ отпускаютъ, вотъ къ вечеру и дома ... А воскресенье гуляй ... Ничего, отдавай: однако въ домъ заработаю ... А это, что безъ варева, — наплевать, ничего! ... Въ воскресенье на всю недѣлю нахлѣбаюсь ... Не сомнѣвайся, ничего! ...

Кулявый улыбнулся, подозвалъ къ себѣ Павлушу и обнялъ его.

— Да тебя еще возьмутъ-ли на заводъ-то? больно еще ты малъ ...

— Вотъ не взять, возьмутъ ... Я слышалъ, меньше меня работаютъ тамъ ... Цѣвки-то скать — не штука ... я умѣю! ... А и другое что заставятъ, такъ привыкну, отъ рукъ не отобьется, не бойся ... Вотъ только что ужъ, перво, дай ты мнѣ дровъ навозить ... А тутъ безъ меня, какъ уйду, сивку не оставьте, чтобы всегда подъ мордой

кормъ былъ ... Мы теперь какъ съ нимъ! ровно братья! ... Право! ... Вотъ узналъ меня: какъ иду, такъ и ржетъ! ... И я примѣнился къ нему: пить-ли захотѣлъ, али такъ только здоровается, — по голосу слышу ... Ты ужъ его, дядя Никита, безъ меня не вели смаривать: Машутка-то больше буренку наблюдаетъ, все больше ей да ей: и кусокъ, и посыплетъ лишняго, высѣвки когда изъ подъ хлѣба, — все ей ... Ну, извѣстно, баба: всегда больше къ коровѣ льнетъ ... А сивку, развѣ я когда, ужъ чуть не воровски стащу.

— Да, вотъ поругай-ка, дядюшка, все хорошее сѣно сивкѣ таскаетъ ... Ну, что ему теперь много сѣна давать, коли безъ работы стоитъ, ѣлъ бы и яровицу, да осоку ... А онъ, какъ только не догляжу, такъ и тащитъ ему охапку гуменнаго ... Да еще выдумалъ — хлѣба таскаетъ: скажетъ, — самъ ѣсть хочу, а смотришь, — его кормитъ ...

— Это, братъ, какъ же ... Это не по-хозяйски! — замѣчаетъ Кулявый съ улыбкой. Теперь сѣно-то скормишь, а къ веснѣ-то, работа придетъ, и дать нечего ... А? Какъ-же ты это такъ? а? мужикъ? ...

— Да, вѣдь, я понемножку ... Ну, что! сморили совсѣмъ сивку ... Шаршавый сталъ, негладкій ...

— Ну, полно, сморили, что не дѣло говоришь! ... А зимой лошадь завсегда шаршавая бываетъ, потому не перелиняла ... Къ веснѣ вотъ вылиняетъ, опять гладкая будетъ! ... разсуждала Маша.

— Кормъ, братъ, нужно съ разсчетомъ тратить, — говорилъ съ своей стороны Кулявый: — ты знай, что съ Великаго поста до сгона такая же

половина корма нужна, что съ осени до великаго говѣнья ... Вотъ какъ разсчитывай! ... А ужъ тотъ хозяинъ не хозяинъ, что разсчета на кормъ не ведетъ, что сегодня густо, а завтра пусто, что съ начала зимы валитъ кормъ скоту и подъ морду и подъ ноги, а къ концу зимы и нѣтъ ничего: доведетъ скотину-то, что поднимаютъ, чтобы въ поле согнать ... Это ужъ не хозяйство! ...

— А только ужъ, дяденька, вотъ дрова возить буду, такъ вели сѣнца-то давать гуменнаго ... Я за то лишній разъ въ лѣсъ съѣзжу и побольше возъ буду накладывать ...

— Ну, то дѣло другое ...

— А когда же ѣхать-то? ...

— А вотъ погоди: справимъ денежекъ, купимъ, и почнешь возить ...

На другой же день, Маша, оставивши Сашу подъ надзоромъ Павлуши, и строго наказавши ему изъ дома не выходить, огня безъ нея не зажигать и не дурить, отправилась на фабрику, съ которой еще покойная мать ея брала на домъ точу. Она уже была извѣстна купцу, хозяину фабрики, потому что относила къ нему штуку миткаля, оставшуюся послѣ матери недотканною, и которую она сама соткала. Она обратила тогда на себя вниманіе купца своею молодостью, солидностью и серьезностью, а особенно разсказами о своемъ сиротствѣ вмѣстѣ съ маленькими братьями. Купецъ этотъ самъ недавно вышелъ изъ мужиковъ и хотя считался очень богатымъ человѣкомъ и имѣлъ большое заведеніе, самъ всѣмъ занимался, самъ раздавалъ и получалъ основы, самъ разсчитывался съ рабочими и зналъ ихъ всѣхъ не только лично, но и по ихъ общественному и семейному положенію. Хотя онъ былъ грубъ по

виду, вспыльчивъ и бранчивъ, часто бранился и кричалъ на рабочихъ, хотя онъ не платилъ дороже другихъ фабрикантовъ и не хуже ихъ умѣлъ соблюдать и извлекать свою выгоду изъ чужого труда, но онъ былъ любимъ въ околодкѣ за свою общительность, доступность, за то, что не обсчитывалъ рабочихъ явно на копейки, а главное за то, что охотно давалъ денегъ впередъ за работу.

— Добрый человѣкъ, пословный: хоть и горяченекъ, и выругаетъ, да за то не обсчитываетъ и денегъ на нужду дастъ, въ бѣдѣ выручитъ! — говорили про него. Дай Богъ ему здоровья! ...

— А — а! ... Постой-ка, постой! ... заговорилъ купецъ, увидя Машу, которая пробиралась чрезъ толпу мужиковъ и бабъ, чтобы подойти къ прилавку, сзади котораго онъ сидѣлъ, обложенный готовыми штуками миткаля, основами и пучками уточной пряжи. Изъ Ломовъ, кажись?

— Такъ точно, батюшка, Василій Митричъ!

— Иванова дочь, что въ холеру померъ? ...

— Нечто ...

— Сиротинка, значитъ ...

— Сиротинка, Василій Митричъ.

— Это у тебя братья-то махонькіе? ...

— Нечто, у меня ...

— А — а! ... Такъ и вижу: значитъ, молодая хозяйка ... Она самая! вотъ призналъ! ...

— Призналъ, Василій Митричъ, призналъ ты меня ...

— Ну, что же ... За работкой что ли пришла? ...

— Такъ точно, не оставь ...

— Тебѣ узенькую, чай?

— Пожалуй, широкую дай ...

— Да, вѣдь, не осилишь: рѣдинъ набьешь ...

— Не сомнѣвайся ... Сдѣлаю хорошо ..

— Ну, ладно, бери ... Только работай хорошенько, для переду ...

— Да вотъ еще что, Василій Митричъ, не оставь: дай рублика три впередъ ...

— Ну вотъ, еще и денегъ дай ... Вѣдь, за тобой еще отцовскіе остались? ...

— Такъ точно, остались: ты обѣщалъ простить сиротамъ хоть сколько-нибудь, а то заработаю ...

— Заработаешь! Гдѣ тебѣ заработать: велика ли ты вся-то! ...

— Не сомнѣвайся, даромъ мала ... Заработаю, только теперь не оставь: какъ Богъ, такъ и ты! На тебя на одного и надежа: не оставь! Дай хошь рублика три ... Безъ дровъ, безъ лучины сидимъ: хлѣбца не на чемъ испечь, освѣтиться нечѣмъ.

— Дровъ хочешь покупать ... Полно! ... Много ли ты дровъ купишь на трешницу ... Чай, воровать будете? ...

— Не учили насъ воровать-то ... Купимъ прутышковъ, абы обогрѣться, да лучинушки, сколько силы хватитъ ... А сожжемъ, да штучку сотку: опять къ тебѣ приду ... Можетъ, и опять не оставишь: пожалуешь ...

— Ты умная, я вижу ... И тогда я примѣтилъ, что умная ... На, получай, да смотри: тки проворнѣй, да ровнѣй ... Мотковъ-то себѣ не оставляй: вѣсить буду ... И прыскать не учись, меня не надуешь! ... А увижу, не то денегъ впередъ, — и работы не буду давать! ... На вотъ, получай ...

— Покорно благодарствую. Дай Богъ тебѣ здоровья ... говорила Маша, получивши зеленую бу-

мажку и завязывая ее въ уголъ платка, между тѣмъ какъ Василій Дмитричъ записывалъ выдачу въ книгу. Да вотъ, что еще хотѣла я тебѣ молвить ...

— Ну ... Что еще?

— Не возьмешь ли у меня брата на заводъ? ...

— Баловаться-то? ... Аи много охотниковъ ...

— Зачѣмъ баловаться: цѣвки скать будетъ, али другое что заставишь ...

— Великъ ли онъ у тебя?

— Порядочный уже: десяти годковъ ...

— Малъ ... Шаловство отъ нихъ одно ...

— Да, вѣдь, мой — отъ не первый у тебя будетъ и не останный ... Другимъ даешь хлѣбъ ѣсть, можетъ, и моему найдется ... А баловать не велимъ, велимъ работать да слушаться ...

— Ну, умна, дѣвочка! ... Говорю: умна! ... Какъ звать-то?

— Машкой звать-то меня ...

— Умна, Машонка, умна! ... Ну, приводи, покажи своего пострѣленка ...

— А какое жалованье положишь? ...

— Вотъ еще жалованье захотѣла ...

— А какъ же такъ-то? ... Развѣ кто безъ жалованья служитъ? ... Извѣстно, не какъ большому, а все по работѣ надо ... Вотъ бы недѣльку бы другую онъ мнѣ дровецъ повозилъ, а тутъ бы и привела ...

— Да ну, ну, приводи: почемъ люди, потомъ и онъ ...

— Ахъ ты, дѣвка, тоже! ... Поди-жь ты! ... хозяйствуетъ ... Право, ну! ... Ну, ступай,ступай, съ Богомъ! ... Привсди своего ...

Маша, веселая и довольная, забрала въ мѣшокъ бумагу, закинула его за спину и, еще разъ

поблагодаривши хозяина, поклонилась и пошла; а онъ съ улыбкой провожалъ ее ласковыми глазами и бормоталъ про себя:

— Гм ... Поди жь ты ... Вотъ истинно сказано: Господь умудряетъ младенцевъ! ... Право, ну! ... Умнѣе большой бабы! ... Ну, вы, что ли, подходите скорѣй? ... прикрикнулъ онъ въ заключеніе на бабъ и мужиковъ, толпившихся передъ прилавкомъ.

Маша радостная и довольная пришла домой и съ торжествомъ вручила Кулявому полученныя отъ купца деньги; разсказала и о томъ, что заговорила у купца мѣсто для Павлуши. Кулявый поспѣшилъ пріискать въ ближайшимъ лѣсу сучьевъ, сторговалъ ихъ и принялся вмѣстѣ съ Павлушей за работу.

Павлуша ждалъ этой работы, какъ праздника, какъ гулянки; онъ мечталъ о томъ, какъ покатитъ на своемъ сивкѣ въ первый разъ, по зимней снѣжной дорожкѣ, въ лѣсъ.

Снѣгъ давно уже окуталъ всю землю, поля и луга, нависъ на оголеныхъ древесныхъ сучьяхъ, навалилъ сугробы около заборовъ при въѣздѣ въ деревню; давно уже деревенскіе ребятишки прилаживались кататься на ногахъ и на салазкахъ съ каждаго пригорка, на каждой замерзшей лужѣ, по ледяному зеркалу пруда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣтеръ обнажилъ его отъ снѣга; давно уже катали они снѣжные шары и кидались ими. Павлуша вмѣстѣ съ другими наслаждался, насколько могъ урваться отъ домашняго дѣла, всѣми этими радостями зимняго времени; но онъ еще ни разу не закладывалъ сивка въ дровни и не слыхалъ, какъ снѣгъ скрипитъ подъ полозьями, а снѣжные комья и пыль летятъ изъ-подъ ногъ лошади и обдаютъ свѣжестью разгорѣвшееся

на морозѣ лицо, засыпаютъ шапку и плечи, забиваются за воротникъ полушубка и, прикасаясь къ согрѣвшемуся шубою тѣлу, таютъ и мелкими струйками текутъ по шеѣ и спинѣ ... Павлуша не испытывалъ еще въ нынѣшнемъ году этого наслажденія и ждалъ его съ нетерпѣніемъ.

Зима для русскаго крестьянина вообще хорошее время: онъ отдыхаетъ зимою отъ тяжкой полевой работы; длинныя зимнія ночи даютъ ему больше времени для сна и покоя; собранный въ сусѣки хлѣбъ, въ сараи кормъ для скота, освобождаютъ его на время отъ заботы о насущномъ пропитаніи; зима даетъ ему возможность и заработать лишній рубль на какомъ промыслѣ; слѣдовательно, зимою крестьянинъ и сытѣе ѣстъ, и больше спитъ, и имѣетъ готовую копейку: оттого зимою онъ и смотритъ веселѣе, бодрѣе, привѣтливѣе. Не даромъ народъ зоветъ зиму матушкой, хотя и сложилъ пословицу, что лѣто припасиха, зима — прибериха. Я скажу болѣе: зимой крестьянинъ дѣлается какъ будто умнѣе, разговорчивѣе, словоохотнѣе, онъ больше думаетъ и разсуждаетъ, и конечно въ зимніе длинные вечера сложились тѣ поговорки, прибаутки, присловья и пословицы, которыми богата русская рѣчь и обличаетъ большую наблюдательность, остроуміе и юморъ русскаго народа. А зимнія вьюги, холода, непогоды, тотъ жестокій зимній морозъ, отъ котораго трещитъ земля, леденѣетъ кровь и болѣзненно сжимается тѣло, крестьянину ни почемъ: онъ къ нимъ привыкъ съ малолѣтства ...

Для крестьянскихъ дѣтей, живущихъ въ деревняхъ при родителяхъ, вся зима непрерывный праздникъ: работы на ихъ долю достается не много, и работа, по ихъ мнѣнію, вся легкая, веселая, гулящая: на-

колоть дровъ, натаскать ихъ въ избу, наносить изъ сарая корму, поскать цѣвокъ, гдѣ есть въ дому точа, а тутъ и гуляй ... Правда, для этой гулянки не закутаютъ ребенка въ теплую шубу, не надѣнутъ на него фуфайки, толстыхъ панталонъ и мѣховыхъ сапоговъ, не закроютъ и уши пушистымъ мѣхомъ, а предоставляютъ бѣгать и вязнуть въ снѣгу, на лютомъ зимнемъ морозѣ, чуть не въ той же одной рубахѣ, въ которой сидѣлъ въ теплой избѣ, и много, много, если дадутъ старенькій, протертый полушубокъ да рваную шапку и заношенные отцовскіе или материнскіе валеные сапоги съ дырами ... Никто не похвалитъ крестьянъ за это неряшество и незаботливость о предохраненіи дѣтей отъ простуды; но всякій знаетъ, что все та же бѣдность тому причиной, и что при иномъ воспитаніи, пожалуй, не выходили бы тѣ смиренные богатыри, которые не жалуясь и не сѣтуя на судьбу, покорно борются всю жнзнь и съ нуждой, и съ холодомъ, и съ голодомъ ... А дѣти весело и беззаботно бѣгаютъ, едва прикрытыя, по снѣгу, на морозѣ и, посмѣиваясь, дрожатъ и чуть не коченѣютъ отъ стужи, возвращаясь въ избу развѣ только тогда, когда пальцы совсѣмъ не сгибаются, и ноги окоченѣютъ ...

Впрочемъ, такое приволье только для маленькихъ дѣтей, а чуть паренекъ или дѣвушка повыросли, перешли за десять — одиннадцать лѣтъ, ихъ уже и зимою стараются посадить на такую работу, которая бы приносила въ домъ лишнюю деньгу: если отецъ знаетъ какое ремесло, онъ обучаетъ ему сына, а, выучивши, сажаетъ на обязательный суточный урокъ, или отдаетъ въ ученье мастерству на сторону, а дѣвушекъ сажаютъ за гребень — прясть, или за станъ ткать, коли нѣтъ никакого дѣла, а гдѣ есть въ око-

лоткѣ фабрики, то стараются пристроить на нихъ для какой нибудь подходящей работы.

Вообще крестьянскія дѣти гуляютъ на полной свободѣ очень недолго, и очень рано пріучаются добывать деньги собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ. Я знаю, напримѣръ, мальчиковъ — горшечниковъ, лѣтъ одиннадцати — двѣнадцати, которые обязаны сдѣлать для отца въ сутки до пятидесяти горшковъ, а если сдѣлаютъ больше положеннаго урока, то за каждый лишній десятокъ отцы платятъ имъ въ собину, то-есть отдаютъ въ личное распоряженіе, по три — по четыре коп. за десятокъ. И эти рябятки въ праздничные дни щеголяютъ въ картузахъ, въ жилеткахъ, купленныхъ на свои заработанныя деньги, покупаютъ себѣ сластей. Крестьянскія дѣти — сироты, само собою разумѣется, начинаютъ работать и промышлять работою деньги еще раньше, и трудъ ихъ, конечно, тяжелъ.

Наши сироты не знали праздниковъ и зимою. Вотъ какъ проходилъ ихъ день. Рано утромъ, пока еще не начинало свѣтать сквозь замерзшія окна избы, прежде всѣхъ поднималася Маша, будила старшаго брата, и тотчасъ же оба, накинувши на плечи кафтанъ или шубенку, принимались за дѣло. Маша брала коромысло съ двумя ведрами и отправлялась къ колодцу, а Павлуша вооружался веревкой или корзиной и шелъ въ сарай за кормомъ для скота. При скрипѣ отворявшихся дверей и воротъ они оба съ удовольствіемъ слышали ржанье сивка, мычанье буренки, овцы, которыя привѣтствовали пробудившихся хозяевъ и напоминали имъ о себѣ. Хозяева привѣтливо откликались каждый своему любимцу.

— Ого-го ... Сивка ... слышу, подожди! ... кричалъ Павлуша.

— Сейчасъ, матушка ... Слышу, слышу, родимая! ... отзывалась Маша.

Самая тяжкая работа предстояла Машѣ. Колодецъ стоитъ на серединѣ деревни, далеко отъ избы; за ночь вѣтромъ надуло сугробовъ, въ которые нога уходитъ выше колѣна, около колодца налитая вода обледенѣла, нога скользитъ по ней: того и смотри, упадешь, особенно подъ тяжестью двухъ налитыхъ водою ведеръ. Но и налить ихъ работа нелегкая, непріятная: колодецъ глубокій, бадья большая, колесо туго идетъ подъ тяжестью наполненной водою бадьи; ноги скользятъ, упереться не во что, а надо напрягать всѣ силы, чтобы выровнять бадью до края колодца, и еще больше, чтобы втащить ее на край и опрокинуть къ ведру, да такъ, чтобы не пролить мимо и не окатить себя ... А при этомъ часто, кромѣ мороза, дуетъ сильный вѣтеръ, взметаетъ снѣгъ и слѣпитъ глаза вьюга: маленькія руки зябнутъ, коченѣютъ и отказываютя повиноваться; дрожь пробѣгаетъ по всему тѣлу: промерзшая желѣзная оковка бадьи какъ огнемъ обжигаетъ руки, срываетъ кожу съ пальцевъ ... Но вотъ, слава Богу, ведра налиты; двухпудовая тяжесть поднята и уравновѣшена на плечѣ; сгорбившись, скосившись вся въ одну сторону подъ этой тяжестью, неровнымъ, порывистымъ шагомъ, изнывая отъ холода, отъ усталости, спѣшитъ маленькая дѣвочка къ своей избѣ, заботясь только о томъ, чтобы не споткнуться, не потерять равновѣсія, не расплескать воды ... А вѣтеръ, холодный зимній вѣтеръ, дуетъ ей въ упоръ въ грудь, жжетъ и рѣжетъ ея посинѣвшее лицо, рветъ съ головы платокъ, силится сорвать съ плеча, вытолкнуть изъ окостенѣвшей руки коромысло ... Запыхавшись, усталая, кое-какъ доноситъ Маша свои ведра

въ цѣлости до избы, съ глубокимъ вздохомъ снимаетъ ихъ съ плеча и одно за другимъ выливаетъ въ кадку, или въ кормовое корыто. Но чтобы напоить досыта лошадь, корову, овцу, приготовить воды на весь день для домашняго обихода, надо не одну и не двѣ пары ведеръ ... И какая бы ни была погода, какой бы ни былъ морозъ и вѣтеръ, а скотину нельзя оставить безъ пойла, домъ безъ воды: дѣвочка ребенокъ совершаетъ свое тяжкое путешествіе къ колодцу за водою разъ по шести въ сутки. Устаютъ отъ этой работы и взрослыя сильныя бабы; бранятся изъ-за нея и спорятъ въ очереди невѣстки со свекровью; но Маша справляетъ ее, какъ долгъ, какъ необходимость, молча, безропотно, не жалуясь на усталость.

Въ то же время Павлуша таскаетъ корзиной сѣно, яровицу и мякину, веревкой ржаную солому для подстилки. Кормъ брать изъ сарая — дѣло нетрудное: войдешь въ сарай, за стѣной тепло, ни самъ, ни руки не зябнутъ; вотъ оржаницу носить потруднѣе: она сложена на гумнѣ, около овина, въ ометѣ; его часто заноситъ снѣгомъ, надо разгребать. да и работа вся на открытомъ мѣстѣ: это стоило бы тасканья воды изъ колодца; но дѣло въ томъ, что подстилка не каждый день требуется; слѣдовательно, можно выбрать поподручнѣе, когда безъ вѣтра и потеплѣе, и натаскать или навозить на салазкахъ, за одинъ разъ, на нѣсколько дней; притомъ въ этой работѣ, когда Маша, а когда и Кулявый помогаютъ.

Пока наносили воды, натаскали корма, ужъ совсѣмъ разсвѣло; Павлуша раскладываетъ кормъ по яслямъ, по корытамъ, Маша доитъ буренку. Слава Богу, она отелилась во-время и до великаго говѣнья

проходитъ съ молокомъ. До филипповскаго поста у дѣтей нашихъ молока вволю: въ филипповки они его ѣсть не будутъ, потому — грѣхъ, не положено, развѣ одному Сашкѣ будутъ давать по малолѣтству, и то если дядюшка Кулявый и другіе старшіе люди не осудятъ, не забранятъ, а позволятъ. Но и до филипповокъ всего молока троимъ не выхлебать, остается: буренка по три горшка доитъ; въ постъ же его еще больше будетъ оставаться: надо маслица покопить, а эта процедура требуетъ опять и новой работы, и знанія. Павлушка въ этомъ ничего не понимаетъ, а Маша знаетъ давно, научилась еще при матери. И вотъ, выдоивши корову, она сливаетъ молоко изъ подойнцы сквозь тряпку въ горшки, заблаговременно выпаренные и вымытые и, прикрывши ихъ дощечкой, ставитъ въ голбецъ.

Голбецъ — это яма подъ избою; ходъ въ нее дѣлается около печки подъ лѣсенкой, по которой лазятъ на печь и на полати. А полатями называются нары, или широкая во всю почти избу полка, подъ самымъ потолкомъ, надъ входными дверями, служащая для спанья, а также и для того, чтобы засунуть на нее кафтанъ, полушубокъ, подушку и т. п. домашнюю обиходную рухлядь.

Итакъ, слитое вновь молоко поставлено въ голбецъ, а оставшееся отъ вчерашняго дня — вечорошнее — уже скислось, устоялось въ горшкахъ, и откинуло наверху толстый слой сметаны, которая сплошь покрываетъ отсѣвшую подъ нею простоквашу. Маша выноситъ эти горшки вверхъ въ избу, снимаетъ съ нихъ ложкою сметану и складываетъ въ особый горшокъ, который и поставитъ потомъ въ горячую печку, а простоквашу сливаетъ въ другой горшокъ. Когда сметана въ печи разогрѣется, Маша

будетъ ее пахтать, то есть сбивать и перемѣшивать особой деревянной мутовкой — рогулей, для того, чтобы сбить въ одну массу маслянистыя частицы, заключающіяся въ сметанѣ, и отдѣлить кислыя — пахтанье, пахтусъ, — которое сливается прочь. На этомъ пахтаньѣ крестьяне замѣшиваютъ кокуры.

Затѣмъ сбитую сметану опять ставятъ въ печь, гдѣ она окончательно перетопится и дастъ наверху чистый масляный растворъ. Маша осторожно сольетъ его еще горячій въ другой горшокъ, стараясь чтобы не попало въ масло отстоя со дна, гдѣ остается подонье, — тоже масло, но съ примѣсью остальныхъ кислыхъ частицъ, чрезъ перетапливаніе отсѣвшихъ на дно. Это подонье крестьяне очень любятъ ѣсть съ блинами и оладьями ячными и овсяными, что на неизбалованный вкусъ, дѣйствительно, очень пріятно. Теплое масло выставляется на холодъ, гдѣ оно остывая сгущается — и тогда получается то, что называется вообще русскимъ, или топленымъ масломъ. Такъ называемое чухонское приготовляется безъ перетапливанія въ печи, однимъ сбиваніемъ; но крестьяне его не дѣлаютъ, потому что оно не такъ прочно, не такъ долго сохраняется, требуетъ соли и скоро портится, хотя оно и выгоднѣе, и скорѣе дѣлается.

За простоквашей тоже другая работа: ее также нужно поставить въ печку для того, чтобы всѣ твердыя кислыя частицы молока собрались вмѣстѣ и образовали творогъ, изъ котораго въ богатыхъ домахъ дѣлаютъ такія вкусныя творожныя оладьи, сочни, сырники, вотрушки и т. п., жидкія частицы отпали и превратились въ сыворотку. Послѣдняя употребляется на бѣлку холста, или отдается коровамъ, которыя ее охотно пьютъ.

Весь этотъ процессъ, какъ видите, требуетъ много времени и непремѣнно чистоты и опрятности въ посудѣ, и пока Маша занимается какой-либо частью его, приходящейся на долю утра, Павлуша, управившійся съ кормомъ, нарубитъ и натаскаетъ въ избу дровъ и, для облегченія сестры, а отчасти и для собственнаго удовольствія, накладетъ ихъ въ печь и растопитъ ее.

Видали ли вы, какъ въ зимнее, ясное, тихое утро, когда солнышко ослѣпляющими искрами играетъ на ровныхъ снѣжныхъ поляхъ и въ инеѣ, покрывающемъ деревья, изъ всѣхъ избъ деревни, черезъ трубы, поднимаются столбы дыма и медленно стройными коллоннами летятъ къ небу? — Вотъ, въ такую минуту лица нашихъ друзей Маши и Павлуши, освѣщенныя разгарающимся въ печи огнемъ, дышатъ истиннымъ весельемъ и счастьемъ. Нѣсколько минутъ, оба они, зимою, ежедневно, позволяли въ то время, какъ растапливается печка, отдыхать отъ работы, любуясь на огонь и согрѣвая передъ нимъ свои продрогшіе на морозѣ члены; но удовольствіе это было сильнѣе и ощутительнѣе, когда и въ окна избы смотрѣло ясное свѣтлое небо, врывались солнечные лучи и виднѣлось искрящееся снѣжное поле... Дѣти, послѣ работы, невольно поддавались поэзіи свѣтлаго деревенскаго зимняго утра, и радовались, не сознавая своей радости... Но житейскія заботы разрушали и для дѣтей эту поэзію: Маша торопилась стряпать, чтобы поскорѣе управиться, пока не протопилась печь, а Павлушѣ нужно было пригнать въ избу корову, чтобы накормить ее теплымъ кормомъ.

Стряпня Маши бывала непродолжительна: положить въ горшокъ кисленицы — капусты, налить въ

нее воды, прибавить туда для вкуса грибковъ сушеныхъ или луковку, и поставить къ огню да сварить картофелю, коли онъ есть, а иногда напечь ячныхъ блиновъ — вотъ и все.

Но нужно раза два въ недѣлю замѣсить хлѣбы — опять работа тяжелая, требующая большихъ усилій. Еще наканунѣ вечеромъ приготовляетъ Маша квашню: въ кадочку (квашенку) насыплетъ муки, растворитъ ее водой до извѣстной густоты, прибавить туда подквасья (квасной гущи) и, прикрывши тряпкой, поставитъ на печь. Къ утру квашня поднимется, т. е. мучной растворъ, вслѣдствіе происходившаго въ немъ за ночь броженія и развитія газовъ, окиснетъ и увеличится въ объемѣ. Къ этому, жидкому еще раствору, Маша, утромъ, пока печь растапливается, еще прибавитъ сухой муки, и чтобы соединить ее съ квашнею, будетъ сильно и долго промѣшивать рукою до тѣхъ поръ, пока разобьются всѣ мучные комки, и тѣсто приметъ во всей квашнѣ равномѣрную густоту. Вотъ надъ этой работой, — промѣшать хорошенько квашню, — устаютъ и взрослыя сильныя бабы. Затѣмъ, промѣшанная квашня ставится опять на печь, пока дрова прогорятъ, печь раскалится, и пора будетъ ее скутывать, или закрывать: передъ этимъ временемъ готовое уже тѣсто вынимается изъ квашни, раскладывается по плошкамъ и ставится въ (скутаную) закрытую печку, откуда потомъ, чрезъ нѣсколько времени, и вынимаются уже готовые, пропеченные караваи хлѣба.

Управившись со стряпней и давши въ руки проснувшемуся Сашѣ кусокъ хлѣба, Маша садилась за станъ, а Павлуша въ это время, подъ наблюденіемъ и по указанію сестры, кормилъ буренку: накладывалъ въ колоду, — глубокое корыто, стоявшее тутъ

же въ избѣ, у задней стѣны, — яровой соломы, или ржаного колоса, а иногда и мелко рубленой ржаной соломы, обливалъ ее согрѣтой уже въ чугунѣ водой, обсыпалъ мучными высѣвками, посыпкой, перемѣшивалъ все хорошенько и наблюдалъ, чтобы буренка выѣдала свою дачу, а не рылась и не выбрасывала кормъ подъ ноги. Его же дѣло было въ то же время водиться съ Сашей, выгнать накормленную буренку опять на дворъ, привести, послѣ нея, въ порядокъ и подмести избу; затѣмъ онъ садился скать цѣвки, или, надо правду говорить, выбѣгалъ на улицу и, встрѣтясь съ ровесниками-пріятелями, принимался катать шары, кидаться снѣжными комьями; съ хохотомъ, съ гамомъ вязнуть и валяться съ снѣжныхъ сугробахъ до тѣхъ поръ, пока Маша не зазывала его опять въ избу и съ выговоромъ указывала на какое-нибудь новое, забытое имъ, или недодѣланное дѣло.

Обѣдали дѣти рано, задолго еще до полудня, а послѣ обѣда, вплоть до ужина, Маша стучала своимъ станомъ, а Павлуша водился съ братомъ, вилъ цѣвки, опять поилъ, кормилъ, управлялся со скотной.

Вмѣстѣ съ закатомъ солнца, съ наступленіемъ сумерекъ — дѣти ложились спать, чтобы не тратить даромъ свѣта, не жечь много лучины, которая для нихъ была дорога.

Такъ проходили дни за днями, какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другой; праздники отличались только тѣмъ, что Маша не ткала и давала Павлушѣ больше времени и свободы баловаться на улицѣ, съ ребятами.

Понятно, какъ обрадовался Павлуша, когда наконецъ Кулявый, придя однажды передъ вечеромъ, объявилъ Павлушѣ, что завтра рано утромъ они по-

ѣдутъ вмѣстѣ въ лѣсъ за дровами, и позвалъ его на дворъ, чтобы осмотрѣть и приготовить сани — розвальни, на которыхъ удобнѣе, чѣмъ на дровняхъ, возить сучья и плахи, неперерубленныя еще въ дрова.

На утро Павлуша не заставилъ сестру будить себя, но вскочилъ самъ ранехонько, накормилъ и напоилъ сивку, приготовилъ сбрую, веревки, топоръ, по настоянію Маши обулъ ноги въ теплыя онучи и отцовскіе валеные сапоги, надѣлъ полушубокъ и не разъ заглянулъ за ворота, — не идетъ ли Кулявый. И вотъ, наконецъ, тотъ пришелъ, сивка былъ заложенъ въ сани и весело фыркалъ; Павлуша торопливо и заботливо схватилъ возжи и просилъ опекуна сѣсть и только показывать дорогу, а ужъ онъ справитъ самъ, въ лучшемъ видѣ. Кулявый съ добродушной улыбкой и безъ возраженій согласился.

— Ну, правь, коли на Пронизкино ... знаешь ли дорогу-то? — сказалъ онъ, усаживаясь въ сани.

— Ну какъ не знать: на Пронизкино ... знаю! направо надо брать, да прогономъ, а тутъ Антипкинымъ врагомъ ... Ну-ка, сивка, ну ... застоялся, братъ! ... Ну-ка, разминай ноги по новой-то дорожкѣ, по первопуточку ... Эхъ, вы! ... весело покрикивалъ Павлуша, подергивая возжами. Сивка бѣжалъ охотно, фыркая и выпуская изъ ноздрей цѣлыя облака холоднаго пара, сани легко скользили по снѣгу, свѣжій морозецъ ласково и пріятно щекоталъ и щипалъ щеки, грудь свободно и широко дышала чистымъ холоднымъ воздухомъ ... Павлуша былъ въ упоеніи ...

— Смотри-ка, смотри, дядюшка Никита, какъ сивка-то ... Сивка-то какъ забираетъ: обрадовался зимней дорожкѣ ...

— Ну, а ты не больно гони: вѣдь до лѣсу-то верстъ десять будетъ, что больше ... Назадъ-то, вѣдь, съ возомъ поѣдемъ ...

— Да что ему, дядюшка, десять верстъ, по теперешнему времени ... шутки! ... Пошустрѣй пустые поѣдемъ, такъ двою съѣздить можно обо днѣ-то ...

— Ну, не больно съѣздишь ... Взадъ да наѳадъ всѣ двадцать пять верстъ будутъ, съ возомъ-то шагомъ поѣдешь, самому пѣшему придется идти ... Отмѣряешь какъ шагами-то десять-то верстъ, такъ не запросишься въ тотъ же день вдругорядь ... Такъ-то вотъ хорошо сидишь да ѣдешь, а погоди-ка ужо пошагаешь по снѣгу-то въ шубѣ, — скажется ...

— Э, по мнѣ, ничего ... Я бы и вдругорядь съѣздилъ сегодня ... А за сивку-то не безпокойся: онъ у меня сытъ, доволенъ ... Долженъ служить: отдохнулъ ...

— А ты постой, погоди, не горячись: вотъ когда домой вернемся, тогда видать будетъ ... Не все, вѣдь, этакая дорога-то битая ... За Пронизкинымъ-то къ лѣсу еще суметно, не наѣзжено ... Вчера-же передувало ...

И дѣйствительно, какъ только Павлуша по указанію Куляваго своротилъ въ сторону съ дороги, соединявшей деревни, сивка сталъ вязнуть въ глубокомъ снѣгу и замедлилъ свой бѣгъ, а скоро заявилъ желаніе идти и вовсе шагомъ. Восторгъ Павлуши тоже утихъ: онъ пустилъ возжи и спокойнѣе усѣлся въ саняхъ: онъ почувствовалъ, что выѣхалъ на работу, а не кататься.

Въ лѣсу дорога оказалась еще хуже: для сокращенія разстояній она была проложена плохо расчищенною, узкой просѣкой; снѣгу выпало хотя уже много, но не настолько, чтобы закрылись совсѣмъ,

торчавшіе среди дороги полугнилые пеньки; копылья саней то и дѣло задѣвали за нихъ, и сивка вставалъ: приходилось останавливаться, слѣзать и приподнимать розвальни, чтобы проѣхать дальше: мѣстами дорога была такъ узка, что грядки саней касались стволовъ деревьевъ, стоявшихъ по сторонамъ, а дуга задѣвала за сучья, и съ нихъ сыпался сухой рыхлый снѣгъ, обсыпавшій съ ногъ до головы сѣдоковъ, засыпавшій и лошадь, и сани. Когда наши путешественники добрались до поруби, гдѣ рядами стояли полѣнницы дровъ, и лежали кучами сучья и прутья, спина и шея у сивки были покрыты точно попоной толстымъ слоемъ снѣга, нападавшаго съ деревьевъ, и онъ, видимо, согрѣлся и вспотѣлъ.

— Видишь ты, — указалъ на него Кулявый: — и безъ воза-то вонъ какъ упрѣлъ, а погоди-ка ужо съ возомъ-то ... Запросишься и ты на возъ, какъ пошагаешь ужо по сумету, въ шубѣ-то ...

— Зачѣмъ на возъ: и пѣшкомъ дойду, не маленькій! ... обидчиво возразилъ Павлуша.

На поруби, среди полѣнницъ, стояла сторожка. Изъ нея вышелъ лѣсникъ и указалъ кучу, изъ которой предоставилъ покупателямъ накладывать возъ. О цѣнѣ Кулявый условился предварительно.

Началась работа. Павлуша старался усердно помогать Кулявому таскать сучья изъ кучи на возъ, но скоро внутренно и съ грустью убѣдился, что онъ еще маленькій и малосильный человѣкъ: въ то время, какъ Кулявый захватывалъ и перекидывалъ на возъ цѣлыя охапки сучьевъ, Павлуша съ большими усиліями вытаскивалъ одинъ — два. Но онъ не стоялъ безъ дѣла и помогалъ, сколько ставало силъ: подъ полушубкомъ рубашка сдѣлалась мокрая, и онъ соображалъ, что въ слѣдующій разъ нужно будетъо

снять полушубокъ и работать въ одной рубахѣ. Не даромъ пословица говоритъ, что „въ лѣсу, что въ шубѣ“, не то, что на открытомъ мѣстѣ: не въ примѣръ теплѣе.

— А что, Павлуша, вѣдь, тебѣ одному не управиться, если бы теперь тебя, примѣрно, одного въ лѣсъ пустить за дровами? — спросилъ Кулявый, увязывая готовый уже возъ.

— Не знаю, какъ тебѣ сказать ... отвѣчалъ Павлуша не вполнѣ рѣшительно: — хоть не скоро, а, кажись, можно управиться всячески ...

— Такъ тебѣ этакого воза-то не накласть: не достать тебѣ до верху-то ... Какъ ты на верхъ-отъ будешь класть? ... Не достанешь ...

— Вотъ только развѣ, что не достать ... А если теперь кого изъ ребятъ взять, тогда все можно: потому одинъ наверху станетъ, а другой подавать будетъ ... Вдвоемъ управимся! ...

— Ну, а если застрянетъ гдѣ возъ-то, али испрокинется, такъ тутъ что ты будешь дѣлать?

— Ну ужъ не знаю какъ ... А, кажись, коли вдвоемъ, если теперь Ванюшку взять ... онъ сильнѣе меня много ...

Кулявый засмѣялся.

— Хвастунъ ты, Павлуша ... Право, хвастунъ! ...

— Да зачѣмъ онъ, дядюшка, будетъ испрокидываться? ... Поѣзжай съ опаской: иди да осматривайся, такъ не надо бы опрокидываться-то ...

— Развѣ что ... Не говори, парень: ужъ больно ты ретивъ да ловокъ ... Нѣтъ, а вотъ что мы сдѣлаемъ: Петръ Курочка сказывалъ мнѣ, что думно ему купить тоже здѣсь прутняку, такъ вотъ соединить тебя съ нимъ ... ѣздите вмѣстѣ ... Онъ мужикъ добрый и поможетъ тебѣ по сиротству ...

А мнѣ, пожалуй, не придется каждый-то разъ ѣздить съ тобой ...

— Такъ-что же, съ Петромъ на что лучше ... согласился Павлуша.

Благодаря Кулявому возъ былъ навитъ большой, чѣмъ видимо остался совсѣмъ недоволенъ сивка и шелъ домой въ обратный путь шагъ за шагомъ, помахивая головой и сильно напирая плечами.

— Что, сивка, это видно не съ пустыми санями ... Не любишь ... Не какъ даве съ охотки! ... посмѣивался Павлуша, идя сзади воза рядомъ съ Кулявымъ.

— Да садись и ты на возъ-то, — говорилъ ему Кулявый. Вѣдь, не много въ тебѣ прибавки-то будетъ ему, — стащитъ.

— Нѣту, и безъ того ему тяжело: видишь ты, какъ гужи-то натягиваетъ ... Нѣту, не сяду: развѣ не дойду? ... Идти-то еще теплѣе да и охотнѣе ...

— Ну вотъ это ладно: мужикъ будешь стоющій, потому лошадку бережешь, жалѣешь ... хвалю за это! ...

И Павлуша шелъ пѣшкомъ до самаго дома, не смотря на то, что подъ конецъ дороги очень усталъ и едва волочилъ ноги.

Они воротились домой далеко за полдень.

— Что говорилъ, что въ другорядь-то съѣздишь? Поѣзжай опять ... смѣялся Кулявый.

— Нѣтъ, пожалуй, не поспѣешь ... согласился Павлуша.

— То-то, умная голова ... Ты помни это: всегда сначала испытай, а тутъ и молви ... А вотъ поѣшь, отдохни маленько, да и принимайся, покамѣстъ свѣтло: руби да складывай порядочкомъ прутнякъ-отъ, чтобы въ печку вошелъ и чтобы носить охапками ловчѣй

было ... Вотъ тебѣ и дѣло до ужина ... Али сытъ-доволенъ, умаялся? ...

— Чего умаяться ... Мало что? ... Ничего! ... Вотъ только поѣсть: животы подвело ... а тутъ опять ничего ... Не спать же ложиться съ сяковой поры ...

— Будетъ мужикъ! ... Настоящій мужикъ будетъ! ... подумалъ про себя Кулявый, съ умиленіемъ поглядывая на Павлушу, который послѣ обѣда тотчасъ же взялъ топоръ и началъ рубить дрова.

На три рубля, принесенныхъ Машей, Кулявый купилъ шесть кучъ хвороста; покупка была очень дешева и заставляла предполагать, что опекунъ прибавилъ потихоньку своихъ денегъ, никому объ этомъ не сказавши. Чтобы перевезти эти шесть кучъ надо было много разъ съѣздить въ лѣсъ. Павлуша занимался этой работой около трехъ недѣль, изо дня въ день: забава превратилась въ тяжелую работу, которую мальчикъ переносилъ весело, съ недѣтской твердостью.

Были дни, въ которые морозъ стоялъ такой сильный, что захватывало дыханіе, выжимались изъ глазъ слезы, и на щекахъ появлялись бѣлыя пятна, — признаки отмороженія: Павлуша теръ себѣ щеки снѣгомъ и одубѣвшимъ отъ холода шаршавымъ рукавомъ кафтана, надѣтаго сверхъ шубы, похлопывалъ окоченѣвшими руками, но шелъ, припрыгивая, за своимъ возомъ, крикомъ ободряя и сивку, и себя.

Но бывали дни еще хуже. Поднималась мятель съ холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Въ лѣсу она не чувствовалась, но когда дорога шла полями, давала себя знать, и заставляла помнить. Вѣтеръ вздымалъ цѣлыя облака снѣжной пыли, кидалъ ихъ въ лицо, слѣпилъ глаза, и не только жегъ и рѣзалъ откры-

тыя части тѣла, но проникалъ сквозь одежду и точно кипяткомъ обдавалъ все тѣло. Онъ заметалъ снѣгомъ протоpенную уже дорогу, накидывалъ мѣстами цѣлые сугробы, передъ которыми становился въ тупикъ сивка, и въ которыхъ по поясъ вязъ маленькій Павлуша. А между тѣмъ иной разъ нужно было взять сивку подъ уздцы и идти впереди его, чтобы заставить двигаться съ тяжелымъ возомъ, въ то время какъ вѣтеръ сшибалъ съ ногъ, заворачивалъ полы кафтана, въ которомъ и безъ того путались Павлушины ноги.

Замѣчательно, что Петръ Курица, съ которымъ Павлуша ѣздилъ въ лѣсъ, охотно помогалъ ему накладывать и увязывать возъ, такъ какъ видѣлъ, что это невозможно для Павлуши по его росту, но во всѣхъ остальныхъ затруднительныхъ случаяхъ не обращалъ на него никакого вниманія, смотрѣлъ на ребенка, какъ бы смотрѣлъ на такого же, какъ самъ, работника-мужика, обращался съ нимъ какъ со взрослымъ товарищемъ по работѣ, и пошелъ бы выручать его изъ затрудненія развѣ только въ такомъ случаѣ, если бы Павлуша совсѣмъ выбился изъ силъ и сталъ просить его о помощи. Но мальчикъ никогда не просилъ его о ней, никогда даже не останавливался на мысли, что Петру, какъ взрослому, слѣдовало помочь ему, какъ ребенку. И это происходило не отъ того, что Петръ былъ лѣнивъ, безучастенъ, не добръ, совсѣмъ нѣтъ: онъ считался однимъ изъ самыхъ тихихъ, добрыхъ и пословныхъ мужиковъ, за что и прозвали его курицей; но въ крестьянствѣ совсѣмъ иныя отношенія къ дѣтямъ, чѣмъ въ другихъ слояхъ общества. Тамъ на ребенка, во время работы, смотрятъ какъ на самостоятельнаго, полнаго человѣка-работника, тамъ не дадутъ ему ра-

боты не по силамъ, научатъ и укажутъ, какъ нужно дѣлать дѣло, котораго онъ еще не умѣетъ; но ужъ, если дали ребенку въ руки дѣло, то и относятся къ нему, какъ къ настоящему, большому человѣку, серьезно будутъ говорить и разсуждать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, не побрезгуютъ выслушать его личное, самостоятельное мнѣніе, не отнесутся съ улыбкою пренебреженія или высокомѣрной снисходительности къ его разсужденіямъ; но за то и взыщутъ съ него за работу, какъ съ большого, и не станутъ помогать ему въ его трудѣ. Такія отношенія развиваютъ въ дѣтяхъ съ ранняго возраста ту самостоятельность, ту твердость воли и вѣру въ свои собственныя силы, которыя создаютъ характеръ и приготовляютъ сильныхъ закаленныхъ людей, способныхъ бороться со всѣми невзгодами жизни. Оттого-то крестьянскія дѣти въ практическомъ отношеніи гораздо развитѣе, смышленѣе и способнѣе городскихъ дѣтей равнаго возраста; первыя скорѣе вторыхъ найдутся во всякаго рода затруднительномъ случаѣ, не станутъ въ тупикъ, не упадутъ духомъ и не струсятъ передъ неожиданностью, требующей быстраго соображенія, рѣшимости и труда.

Я однажды встрѣтилъ крестьянскаго мальчика лѣтъ двѣнадцати, сироту, который одинъ-одинехонекъ возвращался изъ путешествія въ Петербургъ, гдѣ жилъ у него богатый по крестьянскимъ понятіямъ дядя, отъ котораго не получалось давно никакихъ вѣстей. Мальчикъ этотъ съ грошами въ карманѣ, одинъ добрался за тысячу верстъ до Петербурга, разыскалъ тамъ дядю, получилъ отъ него денежную помощь и возвращался теперь назадъ къ себѣ въ деревню, гдѣ оставалась у него сестра, чтобы вмѣстѣ съ нею начать деревенское хозяйство ...

Когда всѣ купленные сучья были перевожены Павлушей и частью имъ же перерублены, связаны въ пучки и сложены въ полѣнницы около стѣны дома, поближе къ воротамъ, Маша стала собираться на фабрику, чтобы отнести вытканный уже конецъ миткаля и отдать на фабричную работу брата. Павлуша, въ глубинѣ души, былъ не очень доволенъ тѣмъ, что разстанется со своей семьей, избой, своимъ сивкой, но не высказывалъ этого и не отговаривался: его утѣшала мысль, что его работа будетъ вознаграждаться деньгами, что онъ принесетъ и свой собственный, заработанный рубль въ свой родной домъ, въ свое хозяйство.

Послѣ окончательнаго совѣщанія съ Кулявымъ, рѣшено было на слѣдующій день утромъ отправиться на фабрику. Сначала опекунъ хотѣлъ было самъ идти отдавать Павлушу, но по разсказамъ Маши сообразивъ, что купецъ къ ней благоволитъ, что онъ человѣкъ добрый, и видъ двоихъ безпомощныхъ дѣтей, ищущихъ работы, скорѣе тронетъ купеческое сердце, — рѣшилъ отпустить Машу съ Павлушей однихъ, а самому побывать на фабрикѣ послѣ, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ жить и работать на ней Павлуша.

— А только вотъ что, ребятки, — сказалъ онъ: — что вамъ пѣхтурой-то тащиться, мучиться ... Теперь дровъ навозили, сивка будетъ гулять: поѣзжайте вы на фабрику-то на немъ. Скорѣе и Маша домой воротится, а я пока побуду съ Сашкой повожусь ...

Это предложеніе очень понравилось Павлушѣ: онъ схватился за него съ радостью: предстояло уже прямое катанье, да и съ сивкой распрощается, какъ слѣдуетъ, передъ недѣльной разлукой. Маша тоже не возражала.

На другой день они поѣхали на фабрику, сопутствуемые благословеніями и добрыми пожеланіями Куляваго, который внутренно очень былъ недоволенъ и огорченъ предстоящей разлукой со своимъ любимцемъ ... Онъ долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ и ушелъ въ избу только тогда, когда сани скрылись за поворотомъ дороги.

На фабрикѣ.

На краю села стоитъ большое каменное трехъэтажное зданіе, неуклюжее, съ гладкими стѣнами, безъ малѣйшихъ украшеній. Около этого главнаго зданія, по широкому двору, тянутся другія постройки, меньшія размѣромъ, но такія-же некрасивыя. Всѣ онѣ, вмѣстѣ съ дворомъ, обнесены высокимъ заборомъ съ воротами. Посреди двора поднимается отъ самой земли высокая, какъ каланча, каменная труба. Въ главномъ домѣ цѣлый день и всю ночь, непрерывный гамъ, шумъ, стукъ и трескъ, среди котораго отъ времени до времени вырывается и разносится далеко по воздуху пронзительный свистъ паровика. Изъ большой трубы постоянно поднимаются облака густого чернаго дыма. По ночамъ всѣ окна трехъ-этажнаго зданія ярко освѣщаются изнутри огнями; изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ вылетаютъ иногда снопы огненныхъ искръ, которыя мгновенно вспыхиваютъ на темномъ небѣ и также быстро погасаютъ; все спитъ кругомъ въ селеніи, на поляхъ, въ лѣсу; во всей природѣ, вездѣ, тишина, спокойствіе, безлюдье; а шумъ и стукъ въ освѣщенномъ зданіи не умолкаютъ и еще рѣзче, чѣмъ днемъ, слышатся въ окрестностяхъ.

Только въ ночь, съ суботы на воскресенье, и весь праздничный день, до вечера, все затихаетъ въ

этомъ большомъ домѣ, огня внутри его не замѣчается, и высокая труба среди двора не дымитъ, точно все здѣсь засыпаетъ и отдыхаетъ отъ недѣльнаго безостановочнаго движенія и шума. Мрачно, уныло и непривѣтливо смотрятъ тогда эти высокія, безмолвныя, каменныя стѣны, это опустѣлое, покинутое людьми и жизнью, громадное зданіе: ворота заперты, на дворѣ пусто, безлюдно, внутри стѣнъ все неподвижно, безмолвно, изрѣдка развѣ только послышится шорохъ торопливо пробѣгавшей по опустѣвшему зданію и юркнувшей подъ полъ крысы, да чутко раздается въ тишинѣ ударъ отъ падающей гдѣ то, черезъ извѣстные промажутки времени, капли воды ...

Но прошелъ этотъ суточный отдыхъ, и зданіе вдругъ какъ-будто оживаетъ: паровикъ начинаетъ шипѣть и пыхтѣть, приводы, ремни, колеса, которыми наполнено зданіе, двигаться; поднимается обычный шумъ, стукъ, движеніе; снова на цѣлую недѣлю опять идетъ непрерывный, однообразный тяжелый трудъ ...

Эти зданія были фабрикою, на которую Маша везла своего брата. Въѣзжая на фабричный дворъ Павлуша, розиня ротъ, съ любопытствомъ и нѣкоторымъ замираніемъ сердца, даже отчасти со страхомъ смотрѣлъ на высокія зданія, прислушивался къ непривычному шуму и стуку. Онъ примолкъ, прижался къ сестрѣ; куда дѣвалась его бойкость и самоувѣренность: послѣ маленькихъ убогихъ избенокъ деревни, послѣ тишины на деревенской улицѣ, громадность этихъ каменныхъ построекъ, грозный гулъ и шумъ, который слышался въ нихъ, испугали его.

Еще проѣзжая по селу, Маша указала ему на большой бѣлый каменный двухъэтажный домъ съ зеленою крышею, и промолвила:

— Вотъ смотри, это Василья Петровича домъ .. Здѣсь онъ самъ живетъ, хозяинъ нашъ.

Павлуша безъ страха посмотрѣлъ на этотъ веселый домъ со свѣтлыми окнами, съ раскрашеннымъ передъ нимъ полисадникомъ, за которымъ росли подстриженныя деревья, прикрытыя теперь бѣлою снѣжною шапкою. Ему даже любо было смотрѣть на это невиданное еще имъ по своимъ размѣрамъ и по своей красотѣ человѣческое обиталище и, слыша не разъ имя Василія Петровича, поминаемое съ похвалами и благодарностью, онъ подумалъ, что такой человѣкъ и долженъ жить въ такихъ необыкновенныхъ палатахъ, и въ то же время воображеніе его рисовало ему самого Василія Петровича такимъ большимъ, красивымъ, сіяющимъ, совсѣмъ непохожимъ на тѣхъ людей, которыхъ онъ видалъ и знавалъ до сихъ поръ. Онъ уже внутренно и благоговѣлъ передъ нимъ, и любилъ его, и мечталъ о томъ, какъ онъ покажетъ себя на работѣ и заслужитъ его вниманіе и благоволеніе.

— Куда-же ты ѣдешь! ... Почто не заворачиваешь къ воротамъ? ... спросилъ онъ Машу, когда они миновали купеческій домъ.

— Такъ, дурашка, тута онъ самъ живетъ съ хозяйкой. А мы на фабрику ... Развѣ насъ сюда пустятъ? ... Сюда, чай, поди только главные приказчики ходятъ, да и то, чай, не во всѣ покои и ихъ-то пускаютъ, а намъ ужъ, куда? У него про народъ контора на фабрикѣ: тамъ онъ и самъ ежедень сидитъ ...

— Аи, домъ! ... Вотъ знатный домъ! ... твердилъ Павлуша, глядя назадъ и вполъ-уха слушая сестру. — Поди, чай, что тамъ-то, внутри-то ... Не то у насъ, въ Гаряхъ, вполовину нѣтъ супротивъ

этого дома ... Чего этаку махину выстроить стоить? ... Кажись, продай всѣ наши деревенскіе дома, такъ экого не выстроишь ... А, чай, много въ немъ народу живетъ? ... всякаго? ...

— Чего всякаго? ... одинъ живетъ съ хозяйкой, да сынъ, да дочка, слышно, у него ... Только они и живутъ ... Всего четверо ...

— Почто-же они эку стаю смостили, коли всего четверо? ... Тутъ не то, что ... кажись, всю нашу деревню посадить можно: всѣмъ мѣсто будетъ ... Тутъ четверымъ, кажись ... другъ друга-то не найдешь: не докличешься ...

— Ну, прислуга тоже: прислуги много держатъ ... Кучерства одного сколько ... Да вверху-то, сказываютъ бабы, слышала я, и сами-то не живутъ: только такъ для параду когда, а внизу всѣ живутъ ... Сказываютъ, больно у нихъ тамъ гоже вверху-то, такъ ужъ гоже: во снѣ того не увидишь ... Въ прислугѣ у нихъ дѣвка одна жила, такъ разсказывала: все, чу, свѣтится и стѣнки-то, и подоконники, и столы, и въ полъ-то смотрись, ровно въ зеркало ... А по угламъ, чу, вездѣ милосердіе Божіе развѣшано, да всѣ батюшки, угодники Божіи, въ золотѣ, да въ камняхъ самоцвѣтныхъ, ровно жаръ горятъ, и передо всѣми неугасимыя теплятся ... Такъ хорошо, и не вышелъ-бы ...

— Ровно въ церкви! ... замѣтилъ Павлуша.

— Не то въ церкви! то особь статья ... разсуждала Маша. Въ церкви Богу молятся, службу поютъ, въ церкви безъ этого нельзя, потому для всѣхъ: туда кто хошь иди, никому не заказано ... Церковь для міру живетъ, міромъ и строится ... А тутъ одинъ все, самъ для себя: захочетъ — пуститъ, захочетъ и нѣтъ, — посмотрѣть-то только ... Это

ужъ отъ большого, значитъ, ихъ богачества, что ужъ денегъ очень много наживаютъ ...

— Аи, чай, богаты! ... восторженно проговорилъ Павлуша.

— Да ужъ какъ не богаты: ты вотъ на фабрику-то посмотри ... Тамъ что понастроено ... Сколько народа около него кормится! ... А то вотъ, Павлушка, вотъ-бы тебѣ посмотрѣть! да увидишь, когда будешь на заводѣ-то жить ... Я разъ съ матушкой здѣсь о праздникѣ была, такъ видѣла сама-то хозяйка-то, каталась ... такъ лошадки-то у нихъ ... Господи, Господи! ... Кажется, гдѣ этакія лошадки и родятся-то только: большія, толстыя, ровно печи, гладкія, хвосты-то да гривы до земли, да расчесаны ... такъ отъ нихъ отъ всѣхъ и свѣтится ... А бѣгутъ-то, ровно стрѣла, такъ и фырчутъ: страсть смотрѣть! ... Вотъ погляди! ... А сама-то сидитъ въ каретѣ-то нарядная-нарядная, бѣлая-бѣлая, д-ю-жая, ровно булка пшеничная ... Смотрѣть любо! ... Все каталась по селу-то ... взадъ да назадъ, взадъ да назадъ! ... Вотъ ужъ насмотрѣлась я тогда ... ровно теперь гляжу! ...

Всѣ эти разсказы сестры усиливали въ Павлушѣ благоговѣйное чувство къ Василію Петровичу: онъ ему представлялся могущественнымъ, даже всесильнымъ, но добрымъ и милостивымъ человѣкомъ, которому отдано въ распоряженіе и богатство, и власть, и сила для того, чтобъ онъ распространялъ вокругъ себя благодѣянія, давалъ работу и кормилъ неимущихъ. У него было весело, радостно на душѣ при мысли, что онъ увидитъ этого человѣка, будетъ говорить съ нимъ, жить и работать у него подъ рукой. Но видъ фабрики съ ея высокою дымящеюся трубою, съ окружающимъ заборомъ, по которому

торчали гвозди остріемъ кверху, смутный шумъ и стукъ, происходящій отъ невидимой причины за стѣнами зданія, которыя, казалось, потрясались отъ него, озабоченныя, суровыя, блѣдныя и недоброжелательныя лица рабочихъ, пробѣгавшихъ по фабричному двору, — все это сразу согнало веселую и радостную улыбку съ лица Павлуши, сердце его какъ-то невольно сжалось и упало, глаза испуганно раскрылись: онъ боялся, самъ не зная чего, и жался къ сестрѣ. Когда она привязывала къ огороду лошадь, Павлуша стоялъ около нея, держась рукою за ея кафтанъ и оборотясь лицомъ къ фабрикѣ, отъ которой не могъ оторвать глазъ; когда она пошла въ контору, онъ не хотѣлъ остаться около лошади, но пошелъ за сестрою и продолжалъ держаться за нее, робко поглядывая по сторонамъ. Когда они шли такимъ образомъ черезъ дворъ, вдругъ раздался сильный, оглушительный свистъ, какого Павлуша и вообразить себѣ не могъ: не свистъ-ли это соловья-разбойника въ сказкахъ, отъ котораго люди на ногахъ не выстаивали?... Павлушу точно что ударило, толкнуло, въ ушахъ зазвенѣло, онъ шатнулся въ сторону, но уцѣпился за сестру — и устоялъ...

— А — а! испужался: не слыхивалъ ... проговорила Маша, улыбаясь. Не бойсь: это машина свищетъ ... Вонъ смотри! бѣгутъ ...

Она указала рукою по направленію къ высокой лѣстницѣ, прислоненной снаружи къ каменной стѣнѣ фабрики, и ведшей во всѣ ея этажи. По этой лѣстницѣ съ шумомъ, крикомъ, хохотомъ и ругательствами, толкаясь и опережая одинъ другого, спускались рабочіе, взрослые и дѣти. Многіе изъ нихъ были въ однѣхъ рубашкахъ, босикомъ и безъ шапокъ, не смотря на морозъ; у другихъ накинуты на

плечи кафтанишки и полушубки. Всѣ шумѣли, разговаривали съ крикомъ, съ бранью; но веселости, смѣха, въ толпѣ не было; напротивъ, лица у всѣхъ были усталыя, блѣдныя, недовольныя. Спустившись съ лѣстницы, вся толпа быстро перебѣжала черезъ дворъ и скрылась въ сосѣднихъ корпусахъ.

— А ужъ тамъ теперь на ихъ мѣсто другіе стали, — пояснила Маша: — одна смѣна уходитъ, а другая ужъ на ея мѣсто становится ... Все по часамъ, потому машина не ждетъ, нельзя ... Вотъ и ты этакъ-же будешь бѣгать ...

Эта многолюдная, шумная, но невеселая толпа не изгладила тяжелаго впечатлѣнія, которое произвела на Павлушу фабрика. Онъ ничего не сказалъ, и молча, сосредоточенно шелъ за сестрою.

Они вошли въ контору. Тамъ стояло нѣсколько человѣкъ мужиковъ и бабъ, и впереди за прилавкомъ, на которомъ лежали толстыя большія книги и счеты, сидѣлъ пожилой, тучный, приземистый человѣкъ, со строгимъ лицомъ, и за что-то, какъ видно, бранился, то сердито указывая пальцемъ въ книгу, то стуча косточками счетовъ.

— Хозяинъ ... самъ! ... прошептала Маша, указывая на него брату и останавливаясь сзади другихъ: — да ничто сердитъ сегодня, не въ часъ попали ...

Павлуша впился глазами въ хозяина, но ничего, кромѣ страха, передъ нимъ не чувствовалъ: все обаяніе, которымъ окружало его за нѣсколько минутъ воображеніе, почему-то вдругъ исчезло. Онъ видѣлъ передъ собою самое обыкновенное, красноватое, одутловатое лицо, съ сердито нахмуренными бровями, съ небольшими, быстрыми, но неласково, непривѣтливо смотрящими глазами. Мальчикъ, ко-

нечно, не могъ отдать себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, но онъ не находилъ передъ собою того неяснаго, но привлекательнаго образа, который рисовало передъ нимъ воображеніе нѣсколько времени назадъ; можетъ быть, что тотъ привлекательный образъ изгладился и отлетѣлъ подъ наплывомъ новыхъ тяжелыхъ впечатлѣній фабрики.

Передъ Василіемъ Петровичемъ, впереди другихъ, стоялъ мужикъ почти въ рубищѣ, и униженно кланялся.

— Ну, а ты оставь, Василій Петровичъ ... прости! ... говорилъ онъ. Хошь, на колѣни стану? ...

— Очень мнѣ нужны ваши колѣнки ... Сказано: нѣтъ! ... Пошелъ, пошелъ! ...

— Да коли ежели тебѣ истинно говорятъ: болѣсть прихватила ... Вѣдь не что другое, не пьянство, али что, а, истинный Богъ, тебѣ говорю! схватило ... Ну, схватило, братецъ ты мой, и шабашъ ... ничего не подѣлаешь ...

— Такъ тебя схватило, а ты спать за станкомъ-то? ...

— Такъ эка, братецъ ты мой, спать ... Не спать, а ..

— Что? ...

— Что? ... знамо, занедужилось ... Ну, и просмотрѣлъ ...

— Хорошо, занедужилось: десятникъ-то засталъ: спишь у станка-то ... Кабы занедужилось, сказался-бы, домой-бы ушелъ ...

— Такъ видишь ты: домой-бы ушелъ ... Тоже вашей милости этого не требуется, чтобы нашъ братъ съ работы-то уходилъ, тоже съ насъ выворотъ бываетъ за то, штрафуете ... Ну, и стоишь ... А смѣна, самъ знаешь, шесть часовъ, умаешься; ну ло-

маетъ, ломаетъ тебя, особливо, коли не въ полной силѣ человѣкъ, ну, а тутъ, долго-ли, и въ сонъ ударитъ ... знамо ... Прости, Василій Петровичъ ...

— Да, вы будете спать да работу портить, а я васъ за это благодарить стану ... Ну, чего присталъ: говорятъ, пошелъ ... Ты мнѣ какъ штуку-то испортилъ: куда она годится? ... Одно — бросить ...

— Почто бросать, полно ... Ну что, велика-ли порча: всего-то двѣ, или три недосѣчки ...

— Нѣтъ, не двѣ, али три, а по всей штукѣ ... Вся штука не годится ...

— Ну вотъ, не годится, ... У васъ уйдетъ въ товарѣ и не экая: ты свое возьмешь ... А неужто тебѣ мой рубль-то завѣситъ! ... Вѣдь, не завѣситъ! ... А у меня вонъ соли не на что купить, — да и хлѣба-то нѣтъ ... Что я недѣлю-то даромъ, выходитъ, гулялъ ... Нѣтъ, ты это оставь, вычеркни ... Мнѣ рубль ... онъ, самъ знаешь, братецъ ты мой ... онъ мнѣ дорогъ! ... А тебѣ что? ты, слава Богу, проживешь ... Эй, Василій Петровичъ, прости, братецъ ...

— А ты вотъ что: коли не уйдешь сейчасъ, будешь приставать, такъ я тебя и вовсе съ фабрики-то сгоню ... слышалъ? ...

— Такъ какъ-же такъ, Василій Петровичъ? ... Такъ мой рубль и пропалъ ...

— Такъ и пропалъ ... себя вини. Самъ виноватъ: съ себя и взыскивай ... А то вишь, что выдумалъ: прости ... Знамо, мнѣ твой рубль — наплевать, да коли вамъ потачку дать, такъ вы совсѣмъ раззорите: одному прости, другому, а у хозяина, смотришь, и товаръ весь не годится ... Ступай-ка, ступай ..., Впередъ умнѣй будешь; въ

башку-то будешь поменьше закладывать, такъ и недужиться не будетъ, и за станкомъ впередъ не уснешь ... Пьяницы! ...

— Такъ вотъ тебѣ передъ истиннымъ Богомъ, провалиться на мѣстѣ, не пилъ, а сказать всю истинную: другую смѣну стоялъ ... Васькѣ Козлову въ домъ нужда была, отойти надоть, онъ меня и нанялъ ... Его-то смѣну я отстоялъ ... ну, а свою то ужъ не осилилъ, и самъ не знаю какъ: свалила дрема, да и шабашъ ... Вотъ-те и весь сказъ ... И всего-то, братецъ, гривенникъ взялъ съ него, а вотъ теперь рублемъ и отвѣчай ...

— Ну, такъ вотъ тебѣ и по дѣломъ: впередъ на гривенники не кидайся, а свое дѣло знай ... Сказано, другъ за друга не наниматься ... Вотъ теперь, хорошо что сказалъ: и Ваську, да и десятниковъ-то оштрафовать надо, чтобъ у меня этого самовольства да пустяковъ на фабрикѣ не было ... Ну, пошелъ-же, надоѣлъ ... закричалъ на мужика Василій Петровичъ.

Мужикъ совершенно растерянный, заложивши руку за затылокъ, поворотился въ пол-оборота къ хозяину и посмотрѣлъ въ раздумьи на полъ, видимо тоскуя и не зная, что теперь говорить и дѣлать.

— Какъ-же это теперь будетъ ... Это выходитъ, не ладно ... Тоже рубль ... онъ ... цѣлаа недѣля ... бормоталъ мужикъ вполголоса, медленно отходя отъ прилавка.

На смѣну его подошелъ и сталъ передъ хозяиномъ молодой молодцоватый парень.

— Что тебѣ? спросилъ его Василій Петровичъ.

— Къ вашей милости.

— Ну ...

— Не будетъ-ли мѣстечка на заводѣ?

— Куда тебѣ и къ какому дѣлу?

— Да стало быть, къ станамъ ... потому мы ткачи природные ...

— Откуда? изъ какой деревни?

— Мы пузатовскіе будемъ ... изъ Пузатова.

— Такъ что-же ты ко мнѣ-то? Тебѣ складнѣе къ Ивану Панкратьичу: онъ къ вамъ ближе.

— Да мы тамъ завсегда и стояли: съ измальства ...

— Ну такъ что-же? ...

— Да жалованьемъ обидно ... Жалованье маленькое, да и прижимка бываетъ ...

— А ты думалъ я больше дамъ? Какъ увижу тебя, такъ и обрадуюсь: бери, что хочешь, только не оставь, — поступай ...

— Зачѣмъ, что хочешь ... Знамо, слѣдованное: что людямъ, то и намъ ... Только вотъ на счетъ штрафовъ, чтобы ...

— Что?

— Да не больно-бы нажимисто ... А то станешь за четыре цѣлковыхъ на недѣлю, а за штрафами-то, смотришь, два тебѣ только осталось ... Вотъ ужъ они, штрафы-то, больно доѣзжаютъ нашего брата ...

— А тебѣ-бы какъ, безъ штрафовъ-бы совсѣмъ? а? Штуку испортилъ, на свою смѣну не вышелъ, — пропьянствовалъ, али цыгарку закурилъ на заводѣ, или самоволомъ съ работы ушелъ, — все-бы тебѣ такъ даромъ и спущать? ... Такъ что-ли? ...

— Не то что ... А знамо, по-божески нужно ... чтобы своему брату безъ обиды ...

— Да у васъ все будетъ въ обиду: самъ надуришь, хозяину убытковъ надѣлаешь, да самъ еще и обижаешься ... Да еще бываютъ промежъ васъ та-

кіе молодцы, что съ хозяиномъ-то въ разговоры пойдетъ, да въ грубости, заворотки норовитъ взяться. Ты не изъ таковскихъ-ли? Мнѣ нечто сомнительно: самъ ты изъ Пузатова, у васъ тутъ подъ самымъ бокомъ Иванъ Панкратьичъ, а ты ко мнѣ за пятнадцать верстъ просишься … Али прогналъ Иванъ-то Панкратьичъ?

Парень подъ пытливымъ взглядомъ Василья Петровича нѣсколько смутился.

— Зачѣмъ насъ гнать, — отвѣчалъ онъ нерѣшительно, — мы и сами уйдемъ, потому какъ жить никакъ невозможно: на штрафы все жалованье навертываютъ: даромъ придеться работать … Поневолѣ уйдешь …

— Что-же, всѣ что-ли отъ Ивана-то Панкратьича разбѣгаются? пустовать фабрика-то станетъ?

— Да и то всѣ разбѣгутся …

— А ты первый ушелъ: значитъ, дорожку показываешь … коноводъ, значитъ?! … Я такъ и вижу … Ну, нѣтъ, братъ, мнѣ такихъ не надо: у меня своихъ ребятъ, ближнихъ довольно … Не ужился у Ивана Панкратьича: не уживешься и у меня …

— А вы испытайте: служить станемъ всячески … Мы не противники какіе …

— Нѣтъ, братъ, и пытать мнѣ нечего; у меня своихъ довольно, сусѣдскихъ … свои хлѣбъ мой ѣдятъ, денежки получаютъ, на хозяина, слава Богу, не жалуются, а еще благодарятъ, да Бога молятъ … Мнѣ изъ-за своихъ — чужестранныхъ принимать не приходится … А ты лучше поди, покланяйся старому-то хозяину: можетъ проститъ, опять тебя къ работѣ опредѣлитъ, кусокъ хлѣба дастъ …

— Пытались ужъ, кланялись довольно …

— Что-же?

— Да что! все тоже! вставай, чу, на половинную часть ... И безъ того-то половину на штрафахъ забиралъ, а тутъ, значитъ, безъ всего останешься: даромъ про него работай ... Нѣтъ, ужъ онъ больно захватистъ, Иванъ-то Панкратьичъ ... Все ему мало.

— Нѣтъ, я вижу: ты очень его разогорчилъ чѣмъ ни на есть ... Нагрубилъ, знать: парень-то, я вижу, ты съ душкомъ ... Вотъ онъ тебя въ покорность и приводитъ ... Поучить хочетъ ... А что-же, и дѣло: такъ и надо! ... Не фордабычь: вотъ поучитъ хорошенько, впередъ пригодится: умнѣй будешь! ...

— Нечего насъ учить, и безъ того учены довольно ... А ужъ даромъ про него работать не согласны ... Пущай, Богъ съ нимъ! ... Тоже безъ работы сидѣть не будемъ: гдѣ ни на есть, найдемъ ... Безъ работы не останемся ...

— Да, да, походи, пошляйся по фабрикамъ-то ... Можетъ-быть, гдѣ этакіе требуются ... А ужъ, по мнѣ, коли у ближняго хозяина не жилъ, такъ и нигдѣ не выживешь ... А у меня мѣста нѣтъ про тебя: мнѣ своихъ ближнихъ, сосѣднихъ кормить надо, у насъ ребята смирные, пословные ... Имъ надо хлѣбъ дать! ... Проваливай, молодецъ ...

Парень молча повернулся къ хозяину спиною; лицо его было мрачно и озлоблено, но при встрѣчѣ со взглядами стоявшей сзади его толпы, онъ молодцовато поднялъ голову и, что-то прибормотавъ про себя, не то ругательство, не то похвальбу, ушелъ вонъ изъ конторы.

Во время этого разговора въ толпѣ мужиковъ и бабъ, стоявшихъ въ конторѣ, въ ожиданіи своей

очереди поговорить съ хозяиномъ, — слышались отрывочныя вполголоса замѣчанія.

— Нѣтъ, парень, нашего-то не обойдешь! ... Онъ человѣка-то насквозь видитъ ...

— Они, купцы, всѣ за одно: коли которому не потрафилъ, нигдѣ не возмутъ ... хоть совсѣмъ фабрики рѣшайся, другой работы ищи ...

— Да, ужъ коли они на котораго человѣка опрокинутся ...

— Смирятъ, братъ! ... Ничего не подѣлаешь ...

— А безъ нихъ не проживешь, потому у всякаго нужда ...

— Знамо, нужда, а то кто-бы погналъ ... Штрафы эти, — не приведи Богъ ...

— А вотъ про своихъ-же, Василь-то Петровичъ хлопочетъ, про сосѣдкихъ ...

— Извѣстно, ближнимъ надо хлѣбъ давать, это какъ есть ... Чужестранный человѣкъ ты, и ищи въ своемъ мѣстѣ, около себя ...

— Это ты правильно, Василій Петровичъ, это такъ точно ... Знамо, что въ нашей сторонѣ народъ смирный, пословный! ...

На смѣну парня сквозь толпу протерлась и подошла къ Василью Петровичу старуха въ трепаномъ полушубкѣ, обмотанная грязной, рваной тряпицей.

— Василій Петровичъ, къ тебѣ я, родимый ...

— Вижу, вижу ... Что нужно? ...

— Дай рубликъ, родименькій, за Васюткинъ счетъ ...

— За какой Васюткинъ? ...

— А за Васютку-то моего, за Голубева, что внучекъ-то мой, Васютка Голубевъ изъ Романова, у

тебя, на заводѣ, въ ткачахъ ... Неужто не призналъ меня: еще на той недѣлѣ я тебѣ кучилась на счетъ денежекъ-то ...

— Да вы всѣ только и дѣла, что на счетъ денегъ кучитесь ... Вѣдь черезъ двѣ недѣли дачка, сказано ... Чего-же теперь лѣзешь? ... Жди до перваго числа ...

— Да ужъ не дотянуть, какъ хочешь: слышь, хлѣбушка ни зерна нѣтъ, а завтра базаръ: хоть батманчикъ-бы мучки про ребятишекъ купила ...

— Да, вѣдь, давно-ли пятнадцатое-то было, вѣдь онъ получилъ тогда: чего-жъ ты не купила хлѣба-то? Куда деньги-то извела? Развѣ домой не принесъ, прогулялъ? ...

— Ну ужъ нѣтъ, принесъ ... Не прогуляетъ онъ у меня ... Да велики-ли деньги-то: тоже должишки были, въ подать спрашивали, туда да сюда и не видали, какъ изсорились! ... А семья-то большая, а кормилецъ-то онъ одинъ ... Нѣтъ, ужъ ты на него не грѣши, не грѣши, не думай, а дай ты мнѣ рубликъ, Христа ради, для нужды, для моей ... Небось, отработаетъ.

— Охъ, ужъ вы мнѣ: отработаетъ ... На, вотъ, возьми ...

— Ну, вотъ дай Богъ тебѣ здоровья ... Спасибо!.. Малыя ребятишки, а тоже ѣсть просятъ, пострѣлята ... Никакъ ты ихъ безъ куска-то не проведешь: какъ встали, такъ и за ѣду ... Дай Богъ тебѣ, родимый ... Завсегда молюсь, поминаю: добрый ты у насъ хозяинъ ...

— Ну, ну, ладно, ступай ...

— Иду, батюшка, иду ... А ужъ Васютка мой: ты на него надѣйся, ровно на каменную стѣну. Онъ тебя не выдастъ: отработаетъ ...

Старуха, уходя, кланялась, крестилась и бормотала благодарности хозяину ...

Подходило за тѣмъ еще нѣсколько мужиковъ и бабъ: кто сдавалъ вытканную штуку, кто бралъ основу ... Наконецъ, Василій Петровичъ замѣтилъ Машу, и самъ подозвалъ ее.

— Ты что, большая хозяйка, али съ работой? спросилъ онъ ее ласково и шутливо.

— Штучку доткала, Василій Петровичъ: вотъ изволь получить, да еще работки дай, не оставь ...

— Покажь-ка ...

Василій Петровичъ опытнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на тканье Маши и остался, повидимому, доволенъ

— Ну, нечто, живетъ! ... сказалъ онъ. А этотъ лоботрясъ-то, братишка что-ли твой?

Онъ указалъ на Павлушку, который, стоя сзади сестры, тревожно взглядывалъ на Василія Петровича.

— Мой, Василій Петровичъ! ... Вотъ, что просила я тебя, на заводъ-то принять: онъ самый, возьми, — не оставь ...

— А баловаться будешь, лаботрясъ? спросилъ хозяинъ, по его мнѣнію, весьма ласково.

— Не буду, отвѣчалъ Павлуша несмѣло.

— То-то, у меня, смотри, не баловать ... Больно онъ малъ ... Умѣетъ-ли цѣвки-то скать?

— Ну, какъ не умѣть: а про меня-то кто же? все онъ больше и скалъ ...

— Ну, да ужъ ладно коли, ступай отведи его въ корпуса: спроси тамъ старосту Якова Кучумова, къ нему пущай поступитъ: онъ серьезный, баловаться не дастъ, да ужъ и обидѣть понапрасну тоже не дастъ ... Ну, смотри-же у меня, — обратился

хозяинъ къ Павлушѣ, — не дури, смѣнъ не просыпай, глупостей не перенимай, въ трубку, али папироску, не кури, да не учись мотки таскать, Боже тебя сохрани! ... Тамъ мальчишки всякіе есть, всему учить будутъ, а ты, смотри, не перенимай, не то и разсчета тебѣ не будетъ, и съ фабрики прогоню ... Помни! ... Вонъ у тебя сестренка-то умная, по ней и тебя, клопа, принимаю ... Ну, ступай, отведи его, сдай, а послѣ приходи: клубья выдамъ ...

— Покорно тебя благодарю, Василій Петровичъ, на неоставленьѣ твоемъ, да на добромъ словѣ ... Не оставь его, сироту ... Будь ему, батюшка замѣсто родителей.

Маша поклонилась купцу въ ноги.

— Ну, ужъ ладно, ладно, большая хозяйка ... Ужъ не кланяйся ... Знаю, умная! ... Ужъ нарокомъ велю за нимъ присматривать, баловаться не дамъ ...

— А положенье-то ему какое будетъ? нерѣшительно и робко спросила Маша.

— Вишь ты, тоже! ... Положенье какое? ... Даромъ, прыщъ! ... А съ него полтинникъ въ недѣлю за тепло, за присмотръ, да за науку ... Ладно, что-ли, будетъ? ... По рукамъ, что-ли?

Василій Петровичъ самодовольно захохоталъ, закинувши назадъ голову и зажмуря глаза. Засмѣялись сочувственно и въ толпѣ.

— А кормиться-то съ чего же будемъ? возразила Маша, улыбаясь.

— А сколько-же съ него брать-то по твоему?

— Рубликъ въ недѣлю положишь, такъ довольны останемся, Богу молить за тебя будемъ ...

— Вишь ты: рубликъ! ... По рублю-то у меня

вонъ какіе ребята, по пятнадцати лѣтъ, получаютъ ... А ему вся цѣна пятакъ мѣдный въ сутки ... Смекни-ка, сколько на недѣлю-то это выйдетъ ... Ну-ка ...

— Чтой-то пятакъ, Василій Петровичъ? ... онъ, вѣдь, у меня всякое дѣло дѣлаетъ ... Вонъ всѣ дрова изъ лѣсу къ дому перевозилъ ... Ты не думай, онъ не менѣ людей надѣлаетъ, даромъ малъ ... Нѣтъ, ты хоть восемь-то гривенъ на недѣлю положи: тоже, вѣдь, ужъ какъ хошь, а на пятачекъ-то хлѣба съѣстъ днемъ-то ... Ну, а то за работу останутся ... по гривенничку въ сутки ...

— Видишь ты, все высчитала ... Ай, дѣвка! ... Что съ тебя, съ большой-то будетъ! ... Кабы не дѣвка была, въ приказчики-бы взялъ, право ну, взялъ-бы ... Ну, ладно, ужъ такъ и быть! шесть гривенъ ему на недѣлю положу ... Есть мальчонки и по полтиннику живутъ ... а онъ самый маленькій, поди, будетъ изо всѣхъ ... Ну, смотри-же ты у меня, карапузъ, старайся: вотъ тебѣ сорокъ копеекъ лишнихъ на мѣсяцъ супротивъ людей ... Какъ звать-то тебя?

— Павлушка ...

— А фамилья твоя какая — у тебя?

— Какая фамилія?

— Не знаешь, пузырь? ... Какъ въ деревнѣ-то дразнятъ? ...

— Вихоремъ дразнятся ... отвѣчалъ Павлуша.

— Задоренъ онъ очень, горячъ, ровно пѣтушенокъ, да и на лбу-то у него вихорья стоятъ, оттого его вихоремъ-то и дразнятъ ... вмѣшалась Маша ... А тятеньку Зоринымъ прозывали, потому работать больно лютъ былъ: заря домой загонитъ, заря выгонитъ, завсегда въ полѣ ... Вотъ и пошелъ Зоринъ,

да Зоринъ ... И насъ по немъ Зорятами прозываютъ ...

— Ну, такъ вотъ и фамилья твоя будетъ ... Павлушка, значитъ, Зоренокъ ... Ну, ступайте съ Богомъ ... Сдай-же его тамъ ... Якова Кучумова спроси. Сегодня пускай присмотрится, а съ завтряшняго числа на работу.

Маша не осмѣлилась больше говорить и расправшивать хозяина и хотя не знала на фабрикѣ никого и ничего, но пошла разыскивать по неопредѣленному указанію Василія Петровича. Впрочемъ на Руси не даромъ живетъ пословица: языкъ до Кіева доведетъ ... Какъ только Маша вышла изъ конторы на фабричный дворъ, первый-же мимоидущій рабочій на вопросъ: гдѣ корпуса? указалъ нѣсколько длинныхъ одноэтажныхъ деревянныхъ зданій, назначенныхъ для житья рабочихъ, преимущественно дѣтей, и растолковалъ, въ которомъ изъ нихъ староста Яковъ Кучумовъ.

Дѣти вошли въ большую длинную и низкую комнату. Середи нея выступала большая русская печка; по всей комнатѣ, по стѣнамъ ея, вдоль и поперекъ, тянулись голыя нары и стояли лавки, да два простыхъ большихъ стола, въ переднемъ углу висѣла икона, по стѣнамъ на гвоздикахъ кое-гдѣ развѣшаны кафтаны, полушубки и шапки, — вотъ и все убранство этой казармы.

Около столовъ и на нарахъ сидѣли и лежали дѣти всѣхъ возрастовъ отъ десяти до шестнадцати лѣтъ. Почти всѣ они въ настоящую минуту ѣли: кто черный, черствый хлѣбъ, кто ячную кокуру, кто ржаной пирогъ съ начинкой изъ луку и запивали водой изъ большихъ ковшей, стоявшихъ на столѣ. Это была смѣна, только что воротившаяся съ работы

и оканчивавшая свой обѣдъ. Ребята ѣли порознь, каждый доставая свой обѣдъ изъ своего кошеля; лишь одна вода была общая.

Дѣтскій обѣдъ на фабрикахъ всегда въ сухомятку, всегда безъ варева, и приносится дѣтьми съ собою изъ дому на цѣлую рабочую недѣлю, т. е. отъ понедѣльника до субботы; развѣ только изъ очень близкихъ, совсѣмъ сосѣднихъ деревень, приносили иногда изъ дома въ теченіе недѣли что нибудь посвѣжѣе и помягче, а у кого былъ кувшинчикъ щей, или кринка молока, или десятокъ яицъ, — у того уже былъ совсѣмъ пиръ.

Несмотря на усталость отъ шестичасовой непрерывной работы, несмотря на скудость трапезы, дѣти шумно и всѣ почти въ одинъ голосъ разговаривали; но въ этомъ шумѣ и говорѣ не было слышно беззавѣтнаго дѣтскаго веселья и смѣха: это былъ какъ-бы шумъ и говоръ базара.

Появленіе въ дверяхъ Маши съ братомъ привлекло общее вниманіе; разговоры на мгновеніе прекратились. Маша и Павлуша обробѣли и смутились передъ толпой незнакомыхъ мальчишекъ. Они переминались, стоя у дверей, и молча оглядывали большую избу и эти оборотившіяся къ нимъ какія-то задорныя, вызывающія, непривѣтливыя, блѣдныя и зеленыя лица тридцати-сорока мальчиковъ.

За минутой молчанія послѣдовалъ вдругъ безпричинный смѣхъ; посыпались насмѣшливыя замѣчанія, еще больше смутившія нашихъ дѣтей.

— Нищенькія что ли?

— Не подаемъ: сами взять рады.

— Пой коли стихи ...

— Али въ гости пришла?

— На посѣдки звать, что-ли?

— Мы съ нашимъ удовольствіемъ ...

— Али съ товаромъ какимъ, такъ раскладывайся, показывай ...

— Мы на вашъ товаръ покупатели ... У насъ хозяйскихъ денегъ много ...

— А можетъ, ребята, они славить пришли: обочлись, да въ Филипповки Рождество справляютъ.

Такія и подобныя глупыя и нахальныя выходки сыпались со всѣхъ сторонъ, въ перемежку со взрывами смѣха.

Наконецъ послышался старческій голосъ: — да кто у васъ тутъ, чертенята? — и изъ-за печки вышелъ сѣдой сгорбленный старикъ, въ одной рубахѣ и валеныхъ сапогахъ. Онъ подошелъ къ нашимъ дѣтямъ.

— Поди, поди, дѣдушка Яковъ, въ гости тебя пришли звать ... На свадьбу! ... Таракановъ вымаривать! ... На повой тебя зовутъ! ... кричали мальчишки за спиной старика.

— Цыцъ вы, дьяволята ... Кочергу возьму ... прикрикнулъ на нихъ старикъ, полуоборачиваясь въ ихъ сторону. Всѣхъ перештрафую ...

Смѣхъ, остроты и говоръ среди мальчишекъ затихли, лишь изрѣдка вырывалось неудержимое фырканье, которое напрасно старался заглушить расходившійся весельчакъ.

— Что вамъ надо-ть? спросилъ Машу дѣдушка Яковъ.

— Вы будете, дѣдушка, староста ... Яковъ Кучумовъ?

— Ну, я самый ... Что-же надоть?

— Хозяинъ, Василій Петровичъ, насъ къ тебѣ прислалъ: вотъ братишку моего на фабрику принялъ, въ работу, такъ тебѣ велѣлъ сдать.

— Вотъ этого? переспросилъ старикъ, указывая на Павлушу.

— Его, его ...

— Ну такъ что? пущай ... Вотъ я ему гвоздокъ дамъ и мѣсто ... Подьте сюда ...

Онъ началъ смотрѣть по стѣнамъ, гдѣ были свободные, незанятые одеждой гвозди ...

— А это кто кинулъ не на свое мѣсто? спросилъ онъ, поднимая съ нары кафтанъ ... Этотъ гвоздокъ свободный, я знаю ... А зачѣмъ подъ нимъ одежа лежитъ? а? ... Чья-то это? а?

— Это, дѣдушка Яковъ, моя ... отозвался одинъ изъ мальчиковъ.

— Твоя ... А зачѣмъ, непутная твоя душа, кинулъ не на свое мѣсто? ... Есть у тебя свой гвоздь? Лѣнь повѣсить-то? ... Почто здѣсь кинулъ? Ну, почто?

— Да онъ самъ какъ-нибудь ...

— Что самъ? Что самъ? ... Что кафтанъ-то съ ногами у тебя: взялъ да соскочилъ съ гвоздя-то? ...

— А можетъ, какъ сорвался ... проговорилъ мальчишка, плутовски ухмыляясь, и перенося кафтанъ къ своему мѣсту на нарахъ ...

— У-у, непутящій! ... Знаешь, не люблю ... ворчалъ вслѣдъ ему старикъ. Ну, рекрутъ малый, обратился къ Павлушѣ, вотъ твое мѣсто-логово, вотъ, знай, а вотъ твой гвоздь: на немъ одежу вѣшай, а тутъ спать будешь. Коли коробъ есть, — подъ нары его ставь, опять подъ свое мѣсто ... Вотъ и пріучайся ... Гдѣ одежа-то, есть-ли окромя что на тебѣ?

— Нѣту ничего, вотъ только мѣшочекъ съ запасцомъ ... По субботамъ домой бѣгать будетъ ...

— Ну, мѣшочекъ, опять-же на гвоздь: у меня цѣло будетъ, не бойсь ... У меня не переворошатъ: чужого тронуть никто не моги, Боже сохрани и помилуй ... Въ другихъ корпусахъ, слышно, запираютъ мѣшки-то старосты ... А у меня нѣтъ, у меня просто: потому чуть кто тронь ... съ фабрики сживу и со свѣту Божьяго сгоню ... Выпросятъ, самъ дашь, ну твое дѣло, а что-бы своей рукой, самоволомъ, да въ чужой мѣшокъ и — и ... ни-ни ... Давай сюда мѣшокъ, повѣшу ... Вотъ пущай и виситъ, по немъ и онъ свое мѣсто знать будетъ ... Какъ кликáть-то тебя? ... спросилъ онъ Павлушу.

Тотъ отвѣчалъ и, по намеку хозяина, назвалъ себя и по фамиліи Зоренкомъ.

— Ну, вотъ и ладно, теперь, значитъ, и отмѣтка тебѣ есть, формуляръ: Павлушка Зоренокъ ... Такъ и кликать будемъ ...

— Дѣдушка Яковъ ... какъ васъ по батюшкѣ-то? догадалась спросить Маша.

— У насъ по батюшкѣ не прозываютъ, а по имени и фамиліи кличутъ: Яковъ Кучумовъ, такъ за Царемъ въ службѣ слылъ, такъ и теперь ... А что тебѣ?

— Не оставьте вы его, братишку-то моего ... Не свыченъ еще онъ, ничего не знаетъ, впервой на заводъ-то поступаетъ ... что не такъ, поучи не оставь.

— А ты сестренка что-ли ему?

— Сестра, дѣдушка Яковъ ...

— Старшая значитъ ...

— Нечто ...

— А больше-то тебя, знать, нѣтъ въ дому-то никого! ... Сиротки, видать, вы ... Безъ отца, безъ матери? ...

— Сиротки, дѣдушка ... Никого нѣтъ: есть одинъ у насъ опекунъ, дядюшка Кулявый прозывается ... Дай Богъ ему здоровья; за нимъ только и живемъ: хоть чужой, да роднѣй родного ... Онъ теперь съ малымъ братишкой остался водиться, а я-то на знати съ хозяиномъ-то, съ Васильемъ Петровичемъ, тку на нихъ, вотъ и повезла его ... Дядюшка-то Никита не въ долгахъ побываетъ къ Павлушкѣ-то навѣдается ... И до тебя дойдетъ, попроситъ тебя за него ... Не оставь, дѣдушка ... Маленекъ-бы на фабрику-то, да ужъ нужда наша ... Не прокормишься ...

— Да что-же, ничего: пущай поступаетъ ... У насъ хорошо, въ обиду другъ дружку не даемъ ... Только свое дѣло знай: отстоялъ свои часы, по положенію на фабрикѣ, шесть часовъ, да и лежи опять шесть, спи, сколь влѣзетъ ... Ну, а позаспится, разбудимъ ... Только свое дѣло знай, а тутъ хоть все лежи, никто пальцемъ не тронетъ ... А озябнетъ, вотъ на печку пущу: это ужъ моя команда, кого на печку пустить, я про то знаю ... Не бойсь, не обидимъ ... Я еще экихъ-то больше люблю, кои пришли, да сейчасъ на спокой, а то мнѣ хуже, какъ вотъ иные сорванцы-то ... Вонъ! Шабаршатъ, да галдятъ, да чѣмъ бы поѣли да спать, а они на улицу, да пѣсни пѣть, да въ снѣжки, да въ картежъ еще которые ... Есть и такіе, есть, только-бы урваться, только бы недосмотрѣли ... Вотъ поѣли, пообѣдали: что-бы лечь-то, нѣтъ, пойдутъ ровно оглашенные, одинъ по одному, дверьми хлопать, да корпусъ студить ... У насъ, правда, и на это запрета нѣтъ: иди, куда хочешь, коли не твоя смѣна ... Мнѣ дѣла нѣтъ, въ корпусу-бы только у меня спокойно да порядокъ стоялъ ... А не люблю: чего

бы лучше, поработалъ, отстоялъ свои часы, умаялся, ну, пришелъ, поѣлъ и лягъ, отдыхай ... Нѣтъ, днемъ рѣдко который усидитъ ... Вонъ кто лежитъ-то? Только Аниска, да Петрунька, да еще кто? Вонъ много-ли осталось: всѣ на дворъ утекли ...

Маша обернулась, и дѣйствительно, пока они разговаривали со старикомъ, изба почти опустѣла: всѣ почти ребятишки высыпали изъ нея на дворъ и на улицу, не смотря на усталость; оставалось лишь нѣсколько человѣкъ, разлегшихся по нарамъ.

— Да вотъ набѣгаются, прибѣгутъ опять, да сунутся кое-какъ и не выспятся порядкомъ, не отдохнутъ: только угомонятся, а ужъ, и свистокъ, новая смѣна ... Валандайся тутъ съ ними, буди, разоспятся, — не слышатъ ... А не разбудить нельзя, потому проспятъ смѣну, — штрафъ съ нихъ-же ... Мнѣ-то наплевать, я не въ отвѣтѣ, съ нихъ штрафъ-то, не съ меня, да жалко ихъ-то, мошенниковъ ... А и не штрафовать нельзя, потому порядокъ, положеніе: дай-ка имъ повадку-то, такъ послѣ и хозяину-то не сообразиться съ ними ... Вотъ и все наше житье, — больше ничего ... А обиды у насъ никакой нѣтъ ... Ну, ты что же теперь, новобранецъ, отдыхать ляжешь, да и къ смѣнѣ припасаться будешь, али тоже гулять пойдешь?

— Василій Петровичъ сегодня не велѣлъ ходить: пущай, чу, осмотрится, а ужъ съ завтрева ...

— Ну, съ завтрева, такъ завтрева ... Вотъ я тебѣ твой артикулъ весь показалъ и мѣсто твое обозначилъ, а теперь какъ знаешь ...

— Я, дѣдушка, пойду Машонку провожу только ... бойко сказалъ Павлуша, который, смотря на старика и слушая его, почему-то вдругъ и успокоился, и повеселѣлъ. и ободрился: добродушная, хотя, по-

видимому, и неласковая воркотня старика-старосты повѣяла на него чѣмъ-то роднымъ, домашнимъ, деревенскимъ; всѣ смущавшія его, оглушавшія и давящія впечатлѣнія фабрики со всей ея обстановкой вдругъ какъ будто отлетѣли и изгладились.

— Ну, подь, проводи, отчего-же? проводи . . . А придешь, смотри, вотъ твоя койка, а вотъ твой гвоздь и мѣшокъ твой тутъ . . . Ну, ступайте.

Маша поклонилась старику и пошла опять, въ сопровожденіи Павлуши, къ конторѣ. Павлуша впрочемъ въ контору не пошелъ, а оставался, пока ходила туда сестра, около своего друга — сивки, съ которымъ ему предстояла скорая разлука. Онъ подошелъ къ нему, погладилъ его по боку, оправилъ хвостъ, зашелъ спереди, съ головы, посмотрѣлъ сивкѣ въ глаза, которыми, казалось ему, онъ молча съ нимъ разговаривалъ, и, оглядѣвшись по сторонамъ, не видя около себя никого, обнялъ его голову и прижался щекой къ его мордѣ. Сивка точно самъ просилъ этой ласки, понималъ предстоящую разлуку и скучалъ, потому что стоялъ, опустя голову.

— Прощай, сивка, да, вѣдь не надолго, всего на недѣльку, — утѣшалъ его вполголоса Павлуша. Въ субботу жди, безпремѣнно приду . . . А жалованье получу, авось, какъ дядя Никита хочетъ, а я уздечку новую куплю тебѣ: вишь ты, эта ужъ совсѣмъ развалиться хочетъ . . . Къ святкамъ безпремѣнно куплю . . . А по субботамъ, воскресеньямъ, завсегда буду овсеца давать, хоть понемножку, а ужъ какъ хотятъ, буду тебѣ давать . . .

Павлуша хоть и бодрился, и не плакалъ, разговаривая съ сивкой и обнимая его, но на сердцѣ у него было очень тяжело, и слезы подступали къ глазамъ. Онъ пошелъ къ санямъ,

досталъ изъ нихъ клочекъ сѣнца и поднесъ къ мордѣ лошади.

— Ну-ка, поѣшь изъ моихъ-то рукъ въ останные, — приговаривалъ онъ. Сивка слушался и забиралъ губами клочки сѣна изъ рукъ пріятеля.

За этимъ занятіемъ застала ихъ Маша, вышедшая изъ конторы съ веселымъ лицомъ и съ основой въ рукахъ.

— И не просила, самъ попотчивалъ; не надо-ли, чу, денегъ на нужду: два рублика далъ на счетъ ... прошептала она торжествующимъ голосомъ брату. Экой добрый, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать ... Василью Петровичу! ... Вотъ дядюшка-то Никита удивится, да и обрадуется.

— А вы смотрите у меня, кормите сивку-то хорошенько ...

— Такъ неужто сморю ...

— Да—а ... А ты не все буренкѣ высѣвокъ-то или хлѣбца: когда и ему ... И сѣнца-то хорошенькаго подавывай ... Теперь безъ меня объ немъ некому будетъ подумать-то ...

— А ты не бойся, не тужи: будетъ сытъ, не схудаетъ ... Теперь ему работы-то не будетъ: еще отстоится, подобрѣетъ, увидишь какъ ... Такъ что-же въ субботу-то выѣзжать за тобой, али пѣшой придешь? ...

— Какъ хотите, какъ дѣла ... Можетъ дядюшка Никита пріѣдетъ ... А то я пѣшой пойду: теперь дорогу-то я запримѣтилъ, опять-же, поди, кто изъ ребятъ пойдетъ по одной дорогѣ ... Нѣтъ, ужъ лучше не выѣзжайте, пѣшой приду, а вотъ, въ воскресенье, ввечеру, назадъ подвезете: такъ складнѣе будетъ и время — праздникъ, посвободнѣе тебѣ-ли, дядюшкѣ-ли Никитѣ ...

— Ну, прощай, коли, счастливо оставайся... Мнѣ пора ужъ... проговорила Мкша, съ невольной грустью смотря на брата... Тамъ въ мѣшкѣ-то всего много: и хлѣбца, и кокурокъ, и ячныхъ колобковъ и пирожокъ, а въ тряпичкѣ сольцы завязано... Станетъ, чай, до субботы-то... Не догадались, вотъ я все тужу, молочка-бы поморозить тебѣ...

— Ну, ничего, какъ-нибудь...

— Ну, ужъ, въ тотъ разъ поѣдешь, все справлю... Прощай...

Маша съ Павлушей обнялись.

— Не дури, батюшка... На ребятъ-то не смотри, не перенимай... уговаривала Маша, усаживаясь въ сани и забирая возжи.

— Такъ неужто... развѣ затѣмъ ѣхали... отвѣтилъ Павлуша серьезно и сосредоточенно...

— Дѣдушка-то Яковъ добрый, кажись... Держись его больше: когда озябнешь, онъ, чу, и на печь пуститъ...

— Видать, что добрый... соглашался Павлуша, охорашивая сивку и мысленно опять прощаясь съ нимъ.

— Ну, живи здоровъ... сказала Маша, трогая возжами.

— Я те провожу маленько... сказалъ Павлуша, вскакивая въ сани: тошно ему было и тяжело казалось вдругъ остаться одному.

— Вотъ только сквозь села провожу... Дай-ка поправлю... Ну, сивко, потѣшь на прощаньи.

Павлуша взялъ возжи изъ рукъ сестры.

— А ты дворомъ-то тихонько, шажкомъ, какъ бы не заругали... остановила его благоразумная и осторожная Маша.

На Павлушу подѣйствовали эти слова и охладили его: онъ невольно оглянулся на фабрику, и снова почувствовалъ то гнетущее тяжелое ощущеніе, которое произвело на него въ первый разъ это шумное грозное зданіе. Павлуша притихъ; не только шагомъ выѣхалъ за ворота, но не понукалъ лошадь и проѣзжая по селу. Онъ сидѣлъ рядомъ съ сестрой молча и печально.

— Ну, поди, батюшка, пора ... сказала наконецъ Маша, когда они выѣхали за околицу. Прощай, родименькій.

Павлуша молча отдалъ возжи сестрѣ, молча вышелъ изъ саней и сталъ среди дороги, уныло смотря вслѣдъ уѣзжающей сестрѣ. На нѣкоторомъ разстояніи она оглянулась и кивнула головой; но Павлуша долго еще стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Вотъ она передернула возжами и слегка ударила ими по сивкѣ: тотъ побѣжалъ рысью и замахалъ головой, точно тоже прощался съ Павлушей ... Дорога стлалась впереди лентой, по полю, вплоть до самаго перелѣска, и удалявшіяся сани съ сивкой и сестрою долго были видны мальчику. Вотъ сивка разошелся, началъ вскидывать ногами снѣжную пыль ... Вотъ на взлобочкѣ розвальни раскатились въ сторону такъ, что стали почти подъ прямымъ угломъ къ лошади, и Маша, которая сидѣла къ брату спиной, теперь стала видна вся сбоку; виденъ весь и сивка, какъ онъ, задержанный раскатомъ саней, натянулъ гужи, и старается втащить сани на пригорокъ ... Вотъ поднялись, вытянулись, опять поѣхали рысью ... Вдругъ бухъ: и лошадь и сани скрылись въ ухабѣ, но на одну минуту: опять показались, опять ѣдутъ дальше ... И становятся все меньше, сливаются всѣ въ какое-то одно общее темное пятно, въ которомъ

и не различить, гдѣ лошадь, гдѣ человѣкъ, гдѣ розвальни ... А вотъ уже скоро и перелѣсокъ: еще одинъ, два шага и за лѣсомъ ничего не будетъ видно: тамъ дорога заворачиваетъ налѣво ... И Павлуша едва услѣдилъ, какъ темная двигавшаяся точка вдругъ изчезла въ лѣсу ... Стоять и смотрѣть больше было не на что: Павлуша стоялъ совсѣмъ одинъ, въ чужомъ селѣ, среди чужого народа, и въ первый еще разъ въ жизни. Онъ только сію минуту объ этомъ подумалъ и почувствовалъ свое одиночество, когда повернулся, чтобы идти назадъ.

— Хоть-бы кого изъ сосѣднихъ знакомыхъ ребятъ нѣтъ-ли? розыскать надо ... думалъ онъ самъ съ собой, — все со знакомыми-то ровно повольготнѣй будетъ. А то даже индо страшно: ровно заблудился.

Проходя теперь вновь мимо дома Василія Петровича, онъ остановился передъ нимъ и сталъ его внимательно оглядывать; но странно: домъ этотъ уже не показался ему такимъ большимъ и такимъ наряднымъ, онъ не производилъ на него и такого свѣтлаго, радостнаго впечатлѣнія, какъ давеча, когда онъ видѣлъ его въ первый разъ. И образъ хозяина уже не рисовался ему въ такомъ сіяніи, какъ тогда: онъ видѣлъ его уже близко, слышалъ, какъ онъ говорилъ съ другими, разговаривалъ съ нимъ самимъ; мужикъ, какъ мужикъ, только потолще, да рожей порумянѣй, видать, что не наломанъ работой, и Богъ его знаетъ, добрый-ли онъ, нѣтъ-ли: ровно какъ и добрый, — вонъ сестренкѣ денегъ далъ и не просила, а при мнѣ торговался и мужика обидѣлъ; а видать бѣдный мужикъ — рваный весь: ему рубль ай дорогъ! ... И парня такъ облаялъ, даромъ; что не пустилъ на работу? что на другомъ заводѣ не

ужился? да можетъ тамъ и вправду жить никакъ невозможно: обижаютъ напрасно ... А старухѣ вотъ рубль далъ; такъ, вѣдь, другой разъ за нимъ приходила, а у нея нужда, малые голодаютъ ... Опять-же какъ далъ: выбросилъ, ровно съ сердцевъ, а она, вѣдь, своихъ просила, заслуженныхъ за внучка, чу ...

Чудно! Не про всѣхъ онъ, видно, ласковъ-то, а вотъ къ намъ милостивъ, ничего ... А все бы лучше, кабы восемь-то гривенъ далъ мнѣ: вотъ-бы по пятнадцати копеекъ на сутки мнѣ и приходилось ... А теперь по скольку придется ... изъ шести-то гривенъ? ... по десяти копеекъ на сутки ... Фунта три хлѣба съѣшь сутками-то, пожалуй больше, да соль, да то, другое ... вонъ молока, говоритъ, наморожу: на пять-то копеекъ и не управишься ... Останется пять, али много шесть копеекъ на сутки, а за недѣлю-то сколько выйдетъ? ... Ну, сорокъ, два двугривенныхъ. Ужъ это въ дому барышъ ... Говорятъ, до Егорья если прожить, недѣль двадцать выйдетъ ... Вотъ, по шести гривенъ считать, двѣнадцать рублей принесу, а если по сороку, такъ восемь ...

И то хорошо все въ домъ! ... Вотъ оно заводъ-то что значитъ! ... А безъ него гдѣ-бы, по зимнему времени, этакихъ денегъ промыслить ... Дядюшка Никита говоритъ, что кабы мастерство какое — лучше-бы, доходнѣй ... Да гдѣ его взять, какое у насъ мастерство-то? ... Вонъ въ Орѣховѣ хорошо: тамъ горшечники, всѣ ребята дома сидятъ и зимой-то, да горшки дѣлаютъ. Сказываютъ: выгодно, хорошо наживаютъ ... Опять же дома, въ своей избѣ, на что бы лучше ... А у насъ вотъ нѣтъ этого заведенья ... Въ швецахъ, говоритъ дядя Никита, хорошо тоже, и въ печникахъ: такъ на пять лѣтъ

въ ученье поди, безо всего, да опять-же все по чужимъ людямъ, а не то, что у себя дома ...

Вотъ фабрика-то и хорошо, про нашего брата: лѣто въ полѣ, около дома, а на зиму и есть гдѣ промыслить ... Опять же бабамъ какая помога ... Управилась около печки, да около скота, и садись да стукай, а оно все деньги да деньги ... Нѣтъ, эти заводы намъ очень пользительны ...

А вотъ дядюшка Никита сказываетъ, что отъ этихъ заводовъ, чу, только одни хозяева и богатѣютъ, а народъ бѣднѣетъ, потому денегъ хоть и больше у народа водится, да онъ балуется: на одежу, да на чай, да на разныя гулянки разоряются, опять же отъ пашни отбиваются, ее кидаютъ ... А, чу, только тотъ рубль и деньги, который съ фабрики пришелъ, если ты хлѣба не покупалъ, а своимъ кормишься, не покупнымъ, а чуть покупать, такъ ничего и не останется, ни за тобой, ни передъ тобой: что выработаешь, то и проѣшь ... Ну, такъ стало быть такъ и дѣлать нужно, чтобы свою пашню не рѣшать: лѣто дома поработалъ, около своего дѣла, хлѣбца припасъ на зиму, ну и иди на заводъ, а какъ весна, такъ опять къ своему дѣлу ... Кому этакъ-то можно, семья позволяетъ, на что лучше! ...

А что-то теперь дядюшка Нитита дѣлаетъ? чай съ Сашенькой возится ... Ляжетъ да рожу-то шапкой накроетъ, руками держитъ, а Сашка оретъ да тащитъ съ него шапку-то ... боится ... Чай, ужъ теперь и Машка лѣсомъ проѣхала ...

Ребята, чай, всѣ на пруду ... Хотѣли ледянку дѣлать ... Ванька, чай, воспоминаетъ меня, тоскуетъ ... Вотъ въ воскресенье приду ... Коли сдѣлаютъ ледянку-то ... важно будетъ ... Если теперь съ той стороны, отъ овиновъ, да вдоль всего пру-

да ... раскатъ чудесный будетъ? ... Сдѣлаютъ-ли? вотъ посмотрю въ воскресенье ... А можетъ, и въ субботу поспѣю еще ...

Эка я не велѣлъ пріѣхать-то за собой: скоро-ли пѣшой-то добѣжишь, а тутъ на сивкѣ-бы живо ... Экой я ... Дядюшка-бы Никита слова не сказалъ, пріѣхалъ ... Сивки пожалѣлъ ... Да что, онъ-бы съ удовольствіемъ: теперь также будетъ стоять безъ работы, отдохнетъ ... Эхма! ... Да это Машка все: спрашиваетъ, а сама, по глазамъ вижу, думаетъ: на что лошадь гонять, неужто не дойдешь ... Эта все она, жила! ... Ну, да ужъ пускай его отдыхаетъ... Все равно, въ воскресенье, какъ встану, такъ и на прудъ ... съ Ванюшкой ... Эхъ, кабы я-то былъ... Намъ-бы и дядюшка Никита помогъ ... Мы бы ужъ сдѣлали раскатъ ... на первый сортъ! ...

Съ такими мыслями медленно шелъ Павлуша по селу, посматривая по сторонамъ. Наглядѣвшись на домъ своего хозяина, онъ остановился противъ сельской церкви. Она была бѣлая, съ синими главами, по которымъ разсыпаны серебряныя звѣзды, кругомъ тянулась каменная ограда, отдѣлявшая церковь отъ базарной площади, среди которой она стояла. Недалеко отъ церкви выстроены были съ одной стороны лавки, открывавшіяся одинъ разъ въ недѣлю, во время базара, по другой большой двухъ-этажный трактиръ.

Павлуша подошелъ къ церковнымъ воротамъ, которыя были затворены и заперты, посмотрѣлъ сквозь ихъ рѣшетку на церковную паперть, также запертую, снялъ шапку, покрестился и покланялся на висѣвшую надъ входомъ въ церковь икону, поглядѣлъ еще на пустынный погостъ церковный, и пошелъ далѣе.

И площадь и улица сельскія были совершенно пусты и безмолвны, только изъ трактира когда отворялись и затворялись въ него двери, скрипѣвшія и хлопавшія на блокѣ, вырывался на площадь вмѣстѣ съ теплымъ паромъ отголосокъ шума, пѣсенъ и хохота. Тамъ, очевидно, было много народа веселаго. Павлуша остановился и передъ трактиромъ, безцѣльно глазѣя на него и на вывѣску, на которой, впрочемъ, ничего-бы не могъ разобрать даже и грамотный человѣкъ.

Павлуша видѣлъ, какъ въ трактиръ безпрестанно входили и выходили разные люди, очевидно, рабочіе съ фабрики, потому что приходили они партіями и какъ-то спѣшно, всѣ одѣты были налегкѣ, да и имѣли какой-то общій фабричный обликъ; притомъ мужикъ не фабричный въ это время и въ будень не пойдетъ въ трактиръ: и некогда,и незачѣмъ, да и голову не придетъ, развѣ какой бездомокъ и пьяница. Павлуша зналъ это и смекалъ. Къ удивленію его, выходили изъ трактира даже и мальчишки лѣтъ о 14—15, иные съ красными и веселыми лицами, съ пѣснями и съ какимъ-то особеннымъ задоромъ и бахвальствомъ. Павлуша робко на нихъ посматривалъ и сторонился, боясь обратить на себя ихъ вниманіе.

Павлушу очень заинтересовало это безпрестанное появленіе все новыхъ лицъ; онъ стоялъ и ждалъ, какъ эта дверь въ трактирѣ, молчаливая и неподвижная вдругъ распахивалась и вслѣдъ за нею оттуда изнутри вылетали клубы пара, вмѣстѣ съ нимъ вырывался гулъ голосовъ, хохотъ, крикъ, пѣсня, изъ облаковъ пара выдѣлялись люди, дверь за ними снова визжала, затворялась, привѣшенный къ блоку кирпичъ стукалъ объ полъ и о стѣну, — опять

все умолкло ... Но насмотрѣвшись досыта и на это зрѣлище, Павлуша собирался было уходить, когда вдругъ изъ трактира вышли три мальчика, въ числѣ которыхъ онъ сразу призналъ своего стараго знакомаго Семіошку.

Это неожиданное появленіе такъ его озадачило, что онъ растерялся, не зналъ что дѣлать, и стоялъ, какъ вкопанный; а когда нѣсколько собрался съ мыслями и хотѣлъ повернуться и идти своей дорогой, Семіошка уже поровнялся съ нимъ, взглянулъ на него мимоходомъ, пріостановился тоже съ удивленіемъ, но тотчасъ-же узналъ и, отдѣлившись отъ своихъ товарищей, подошелъ къ Павлушѣ. У того замерло сердце. Онъ вспомнилъ о послѣдней враждебной встрѣчѣ съ Семіошкой, когда онъ вмѣстѣ, и съ помощью своихъ пріятелей порядочно помялъ ему бока, и думалъ, что теперь Семіошка воспользуется случаемъ, чтобы отомстить и поколотить его. Чувствуя, что одному не защититься и не совладать съ Семіошкой, Павлуша порядочно струхнулъ, прибавилъ шагу и намѣревался даже просто навострить лыжи и бѣжать во всѣ лопатки, а въ случаѣ чего даже поднять ревъ и крикъ; но онъ ошибался въ Семіошкѣ.

Это былъ человѣкъ не злопамятный: онъ давно забылъ о нанесенномъ ему оскорбленіи, даже обрадовался встрѣчѣ съ Павлушей и шелъ къ нему съ самымъ дружелюбнымъ, привѣтливымъ лицомъ. Павлуша, приготовляясь бѣжать или закричать, невольно оглядывался на своего мнимаго врага, который уже несомнѣнно желалъ догнать его, и не вѣрилъ самъ себѣ, когда услышалъ что тотъ съ самыми дружелюбными знаками кричалъ ему:

— Другъ сердечный, тараканъ запечный, какъ

ты попалъ сюда? ... Павлуха, да что бѣжишь? Неужте не узналъ Семіоху-то, дружка ... Я, я, Семіошка ... Стой, чудакъ ...

Павлуша остановился, но все-таки недовѣрчиво посматривалъ на подходящаго друга ...

— Что ты? Неужто не призналъ меня? Я такъ, какъ глянулъ, — сразу ... Я, аи знакомитъ на рожу-то ... Разъ повидалъ, — помню ... а мы, кажись, съ тобой старые дружки ... Ты почто здѣсь? ...

— Я на заводѣ ... проговорилъ Павлуша нерѣшительно и робко.

— Полно? ... Къ Василью Петровичу? ... Такъ, вѣдь, и я, братъ, тамъ-же, вотъ ужъ третью недѣлю ... Вотъ такъ ладно ... А ты давно-ли? ...

— Сегодня только ...

— Чудесно ... Такъ ты въ нашъ корпусъ ... Пойдемъ, я тебя сейчасъ рядомъ пристрою ... съ собой ... Кого нибудь сгонимъ: скажемся братья двоюродные, а либо свояки ... Да ужъ я сварганю: пойдемъ ...

— Меня къ дѣдушкѣ Якову Кучумову хозяинъ опредѣлилъ ...

— Ну, я въ другомъ ... На это наплевать: я тотчасъ обдѣлаю, — переведутъ ... Ты почемъ сталъ?

— Шесть гривенъ.

— Вишь ты, жидъ толсто́пузый, и мнѣ тожъ положилъ, а развѣ я супротивъ тебя? Почитай вдвое больше и сильнѣй, и годами много ушелъ противъ тебя ... Вотъ ихъ жидовская совѣсть, купеческая ... Да, знаешь что, пойдемъ въ трактиръ: съ тебя спрыски нужно взять ...

— Нѣтъ, не пойду ...

— Чего не пойду, дурашка ... Развѣ нѣтъ гривенника-то али пятачка, чай далъ что ни на есть хромой-то вашъ?

— Нѣтъ у меня ничего, ни копеечки.

— Вишь ты, а еще самъ большой, хозяинъ въ дому ... а пятачка нѣтъ за душой ... Ну, да ничего, пойдемъ, все равно: я за тебя буфетчику поручусь — повѣритъ мнѣ, можетъ ... Пра, пойдемъ, для меня ... Помнишь я тебѣ дудку принесъ, а ты такъ меня ничѣмъ и не угостилъ ...

— Нѣту, я не пойду ...

— Ну, да ужъ парень, пойдемъ ... Хоть не теперь, послѣ, а ужъ дорогу узнаешь: здѣсь безъ этого нельзя никакъ ... А ты лучше вотъ что, ты меня держись: ты маленькій, тебя какъ нажмутъ, — запищишь! ... А ужъ я тебя въ обиду не дамъ, я теперь всѣ порядки прозналъ: опять-же я всячески больше тебя и съ большими вожусь ... ты просись безпремѣнно ко мнѣ ... Такъ и станемъ жить: я для тебя, а ты для меня: по дружеству, по пріятству ... Сначала я тоже боялся здѣсь, на первыхъ порахъ, непривычно было: даже сбѣжать хотѣлъ, а тутъ послѣ, осмотрѣлся, ничего, жизнь самая пречудесная эта, фабричная-веселая! ... Видѣлъ, съ какими ребятами изъ трактира вышелъ — большіе, а они-же меня, не я ихъ, угощали ... Потому, меня здѣсь довольно поняли: я на всѣ руки, куда хошь, и своихъ не выдамъ ... Вотъ такъ и ты перенимай ... Мы тутъ съ ребятами такую канитель заводимъ, только чтобы согласъ былъ, да все по душѣ, а на эти шесть гривенъ нечто проживешь? ... Ты оглядись сначала ... А ты что изъ дому-то привезъ?

— Какъ что?

— Для ѣды ...

— Чего привезъ? хлѣба привезъ ..

— Врешь: чай колобья есть, али пироги, али можетъ, яйца есть? ...

— Только чтобы стало на недѣлю ...

— А ты попотчуй, дурашка, дружка-то ... Небось, пригожусь ... Помнишь, какъ я васъ съ сестрой сбирать училъ? ... Еще и не тому научу, погоди: и деньги будутъ, и все ... Попотчуешь, что-ли? ...

— Да, право, нечѣмъ, самому-бы стало только ...

— Э-э, ты, братъ, видно, жила ... А здѣсь у насъ такъ: ты мнѣ, а я тебѣ, все недѣленое, вотъ и сытъ, и доволенъ ... А будешь прятаться, да запирать — не ухоронишь, братъ, хуже! ... Ну, теперь нѣтъ, на той недѣлѣ изъ дома больше забирай сладенькаго, да хорошенькаго ... Ты попотчуешь и тебя попотчуютъ ... У меня вотъ и запасу нѣтъ никакого, матка-то ничего неноситъ, а сытъ, доволенъ ... Вотъ ты какъ живи ... Привезешь что-ли изъ дома-то? ... чего нибудь хоть ...

— Привезу, коли дадутъ ...

— Чего дадутъ ... Теперь какъ не дать ... Ты рабочій человѣкъ, на домъ промышляешь: они тамъ на печи сидятъ около варева, да маслица, да молочка, да яичекъ, — имъ хорошо ... А ты здѣсь и въ холоду, и въ проголодь, на сухомяткѣ, да еще проработай-ка двѣ-то смѣны, узнаешь, братъ, каково ... Ты теперь имѣешь полное право все съ дома брать, что тебѣ угодно: никто не посмѣетъ и слова сказать ... потому рабочій, фабричный, въ чужихъ людяхъ, все равно, что на каторгѣ, а имъ, домашнимъ, твои деньги ... Вотъ что, братъ; они тоже это понимаютъ, хоть и молчатъ? ... Не бойсь, все

дадутъ, что захочешь: возьми, батюшка, только работай про насъ, да денежки доставляй! ... Не бойсь, деньги-то, вѣдь, не себѣ будешь брать на гулянку, а въ домъ отдавать, домашнимъ ...

— Знамо ...

— А-а, вотъ то-то и есть! ... А безъ варева-то — сиди ты, а ночь-то работай, не досыпай — ты ... А денежки, какъ-же, денежки имъ неси! ...

— Такъ, вѣдь, домъ-отъ мнѣ не чужой, свой?... возразилъ Павлуша ...

— А самъ-отъ ты чей? чужой что-ли? не свой... А брюхо-то у тебя не свое — чужое? Почто же они дома сидятъ, сладко ѣдятъ, да съ тебя-же и денежки получаютъ, а тебѣ и нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба съ водой? А? Почто это?

Павлуша ничего не отвѣчалъ.

— То-то ... Вотъ я какъ тебя учу, ото всей души, по дружеству ... Чего тебѣ еще и не сдумать по глупости по твоей ... Ты держись меня крѣпче, да слушайся, а пустяковъ-то не жалѣй ... Складнѣе дѣло-то будетъ! ... Семіошка, онъ братъ, такой человѣкъ, пригодится за всякъ часъ ... Ты смотри-ка, какъ ребята меня здѣсь всѣ почитаютъ.. Вотъ что! ...

Они подошли къ корпусамъ.

— Ты въ которомъ? спросилъ Семіошка.

— Вотъ въ этомъ, — указалъ Павлуша.

— Ну, пойдемъ ... Я посижу съ тобой ... Тебѣ спервоначала-то одному-то дико еще ... А тамъ посмотримъ: я тебя къ себѣ переведу ... въ свой корпусъ ...

Въ избѣ уже было много мальчиковъ, воротившихся съ гулянья и разлегшихся по нарамъ съ намѣреніемъ соснуть часокъ-другой передъ своей вечер-

ней смѣной. Никто теперь не обращалъ вниманія на Павлушу, пробиравшагося къ своему мѣсту въ сопровожденіи Семіошки, но ихъ замѣтилъ дѣдушка Яковъ, сидѣвшій, по обыкновенію, за печкой, вблизи той нары, которая была отведена имъ Павлушѣ.

— Али нагулялся? окликнулъ онъ его. Проводилъ сестренку-то?

— Проводилъ ...

— Ну, теперь, поѣшь, да и ложись, высыпайся, а завтра раньше вставай, на первую смѣну пойдешь къ шести часамъ ... Твои смѣны-то ловко придутся: съ шести до двѣнадцати утренняя, да съ шести до двѣнадцати вечерняя, все легче, нечѣмъ ночную-то выстоять — отъ полуночи до шести, та больше размаетъ ... А этотъ что, паренекъ-то пришелъ: съ вашей деревни, что-ли? ... Земляки, видать!

Старикъ мотнулъ головой на Семіошку, который скромно усѣлся на лавку, рядомъ съ Павлушей, и пытливо вглядывался въ старосту.

— Нѣтъ, дѣдушка, мы изъ разныхъ, только онъ мнѣ троюродный брательникъ приходится ... бойко отвѣчалъ Семіошка.

Павлуша съ удивленіемъ, вопросительно, взглянулъ на него; но видя увѣренное, спокойное лицо лгуна, не рѣшился обличить его и быстро опустилъ глаза.

— Какъ-же вы: по матери, или по батькѣ, приходитесь? ...

— Матки-то наши сестры двоюродныя ... отвѣчалъ съ увѣренностью Семіошка. Онъ и не зналъ хорошенько: я ему растолковалъ ... Повстрѣчались мы по случаю на улицѣ ...

— Да ты откуда-же взялся? ...

— А я здѣшній заводскій ... Я здѣсь давно на заводѣ то ... Вотъ-бы вмѣстѣ надо, въ одинъ корпусъ, и спали бы рядомъ ... У насъ мѣстовъ много въ нашемъ корпусу, я бы его, пожалуй, перевелъ къ себѣ, а у васъ, кажись, утѣсненіе большое: вонъ, почитай, всѣ гвозди заняты.

— По мнѣ все одно: какъ хотите ... Мнѣ меньше народа, меньше заботы ... равнодушно отвѣчалъ дѣдушка Яковъ.

— Нѣтъ, я не пойду отсюда: мнѣ хозяинъ велѣлъ здѣся, у дѣдушки Якова. Ты не отпущай меня дѣдушка Яковъ: я лучше у тебя-ка ...

— Мнѣ что, все одно ... Не замай, коли его здѣсь, пущай тутъ будетъ ...

— Ну, такъ инъ ладно ... Ты, дѣдушка, его не оставь, потому, чтобы не обидѣли, малъ еще, глупъ, ничего не знаетъ ... А здѣсь народъ бѣдовый ... Ну, коли ладно, я буду тебя, Павлушка, здѣсь почаще провѣдывать, а ты коли чуть что, кто обидитъ, такъ вотъ тотчасъ дѣдушкѣ и жалуйся ... Ну, давай поѣдимъ: колобкомъ-то хотѣлъ попочевать ... Твой что-ли это мѣшокъ-отъ виситъ ... Дай-ка я сниму ...

И Семіошка, прежде чѣмъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить и двинуться съ мѣста, снялъ съ гвоздя мѣшокъ и подалъ его Павлушѣ, со словами:

— На, вотъ, развязывай, да вынимай ... что у тебя тутъ есть? ...

Павлуша въ нерѣшимости держалъ мѣшокъ на колѣняхъ ...

— Что, али не развязать? ... Затянулся, видно, узелъ? ... Дай-ка я развяжу ... говорилъ Семіошка и тотчасъ-же, не снимая съ колѣнъ Павлуши, началъ развязывать мѣшокъ.

Павлуша сидѣлъ совсѣмъ растерянный и придерживалъ мѣшокъ руками.

— Дай-ка сюда, вотъ въ середочку поставимъ, между собой... продолжалъ Семіошка, перенося мѣшокъ съ колѣней Павлуши на лавку.

— Вотъ, а завтра ко мнѣ приходи, въ третій корпусъ, я тебя кренделями попотчую. Мнѣ матка цѣлыхъ два фунта принесла, да знатные крендели, мягкіе...

Говоря это, Семіошка уже развязалъ мѣшокъ, вынималъ изъ него провизію и раскладывалъ ее частью на лавку, частью къ себѣ на колѣни.

— Ого, сестренка-то не пожалѣла, наклала тебѣ, всего довольно: не съѣсть тебѣ до субботы-то... Попотчуй дѣдушку-то Якова...

— Не надо, не надо, ѣшьте сами-то, да спать пускай ложится... отозвался старикъ, вставая и отходя подальше, чтобы не стѣснять дѣтей.

Семіошка проводилъ его лукавымъ взглядомъ.

— Ну, ѣшь-же, Павлуха, мнѣ будетъ этого... говорилъ Семіошка, запихивая за пазуху кусокъ пирога и откусывая кокуру, въ которой онъ отгадалъ запеченное яйцо.

Павлушѣ было какъ-то и досадно, и стыдно за себя и за Семіошку, и жалко провизіи, которую тотъ безцеремонно отбиралъ, но у него не доставало духа остановить пріятеля и совѣстно отнять изъ рукъ кусокъ. Нахмуренно и сердито посматривая изъподлобья на Семіошку, онъ принялся и самъ ѣсть первое, что попалось подъ руку.

— Ну, такъ ты приходи же ко мнѣ завтра, ей Богу кренделей дамъ, авось и чаемъ напою... А теперь старикъ-отъ заругаетъ, пожалуй: я ужъ пойду, а ты поѣшь, да ложись... И мнѣ надо соснуть:

у меня смѣна-то ночная, не какъ у тебя ... Вѣдь, и теперешняя смѣна моя-бы, да я прогулялъ ...

Семіошка ушелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно доѣдая почти насильно отнятую кокуру. Павлуша, молча, насупившись провожалъ его глазами, а когда тотъ скрылся за дверями, взглянулъ на расположенную по лавкѣ провизію и сталъ укладывать ее въ мѣшокъ. Аппетита у него не было, и онъ лѣниво пережевывалъ свой кусокъ. Въ головѣ и на сердцѣ у него было какъ-то смутно, неопредѣленно и тоскливо.

Повѣсивши мѣшокъ на мѣсто, Павлуша сталъ осматриваться кругомъ себя. Рядомъ съ нимъ, свернувшись въ комочекъ, спалъ уже мальчикъ, немножко побольше, блѣдный, худой, съ болѣзненнымъ жалкимъ лицомъ. Пестрядинная рубашка была разорвана на локтяхъ и около ворота; голыя грязныя ножонки высовывались почти по колѣно изъ коротенькихъ и тоже изорванныхъ штановъ. Матьчикъ, видимо, ухищрялся изъ одного коротенькаго полушубка устроить себѣ изголовье и одѣяло; но пола, которою онъ прикрывалъ свое маленькое тѣльце, при первомъ движеніи соннаго, съѣхала и висѣла съ лавки внизъ; мальчишка, очевидно, зябъ, потому что въ корпусѣ было свѣжо.

Посмотрѣвши нѣсколько мгновеній на мальчика, Павлуша, по невольному побужденію, всталъ, приподнялъ висѣвшую полу и потихоньку прикрылъ мальчика, затѣмъ опять поспѣшно сѣлъ на свое мѣсто и сконфуженно посматривалъ по сторонамъ, безотчетно опасаясь встрѣтить насмѣшливые взгляды; но на него никто не обращалъ вниманія.

Нѣсколько сосѣднихъ коекъ были еще пусты, а подальше двое мальчишекъ, лѣтъ по 15, лежа на

брюхѣ, одинъ къ другому головами, и опершись на локти, о чемъ-то разговаривали шепкомъ; присѣвши около нихъ на корточкахъ прислушивался и участвовалъ въ секретномъ разговорѣ третій. Въ другомъ мѣстѣ, въ углу, собралась цѣлая кучка около одного разсказчика, который сообщалъ что-то съ жестами и гримасами, къ великому удовольствію слушателей, покатывавшихся отъ времени до времени со смѣху.

Въ то-же время дѣдушка Яковъ сердито бранился и кричалъ на только-что воротившагося парня лѣтъ семнадцати, который вошелъ въ корпусъ съ недокуренной попироской и бросилъ окурокъ къ печкѣ. Парень несмѣло, вполголоса огрызаясь, уходилъ къ своей лавкѣ, а староста преслѣдовалъ его выговорами и бранью.

Свѣтъ оканчивающагося зимняго дня скупо проходилъ сквозь закоптѣлыя, усѣянныя вставками небольшія стекла и слабо освѣщалъ корпусъ, дальніе углы котораго остались совсѣмъ въ тѣни. Холодно, уныло и безпріютно смотрѣла вся обстановка, тяжело и печально отзывалась она на душѣ Павлуши. Думы его понеслись въ деревню, въ родную избу: воображенію рисовались и Маша, и Саша, и дядя Никита, розовыя веселыя дружелюбныя лица деревенскихъ ребятишекъ. Ему хотѣлось заплакать, хотѣлось вскочить, выбѣжать на улицу и бѣжать безъ оглядки домой.

— Ну, что не ложишься?... Ложись да спи... послышался обращенный кь нему голосъ старосты. Подъ голову-то шапку, али кафтанишко положи, а полушубкомъ-то прикройся ... Нахолодятъ пострѣлы-то: вечеромъ-то студено будетъ ... А то хочешь, на печь полѣзай ...

— Нѣту, благодарствуй, я тута-тко прилягу ...

— Ну, какъ хочешь ....

Павлуша послушно улегся на лавку, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ. Долго думы о домашнихъ, тоскливое чувство и неясный шумъ разговоровъ не давали ему спать; но точно облако какое мало-по-малу сошло на его усталую голову, заволокло его слухъ, спутало мысли, заглушило грустныя чувства: — онъ уснулъ, чтобы проснуться на слѣдующее утро уже настоящимъ фабричнымъ мальчишкой-шпульникомъ.

Фабричный мальчишка.

Грозно пыхтитъ и клокочетъ на фабрикѣ раскаленный паровикъ: невидимыми путями уходитъ изъ него паръ и приводитъ въ движенiе рычаги, колеса, ремни, всю сложную систему фабричныхъ машинъ. Подъ его невидимымъ давленiемъ, точно какою волшебною силой, двигаются челноки и берда на ткацкихъ станкахъ, вертятся сновальники и спицы съ початками и цѣвками, крутятся одинъ около другого громадные мѣдные цилиндры, высушивая и разглаживая сырые, только что вымытые миткали, или отпечатывая на нихъ цвѣтные узоры, послѣ чего они превращаются въ ситцы, поднимаются вверхъ и падаютъ тяжелые песты, выравнивающiе готовыя штуки товара ...

Много чудесъ творитъ на фабрикѣ водяной паръ — эта грубая, разрушительная стихiйная сила, покоренная человѣческимъ разумомъ, превращенная въ послушное орудiе, которымъ управляетъ человѣкъ по своему усмотрѣнiю ...

Но нѣтъ еще ни одного машиннаго производства, которое бы не требовало вовсе человѣческаго труда, вполнѣ замѣняло работу рукъ и совсѣмъ обходилось безъ нихъ: какъ ни совершенствуются машины, какъ ни уменьшаютъ онѣ область ручной работы, но безъ участiя человѣка никогда не въ силахъ будутъ обой-

тись, и человѣкъ, какъ работникъ, всегда будетъ необходимъ, при всякомъ машинномъ производствѣ. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ показываетъ своего разума и генія въ улучшеніи и усовершенствованіи машинъ, тѣмъ ниже и ничтожнѣе становится дѣло рабочаго при машинѣ: онъ самъ, такъ сказать, превращается въ машину, или въ самодѣйствующую часть ея; часто вся дѣятельность рабочаго ограничивается только тѣмъ, что онъ долженъ подносить къ машинѣ необработанный еще ею матеріалъ, или принимать и относить въ сторону совершенно готовый товаръ.

Впослѣдствіи вы узнаете, что для успѣшности каждаго производства требуется возможно большее, такъ называемое раздѣленіе труда, то есть такое раздробленіе работы, при которомъ однѣ и тѣ же руки дѣлали бы одно и то же по возможности однообразное дѣло. Напримѣръ, самый простой столовый ножъ вышелъ не изъ однѣхъ рукъ одного мастера, но въ производствѣ его участвовало множество рабочихъ: одинъ отковалъ пластинку желѣза, другой отточилъ ее, третій отшлифовалъ, четвертый отпустилъ лезвіе, пятый сдѣлалъ деревяшку и т. д. Это раздѣленіе труда во всякомъ фабричномъ производствѣ доводится до возможной крайности. Такимъ образомъ, отъ рабочаго на фабрикѣ требуется большею частью только вниманіе, аккуратность и навыкъ; всѣ умственныя способности его остаются почти безъ примѣненія; дѣятельность его при машинной работѣ всегда однообразная; поэтому фабричная работа, хотя не тяжела, не требуетъ большого напряженія силъ, но очень скучна и крайне утомительна своимъ однообразіемъ.

Нашъ веселый, живой и подвижной Павлуша,

сдѣлавшись фабричнымъ рабочимъ, не уставалъ такъ, какъ бывало на деревенскихъ работахъ, но именно утомлялся и скучалъ. Все его дѣло состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ сидѣть и смотрѣть, какъ машина навивала цѣвки или початки, снимать готовые и снова ждать слѣдующихъ. Когда его только-что посадили за эту работу, она показалась ему не дѣломъ, а гулянкой, простой забавой; но черезъ два-три часа онъ уже почувствовалъ, что у него заболѣлъ затылокъ, заломило спину, заныли ноги, въ головѣ тяжесть, въ глазахъ рябило, а послѣ шестичасовой срочной работы онъ поднялся съ лавки совсѣмъ разбитый, одурѣлый, насилу разогнулъ спину, не чувствовалъ подъ собою ногъ, точно онѣ одеревенѣли ...

Выйдя вслѣдъ за своими малолѣтними товарищами-ребятишками на чистый воздухъ изъ душной палаты, онъ чуть-чуть не упалъ: такъ закружилась у него голова и такъ сильно вдругъ забилось сердце. Скучный и понурый пришелъ онъ въ корпусъ: даже ѣсть ему не хотѣлось, и онъ принялся за свой кошель, въ которомъ лежали съѣстные припасы, только смотря на другихъ товарищей.

Впрочемъ, когда Павлуша поѣлъ, утомленіе это начало проходить; его потянуло на улицу, на воздухъ, и здѣсь онъ скоро совсѣмъ оправился. Въ первый день онъ никакъ не могъ уснуть между первой и второй смѣной, но за то едва досидѣлъ эту послѣднюю, которая оканчивалась у него ровно въ полночь, начавшись въ шесть часовъ пополудни, у него противъ воли закрывались глаза, сонъ одолѣвалъ его, онъ безпрестанно клевалъ носомъ и почти безсознательно двигалъ руками, и если бы не насмѣшки и тычки въ бокъ сидѣвшихъ рядомъ това-

рищей, замѣтившихъ, что его одолѣваетъ дремота, онъ непремѣнно заснулъ бы. Воротясь съ этой смѣны въ корпусъ, Павлуша сунулся на лавку въ чемъ былъ, не раздѣваясь, безъ изголовья: такъ и уснулъ.

Затѣмъ пошли дни, какъ двѣ капли воды, похожіе одинъ на другой. Павлуша долженъ былъ вставать по утрамъ въ шестомъ часу: это было ему не въ диковинку, — въ деревнѣ онъ просыпался и принимался за работу еще раньше; но онъ долго не могъ привыкнуть къ поздней вечерней работѣ, къ бодрствованію до полуночи, и находя, что фабричная работа легка, объяснялъ свое утомленіе, свою усталость къ ночи только непривычкою. Онъ не зналъ того, какъ не знали и не думали о томъ и старшіе, что неподвижное сидѣнье двѣнадцать часовъ въ сутки на одномъ и томъ же мѣстѣ, что продолжительныя, однообразныя, хотя и спокойныя движенія, что вниманіе, сосредоточенное на одномъ и томъ же предметѣ, въ теченіе многихъ часовъ, можетъ утомить столько же, какъ и всякій другой усиленный трудъ, съ той только разницей, что онъ дѣйствуетъ разрушительно на здоровье и притупляетъ умственныя способности.

На той фабрикѣ, куда поступилъ Павлуша, у добраго, по мнѣнію рабочаго народа, Василія Петровича, дѣти работали столько же часовъ, сколько и взрослые, и такими же продолжительными, шестичасовыми смѣнами. Не выспавшись хорошенько ночью, утомленный утреннею смѣною, Павлуша приходилъ въ полдень въ свой корпусъ съ отуманенной точно отъ угара головой и, наскоро перекусивши, торопился вслѣдъ за другими выбѣжать на улицу. Бойкій, живой и впечатлительный, онъ скоро сошелся съ това-

рищами, сталъ принимать участіе въ ихъ играхъ и незамѣтно для самого себя заимствовать и манеру, и тонъ, и весь своеобразный складъ фабричнаго мальчишки.

А складъ этотъ не очень красивъ. Предоставленные самимъ себѣ, безъ всякаго надзора и руководства, безъ всякаго живого интереса къ скучному, опротивѣвшему дѣлу, никому ненужные, точно всѣми забытые, между собою чужіе, маленькіе фабричные работники невольно начинаютъ считать себя вполнѣ самостоятельными людьми и, чтобы быть совсѣмъ на нихъ похожими, стараются во всемъ подражать взрослымъ рабочимъ. Въ фабричныхъ дѣтяхъ являются излишняя нахальная смѣлость, бахвальство, задоръ, пропадаетъ чувство стыда и совѣстливости, замѣняясь лукавствомъ, хитростью, равнодушіемъ ко лжи и обману, развивается угодливость и ложь передъ сильными, безжалостность и безучастность къ слабому; даже по внѣшности они пріобрѣтаютъ другой видъ, отличающій ихъ отъ крестьянскихъ дѣтей: иныя ухватки, походка, иной взглядъ, иная рѣчь. Само собою разумѣется, нашъ Павлуша не могъ сразу сдѣлаться такимъ; но фабричная среда мало-по-малу и незамѣтно для него самого начала оказывать свое вліяніе, измѣняя его, какъ вы увидите, не къ лучшему.

Семіошка не оставлялъ его въ покоѣ. Вы помните, что онъ встрѣтился съ Павлушей на улицѣ, выходя изъ трактира, обошелся съ нимъ какъ со старымъ пріятелемъ, навязывалъ ему свою дружбу и покровительство, проводилъ въ корпусъ и безъ церемоніи распорядился его съѣстной провизіей, отобравши себѣ за пазуху самые лучшіе куски.

На слѣдующій день, во время отдыха между смѣнами, онъ встрѣтилъ его на фабричномъ дворѣ.

— Ну что, Павлуша, отстоялъ? ... спросилъ онъ.

— Что?

— А смѣну-то свою?

— Да ... отстоялъ ...

— Ну что, парень, очумѣлъ, чай? ...

— Да ... съ непривычки, что ли? ... такъ ничто ... ровно какъ шально ...

— Тутъ, братъ, не то: съ непривычки ... тутъ и привычный ошалѣетъ! ... А ты, чай, носъ-отъ уткнулъ, головы не отворачивалъ, смотрѣлъ на початки-то? ... Ты небольно наваливайся на работу-то ... Плевать! ... Все равно, вѣдь, ужъ ничего не высидишь: не прибавятъ! ... Я, вотъ, такъ другой день гуляю ... И на фабрику не хожу ...

— Какъ же ты? ... А ну, прогонятъ! ...

— Не прогонятъ: матка приходила, Христомъ Богомъ выклянчила рублевку впередъ, такъ купцу-то надо будетъ какъ-никакъ заворотить съ меня этотъ рубль ... А я изъ-за чего хлопотать-то стану? ... Все равно, мнѣ теперь за недѣлю-то ничего не придется, и заштрафовать меня не изъ-чего ... Ну, а и прогонятъ, такъ наплевать: не велика сласть и здѣсь-то ... Я говорилъ маткѣ: не замай моихъ денегъ, не трогай: мнѣ самому надобно, — побирается вѣдь: прокормиться можетъ, такъ нѣтъ, — вотъ зависть на мои деньги взяла! ... Въ другой разъ вотъ по рублю впередъ забираетъ! ... Что я про нее, батракъ что-ли? ... Ну, коли такъ, вотъ наплевать: пущай прогонятъ ... Пора ужъ и самому на себя промышлять: я и то чуть не съ ползунковъ до сяковой поры все на нее Христовымъ именемъ побирался, ее прокармливалъ ... Пущай прогонятъ! ... Я самъ себѣ найду мѣсто, а этакъ она не моги дѣ-

лать, что мои заработныя деньги впередъ забирать да про себя изводить ... А только что меня еще не прогонятъ: я здѣсь надобенъ ... У меня тутъ такое компанство, содружество: меня скроютъ, за меня и другіе станутъ, мою смѣну отстоятъ, потому ... Ну, да еще погоди: все узнаешь ... Подемъ, что ли, въ трактиръ? ... Чаемъ напою ...

— Нѣту, не пойду ...

— Чего, дуракъ, не пойдешь-то? ... Вѣдь на мой счетъ, копеечки не заплатишь ...

— Да нѣтъ, спасибо ... Не хочу ... Надо бы уснуть лечь передъ смѣной-то ... Да я и непривыченъ къ чаю-то ...

— Правда, что ты и вкусу-то, чай, въ немъ не знаешь ... Да и пивалъ-ли когда? ...

— Пивалъ ... похвасталъ Павлуша: онъ дѣйствительно никогда не пробовалъ чаю.

— Врешь ... Гдѣ тебѣ! ... Чай, не то самому пить, а не видывалъ, какъ и люди-то пьютъ? ...

— Нѣтъ, видалъ ...

— А, право, не видывалъ ...

— Нѣтъ, видалъ ...

— Ну, какъ? ... какъ? ... Ну, скажи: какъ? ...

— Что говорить-то ... А только-что и видѣлъ, и самъ пилъ ...

— Да какой онъ, чай-отъ? ... Ну, скажи: какой? ...

— Ну что присталъ? знамо, какой: сладкій ...

Павлуша съ досадой отвернулся и хотѣлъ идти прочь.

— Да ты, дурашка, не сердись, не обижайся, остановилъ его Семіошка, — я вѣдь для тебя же: ну, въ компаніи, когда придется, а не умѣешь ... либо напоятъ чѣмъ другимъ, а скажутъ чай: на

смѣшки только поднимутъ! ... Я тебѣ подружески: пойдемъ, говорятъ, напою ...

Но Павлуша на этотъ разъ уперся и не пошелъ: онъ все еще дичился и не довѣрялъ Семіошкѣ.

Въ другой разъ Семіошка зашелъ къ Павлушѣ въ корпусъ и принесъ ему пару сухихъ заварныхъ баранокъ. Онъ сталъ отдавать ихъ такъ, что гостинецъ его видѣлъ Яковъ Кучумовъ, корпусный староста. Павлуша отказывался.

— Да чего кочевряжишься? бери, знай ... говорилъ Семеонъ — Я у тебя гостился, вотъ и тебѣ принесъ ... Чего ты? ... Вѣдь, чай, слава Богу, не чужіе: земляки, съ одной стороны, да еще и родственники приходимся ... Бери, бери, ѣшь ... Про тебя берегъ ...

И Семіошка засунулъ баранки Павлушѣ въ карманъ.

— А ты бери и въ самомъ дѣлѣ ... Что? ... — сказалъ съ своей стороны Кучумовъ. — То и хорошо, что, вотъ, земляки, дѣлитесь: не забываете другъ друга ... Онъ тебя, а ты его: на что лучше? ...

— Я, дѣдушка, его завсегда назираю, потому малъ, ничего еще не знаетъ ... подлащивался къ старостѣ Семіошка. — Я побольше его получаю, да изъ дома-то меня не оставляютъ: у меня завсегда и грошъ, и кусокъ лишній водится ... Вотъ я и ...

— Такъ что, и ладно, такъ и надо, то и хорошо! ... — похвалилъ Кучумовъ. — Онъ еще вонъ какой — прыщъ, а ты ужъ супротивъ него ... много больше! ... Чай, ужъ у стана стоишь? ...

— Съ той недѣли на широкіе обѣщали поставить ... — безъ запинки отвѣчалъ Семіошка, хотя онъ былъ на такомъ же дѣлѣ, какъ и Павлуша.

Подъ „широкими“ онъ разумѣлъ миткали. Маль-

чиковъ 15—16 лѣтъ, умѣющихъ ткать, или особенно толковыхъ, фабриканты ставятъ наблюдать за точею на машинныхъ станкахъ миткалей: сначала узкихъ, потомъ и широкихъ. Рабочіе, стоящіе у станковъ, называются уже ткачами и получаютъ жалованье сообразно ширинѣ миткаля, но гораздо больше, чѣмъ дѣти, которыя сидятъ въ томъ отдѣленіи, гдѣ вьются початки, шпульки и цѣвки, и гдѣ работали и Павлуша, и Семіошка.

Кучумовъ похвалилъ Семіошку.

— Стало быть, братецъ, ты старательный парень, коли къ широкимъ обѣщаютъ поставить ... сказалъ онъ.

— Я стараteленъ, дѣдушка, а главная причина: понятенъ я очень! ... Ты мнѣ что хочешь: пожалуй и не показывай, не толкуй, дай только взглянуть, сейчасъ въ понятіе возьму! ...

Семіошка хвасталъ спокойно и даже съ какимъ-то скромнымъ достоинствомъ.

— А на фабрику-то все еще не ходишь, видно? ... — простодушно спросилъ Павлуша, не стѣсняясь присутствіемъ старосты.

— Какъ не ходишь, что ты! ... — поспѣшно перебилъ его Семіошка. — Это ты спрашиваешь, что тогда у меня сердце-то схватило, я не ходилъ ... Нѣтъ, теперь все слава Богу, хожу ... Нельзя не ходить, братъ, нашему брату: какъ разъ оштрафуютъ! ... Али ты, можетъ, насчетъ того, что прежде въ эту пору смѣна моя была, такъ теперь по другому: теперь у насъ съ тобой въ одно время будетъ ...

— Нѣтъ, дѣдушка, — обратился онъ къ Кучумову, желая изгладить впечатлѣніе неловкаго вопроса Павлуши: — его я не оставлю, Павлуху ... Мнѣ

за это отъ Бога грѣхъ будетъ! ... И въ обиду его не дамъ, если что отъ ребятъ, потому онъ малъ больно ... Вотъ хочется мнѣ его все побаловать когда: въ трактиръ сводить бы, да чаемъ напоить ... На одной-то сухомяткѣ ему цѣльную-то недѣлю не оченно пользительно; сухо на брюхѣ-то ужъ очень ... Право! ...

— Что же? ... Своди: чаю ничего ... Это не во вредъ! ... Чай нынче вонъ и въ полкахъ заводятъ ... При насъ этого не было и заведенія насчетъ чая, а нынче онъ въ ходъ пошелъ ... Что же, чай — ничего, онъ не вредитъ: вотъ пиво или водку, того вамъ нѣтъ положенія пить: поспѣете еще, постарше будете — тогда, а чай — ничего, можно ...

— Вотъ, Павлуха, слышишь: когда нибудь сходимъ ... Я тебя поподчую ...

Черезъ нѣсколько дней Симіошкѣ удалось оказать дѣйствительную услугу Павлушѣ. Дѣло было такъ. Павлуша игралъ на улицѣ вмѣстѣ съ другими фабричными дѣтьми. Игры ихъ не замысловаты и не затѣйливы: любимѣйшія — въ козны и въ куфту.

Козны, козонки, или бабки — это маленькія ножныя кости животныхъ: ихъ ставятъ парами въ рядъ и наизвѣстномъ разстояніи сшибаютъ биткою. Битка эта такой же козонокъ, но для тяжести наполненный оловомъ, или свицомъ; употребляютъ также вмѣсто битки какую-нибудь металлическую вещь, а иногда цросто черепокъ, покрытй толстымъ слоемъ льда. Извѣстное число сбитыхъ бабокъ составляетъ конъ. Въ эту игру фабричныя дѣти играютъ часто въ деньги, ставя на конъ копѣйку или грошъ.

Куфта — большой мячъ, — по крестьянской бѣдности, — изъ тряпокъ или охлопковъ, зашитыхъ

въ онучу, въ рваную варежку, или старый шерстяной чулокъ. Игра въ куфту состоитъ въ томъ, чтобы гнать мячъ по дорогѣ, подшибая его ногой и опережая въ этомъ другихъ играющихъ: побѣдителемъ считается тотъ, кто дальше такимъ образомъ прогонитъ мячъ. При этомъ, разумѣется въ то время, какъ одинъ гонитъ мячъ, другіе стараются опередить его и прежде него подшибить куфту.

Въ эту именно игру и забавлялся Павлуша. Онъ гналъ мячъ; одинъ изъ игравшихъ, чтобы опередить его, подшибъ не мячъ, а его самого подъ ногу: Павлуша упалъ и разсердился. Поднявшись на ноги, онъ догналъ своего соперника, и сдѣлалъ съ нимъ то же самое. Началась ссора и драка, въ которой Павлуша оказался слабѣйшимъ, но неуступчивымъ: противникъ скоро повалилъ его, и такъ какъ Павлуша не унимался, а продолжалъ драться и лежа, то онъ началъ тузить его безъ милосердія. Павлушѣ приходилось плохо: чувство боли уже начинало одолѣвать раздраженіе, запальчивый мальчуганъ собирался уже заревѣть и просить пардону, какъ вдругъ онъ увидѣлъ надъ собой Семіошку, который стаскивалъ съ него побѣдителя. Павлуша воспользовался неожиданной помощью, быстро вскочилъ на ноги и началъ было вымещать на врагѣ свою обиду, но тотъ, вырвавшись изъ рукъ Семіошки, снова опрокинулъ Павлушу въ снѣгъ и, конечно, избилъ бы его еще больнѣе, если бы опять не помогъ Семіошка. Видя противъ себя уже не одного, а двухъ, побѣдитель отретировался, ругаясь и грозя.

Хотя Павлуша, благодаря Семіошку за помощь, и хвастался, что онъ въ концѣ концовъ непремѣнно бы одолѣлъ противника и оправдывалъ свое паденіе тѣмъ, что оступился въ суметѣ, но въ душѣ созна-

вался, что соперникъ былъ гораздо сильнѣе его, и если-бы не Семіошка, то ему досталось бы отъ него порядкомъ. Этотъ случай очень расположилъ и даже нѣкоторымъ образомъ подчинилъ его Семіошкѣ, тѣмъ болѣе, что Павлуша еще не забылъ о той трепкѣ, которую съ помощью своихъ деревенскихъ товарищей задалъ этому самому своему защитнику, а тотъ даже и не вспомнилъ и не попрекнулъ его старой обидой.

Павлуша, разумѣется, не понималъ, что Семіошка принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые живутъ только настоящей минутой и никогда не думаютъ о прошедшемъ, каково бы оно ни было — худо, или хорошо, которые такъ же скоро забываютъ нанесенную имъ обиду, какъ и всякое полученное добро. Павлуша не зналъ и того, что Семіошка на него разсчитывалъ, имѣлъ относительно его опредѣленные виды, что онъ былъ ему нуженъ. Какъ мальчикъ добрый, сердечный и неиспорченный, онъ просто думалъ, что Семіошка съ самомъ дѣлѣ полюбилъ его и хочетъ съ нимъ дружиться, а по чувству благодарности, и самъ расположился къ нему.

Послѣ этого событія, сдружившаго Семіошку съ Павлушей, наши пріятели стали видаться почти каждый день: Павлуша сталъ ходить въ корпусъ къ Симеону и познакомился съ его близкими друзьями-товарищами. Все это былъ народъ бойкій, удалой, веселый, пѣсельники, плясуны, сквернословы. Въ ихъ компаніи сначала было Павлушѣ какъ-то неловко, конфузно, но весело: гдѣ они собирались, тамъ стоялъ смѣхъ, хохотъ, пѣсни смѣнялись разсказами, всякій разговоръ пересыпался прибаутками, отборными ругательствами, отъ которыхъ никто не краснѣлъ, никто не оскорблялся, но которыя, напротивъ,

поощрялись компаніей, какъ неизбѣжное украшеніе рѣчи, какъ признакъ удальства и остроумія. Какъ ни дико все это сначала казалось Павлушѣ, но онъ скоро привыкъ къ новому обществу и сталъ находить въ немъ удовольствіе. Разъ онъ попробовалъ пристать къ пѣснѣ, которую пѣли ребята, — у него оказался сильный и звонкій голосъ; это замѣтили, похвалили его: похвала польстила самолюбію Павлуши, и онъ скоро сдѣлался завзятымъ пѣсельникомъ, кстати же у него была богатая память, и онъ необыкновенно скоро и безъ всякихъ усилій запоминалъ всякую пѣсню.

Въ этой компаніи Павлуша научился курить табакъ и вмѣстѣ съ нею, подъ предводительствомъ Семіошки попалъ въ первый разъ въ трактиръ.

Павлуша слыхалъ еще дома, что въ трактиръ и въ кабакъ ходятъ, большею частью, люди праздные, или пьяницы, что въ трактирахъ пропиваются и проматываются заработки, что отъ кабаковъ даже богатые люди пропиваются и бѣднѣютъ, и потому питалъ къ нимъ какой-то инстинктивный страхъ и предубѣжденіе, долго упирался и не шелъ въ трактиръ, несмотря на неоднократныя приглашенія Семіошки. Но одинъ разъ, когда онъ отказывался, его подняли пріятели на смѣхъ, говорили, что онъ трусишка, хуже послѣдней бабы, такъ какъ и тѣ не боятся ходить въ трактиръ. Павлуша не выдержалъ и пошелъ.

Робко поднялся онъ вслѣдъ за другими на лѣстницу и вошелъ въ первую комнату, по стѣнамъ которой тянулись полки съ разной, преимущественно чайной посудой; а поперекъ возвышался прилавокъ, сзади котораго гордо стоялъ буфетчикъ, — человѣкъ съ внушительнымъ взглядомъ и строгимъ лицомъ.

Павлушѣ показалось, что онъ очень пытливо и сердито посмотрѣлъ на него, точно собирался топнуть ногой и крикнуть: ты зачѣмъ сюда, пострѣлъ? … развѣ тебѣ мѣсто здѣсь? …

Павлуша, какъ виноватый, опустилъ голову передъ этимъ взглядомъ, но буфетчикъ ни слова не промолвилъ, можетъ быть, даже и не обратилъ вниманія; это былъ упрекъ совѣсти, представившій воображенію Павлуши и сердитый взглядъ, и угрозу. Въ сосѣдней комнатѣ Семіошка съ Павлушей и остальными пріятелями усѣлись вокругъ маленькаго столика. Павлуша оглядѣлся. Кругомъ его за такими же столами сидѣли рабочіе разнаго пола и возраста и большею частью пили чай, а нѣкоторые водку и пиво. Въ комнатѣ стоялъ табачный дымъ и какой-то теплый паръ; слышался шумный говоръ, смѣхъ, гармонія, пѣсни, ругательства. У Павлуши рябило въ глазахъ, какъ будто даже закружилась голова; въ первую минуту ему хотѣлось даже убѣжать отсюда …

— Ну, что, дуракъ, не хотѣлъ идти-то сюда? — спросилъ его въ это время Семіошка: — видишь, какъ весело, сколь народа-то! … И завсегда такъ, а бываетъ и страсть что … стонъ стоитъ! … Али робѣешь? …

— Что робѣть-то? … Знамо, трактиръ … отозвался Павлуша самоувѣренно.

— Ну вотъ теперь смотри, учись, какъ чай-то пьютъ … Вотъ я сейчасъ пойду принесу …

— Да я развѣ не знаю, какъ? … Знаю, вѣдь, не бойсь, — отвѣчалъ Павлуша …

— Ну, ребята, кто же сегодня угощаетъ? … Чей чередъ? … Твой Степка? …

— Ну, ладно, бери на меня что-ли, — хвастли-

во отозвался мальчишка лѣтъ шестнадцати . . . — Ты сходи, подь, спроси . . . а я пока цыгарку сверну . . .

И онъ полѣзъ въ карманъ своего рванаго кафтанишка, откуда вытащилъ лоскутокъ газетной бумаги для свертыванія папиросы, а затѣмъ оттуда же добылъ щепотку табаку, больше похожаго на какіе-то крошенные прутья, чѣмъ на табакъ. Свернутая и закуренная имъ папироска переходила между товарищами изъ рукъ въ руки, издавая при куреніи такой зловонный и ѣдкій дымъ, что курильщики, всѣ еще ребятишки, послѣ каждой затяжки, сидѣли выпуча глаза, плевали и кашляли. Чтобы не отстать отъ людей затянулся и Павлуша, и совсѣмъ одурѣлъ: его затошнило, но изъ ложнаго стыда онъ старался скрыть это; онъ былъ самый младшій изъ всѣхъ, но старался казаться ровесникомъ прочимъ.

Компанія ихъ состояла изъ шести человѣкъ. Въ трактирѣ этомъ, ради экономіи, прислуги было немного, и гости, похуже сортомъ, прислуживали большею частью сами себѣ, а потому половой, трактирный слуга, принесъ и почти бросилъ на столъ только два чайника, а грязныя, давно не мытыя чашки принесъ вслѣдъ за нимъ Семіошка и высыпалъ изъ горсти на стотъ шесть маленькихъ кусковъ сахара, отпущенныхъ ему буфетчикомъ.

— Степка, я еще кренделей взялъ, — сказалъ онъ, доставая изъ кармана связку сухихъ баранокъ. — Вотъ новаго-то дружка угостить надо . . .

— Такъ что, катай: все одно! . . . въ общій счетъ пойдетъ! . . . Авось промыслимъ! . . . Только, должно быть, примѣчать, дьяволы, стали: десятникъ даве молвилъ: что у насъ за диковина, говоритъ, бумага въ вѣсъ не выходитъ? . . . А я и не смотрю, ровно

не слышу . . . Надо сторожиться, ребята! . . . День, другой, переждать, а то, смотри накроютъ! . . .

— Ну, что объ этомъ . . . Нишкни . . .

Семіошка указалъ глазами на Павлушу и оглянулся кругомъ, чтобы посмотрѣть, не прислушивается ли кто къ ихъ разговору: но на ребятъ никто не обращалъ вниманія, а Павлуша слушалъ разговоры, видимо, ничего въ нихъ не понимая.

— Ну, что, Павлуха, вкусно? . . . чай-отъ? — обратился къ нему Семіошка. — А ты вотъ какъ, дурашка: ты возьми баранку-то, да въ чаю-то и намочи, она и размокнетъ: тутъ ее вытащи, да съ ней-то, да сахарку-то кусни, и прихлебывай кипяточкомъ-то . . . . Аи, вкусно! . . .

Павлуша послѣдовалъ совѣту друга и нашелъ рекомендуемое кушанье, дѣйствительно, очень вкуснымъ.

То, что пили мальчики и что называлось въ трактирѣ чаемъ, была просто кипяченная, едва окрашенная въ желтый цвѣтъ вода. Для того, чтобы придать этотъ цвѣтъ, употреблялся спитой взрослыми и вновь высушенный чай, къ которому прибавлялась иногда шишка — кусокъ пережжоннаго до копоти сахара. Ребята пили это горячее пойло, не имѣющее даже подобія ароматнаго чая, — и оставались очень довольны: до такой степени желудки ихъ были тощи, и вкусъ не наболованъ. Павлуша, который по нѣскольку дней сряду не ѣлъ горячей пищи, наслаждался этимъ чаемъ вполнѣ.

— А ты вотъ что, — училъ его заботливый Семіошка, — ты пей чай сколько влѣзетъ . . . Кипятку не жалко, даютъ сколько угодно . . . А вотъ сахаръ, смотри, береги: по чуточкѣ грызи; онъ, кусокъ-отъ, не великъ, а коли съ умѣньемъ, чашекъ

по десятку можно съ нимъ управить ... Вотъ, смотри, какъ я ... вотъ! ... Смотри: вотъ третью чашку пью, а его не убыло! ... А у тебя вонъ ужъ безъ-мала весь вышелъ, а хвасталъ — умѣешь пить ... Ты учись, перенимай съ насъ, во всемъ! ...

Павлуша, хотя со стыдомъ и съ неудовольствіемъ, но долженъ былъ внутренно сознаться, что не имѣетъ той опытности, которую выказывали его товарищи; но онъ не хотѣлъ себя унизить въ ихъ глазахъ и отвѣчалъ:

— А я такъ люблю: перво послаще, а тутъ можно и безъ сахару ... такъ съ одними баранками ...

— Не та сласть, глупый! ... А ты ужъ полно: ты, я говорю, перенимай съ насъ, ужъ мы тебя до всего доведемъ, потому все произошли, все знаемъ! ... Ты, Павлуха, дружи съ нами: мы вотъ всѣ ребята самые что ни на есть отборные, съ нами жить тебѣ будетъ хорошо! ... Мы, смотри, вонъ какъ: кажинный день чай пьемъ раза по два и крендели у насъ не переводятся, не какъ другіе, потому у насъ все за одно! ... Сегодня вотъ со Степки чай, завтра съ Петруньки, послѣ завтра съ меня, а тутъ съ тѣхъ остальныхъ: такъ колесомъ у насъ и идетъ ... А что этакое: баранки тамъ, или пару пива когда, али другое что прочее, — это у насъ все сообща, намъ и сходно! ... И деньги у насъ николи не переводятся ...

— Да, вѣдь, денегъ-то много нужно: отколѣ вы этакое мѣсто берете?

— А это отъ своего ума да отъ содружества! ... Вотъ поживешь съ нами, поводишься: попытаемъ тебя, каковъ ты есть парень, не подлецъ-ли какой ... Тутъ, можетъ, и тебя въ кругъ возьмемъ, и къ дѣлу

припустимъ ... Вотъ ходи теперь пока съ нами, пей чай ... взойди въ чередъ ... У насъ бывали, правда, и такіе, что войдетъ въ нашу артель, и пока до него чередъ не доходитъ, ѣстъ, пьетъ наше, а какъ его очередь дошла, такъ и наутекъ ... Ну, мы такимъ бока мнемъ, по загривку учимъ, мазура значитъ, безсовѣстная! ... Ты, чай, не таковъ? ...

— Знамо, не такой ... отвѣчалъ увѣренно Павлуша, — но при этомъ въ умѣ его мелькнула мысль: а гдѣ же я возьму денегъ расплатиться-то за чай и за баранки? ... Но онъ постыдился высказать эту мысль, не давъ на нее и самъ себѣ отвѣта.

Нѣсколько разъ потомъ пріятели водили Павлушу въ трактиръ, поили чаемъ, кормили баранками и давали курить изъ общей папироски. Павлушѣ нравилось ходить въ трактиръ: согрѣтый теплой водой, сытый, и одурманенный махоркой, онъ сидѣлъ въ веселой компаніи, слушалъ болтовню, разсказы и ругательства и незамѣтно самъ начиналъ имъ учиться. Онъ уже не конфузился, не робѣлъ, а, развалясь на стулѣ, смѣло смотрѣлъ на присутствующихъ, не опускалъ глазъ при встрѣчѣ со взглядомъ входящихъ взрослыхъ рабочихъ, и суровый буфетчикъ не казался уже ему страшенъ. По порученію товарищей, онъ не разъ ходилъ даже къ буфету заказывать чай или просить свѣженькаго кипяточку, неустрашимо заявлялъ эти требованія и, не безъ гордости, — приносилъ на столъ наполненный горячей водой чайникъ. Павлуша чувствовалъ себя какъ-бы вполнѣ уже взрослымъ человѣкомъ.

Пришла наконецъ и очередь Павлуши угощать чаемъ. Семіошка предупредилъ его объ этомъ; Павлуша вспомнилъ, что тѣ, которые принимаютъ чужое угощеніе и отказываются предлагать свое, считаются

мазуриками, что имъ мнутъ бока и учатъ по загривку, и тотчасъ же согласился угощать пріятелей; но неотвязная мысль, что за этотъ чай и за эти баранки придется ему платить, не давала ему покоя. Онъ отозвалъ Семіошку въ сторону.

— А какъ-же у меня денегъ-то нѣтъ теперь чѣмъ расплачиваться-то? ... спросилъ онъ его.

— Послѣ отдашь, — успокоивалъ его Семіошка, — все равно: я скажу, мнѣ повѣрятъ, подождутъ ...

Онъ больше не распространялся и воротился къ столу, за которымъ уже сидѣли пріятели ...

— Подождутъ!? ... размышлялъ между тѣмъ Павлуша.

— А, вѣдь, все-таки придется же платитъ: тогда какъ-же? .. Съ этими вопросами онъ опять обратился къ Семіошкѣ, когда они остались съ нимъ одни.

— Э, да отстанъ, — отвѣчалъ тотъ съ досадой, — говорятъ, подождутъ, пока деньги будутъ ... А коли захочешь, такъ деньги будутъ водиться всегда ... Погоди, вотъ! ..

Нельзя сказать, чтобы этотъ отвѣтъ вполнѣ довлетворилъ и успокоилъ Павлушу, но онъ пересталъ думать и заботиться о предметѣ, къ которому Семіошка относился съ такой увѣренностью и пренебреженіемъ.

— Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ можно же гдѣ нибудь добыть или заработать денегъ на собину, поверхъ жалованья, которое нужно въ домъ отнести ... Не сталъ же бы, вѣдь, Семіошка такъ, зря говорить! .. думалъ Павлуша и продолжалъ уже беззаботно участвовать въ дружескихъ пирушкахъ.

Онъ успѣлъ познакомиться, между прочимъ, и съ состояніемъ охмелѣнія. Пріятели иногда требовали водки, пили сами, предложили попробовать и Павлу

шѣ. Изъ того же чувства ложнаго стыда и бахвальства, которое заставляло его во всемъ подражать старшимъ, Павлуша выпилъ стаканъ водки: у него захватило духъ, зажгло въ горлѣ, во рту сдѣлалось горько, онъ закашлялся, а потомъ вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, довольнымъ, безмѣрно смѣлымъ и отважнымъ. Онъ началъ пѣть пѣсни, ломаться, бахвалиться, самъ налилъ себѣ еще стаканъ водки и выпилъ, уже не закашлявшись. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, у него начало кружиться все передъ глазами, его затошнило, взамѣнъ прежняго веселья на сердце точно камень навалился, тоска какая-то; онъ чувствовалъ слабость въ рукахъ и ногахъ, языкъ едва двигался во рту, потомъ вдругъ все потемнѣло въ глазахъ, и что дальше было съ нимъ, — онъ не сознавалъ и не помнилъ.

А пріятели, замѣтивши, что Павлуша теряетъ сознаніе и способность движенія, подъ руки вывели его изъ трактира, сволокли съ лѣстницы, и на улицѣ, на морозѣ, начали тереть ему лицо снѣгомъ и совать его въ ротъ: другого ничего они не придумали для отрезвленія Павлуши. Но онъ долго не приходилъ въ себя. Пользуясь темнотою рано наступившихъ зимою сумерекъ, пріятели незамѣтно втащили его въ корпусъ, но не въ тотъ, гдѣ жилъ Павлуша и гдѣ наблюдалъ строгій Яковъ Кучумовъ, а въ другой, гдѣ помѣщался Семіошка. Тамъ они уложили его на нары и прикрыли кафтаномъ. Павлуша проснулся около полуночи. У него страшно болѣла голова, ныли всѣ члены и на сердцѣ лежала та же тоска, которая давила его передъ обморокомъ. Павлуша дико оглядѣлся: на стѣнѣ тускло коптилась лампа, кругомъ слышался храпъ спящихъ; рядомъ съ нимъ, тѣсно прижавши его къ стѣнѣ, на половину

лежа на немъ, кто-то крѣпко спалъ ... Какъ ни похожа была изба на ту, въ которой жилъ Павлуша, но онъ тотчасъ же расмотрѣлъ, что эта была другая. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы освободиться отъ придавившаго его человѣка, но тотъ тотчасъ проснулся и самъ вскочилъ на ноги: это былъ Семіошка.

— Ну что, очнулся?... спросилъ онъ въ полголоса, наклонясь къ Павлушѣ. — Слабъ, ты, малъ: мы по пятку этакихъ то пьемъ, да съ ногъ не валимся!... Ну, ничего, привыкнешь: это съ непривычки!... Вставай что-ли, да ступай въ свой корпусъ ... Смѣну-то проспалъ: скоро свистокъ будетъ полуночный ...

Павлуша быстро вскочилъ, точно ужаленный.

— Какъ же такъ?... что не разбудилъ?.... Вотъ и оштрафуютъ меня ...

— Гдѣ тебя было разбудить: думали сначала, подохнешь, такъ тебя свалило!... Да послѣ видимъ ничего: заснулъ только, храпишь ...

— Что же мнѣ теперь дѣлать?... — спрашивалъ Павлуша чуть не со слезами.

— Чего тутъ дѣлать? Знамо, поди въ свой корпусъ да ложись теперь спать: высыпайся ... А старому-то хрѣну, Кучумову ... неравно примѣтитъ тебя ... скажи, что занедужилось, оттого и смѣну свою не отстоялъ ... Такъ и скажи: схватило, молъ, на улицѣ, подкатило подъ сердце, спасибо, брательникъ, молъ, Семіоша въ свой корпусъ дотащилъ, а то бы и не дойти: тамъ молъ и провалялся до сей поры ... Еще попроси его, чтобы сказалъ въ конторѣ, что точно тебѣ занедужилось, такъ можетъ, и въ прогулъ не поставятъ, штрафу не покажутъ для перваго раза ... Право! ... Ему повѣрятъ! ...

Ему вѣрятъ, старому чорту, потому онъ ябедникъ, ехидный, николи нашего брата не покроетъ: знаю я его довольно ... всегда въ хозяйскую руку тянетъ! ...

— А спроситъ: гдѣ же былъ, шатался промежъ смѣнъ? ...

— Ну, ахъ батюшка! эка напасть: спроситъ! ... Ну, мало-ли что ... Ну, скажи, выдумай! ... Да катай прямо: скажи такъ, что, молъ, Семіошка деньги получилъ, такъ чаемъ меня угощалъ ... Вотъ! ... что за бѣда ... Ему только не сказывай, что водку пилъ, да хмеленъ былъ ... А что чайку попилъ, да еще и не на свои, а на пріятельскій счетъ: ничего онъ за это! ... Видно, молъ, кренделей черезъ силу поѣлъ, потчевалъ больно много Семіошка-то, да и чаемъ-то налился: знать, молъ, разбухли они тамоди, — и подкатило подъ сердце ... Вотъ, такъ и говори! ... А ты самъ смѣкай, какъ сказывать-то! ... Не малое дитя! ... Не все тебя учить ...

Робко, сконфуженно, со страхомъ и съ упрекомъ совѣсти въ душѣ, шелъ Павлуша въ свой корпусъ. Онъ боялся больше всего встрѣчи съ Кучумовымъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, которыя Павлуша пробылъ уже на фабрикѣ, къ нему раза два приходилъ Кулявый и очень горячо просилъ Кучумова присмотрѣть и вообще не оставить мальчика; чтобы еще больше расположить его въ пользу старика, онъ принесъ ему въ гостинецъ меду. Вслѣдствіе этого Кучумовъ былъ особенно внимателенъ къ Павлушѣ. Вниманіе это, впрочемъ, выражалось преимущественно въ томъ, что онъ строго наблюдалъ, чтобы Павлуша исполнялъ аккуратно всѣ фабричные порядки, чтобы его не обижали въ стѣнахъ корпуса

забіяки-товарищи, чаще другихъ предлагалъ ему погрѣться на печкѣ, окутывалъ его ночью во время сна, требовалъ, чтобы онъ раньше ложился спать, ворчалъ, если онъ долго загуливался на улицѣ, и перваго почти будилъ передъ смѣной для того, чтобы парень успѣлъ отлежаться, поѣсть передъ работой и шелъ на нее сытый и вполнѣ готовый, а не какъ другіе, что путемъ не выспятся, вскочатъ со сна ровно оголтѣлые, и, не всплеснувъ рожи, не поѣвши, едва одѣтые, бѣгутъ на фабрику. Вообще Кучумовъ обращался съ Павлушей вродѣ того, какъ старый солдатъ-дядька обращается съ солдатикомъ-новобранцемъ: съ напускной строгостью, суровостью и преувличенной взыскательностью, подъ которыми скрываются своего рода нѣжность и сочувствіе. Павлуша подъ-часъ былъ не радъ этому вниманію, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сошелся съ Семіошкой и его друзьми: оно стѣсняло его свободу и напоминало объ его зависимости и малолѣтствѣ, а въ дѣтскомъ возрастѣ такъ пріятно бываетъ считать себя вполнѣ взрослымъ и самостоятельнымъ человѣкомъ. Павлуша часто въ душѣ сердился на Кучумова, былъ имъ недоволенъ, но любилъ его, боялся и стыдился.

Идя теперь въ свой корпусъ, онъ заботился только о томъ, какъ бы незамѣтно пробраться на свое мѣсто, не попасть Кучумову на глаза и избѣгнуть его докучныхъ допросовъ. Ему не разъ приходилось, молча или оправдываясь, выслушивать выговоры, замѣчанія и совѣты старика, но въ первый еще разъ онъ приготовлялся лгать передъ нимъ, а сказать правду, онъ чувствалъ, что не рѣшится. Павлуша еще надѣялся, что, авось, Кучумовъ не замѣтилъ его отсутствія, и желалъ хоть теперь по крайней

мѣрѣ застать его спящимъ, чтобы успѣть хорошенько приготовиться ко лжи: но вслѣдъ за скрипомъ затворившейся двери, онъ услышалъ уже воркотню старосты, начавшаго будить рябятъ къ ихъ смѣнѣ, а сдѣлавши нѣсколько шаговъ по избѣ, встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Гдѣ ты пропадалъ, Павлушка? ... — строго и съ удивленіемъ спросилъ его староста. Павлуша вмѣсто отвѣта съежился и притворно застоналъ.

— Да что ты, пострѣлъ? ... — сказалъ старикъ уже болѣе мягкимъ голосомъ

— Ой, моченьки моей нѣтъ, сердечушко ... охалъ Павлуша, стараясь поскорѣе пройти мимо старосты къ своему мѣсту.

— Да что такое? ... Сказывай ... остановилъ его Кучумовъ.

— Ой пусти, дѣдушка ... пусти лечь поскорѣе... Подъ сердце подкатило ... силушки моей нѣту! ... — отвѣчалъ Павлуша, ложась на свое мѣсто.

— Постой, дурачокъ, постой ... Дай хоть шубенку-то сниму, да изголовье сдѣлаю ... А то полѣзай на печь, лягъ брюхомъ ... Согрѣешь его, скорѣй отпуститъ ...

— Нѣту, все одно ... теперь и то поотпустило, полегче маленько, а даве думалъ: смерть моя ... И на фабрику не попалъ ...

— Да гдѣ же ты былъ-то? ... И съ чего это у тебя? ...

Павлуша ничего другого не придумалъ, какъ повторить буквально ту ложь, которую рекомендовалъ ему Семіошка, но онъ проговорилъ ее несвязно, отрывисто, прерывая притворными стонами и отворотясь лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не встрѣчаться глазами со старостой.

— Ишь ты, братецъ ты мой, пожалуй, что и вправду съ кренделей! ... проговорилъ съ участіемъ, повѣрившій разсказу Кучумовъ: — они точно-что съ мокра-то разбухаютъ, а въ брюхѣ-то и свѐрнутся комомъ, ровно камень, особливо если съ голодухи да вдругъ много ... Это можетъ статься, съ того самаго! ... У насъ этакъ же молодой солдатикъ навалился, горячаго хлѣба набузонился, такъ распучило, — катался часа четыре, почернѣлъ даже весь: осиновымъ полѣномъ ужъ колотили по брюху-то, да мяли все, насилу отошелъ ... Все-жъ таки Сеіошкѣ-то лучше бы тебя сюда стащить, ко мнѣ: я бы что подѣлалъ ... скорѣй-бы, можетъ ...

— Охъ, ужъ не знаю ... Обробѣлъ, видно, и онъ-то ... Стало полегче, я и потащился сюда ...

— Ну, да лежи, лежи! ... Усни: уснешь, — сномъ все пройдетъ! ...

— Гребтится мнѣ больно фабрика-то: штрафу бы не наложили ... Поговори ты, дѣдушка ужо молви ...

— Ладно, ладно ... Ужо скажу. Можетъ, простятъ ... А ты теперь спи ужъ, коли ... лежи смирно! ... А вы вставайте, что-ли ... — продолжалъ старикъ, обращаясь къ просыпавшимся и потягивавшимся еще очереднымъ. — Чего еще? Ко всякому подходить что ли да поднимать? ... Плевать я хотѣлъ ... Сказано вамъ: сейчасъ свистокъ будетъ ... Вставайте ...

Павлуша заснулъ успокоенный и съ усиленной вѣрой въ опытность и находчивость Семіошки; голосъ совѣсти замолкъ въ немъ вмѣстѣ со страхомъ отвѣтственности.

Но этотъ случай былъ не послѣднимъ у Павлуши: впереди его ожидало худшее. Незадолго пе-

редъ выдачею мѣсячнаго жалованья, за которымъ, — Павлуша зналъ, — долженъ былъ придти Кулявый, Семіошка опять зазвалъ его въ трактиръ. Они остановились у буфета.

— Вотъ, Зотикъ Иванычъ, — сказалъ Семіошка буфетчику, — наказывали, чтобы Зоренокъ-то пришелъ посчитаться ... Вотъ пришелъ ...

— А, ладно! ... Сейчасъ ...

Буфетчикъ вытащилъ изъ прилавка длинную большую книгу, развернулъ ее, проворно взялъ счеты и, водя по книгѣ пальцами одной руки, другою сталъ быстро щелкать косточками.

— Рубль сорокъ копеекъ съ тебя приходится ... — проговорилъ онъ, закрывая и пряча книгу въ то время, какъ правая рука его оставалась неподвижно на счетахъ.

Павлуша молча и тупо смотрѣлъ на буфетчика, хорошенько не понимая его, но чувствуя почему-то невольный страхъ.

— Чего смотришь? такъ точно, вѣрно! ... Ужъ въ копеечкѣ не обсчитаемъ, не бойся! ... Намъ вашего не нужно! ... Двѣнадцать паръ чаю брато — шесть гривенъ, — началъ онъ снова откидывать на счетахъ, — десять стаканчиковъ водки — пятьдесятъ копеекъ, выходитъ: рубль десять, да три фунта баранокъ по десяти — тридцать копеекъ; всего, значитъ, рубль сорокъ ... Такъ точно, до копеечки! ...

— Да вы не обманете ... знамо! ... — проговорилъ Семіошка съ такимъ равнодушнымъ взглядомъ и такимъ тономъ, точно о дѣлѣ совершенно для него постороннемъ и до него не касающемся.

— Это съ меня слѣдуетъ? ... спросилъ Павлуша, все еще не придя въ себя хорошенько.

— А то съ кого же? … Стало быть съ тебя, коли и въ книгѣ ты значишься: Павелъ Зоренокъ … Вотъ! …

Для большей доказательности буфетчикъ опять выхватилъ изъ-подъ прилавка книгу, раскрылъ и указалъ пальцемъ на то мѣсто, гдѣ было написано: Павелъ Зоренокъ.

Павлуша, еще болѣе смущенный, поглядѣлъ на Семіошку; но тотъ, не обращая на него вниманія, съ самымъ равнодушнымъ видомъ смотрѣлъ по сторонамъ.

— Семіошка! … — окликнулъ его Павлуша жалобнымъ голосомъ.

— Что? … — отозвался тотъ какъ бы въ разсѣянности. — Сосчитался, что-ли? … Ну, пойдемъ … Здѣсь, братъ, не бойся, не обманутъ: не такіе люди! … Будь покоенъ на счетъ этого! … Иное забудешь, а ужъ у нихъ стоитъ: вписано! …

— Да развѣ все я? … Я вѣдь, въ очередь, со всѣми … лепеталъ Павлуша.

— Ну да, да … Это на твой пай и выходитъ … — увѣренно перебилъ его Семіошка. — Нашъ счетъ особенный … Это съ тебя, а то съ меня и съ другихъ ребятъ: всякій по себѣ …

— Такъ развѣ съ меня эстолько? … Я сахару то всего двѣ пары … А водки то тогда два стакана … Кренделей … такъ я полагалъ угощали вы? …

Семіошка захохоталъ.

— Водки-то ты больше выпилъ … ты забылъ! … Съ двухъ разѣ такъ охмѣлѣешь? … Да вѣдь у насъ артельное дѣло … чудакъ! … Шесть человѣкъ у насъ въ артели … ну, собча всѣ и брали, а тутъ поденно на каждаго и писалось: чей день

выходилъ ... Ты не сумнѣвайся, это вѣрно, Павлуха! ... Такъ точно! ...

— Да гдѣ же мнѣ съ эстоль взять денегъ? ... У меня и нѣтъ, мнѣ и платить-то нечѣмъ ...

Павлуша уже начиналъ хныкать.

— Да, вѣдь, не сейчасъ, — успокаивалъ его Семіошка, — а вотъ дачку получишь, вотъ и отдай! ...

— Да за дачкой дядюшка Никита пріѣдетъ получать ...

— Ну, такъ стало въ контору надо повѣстку подать: тамъ удержатъ изъ дачки ... — вмѣшался буфетчикъ, равнодушно прислушивавшійся къ разговору мальчиковъ.

— Ай, нѣтъ ... Дядя Никита узнаетъ, разсердится! ... съ испугомъ и съ дѣтскимъ простодушіемъ вскричалъ Павлуша.

— Такъ какъ же быть-то? ... замѣтилъ съ улыбкою буфетчикъ. — Платить-то, паренекъ, коли набралъ, надо же ... Доставай, гдѣ знаешь, у пріятелей что-ли займи, а буде наканунѣ дачки не заплатишь, придется черезъ контору съ тебя выворачивать ... твои денежки ... Вотъ то-то вы, мелюзга, форсите, спрашиваете, а придетъ къ разсчету, хвостъ поджалъ да ревѣть ... боишься! ...

— Погоди, Зотикъ Иванычъ, — сказалъ Семіошка, — я его какъ нибудь выручу: хоть складчину что-ли промежъ себя сдѣлаемъ, а надо парня вызволить изъ бѣды! ... Пойдемъ, Павлуша ... Потолкуемъ ...

Семіошка вывелъ смущеннаго, растеряннаго Павлушу на улицу и, выбравши уединенное, безлюдное мѣстечко за угломъ одного двора, остановился.

— Слушай, Павлуха, — началъ онъ, — ревѣть

нечего, ты не баба ... Вотъ съ меня столько же, сколько съ тебя, причитается, да я ни горюшка, ни заботушки не знаю; другіе ребята — тоже, потому у насъ завсегда денежки водятся ... Конечно, что тебѣ нескладно, если твой хромой узнаетъ, за что съ тебя въ конторѣ деньги изъ дачки выворачиваютъ, да и хозяинъ это въ примѣту себѣ возьметъ на счетъ тебя ... А хочешь научу: деньги будутъ не только что этотъ долгъ заплатить, а и завсегда, на всякую гулянку, и на одежду хорошую, коли сдумаешь, на все хватитъ ... Хочешь? ...

— Ты, пожалуй, опять такъ подведешь, какъ и въ трактирѣ-то: думалъ, малость какая съ меня выйдетъ, а вдругъ ... ну-ка, рубль сорокъ! ... этакія деньги! ... когда ихъ заработаешь? ... Теперь, что дядя Никита, что Машонка скажетъ? ... Рубль сорокъ копеекъ? ...

— Такъ развѣ это велики деньги, чудакъ! ... Развѣ тѣми деньгами, что купецъ платитъ, проживешь? ... Смотри-ка ты, большіе рабочіе благодарятъ-ли, довольны-ли, что купцы-то платятъ? всѣ жалуются да ругаются, никому не стаетъ! ... А развѣ они по совѣсти платятъ рабочему человѣку, эти самые купцы, ты какъ думаешь? ... Да, вѣдь, они что ни выдаютъ рабочимъ-то, все опять къ нимъ воротится; трактиръ-то этотъ отъ кого ты полагаешь? Отъ купца же! ... А лавочка-то? Все отъ него же опять! ... А и штрафами-то онъ сколько денегъ выворотитъ съ рабочаго? ... Ты не думай, купцы нашего брата не жалѣютъ: имъ бы только самимъ про себя ... И ихъ жалѣть, братъ, нечего! ... Вотъ, смотри, прикащики, довѣренные у нихъ люди, надъ нами поставлены, на жалованьи на большомъ живутъ, а какъ отъ нихъ наживают-

ся? ... И тѣ ихъ не жалѣютъ, а намъ-то ужъ и Богъ проститъ! ... Да и то сказать: у него, у купца, сколь ни возьми, онъ все богатъ останется, его не проворотишь ... Такъ вотъ, коли хочешь съ нами за одно, научу, и деньги будутъ водиться! ...

— Что же дѣлать-то нужно? ...

— Да дѣлать-то нужно съ умомъ, а безъ ума тутъ лучше и не ввязывайся ... Вотъ что! ...

— Да ну, что? ... скажи ...

— Я тебѣ перво одну штуку покажу: испытать тебя нужно, лавокъ ли ... А коли покажешь себя, ну, — тогда и вовсе принять можно въ дѣло, и деньги эти Зотику выплатимъ за тебя, и ни до конторы, ни до домашнихъ ничего не дойдетъ! ... Вотъ слушай ... Ужо, какъ вечернюю смѣну отстоишь, приходи добрымъ порядкомъ къ себѣ въ корпусъ, покажись нарокомъ Кучумову, чтобы видѣлъ, лягъ будто спать и такъ будто захрапи ... А какъ въ избѣ угомонятся, и онъ самъ уснетъ, уйди, уворуйся изъ корпуса, такъ, чтобы никто не слыхалъ, и выходи къ нашему корпусу: ужъ я тебя тамъ увижу, ждать буду ...

— А тутъ что будетъ?

— Ну, а ужъ тамъ самъ увидишь: дѣлай только, что велю ...

— А ты меня опять обманешь, или подведешь? ...

— Какъ обману? ... Развѣ я тебя когда обманывалъ? ... Развѣ не вѣрно правда выходила завсегда, что ни говорилъ, чему не училъ? ... Что ты это! ... Да я, чудакъ, не для одного тебя научу, мнѣ и самому тутъ корысть будетъ! ... Такъ бы я и сталъ тебя подводить: тебя подведу и себя тоже ... Это дѣло такое! ... Вотъ хочешь, такъ

приходи ужо, какъ сказалъ, а не хочешь, и то твое дѣло, безъ тебя много охотниковъ-то ... А я тебя только изъ того беру, что вотъ ты землякъ, давнишніе мы съ тобой пріятели! ... да и жалѣя тебя! ... А тамъ, какъ хочешь: твое дѣло!...

Больше Семіошка не сталъ ни разговаривать, ни объяснять ничего Павлушѣ, оставивъ его въ сильной нерѣшимости, недоумѣніи, въ тревогѣ и страхѣ за послѣдствія его трактирнаго долга. Этотъ страхъ и тревога не оставляли мальчика весь день. Сидя на фабрикѣ за работой, онъ машинально исполнялъ свое дѣло, а въ головѣ его безпрестранно вставалъ вопросъ: что будетъ? — вопросъ, при которомъ сердце невольно замирало, и совѣсть, — этотъ вѣчный голосъ души, слышный только для самого себя, — начиналъ свои упреки.

— Что будетъ, — спрашивалъ онъ самъ себя, если пріѣдетъ за жалованьемъ дядя Никита Кулявый, и ему скажутъ, что я задолжалъ въ трактиръ рубль сорокъ копеекъ, когда онъ узнаетъ, что я ходилъ туда, пилъ чай и ... водку ... что я былъ даже пьянъ и измоталъ столько денегъ? ... Какъ мнѣ будетъ смотрѣть на него? ... что я ему скажу? ... Кажется, и не взглянуть, и глазъ не поднять на него ... таково стыдно — совѣстно! ... Я, скажетъ, надѣялся на тебя, полагался, а ты! ... Вотъ хозяинъ-мужикъ! вотъ скопидомъ? Дома ѣсть нечего, кормиться нечѣмъ, сестренка работаетъ съ утра до ночи, а ты? ... Нѣтъ, не по родителямъ, видно, сынокъ! ... За что я тебя любилъ, дружилъ, медомъ завсегда баловалъ, помогалъ тебѣ, заступой за тебя былъ? ... Ой, стыдобушка! ...

Павлушу кидало въ жаръ при этихъ мысляхъ: онъ сидѣлъ весь красный и невольно опускалъ въ

землю глаза даже теперь, точно передъ нимъ уже стоялъ Кулявый и упрекалъ его.

— Нѣтъ, какъ ни какъ, а нужно же дѣло поправить, достать денегъ и заплатить въ трактирѣ... Послѣ меня туда Семіошка ужъ ничѣмъ не заманитъ, а теперь надо какъ нибудь скрыть все это отъ дяди Никиты ... ровно и не было ничего ... Пойду, посмотрю, что Семіошка надумалъ, какимъ манеромъ онъ деньги добываетъ ... Онъ, вѣдь, ловкій, оборотистый? ... А коли что этакое увижу ... въ другой разъ не подведетъ, не обойдетъ и меня ... Мнѣ бы только эти рубль сорокъ выручить, да чтобы все шито-крыто было! ... А послѣ, коли что увижу ... Богъ съ ними, совсѣмъ съ ними развяжусь и знаться не стану вовсе! ...

Остановившись на этой мысли, Павлуша рѣшился идти по приглашенію Семіошки. Придя со своей смѣны въ корпусъ, онъ нарочно обратилъ на себя вниманіе Кучумова, заговорилъ съ нимъ, и разговаривая, улегся спать, причемъ съ лукавствомъ признался, что его сильно клонитъ ко сну, глаза слипаются, и языкъ не слушается.

— Спи, спи, съ Богомъ, — добродушно проговорилъ Кучумовъ, самъ залѣзая на печь и собираясь улечься.

Павлуша уже началъ художничать во лжи и обманѣ: для бо̀льшаго правдоподобія онъ пробормоталъ въ отвѣтъ нѣсколько несвязныхъ словъ, притворно зѣвнулъ и даже какъ будто захрапѣлъ. Между тѣмъ сна у него не было, какъ говорится, ни въ одномъ глазѣ: съ замираніемъ сердца онъ прислушивался къ малѣйшему звуку въ избѣ, и особенно на печкѣ. Скоро вся, пришедшая съ нимъ, смѣна дѣтей разсовалась по нарамъ и захрапѣла;

поворочавшись, покашлявъ и пошептавъ что-то самъ про себя, затихъ и Кучумовъ на печкѣ, а затѣмъ послышалось и его ровное, сиповатое дыханіе, съ нѣкоторымъ носовымъ присвистомъ: очевидно, старикъ тоже крѣпко заснулъ.

Павлуша осторожно приподнялся на локоть, осмотрѣлся кругомъ, опять прислушался внимательно, осторожно спустилъ ноги съ лавки, натянулъ полушубокъ, надѣлъ валеные сапоги и шапку, и едва переступая, неслышными шагами, сталъ пробираться къ дверямъ. Онъ особенно боялся этихъ дверей, зналъ, что онѣ сильно скрипятъ, когда ихъ отворяютъ и затворяютъ, и потому около нихъ опять постоялъ, послушалъ, перевелъ духъ и сталъ потихоньку отворять ихъ; едва образовалась узенькая лазейка между косякомъ и отворенной дверью, Павлуша юркнулъ въ нее и опять также тихо притворилъ двери. Сердце у него при этомъ такъ колотилось въ груди, точно хотѣло выпрыгнуть. Всѣ эти предосторожности, съ которыми Павлуша прокрадывался изъ избы, собственно говоря, были совершенно излишни: никто бы не услышалъ и не обратилъ вниманія, если бы онъ вышелъ даже съ нѣкоторымъ шумомъ, но у страха глаза велики, и когда совѣсть неспокойна, человѣкъ всегда хитритъ, лукавитъ и сторожится больше, чѣмъ нужно, и не тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

На улицѣ Павлуша пересталъ уже думать объ опасности и осторожности, легко вздохнулъ и смѣло пошелъ по направленію къ корпусу, въ которомъ жилъ Семіошка; но тотъ уже ждалъ его и встрѣтилъ на половинѣ дороги.

— Думалъ, уже сбрендилъ, трусу спраздновалъ, не выйдешь, — проговорилъ онъ. — Еще бы пождалъ

маленько да и ушелъ безъ тебя. Пойдемъ скорѣй. Наши, чай, давно ждутъ.

— Куда же идти-то? — спросилъ Павлуша съ новымъ приливомъ невольнаго страха.

— Ну, ужъ это не твое дѣло ... Иди за мной, знай ... Эка ночь-то сегодня свѣтлая ... Не больно ловко ... Ну, да все равно ...

Они пошли фабричнымъ дворомъ въ самую заднюю его сторону, пробираясь большею частью подъ самыми стѣнами зданій, въ тѣни, вышли на незастроенный еще пустырь, обнесенный, впрочемъ, такимъ же зубчатымъ заборомъ, какъ и весь фабричный дворъ. На этомъ пустырѣ стояли полѣнницы дровъ и сложены были въ костеръ запасныя бревна; костеръ этотъ поднимался почти до высоты забора. Семіошка полѣзъ на этотъ костеръ, слѣдовалъ за нимъ и Павлуша. Таинственность похожденія уже увлекла послѣдняго: сердце его замирало, но не отъ страха, а отъ любопытства и нетерпѣнія узнать, что изо всего этого выйдетъ. Поднявшись наверхъ костра, Семіошка отодвинулъ съ забора, въ извѣстномъ ему мѣстѣ, заблаговременно перепиленную тесину, которая была унизана гвоздями съ торчащими вверхъ остріями; за устраненіемъ этого препятствія перекинуться на другую сторону забора оказывалось очень легко, тѣмъ болѣе, что съ наружной стороны къ нему намело высокій сугробъ снѣга. Когда зубчатая тесина повернулась, какъ на оси, на гвоздѣ, которымъ была пришита къ забору, Семіошка съ торжествующей улыбкой оборотился къ Павлушѣ:

— Видѣлъ? — проговорилъ онъ, указывая на устраненное препятствіе ... — Вотъ-те и купеческая выдумка! ... У воротъ сторожа стоятъ, такъ я здѣсь ворота сдѣлалъ ... Каждую смѣну всѣхъ обыски-

ваютъ: не унесъ бы кто початка, али мотка бумаги ... Ну, такъ мы дураки что-ли, что станемъ съ тобой таскать да въ руки даваться? ... нѣтъ, намъ сами съ неба прилетятъ ... ха, ха, ха! ...

Семіошка нахально захохоталъ, закинувши назадъ голову и хвастливо промолвилъ:

— Нѣтъ купцы, не перехитрить вамъ Семіошку! ... Сколь ни сторожись, какъ ни досматривай, а Семіошка васъ проведетъ и выведетъ! ... И взять вамъ съ меня ничего не удастся: я нашелъ, мнѣ Богъ съ неба подалъ! ... Ха, ха, ха! ...

Когда пріятели перелѣзли черезъ заборъ, Семіошка привелъ тесину въ порядокъ.

— Чтобы никому не въ догадъ и недумно, кто не знаетъ, — промолвилъ онъ. — Это, Павлушка, моего ума дѣло, моей головы выдумка ... Вотъ ты насъ и понимай, учись, да перенимай! ... А скажешь, Боже тебя сохрани, съ умысла, али такъ сболтнешь, обмолвишься — убью! помни! ... Чтобы ни-ни, никто бы не зналъ, не вѣдалъ ... Смотри, Павлушка! ...

— Ну, вотъ! ...

— То-то, берегись! ... Ну, пойдемъ скорѣй: наши, чай, ужъ тамъ дѣйствуютъ: ловятъ! ...

— Да что ловятъ-то?

— Что! ... А что полетитъ, что Богъ-отъ съ неба подастъ ... Х-ха! ... Въ томъ и твое дѣло будетъ: смотри вверхъ, да лови, что летитъ, а послѣ ко мнѣ въ кучу сноси ... потому моя выдумка ... Я и атаманъ промежъ васъ! ...

Возбужденіе Павлуши дошло до высшей степени: ему было весело, онъ чувствовалъ въ себѣ какой-то молодецкій духъ, точно шелъ на какой высокій подвигъ, на борьбу съ таинственнымъ врагомъ, или, не-

смотря на грозныя препятствія и страхи, надѣялся овладѣть кладомъ. Полемъ, суметомъ, по чьимъ-то прежде проложеннымъ слѣдамъ, пріятели подходили къ фасаду фабрики, обращенному въ пустое поле. Огромное трехъ-этажное зданіе, ярко освѣщенное внутри, шумѣло, стучало, выло и стонало въ ночной тишинѣ, отъ времени до времени извергая изъ себя — то тучи дыма, то столбы огненныхъ искръ, то облака излишняго пара. Возбужденному воображенію Павлуши оно представлялось какимъ-то многоглазымъ чудовищемъ, которое вотъ-вотъ зашевелится, двинется и обрушится на нихъ. Они подходили къ нему: не у него ли, не у этого ли чудовища придется отнимать имъ кладъ? не съ нимъ-ли придется бороться, — имъ, маленькимъ, но храбрымъ удалымъ молодцамъ, съ лихимъ атаманомъ во главѣ? ...

— Вонъ смотри, Павлуша: наши клюютъ ужъ ... Видѣлъ? — спросилъ Семіошка, указывая на двигавшіяся около стѣнъ фабрики темненькія маленькія фигуры, которыя то поднимали вверхъ руки, точно что ловили, то наклонялись, точно что поднимали съ земли.

— Постой-ка, надо съ ними сообщиться, да выровняться, чтобы бѣготни меньше было ... Теперь насъ четверо: по двѣ фортки на брата. Здорово, ребятки, — привѣтствовалъ Семіошка, подходя къ двигавшимся фигурамъ, въ которыхъ Павлуша узналъ своихъ товарищей по трактиру. — Какъ дѣла?

— Ничего, живетъ, — отвѣчалъ ближайшій, поспѣшно бросаясь къ чему-то летѣвшему сверху.

Размѣстивши остальныхъ ребятъ, Семіошка поставилъ Павлушу, велѣлъ внимательно смотрѣть на двѣ открытыя форточки въ окнахъ второго и третьяго этажа и ловить, что̀ полетитъ изъ нихъ, а самъ ото-

шелъ къ другимъ окнамъ. Павлуша сталъ внимательно смотрѣть наверхъ, все еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ. Вдругъ онъ видитъ — изъ одной форточки что-то вылетѣло и упало около него прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подхватить, поднялъ, смотритъ: мотокъ бумажной пряжи; изъ другой прилетѣло нѣсколько цвѣтныхъ початковъ, и опять, и опять, черезъ разные промежутки времени невидимыя руки выкидывали черезъ форточки то мотки пряжи, то совсѣмъ готовую съ бумагой цѣвку, початки ... Павлуша подбиралъ, думалъ, наконецъ понялъ ... У него вдругъ опустились руки: онъ сообразилъ, что все это хозяйское добро воровалось и выкидывалось за окно соумышленниками Семіошки по заранѣе сдѣланному уговору ...

— Воровать не хорошо, не слѣдуетъ, Богъ не велѣлъ, законъ не позволяетъ, чужое не въ прокъ! ... И отецъ, и мать говорили, а особенно дядя Никита: не тронь чужого, николи не бери, своимъ будь доволенъ отъ Бога ... Нѣтъ, я въ другой разъ не пойду съ ними ... Еще попадешься, бѣда! ... Вотъ только бы въ трактиръ какъ заплатить ... Ужъ сегодня половлю, такъ и быть, а больше не стану ... Нѣтъ, не стану! ... А какъ на всѣ не выйдетъ, на рубль на сорокъ? ... Гдѣ выдти: товару надо много! ... ворованое дешево! ...

— Ну, ребята, шабашъ ... Видать, больше не будетъ, да и время подходитъ ... Сноси дуванъ, — скомандовалъ Семіошка, разыгрывая настоящаго разбойничьяго атамана.

Когда все наворованное добро было сложено въ одну кучу, Семіошка остался очень доволенъ добычей дня ...

— Вотъ сегодня денекъ, — говорилъ онъ. — Спали, видно, досмотрщики-то, черти, купецкіе, либо ужъ робята-то наши больно изловчились: никогда экого дня не бывало ... Вотъ Павлушка, видѣлъ теперь гдѣ мы кладъ-отъ роемъ? ... А въ другой разъ, когда велю, ты будешь выкидывать, только надо будетъ тебѣ въ эту смѣну, въ ночную, тогда перейти ... Ну, а пока приглядывайся тамъ, да прилаживайся, чтобы не попасться ... Давай же, ребя, мѣшокъ ... У кого? ...

Павлуша молчалъ, но внутренно давалъ себѣ слово больше не участвовать въ этихъ похожденіяхъ, если только уплатятъ за него деньги.

— Ну, пойдемъ же, молодцы, пойдемъ ... Пора, надо сдать, денежки получить, да и сдремнуть угодить хоть часокъ время ...

— А когда же ты за меня въ трактиръ-то заплатишь? ... спросилъ Павлуша, когда, поднявши мѣшокъ на плечо, Семіошка двинулся въ сопровожденіи своихъ молодцовъ.

— А вотъ погоди ... Дойдемъ сейчасъ до Семена Прокофьича ... Есть у насъ такой человѣкъ, приснаровленъ ... Сдадимъ ему товаръ: денежки получимъ ... посмотримъ еще, что дастъ ... Коли дастъ ...

Но Семіошка не успѣлъ окончить своей фразы: при послѣднихъ словахъ онъ и Павлуша заворачивались за уголъ фабрики, вдоль которой шли, и вдругъ столкнулись лицомъ къ лицу съ двумя приказчиками хозяина, которые, очевидно, ихъ подкараууливали. Сильныя руки схватили одновременно Семіошку и Павлушу. Оба они вскрикнули и тотчасъ же точно замерли отъ неожиданности и страха. Шедшіе сзади ихъ двое товарищей повернулись и уда-

рились бѣжать, куда глаза глядятъ. За ними побѣжалъ одинъ приказчикъ, между тѣмъ какъ другой держалъ Семіошку и Павла:

— Стой, не уйдете, дьяволята! — кричалъ онъ, преслѣдуя ихъ.

Придя нѣсколько въ себя и понявши, что приказчикъ держитъ его одною рукою, Семіошка попробовалъ-было вырваться: безъ словъ, но съ какимъ-то злобнымъ визгомъ онъ началъ барахтаться, толкаться, драться кулаками и даже порывался укусить приказчика, но тотъ съ такой силой сдавилъ его за горло, что Семіошка застоналъ и захрапѣлъ.

— Ахъ ты, песъ поганый ... — приговаривалъ разсердившійся приказчикъ. — Я те дамъ! ... Погоди! ... Я изъ тебя духъ выпущу, воришка подлый! ...

Павлуша въ это время весь дрожалъ и навзрыдъ, жалобно плакалъ.

— Дядинька, отпусти меня ... Батюшка, дядинька, миленькій, помилуй, ни впредь, ни послѣ, никогда не буду ... Отпусти ...

— Да, такъ и есть ... Какже, отпусти! ... Воровать, такъ ты шелъ, а теперь — помилуй, отпусти ... Великъ-ли весь-отъ клопъ, а на какія дѣла ужъ ходитъ! ... Нѣтъ, братъ, не отпущу ... Шалишь! ... Пойдемте-ка въ контору къ хозяину ... Вишь какіе фокусы выдумали ... большимъ впору ... Мраси поганыя! ...

Третій изъ соучастниковъ въ воровствѣ былъ настигнутъ и пойманъ, четвертый успѣлъ убѣжать теперь, но впослѣдствіи былъ также открытъ и уличенъ.

Всѣхъ троихъ потащили и привели въ контору, гдѣ дожидался ихъ самъ хозяинъ. Изъ разспросовъ

его и уликъ виновные узнали, что воровство бумаги давно уже было замѣчено, что за воришками слѣдили, и въ эту ночь приказано было всѣмъ досмотрщикамъ и десятскимъ, въ палатахъ, на фабрикѣ, показывать видъ, что они дремлютъ и не смотрятъ за рабочими: оттого-то въ этотъ разъ добыча Семіошки была больше, чѣмъ когда нибудь. Соумышленники его, посмѣиваясь въ душѣ надъ сонливостью досмотрщиковъ, приставленныхъ отъ хозяина, начали смѣло и безъ всякой осторожности швырять черезъ форточку хозяйскій товаръ, какой у кого былъ подъ руками. Но спящіе десятники всѣхъ видѣли, всѣхъ запомнили и, распорядившись выслать сторожей, чтобы накрыть на улицѣ съ поличными тѣхъ, которые принимали выкинутыя вещи, поймали на мѣстѣ преступленія и тѣхъ, которые участвовали въ воровствѣ, сидя за работой. Ихъ также привели въ контору, такъ что Семіошка увидѣлъ себя тамъ среди всѣхъ своихъ сообщниковъ.

— Такъ вотъ вы какъ!... такъ вы этакъ-то за хозяйскую хлѣбъ-соль!... — говорилъ Василій Петровичъ. — Ахъ, вы, мошенники, мошенники!... Отъ земли-то еще ихъ не видно, а что они выдумали!... А!?... Ну, что же мнѣ съ вами дѣлать? Какъ васъ казнить-то, разбойники вы этакіе?...

Виноватые стояли передъ хозяиномъ молча, опустивъ голову, съежившись, переминаясь съ ноги на ногу, но съ различнымъ выраженіемъ на лицахъ: иные смотрѣли изъ-подлобья, по сторонамъ, злобно и испуганно, точно озирались, нельзя ли бы какъ удрать и спрятаться, другіе изображали собою тупой испугъ и громко ревѣли, у немногихъ, а въ томъ числѣ и у Павлуши, очевидно, земля горѣла подъ ногами отъ стыда и раскаянія; они, видимо, страда-

ли и готовы были бы перенести всякое наказаніе, лишь бы ихъ простили и не поминали бы потомъ объ ихъ винѣ никогда. Но хозяинъ не бралъ на себя труда вникать въ ихъ душевныя ощущенія: въ его глазахъ всѣ они были только воришки.

— Ну, пачкаться мнѣ съ вами и время продолжать не стоитъ ... говорилъ хозяинъ, — пускай отцы съ вами расправятся, какъ хотятъ! ... Завтра же, — продолжалъ онъ, обращаясь къ приказчику, — завтра же прогнать ихъ всѣхъ безъ разсчета ... чтобы и духу ихняго не было ... А кому слѣдуютъ деньги, не выдавать: пущай за штрафъ, въ наказанье, останутся ... Да чтобы и послѣ никогда этихъ воришекъ не принимать, — скажи-ка мнѣ имена: я ихъ самъ перепишу ... Нѣтъ, надо эту повадку отбить: коли отцы есть у которыхъ на фабрикѣ живутъ, али работу берутъ на домъ, и тѣхъ съ фабрики долой и работы не давать ... Пускай помнятъ и ребятъ своихъ учатъ! ... Ужь коли дѣтки воры, такъ отцы и подавно: отъ тѣхъ ужъ путнаго не жди! ..

Когда Василій Петровичъ записывалъ Павла Зоренка, онъ вспомнилъ, что самъ далъ это прозвище мальчику, вспомнилъ, что это братъ той сиротки-дѣвочки, которая такъ полюбилась ему за свой умъ и скромность. Онъ подозвалъ его къ себѣ. Павлуша подошелъ, плача навзрыдъ и закрывая лицо руками.

— Ахъ ты негодяй ты этакой! ... А! ... говорилъ Василій Петровичъ. — А еще я тебя въ особую милость взялъ, для сестренки твоей, да для сиротства твоего, больше противъ своего брата жалованья положилъ ... А ты вотъ на что пошелъ! ... Ничего не видя, вотъ по какимъ дѣламъ! ... Воровать у хозяина-то вмѣсто благодарности! ... Ну-у ...

Будетъ съ тебя прокъ, будетъ! ... Ахъ ты, ракалія, ракалія! ... Великъ-ли весь-отъ, а ужъ въ какія дѣла! ...

Стоя передъ хозяиномъ, Павлуша разрыдался такъ, что хотѣлъ что-то сказать, хотѣлъ просить прощенія, и не могъ выговорить ни слова.

— Видно, братъ, тебя, пороли мало? ... Что ревешь? ... Ужъ теперь, пожалуй, реви: все одно изъ воровской шайки ... Ахъ ты мошенникъ, мошенникъ! ... Видно, не по сестрѣ пошелъ ... Молчи, пострѣлъ этакой!

Василій Петровичъ прикрикнулъ и топнулъ ногой на Павлушу, раздраженный его рыданіями, но тѣмъ не менѣе эти рыданія и горе Павлуши были такъ искренни, что они невольно тронули грубое сердце хозяина. При этомъ онъ вспомнилъ сиротство Павлуши, его безпомощность и дѣтскую еще неопытность.

— Есть ли у тебя кто большой въ семьѣ-то, или хоть въ родствѣ? — спросилъ онъ его.

— Нѣтъ ... задыхаясь, едва проговорилъ Павлуша.

— Никого старшаго-то нѣтъ, кромѣ сестры?

— Пе ... кунъ есть: дя ... денька ... Ни ... ки .. та ... — всхлипывая отвѣчалъ Павлуша.

— Такъ вотъ, погоди, я велю ему отодрать тебя хорошенько ... Вотъ погоди! ... Выучу я тебя воровать у хозяина! ... Погоди ужо! ... Дай срокъ! ...

И, повторивши приказаніе прикащику немедленно прогнать съ фабрики всѣхъ остальныхъ, Василій Петровичъ приказалъ задержать пока одного Павлушу.

Въ то время, какъ Павлуша шелъ изъ конторы въ корпусъ рыдая, Семіошка, который ожидалъ худ-

шей развязки, чѣмъ изгнаніе изъ фабрики, издѣвался надъ нимъ, хохоталъ и ругалъ хозяина и прикащиковъ. Павлуша не въ силахъ былъ ни слова сказать ему, но чувствовалъ, что Семіоша уже болѣе никогда въ жизни не обманетъ его и не пріобрѣтетъ надъ нимъ вліянія.

На другой день Павлуша не видалъ ужъ на фабрикѣ ни Семіошки, ни кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ пировалъ въ трактирѣ, а потомъ сдѣлался соучастникомъ въ воровствѣ.

Много тяжелыхъ, мучительныхъ часовъ пережилъ онъ, признаваясь во всемъ Кулявому, явившемуся за полученіемъ мѣсячнаго жалованья, видя его огорченіе, выслушивая его упреки и наставленія ... Онъ былъ счастливъ хоть тѣмъ, что хозяинъ смиловался, не прогналъ его съ фабрики, не заставилъ явиться въ деревню съ именемъ воришки ...

Но долго еще Павлуша не смѣлъ, попрежнему, бойко смотрѣть людямъ въ глаза, надолго затихъ, присмирѣлъ и былъ самъ не свой, даже въ праздничные дни, у себя дома, въ деревнѣ, среди своихъ деревенскихъ сверстниковъ пріятелей ... Все ему казалось, что вотъ-вотъ кто нибудь въ спорѣ, въ ссорѣ, или даже въ шутку, назоветъ его воромъ и попрекнетъ тѣмъ, что онъ прогулялъ въ трактирѣ первый денежный заработокъ.

Онъ чувствовалъ себя виноватымъ даже передъ сивкой, которому обѣщалъ купить новую уздечку, и не могъ исполнить своего обѣщанія ... Но сивка былъ не злопамятенъ, молчаливъ, и дружба между ними продолжалась попрежнему, даже стала какъ будто еще крѣпче, сильнѣе. Павлуша, бывая дома, то и дѣло забѣгалъ къ сивкѣ, кормилъ его, холилъ и говорилъ съ нимъ, какъ съ разумнымъ существомъ;

онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать весны, съ которою долженъ былъ уйти съ фабрики и воротиться домой, чтобы, вмѣстѣ съ другомъ, приняться за полевыя работы ...

Иванъ да Марья.

Повѣсть.

I.

На фабрикѣ купца Полушубникова пошабашили наканунѣ праздника; просвистѣли уже послѣдніе свистки, сказавшіе рабочимъ отдыхъ на цѣлые сутки, и паровикъ шумно выпускалъ изъ себя послѣднія струи пара, оказавшагося излишнимъ. По всѣмъ дорогамъ, идущимъ отъ фабрики къ сосѣднимъ деревнямъ, спѣшно шагали рабочіе, торопясь поскорѣе добраться до горячаго варева, до своихъ родимыхъ, или до сударушки-разлапушки, съ которыми приходилось жить въ разлукѣ цѣлую недѣлю, ради фабричныхъ заработковъ. Рабочіе шли толпами, кучками и въ разсыпную по-одиночкѣ: тутъ были и малыя дѣти, и подростки, и молодыя ребята, и дѣвки, и бабы, и старики съ сѣдыми бородами, но у всѣхъ блѣдныя, истощенныя лица, недовольный, или плутоватый, или нахальный взглядъ, размашистыя, ухарскія манеры и какая-то напускная удаль. Въ каждой кучкѣ подростковъ и молодыхъ ребятъ, а нерѣдко даже и немолодыхъ рабочихъ, слышалась гармонія, подъ которую отъ времени до времени затягивалась забористая фабричная пѣсня. Пришелся день, въ который выдавали на фабрикѣ дачку, т. е. сдѣлали разсчетъ жалованья за мѣсяцъ, или за двѣ недѣли, слѣдовательно всѣ были съ деньгами, всѣ несли домой заработокъ, хоть и солидно обрѣзанный вычетами и

штрафами, но все-таки дававшій возможность порасплатиться съ должишками, выпить на дорогу и придти домой не совсѣмъ съ пустыми руками. Поэтому всѣ были веселы, а большинство въ пол-пьяна; шумъ говоръ, смѣхъ и ругательства, больше въ ласку и поощреніе, чѣмъ въ ссору и въ сдоръ, — такъ и неслись въ воздухѣ вслѣдъ за каждой группой путниковъ. Женщины, хотя и шли какъ будто въ сторонѣ и отдѣльно отъ мужчинъ, но не только не чуждались ихъ, а видимо и сердцемъ, и помыслами, были вмѣстѣ съ ними: перекидывались словами и прибаутками, а подчасъ, какъ бы невзначай, присоединялись къ группамъ мужчинъ, которые тотчасъ же считали долгомъ обнять ихъ, толкнуть, ущипнуть, а то и вовсе повалить на землю, отчего женщины отмахивались, хохотали и пищали. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что фабрика не разрознивала, а скорѣе сближала два пола, что они жили въ ладахъ и большомъ содружествѣ и что только старыя привычки и постылые нравы деревни, въ которую теперь возвращались, заставляли ихъ держаться какъ будто въ сторонѣ другъ отъ друга.

Особенно шумно и весело шла одна кучка рабочихъ по направленію къ деревнѣ Карцовой, находившейся верстъ за 15 отъ фабрики. Въ этой кучкѣ, какъ на подборъ, собрался все народъ молодой, которому, какъ видно, хотѣлось и передъ самимъ собой и передъ посторонними порисоваться особенной удалью, молодечествомъ: на всѣхъ были надѣты жилеты сверхъ цвѣтныхъ рубашекъ, посадки на распашку несмотря на порядочный холодъ, картузы на затылкахъ, у всѣхъ раскраснѣвшіяся лица и посоловѣлые глаза. Всѣ они, видимо, порядкомъ выпили и были навеселѣ, но хотѣли казаться болѣе пьяными

и веселыми, чѣмъ были въ дѣйствительности. Пѣсни они пѣли хоть и не особенно складно, зато черезчуръ шумно, съ присвистомъ, съ выкрикиваніемъ, вообще съ излишнимъ азартомъ и гамомъ, а проходя черезъ попутныя деревни, или около господской усадьбы, нарочно заводили такія скоромныя, отъ которыхъ деревенскіе мальчишки-подростки поджимали животы со смѣху, дѣвки втихомолку хихикали, поталкивая другъ друга подъ бока локтями, серьезные мужики хмурились и покачивали головами, а помѣщикъ собирался жаловаться становому.

— Слыхать, карцовскіе забіяки съ завода къ домамъ идутъ! говорили объ этихъ молодцахъ въ деревняхъ, чрезъ которыя они проходили.

Никого изъ встрѣчныхъ на дорогѣ проѣзжихъ не пропускали эти ребята безъ того, чтобы не осмѣять, не облаять, не проводить крѣпкимъ словомъ, или не выкинуть на ихъ счетъ какого-нибудь колѣна къ общему своему удовольствію. Не останавливалъ ихъ въ этомъ отношеніи даже видъ помѣщичьяго тарантаса, запряженнаго тройкою и съ колокольчикомъ подъ дугой, напротивъ: онъ какъ будто особенно возбуждалъ ихъ и поощрялъ на разныя нахальныя выходки, особенно если въ этомъ тарантасѣ ѣхали однѣ барыни, безъ барина.

Вся эта кучка удальцовъ группировалась около одного, который былъ въ ней запѣвалой и коноводомъ: онъ выбиралъ и запѣвалъ пѣсни, его остроты и выходки производили наибольшій фуроръ и вызывали самый громкій смѣхъ, на него поглядывали и съ него видимо брали примѣръ всѣ остальные.

Это былъ высокій, кудрявый блондинъ, лѣтъ 24, широкоплечій, но съ нѣсколько завалившейся грудью, съ красивымъ, круглымъ, опушеннымъ небольшой

бородкой лицомъ, которое, несмотря на молодость, носило уже слѣды фабричнаго труда и разгульной жизни: оно было блѣдно, безцвѣтно и только блестящіе глаза да пунцовыя крупныя губы оживляли его. Прекрасные темносиніе впалые глаза были воспалены, вызывающе смотрѣли изъ-подъ густыхъ темныхъ бровей и безпрестанно мѣняли выраженіе: то въ нихъ свѣтилась баззавѣтная веселость молодости, то они сверкали какимъ-то злобнымъ, раздражительнымъ недовольствомъ, то словно туманились тихой грустью, а потомъ вдругъ отражали въ себѣ одну наглую самоувѣренность, одно дерзкое нахальство.

Онъ несъ въ рукахъ большую гармонію и отъ времени до времени, подъ ея акомпаниментъ, напѣвалъ ту или другую пѣсню, къ которой тотчасъ же приставали товарищи. Вдругъ неожиданно оборвавши одну пѣсню, которую пѣлъ, на самой серединѣ, онъ съ сердцемъ бросилъ гармонію на земь и самъ сѣлъ тутъ же, гдѣ остановился.

— Ахъ, что ты, Ванюха, экъ гармонь кидаешь... Долго-ли гармонь испортить... Такихъ гармонь у насъ на всемъ заводѣ есть ли еще другая... пожалуй, нѣту... говорили его спутники, тоже останавливаясь и усаживаясь около Ивана, который въ это время началъ свертывать папироску.

— Я думаю: экая наша жисть треклятая... говорилъ между тѣмъ Иванъ, мрачно смотря на свою папироску и не обращая вниманія на слова товарищей.

— Что тебѣ вдругъ?... Чѣмъ треклятая? Жисть самая веселая, коли есть на что выпить... Вотъ сегодня, слава Богу: и дачку получили, и въ полное свое удовольсıвіе выпили... заговорилъ было Яшутка, курносый парень, съ толстымъ, довольнымъ, глуповатымъ лицомъ.

— Да какъ не треклятая? перебилъ его Иванъ, не слушая, и какъ бы говоря самъ съ собою: работаешь, работаешь, ломишь, ломишь, а прибыли тебѣ нѣтъ ... Вотъ я десять лѣтъ на заводѣ, а какіе себѣ барыши нажилъ? ... только домишко вовсе развалился, да гармо́нь завелъ — вотъ и всего ...

— Да, братъ Ванюха, гармонь у тебя пречудесная: на первый сортъ! ... А ты ну-ка кинулъ ее какъ ... опять заговорилъ было тотъ же Яковъ.

— Говорятъ, не пей, не гуляй, деньги копи, береги — и богатъ будешь ... Да кто богатъ-то, кто богатъ сталъ отъ нашего дѣла, окромя купцовъ толстопузыхъ, да прикащиковъ ближнихъ ... Ну-ка, который рядовой рабочій побогатѣлъ отъ завода? ... Всѣ одинъ по одному — голая выжига ... Вотъ дачку-то получилъ, домой придешь: туда подай, да сюда подай, соли купи, дровишекъ промысли: старуху бы не заморозить ... Смотришь: завтра къ вечеру-то и гроша мѣднаго у тебя нѣтъ въ запасѣ ...

— Такъ что, Ванюха? ... да что и въ самъдѣлѣ, горевать что ли? ... замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, по лицу, лѣтъ уже за 30, въ сѣромъ зипунѣ. Знамо, нашъ предѣлъ такой, да наплевать: проживемъ какъ ни на есть ... Заводи-ка пѣсню, полно, да тронемся, пойдемъ ... Что ты пріунылъ и взаправду? ... Вотъ у меня и жена, и дѣтки, и нужда-то почище твоей, да не горюю ... А наплевать, проживемъ, я говорю, какъ ни на есть ... Много нашего брата такихъ-то: не мы одни ... Ну-ка запѣвай, Ванюха ... Трогай ... Не рано ...

— Нѣтъ, я коли женюсь, я на заводъ не стану ходить ... раздумчиво проговорилъ Иванъ, приподнимаясь съ мѣста и закидывая въ сторону окурокъ папиросы.

— А какъ же ты?... Что же будешь?...

— Да ужъ не знаю какъ ... а только что нѣтъ ... съ завода не разживешься ... Да и кромѣ того на фабрику бабу свою не поведу, потому порядки заводскіе довольно знаю ... на счетъ бабъ молодыхъ ...

Ребята перехватили его рѣчь смѣхомъ.

— Вишь ты, шельма, гоготали они. По себѣ знаетъ: самъ все коло дѣвокъ да бабъ, а къ своей припускать не хочешь ...

— Такъ извѣстно ... неужто же ... продолжалъ Иванъ серьезно ... А если опять бабу дома оставить, а одному идти, тоже не рука ... Это что я около бабъ теперича — это ничего, потому не женатъ ... Съ холостого не спросится ... А женюсь, такъ завсегда коло жены буду, потому я скучливъ: мнѣ чтобы завсегда баба на виду у меня была ...

— А что ты взаправду, Ванюха, замотался, что не женишься до которыхъ годовъ?... спросилъ тотъ же мужикъ въ сѣромъ зипунѣ.

— И радъ бы женился, да ... заговорилъ было Иванъ съ порывомъ откровенности, но вдругъ остановился.

— Не подходится еще ... проговорилъ онъ какъ-то неопредѣленно, и по лицу его пробѣжала тѣнь не то грусти, не то досады. Ну, ребята, приставай, сказалъ онъ вдругъ съ улыбкою, тряхнувши молодецки головой: вотъ какую запоемъ, хорошую старинную ...

Иванъ запѣлъ:

Ходитъ Ваня по лужку,
Повѣся головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка

Изъ красна окошечка.
„Что ты, Ванюшка, не веселъ,
Что головушку повѣсилъ?“
— Родимая матушка,
Чему веселитися:
Всѣ люди женилися;
Одинъ я у матушки
Хожу холостъ не женатъ.
Крушитъ, сушитъ молодца
Чужая сторонушка,
За рѣчкой слободушка ...
На заулкѣ, на проулкѣ
Тамо вдовушка живетъ,
У вдовушки доченька
Зовутъ ее Машенька.
Маша чернобровая,
Шапочка бобровая.
Говорила дѣвкѣ мать:
Полно, Машенька, гулять,
„Съ костромскими не водися:
Костромскіе удалые,
Наведутъ славы худыя“.
— „Худой славушки достану,
Съ костромскими гулять стану“.

Пѣсня эта изъ числа „протяжныхъ“, но Иванъ въ концѣ ускорилъ темпъ и придалъ ей почти плясовой характеръ. Товарищи подтягивали ему какъ запѣвалѣ, но замѣтили этотъ переходъ.

— А вѣдь ты, клятая твоя душа, Ванюшка ... это ты про себя пѣлъ ... замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, молодой парень, особенно старавшійся показать себя фабричнымъ ухаремъ. Вѣдь, въ пѣснѣ то, ребя поется Катенька: „у вдовушки Катенька“ ... А онъ, вишь ты, сложилъ: Машенька ... Стало быть, ты съ какой то Машуткой гуляешь? ...

— Ну вотъ еще: развѣ не все равно пѣть-то,

что Катя, что Маша?... — возражалъ Иванъ, но на губахъ его играла невольная улыбка.

— Врешь, врешь ... сказывай: которая?...

— Да никакой нѣтъ ... Отстань ... Мало ли на заводѣ дѣвокъ ... Иную и по имени не спросишь, а можетъ она и Машка ...

— Нѣтъ, постой, ты зубы не заговаривай ... Мы сичасъ доберемся: ребята, какія у насъ на деревнѣ Машутки, давай перебирать ... Машка Коробихина?... Ну, нѣтъ, на эту не польстится: рябая, да и лѣтняя дѣвка, старка ... Машутка Зайцевыхъ, да та съ Федюшкой ... зазнамо ... Нѣтъ, не она!... Постой, у Горѣловыхъ Марья ... Только, братъ, нѣтъ, тутъ не подойдетъ: ее берегутъ ... да и не такая дѣвка ... Да и не видно васъ вмѣстѣ-то ...

— Да нѣтъ; Горѣлова, нѣтъ ... Ее, чу просватали въ Романово ... Ужъ и пропой былъ, сказываютъ ...

— Да полно вамъ ...Ровно бабы!... Говорятъ, нѣтъ никого ... Такъ спѣлося, безо всякаго ...

Въ это время вдали показалась деревня.

— Вотъ и наше Карцово видать ... продолжалъ Иванъ. Вотъ сейчасъ счеты да разсчеты пойдутъ: къ отчету нашего брата потянутъ, потому ждутъ, знаютъ, что сегодня съ дачкой домой идемъ ... У меня хоть и одна старуха, мной живетъ, самъ я въ дому большой, а тоже кажинный разъ пристаетъ: сколь принесъ, да много ли извелъ ... А вотъ у васъ, ребята, у кого отцы — то-то чай, конца-краю нѣтъ допросамъ да и ругани: сколь не принеси, все мало, все много проѣлъ-пропилъ ..

— Вѣрно такъ!... — отозвалось большинство рабочихъ, кто съ озлобленіемъ, кто со смѣхомъ.

— У меня еще батька не такъ: мужикъ, пони-

маетъ, самъ знаетъ скусъ въ кабакѣ ... когда и вмѣстѣ зайдемъ ... сказалъ долговязый, худой, лупоглазый парень Петруха. За то ужъ матка! ...

— Тетка-то Дарья? со смѣхомъ подсказалъ кто-то изъ толпы ... Кто не знаетъ, паря, твоей матки: всякой у нея на зубахъ побывалъ ...

— А и, злюща! ... подтвердилъ Петруха. Примется точить, такъ точитъ, братцы, точитъ, ровно ржа желѣзо ѣсть, инда одурь возьметъ ... И вѣдь, ничѣмъ ее не возьмешь: молчишь, — на что молчишь? ... а огрызнешься, молвишь что — еще того хуже, хоть святыхъ вонъ понеси ... И то, братцы, чудно: ну, ударила бы, взяла бы хоть полѣно, али палку: легче бы, кажись было, такъ нѣтъ, а вотъ языкомъ точитъ, да и шабашъ ...

— Да за что же больше?

— Да за все ... а особливо вотъ дачку не всю сполна принесешь, али покажется проѣлъ много ... А не знаетъ того, что нельзя нашему брату на одномъ хлѣбѣ сидѣть, и того не взираетъ, что за всякую малость штрафъ съ насъ высчитываютъ ... И такъ, ребята, надсадитъ, такъ душу натошнитъ, что жрать-то сядешь — не жрется, кусъ въ глотку не идетъ ...

— А ты бы ей въ оборотъ; она слово, а ты десять ... Она свое, а ты свое ... Може, унялась бы ...

— Отстань-ка: развѣ съ ней сговоришь ... Одно, что николи теперь всѣхъ денегъ не отдаю ... А слушаю — слушаю, да и завалюсь въ кабакъ; приду пьяный, сичасъ спать: скачи тутъ надо мной хмѣльнымъ-то ... Такъ что, вѣдь, выдумала о прошломъ году: сама за дачкой-то стала ходить на заводъ ...

— А ты бы вотъ какъ ... какъ я ... сказалъ Яшутка. У меня тоже семейные выдумали было сами разсчетъ на заводѣ получать: я смотрѣлъ, смотрѣлъ,

дѣло дрянь, животы подвело ... Я и началъ въ лавочкѣ забирать, да нарокомъ подъ штрафы себя подводить: пришли раза два, а въ конторѣ-то нѣтъ ничего, никакой получки, все заворочено ... Ну, извѣстно, на меня — бить! ... Я говорю: бейте, а что коли я на заводѣ, рабочій, такъ не замай, я самъ буду получать, самъ и приносить, либо съ фабрики меня снимай ... А такъ мнѣ жить невозможно, что мнѣ, ровно малому, вѣры нѣтъ: за меня деньги мои получать! ... Побились, побились, братцы, бросили, отступились ... Теперь опять самъ получаю ... Ну, ужъ и принялъ въ спину въ тѣ поры, нечего сказать, а только что мой верхъ взялъ ... Вотъ бы и ты этакъ же ...

— У насъ, братъ, этакъ нельзя, возразилъ Петръ: у насъ и то въ дому нужды-то больно много ... Вѣдь и ту правду нужно сказать, что словоязычна мать, докучница, а вѣдь ужъ и ломитъ: кажись на ней одной и домъ-отъ держится ... И батька работникъ, ничего къ часу, а ужъ загуляетъ, такъ вѣдь, до останной рубахи ... кабы не мать-то, такъ чтобы ... пропали бы ... Ну, и терпишь, и совѣсть когда возьметъ ... знаешь, что за дѣло точитъ: за слабость нашу ...

— Родителевъ почитать нужно: мало ли каки родители бываютъ ... Не съ тебя спросится ... Ты знай, свое дѣло правь ... внушительно проговорилъ Егорка, мужикъ въ сѣромъ зипунѣ.

Иванъ захохоталъ.

— Тебѣ какъ, дядя Егоръ, не хлопотать объ этомъ чтобы родителей почитали, сказалъ онъ со смѣхомъ: ты самъ пятерыхъ, небось, ростишь ... А тоже не безъ грѣха живешь: всяко, чай, бываетъ ... коли и выпьешь, хоть ненарокомъ ...

Раздался общій хохотъ: всѣ знали дядю Егора за горькаго пьяницу, приносившаго домой съ фабрики только гроши изъ своего заработка и заставлявшаго семью кормиться чуть ли не мірскимъ подаяніемъ.

— Да, тебя какъ дѣткамъ не почитать: экаго объ домѣ радѣльщика! ... продолжалъ Иванъ, польщенный возбужденнымъ имъ смѣхомъ.

Дядя Егоръ сначала было засмѣялся вмѣстѣ съ другими, а потомъ вдругъ обидѣлся и началъ ругаться, да такъ азартно, что вся компанія даже пріостановилась, ожидая, не выйдетъ ли драки: всѣ знали задорный, дурашливо-вспыльчивый характеръ Егорки, въ сущности добродушнаго и беззаботнаго; знали раздражительность и неуступчивость Ивана. Къ общему удивленію Иванъ не отвѣтилъ на ругательства ругательствами и на задорный вызовъ Егора, лѣзшаго уже съ кулаками, сталъ его успокаивать.

— Что ты, дядя Егоръ, что ты сбѣленился? ... Нечто я на-смѣхъ молвилъ? ... Я вправду говорю ... Что они зубы-то скалятъ, такъ они сдуру, а ты извѣстно мужикъ добрѣющій и своей семьѣ не ворогъ ... А что бѣдность-то твоя, такъ всѣ мы богачи-то ровные: развѣ отъ купцовъ разживешься въ рядовыхъ рабочихъ? ... Али что выпить-то охочь, такъ мы что ли не любимъ: небось, коли бы воля своя была, такъ завсегда бы въ туманѣ ходили, безъ просыпу бы ... А ты что, чудакъ?

— Чудакъ! ... Не чудакъ я, а нечего надо мной зубы скалить ... заговорилъ успокоившійся Егорка. Не радѣльщикъ я своимъ дѣткамъ? ... Нѣтъ, ужъ врешь: радѣльщикъ и есть ... На-ка, вотъ посмотри ...

Егоръ вытащилъ изъ кармана связку кренделей.

— Вотъ, николи безъ гостинца домой не при-

хаживалъ ... Не любятъ, думаешь, меня ребятишки? ... Врешь: еще вотъ какъ ... Приду, всѣ бѣгутъ ко мнѣ: тятька, чу, тятька пришелъ ... Гостинцу давай ... Вотъ какъ! ...

— Такъ я-то про что же, дядя Егоръ? ... Про то и посмѣялся только, что къ ребятишкамъ ты своимъ жалъливъ больно ... Не боятся они тебя совсѣмъ ... Не шугаешь ихъ ...

— Почто бояться ... Пущай любятъ ... Сами мы грѣшники противъ своихъ дѣтокъ ... Э, да ну! ... Чтобы тебя! на тоску навели! ... Запѣвай-ка что ли веселую ...

Съ пѣснею вошли рабочіе въ свою деревню и на улицѣ начали расходиться въ разныя стороны. Егоркѣ пришлось идти съ Иваномъ вдвоемъ; прочіе отъ нихъ отстали.

— Слушай, дядя Егоръ, сказалъ Иванъ: пойдемъ завтра въ Савинско гулять ...

— А что? ...

— Да что сидѣть-то: я тебя угощу, поднесу ... Вотъ ты даве осерчалъ, а ты у меня одинъ родной-то ... Еще дядя Володимеръ да ты — вотъ только и родни-то у насъ ... Пра, пойдемъ утре ...

— Да ладно, можно ... Почто же въ Савинское-то? ...

— А тамъ въ трактирѣ посидимъ, погуляемъ, чайку попьемъ ... Однако село, все-таки ... что здѣсь у насъ-то? ...

— Ладно, заходи ... Пойдемъ ...

У воротъ Егоровой избы они разстались.

II.

Избушка Ивана стояла одною изъ послѣднихъ на краю деревни и отдѣльно отъ нея, въ числѣ про-

чихъ, такъ называемыхъ, сиротскихъ хатъ. Это былъ маленькій, низенькій трехъоконный срубъ изъ тонкаго лѣса, съ прикуткою вмѣсто двора. Въ этой прикуткѣ помѣщалось единственное богатство Ивана — коза, которую онъ купилъ годъ назадъ. Иванъ былъ сирота и жилъ съ одной старухой-матерью. Много лѣтъ назадъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, умеръ его отецъ, и мать осталась безпомощной, одинокой вдовой съ троими маленькими дѣтьми на рукахъ. Сначала она хотѣла было поддержать мужичье хозяйство, оставила за собою полосу въ полѣ, разсчитывая обрабатывать ее мірской помощью на прокормленіе малолѣтковъ, но не выдержала: міръ не отказывался помогать, но требовалъ, чтобы она уплачивала всѣ повинности, приходившіяся по раскладкѣ на ея тягло, сталъ требовать, чтобы и на помочи она покупала водки: „хошь не какъ люди, по сиротству своему, а все на людей глядя — безъ этого нельзя: сухая ложка ротъ деретъ! ... Міръ безпокоится, старается: надо и ему почтеніе сдѣлать ... Хошь сколько — нисколько, а сдѣлай уваженіе міру“ ... Съ перваго же года на Устиньѣ, Ивановой матери, оказалась большая недоимка, да и хлѣба со своей полосы не стало на прокормленіе, а заработать не на чемъ, да и нельзя: ребятишки отъ дома отойти не даютъ. Пришлось обратиться сначала къ займамъ, а вскорѣ и къ Христову имени. На другой же годъ вдовства міръ сталъ совѣтовать Устиньѣ вовсе отказаться отъ полосы, сдать ее въ міръ, себя избавить отъ заботы и мірянъ отъ лишнихъ хлопотъ и недоимокъ, жить по сиротству: ничего не платить, ни о чемъ не думать, окромя что прокормить своихъ сиротъ, „такъ утромъ сбѣгала по окнамъ побраться, а тутъ цѣлый день и свободна:

когда на поденщину сбѣгаешь, когда что ... какъ никакъ подымешь робятъ-то ... А тамъ подростутъ, помощники тебѣ будутъ и сами промышлять станутъ ... Ты только ихъ подыми ... абы на ноги-то стали" ...

Устинья сама видѣла невозможность управляться съ полемъ безъ мужика и уступила совѣтамъ: сдала свою полосу въ міръ, надѣясь, разумѣется, что когда старшій сынъ подростетъ, то она опять къ нему воротится. Но этого надобно было долго ждать, а между тѣмъ нужда и нищета не убывали, а росли съ каждымъ годомъ: надо было не только прокормить, но и одѣть себя и дѣтей, нужно было протопить зимою избу, поддержать ее: и крышу перекрыть, и свѣжее бревно подвести вмѣсто гнилого, и печь переложить, и мало ли что еще, а руки однѣ, и тѣ бабьи, и тѣ связанныя ребятишками. Изба безъ надзора видимо стала валиться, дворъ уже стоялъ безъ крыши и пустой, безъ лошади, безъ коровы, безъ телѣги, безо всякой рабочей сбруи: все это распродавалось мало-по-малу и ушло на крайнюю нужду, которая являлась отовсюду чуть не каждый день. Пришло время, что самая родная изба стала Устиньѣ не подъ силу: больно велика, не натопишь никакъ, стужа и на печи даже ребятъ хватаетъ. По сиротству нужно и избушку маленькую, низенькую, абы тепла была. И міряне стали говорить: „Что ты, Устинья? Гдѣ, тебѣ съ экой большой стаей сладить, изба хорошая — гноишь только даромъ: продала бы, а сама купила себѣ срубцы легонькіе, сиротскіе. И усадъ ты занимаешь большой, а даромъ: огородъ пустуетъ, безъ забора стоитъ: что и посадишь, такъ куры да телята вытаскаютъ; гумно тоже за пустое дѣло сусѣду сдаешь ...

А ты бы продала, право, избу-то, да и усадъ-то бы весь сдала міру: міръ тебя не обидитъ, а дѣтки подростутъ, опять ваше будетъ ... А теперь бы выпросила у міра на краю гдѣ мѣстечко, да и построила бы хибарку: много бы тебѣ согласнѣе и легче было ... Жила бы да жила въ спокоѣ да ребятишекъ ростила ... Ни ты никого не трогаешь, ни до тебя нѣтъ никому дѣла ...“ Устинья еще тѣмъ болѣе рѣшилась развязаться съ домомъ, что изъ троихъ дѣтей у нея остался только одинъ, а другіе двое извелися отъ голодухи, отъ лишеній, отъ простуды и Богъ ихъ знаетъ отчего. Иванъ былъ покрѣпче что ли другихъ, или такъ ему Богъ судилъ, только онъ уцѣлѣлъ, остался живъ. При одномъ ребенкѣ Устинья увидѣла возможность уйти на сторону и искать работы въ чужихъ людяхъ; изба же между тѣмъ дѣйствительно годъ отъ года больше опускалась, гнила и теряла въ цѣнѣ: добрые люди начали стращать, что скоро ее не купятъ и на обжигъ кирпича.

Продавши избу, выстроивши на полученныя деньги сиротскую хижинку, Устинья отдала восмилѣтняго Ванюшку въ подпаски, а сама пошла въ работницы на лѣто. На заработанныя общими силами деньги съ грѣхомъ пополамъ они протащились и зиму. На слѣдующіе годы повторялась та же исторія: Ванюшка былъ гдѣ нибудь въ сосѣдней деревнѣ подпаскомъ, а Устинья или нанималась въ лѣтнія работницы, или ходила на поденщину: полоть въ огородахъ гряды, грести сѣно, жать, молотить. Ванюшкѣ было уже 14 лѣтъ, когда Устинью надоумили отдать его на фабрику. Мальчишку приняли сначала на грошевое жалованье, но потомъ съ каждымъ годомъ прибавляли, такъ что 16—17 лѣтъ онъ уже зарабатывалъ

рублей по 5 въ мѣсяцъ за всѣми расходами. Деньги эти въ глазахъ Устиньи были очень большими: она стала оживать, поправляться, сшила себѣ новый полушубокъ вмѣсто прежняго, въ которомъ заплатъ было больше чѣмъ цѣлаго мѣста, подъ окна съ Христовымъ именемъ перестала вовсе ходить, въ работницы не нанималась и на поденщину шла только въ самое горячее время на хорошую цѣну, а то и дома теперь находилось дѣло: надо было свои хлѣбы творить (уже не на кусочкахъ живетъ) и варевцо сварить, надо и себя, и сына одѣть: и напрясть, и наткать, и сшить, и старое починить; можно и отдыхъ себѣ дать когда, и полѣниться, на печкѣ полежать, или съ сосѣдкой на улицѣ постоять. Устинья, забывъ всѣ прежнія горе, нужду и невзгоды, уже благоговѣйно, со вздохомъ умиленія, крестилась и клала поклоны передъ своими иконами, считала себя матерью счастливою и позволяла уже себѣ мечтать объ еще лучшемъ будущемъ, когда Ванюшка совсѣмъ свершится, соберется какъ есть парень, женится, своимъ хозяйствомъ жить будетъ, али, можетъ, еще того лучше, въ приказчики попадетъ, въ купцы, али хоть въ мѣщане выпишется ... Этого хоть еще и не скоро дождешься, но и въ то время, когда Ванюшкѣ было 16—17 лѣтъ, онъ на глаза матери казался такимъ парнемъ, для котораго всякое счастье на свѣтѣ открыто и не заказано. Да, правду сказать, и не только въ глазахъ матери Иванъ былъ парень желанный: красивый, веселый, бойкій, къ матери ласковый, обходительный, одѣвался всегда чистенько, щеголевато, хоть и испивалъ, да рѣдко, въ большіе праздники, никогда почти не попадалъ на фабрикѣ подъ штрафы, и заработанныя деньги всегда и всѣ сполна приносилъ матери. Проявлялась, правда, и

въ то время нѣкоторая нервность въ его характерѣ, но какъ случайность, скоро переходящая и не оставлявшая за собою слѣда: бывало ни съ того, ни съ сего затуманится, заскучаетъ, раскапризничается надъ матерью, обидитъ ее, начнетъ попрекать чѣмъ нибудь, а потомъ вдругъ, точно самъ раскается, начнетъ къ ней льстится, ласково заговаривать свою вину и повеселѣетъ; а то среди дружеской гульбы, веселья, вдругъ накинется на кого нибудь изъ своихъ друзей пріятелей, начнетъ его подразнивать, подниметъ на смѣхъ и доведетъ дѣло до ругательства, до ссоры, а иногда и до драки, но всегда выходило какъ-то такъ, что большинство оставалось на сторонѣ Ванюхи и онъ выходилъ изо всякой ссоры побѣдителемъ и правымъ; зато онъ тотчасъ же начиналъ ухаживать за побитымъ или обиженнымъ, умѣлъ скоро его успокоить: и дружба, и веселье опять возстановлялись. Вообще же Ванюшка былъ общимъ любимцомъ, какъ парень веселый, балагуръ и пѣсенникъ, добрый пріятель и услуга-парень. Память у него была необыкновенная и запасъ пѣсенъ, разсказовъ, прибаутокъ неистощимый. Грамотѣ его мать не могла выучить: не на что было отдать въ ученье, да, по крайней нуждѣ и бѣдности, въ которой они сначала жили, Устиньѣ это и въ голову даже не приходило. Каково же было ея изумленіе, когда Ванюшка принесъ разъ съ фабрики книжку и началъ изъ нея читать матери, хоть и не очень бойко, но толково, такъ, что она все поняла. Оказалось, что Ванюшка въ часы отдыха научился читать отъ одного изъ рабочихъ: большія способности и особенная смышленость, которыми онъ отличался, помогли ему очень скоро усвоить азбуку и понять процессъ чтенія. Сначала очень его это заняло: въ праздничные

дни, приходя домой, онъ, по разсказамъ матери, просто лежалъ на книжкѣ; даже на гулянкахъ, вмѣсто пѣнія, балагурства и заигрыванія съ дѣвками, онъ собиралъ около себя слушателей и читалъ вслухъ какого нибудь Бову королевича, Францеля Венеціана или Прекрасную Магометанку. Но скоро это и надоѣло Ванюшкѣ и самъ онъ видимо измѣнился: сталъ часто загуливать; не только въ праздники, но и въ простые дни начали видать его пьянымъ въ буйной и шумной компаніи, гдѣ онъ глядѣлъ главнымъ хороводникомъ: сдѣлался онъ великимъ дѣвочникомъ и прославился ходокомъ насчетъ бабъ и дѣвокъ на деревнѣ и на фабрикѣ; въ нарядѣ его появилась фабричная изысканность: понадобилась шелковая жилетка, шерстяная рубаха, пуховая шляпа, смазные сапоги съ бураками; а что хуже всего, началъ меньше приносить денегъ домой; въ немъ увеличивалась нервность характера, развивалось недовольство своимъ положеніемъ, своей судьбой. Мать онъ не обижалъ и не оскорблялъ, не грубилъ, не ругался съ нею, какъ бываетъ сплошь и рядомъ съ крестьянами, находящимися въ такихъ же семейныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ, но онъ не стѣснялся не разъ высказывать матери, что считаетъ себя въ правѣ тратить свои собственныя заработанныя деньги туда, куда самъ знаетъ и хочетъ, а что прокормить онъ ее прокормитъ, и съ голоду или холоду умереть не дастъ. О домѣ, о своемъ маленькомъ хозяйствѣ, онъ видимо совсѣмъ пересталъ и думать, и заботиться: когда мать начинала очень ныть и приставать съ какою нибудь нуждою, онъ приносилъ ей иногда лишній рубль, два. Между тѣмъ на фабрикѣ онъ былъ поставленъ уже въ число старшихъ рабочихъ, а не мальчишекъ, и

получалъ почти самое высшее жалованье, какое платилось опытнымъ и привычнымъ рабочимъ, такъ что, судя по прежнему, Устинья могла бы разсчитывать получать отъ сына, пожалуй, и всѣ десять рублей въ мѣсяцъ; но теперь, напротивъ, ей не приходилось иногда даже и того, что прежде приносилъ сынъ, бывши мальчишкой. Устинья была женщина, не особенно умная, но хитрая и сдержанная, пріученная нуждою и горемъ къ лишеніямъ и терпѣнію: она не надоѣдала сыну упреками, или жалобами и требованіями, но въ душѣ страдала, сознавая, что ея надежды на счастливое, покойное и богатое существованіе въ будущемъ не осуществляются; она думала и изыскивала средства, какъ бы исправить сына, воротить на старую стезю, сдѣлать домовитымъ, о своемъ домѣ заботливымъ: и остановилась на мысли, что нужно непремѣнно сына женить, уговорить его взять назадъ изъ міра отцовскую полосу и приняться за хлѣбопашество. Съ этою мыслію она начала присматривать сыну невѣсту, разумѣется соображаясь не съ его вкусомъ, а со своимъ горькимъ, сиротскимъ положеніемъ, со своею бѣдностью: хоть и красивъ, и удалъ, и уменъ, да кто хорошенькій да богатенькій отдастъ за него дочку въ нашу избенку, на нашу бѣдность и недостатки. Отдать же сына въ чужой домъ, разслучиться съ нимъ, потерять кормильца-поильца, и самой остаться въ своей хаткѣ, ужъ совсѣмъ одинокой, безпомощной, или идти на чужіе хлѣба, — она, разумѣется, не хотѣла, боялась даже, какъ бы сыну не пришла такая мысль и не палъ его выборъ на такую невѣсту.

— Не пора ли тебѣ, Ванюшка, о законѣ подумать? заговорила она съ нимъ въ первый разъ, выбравши, по ея мнѣнію, благопріятную

минуту, когда сынъ былъ веселъ и ласковъ съ нею.

— Не рано-ли, матушка, отвѣчалъ Иванъ въ шутливомъ духѣ: — ровно какъ еще молодъ я? какой еще я мужъ? Въ головѣ-то еще у меня не то ...

— Какое рано, Ванюшка? ... Мало ли въ твои года ребята женятся? ... Самое время ... Не то, что, а бываетъ невѣста хорошая подойдетъ, такъ хлопочутъ: до срока разрѣшенія просятъ, къ владыкѣ ходятъ ... А тѣбѣ вѣдь вотъ о постномъ Иванѣ, Богъ дастъ, 20 годковъ свершится ... Чѣмъ ты не женихъ ...

— Да что, развѣ невѣста напрашивается?

— Гдѣ напрашивается? ... А поискать, такъ долго ли найти ... Найдемъ ... Вотъ хоть бы ...

— Нѣтъ, матушка, напрасно ... Не желаю еще я ... Погулять хочется ... Куда еще мнѣ въ этотъ хомутъ шею вдѣвать ... Подожду ...

Не разъ и послѣ того начинала Устинья рѣчь съ сыномъ о вопросѣ, сдѣлавшемся для нея самымъ болѣзненнымъ, — и всегда безуспѣшно; пробовала она предлагать ему готовыхъ уже невѣстъ, о которыхъ между матерями было на половину столковано и слажено, но ни одною не могла угодить женскому баловню: то стара, то рожа корявая, то бѣдная: „къ нищему да еще нищую!“

Устинья совершенно упала духомъ и съ грустью въ душѣ рѣшила, что сынокъ ея видно такъ и замотается, закружитъ свою удалую буйную головушку безъ узды, безъ закона.

Точно также неудачные были замыслы Устиньи обуздать сына мужицкой деревенской работой, сохой да бороной.

— Пораньше бы, матушка, думала: малолѣткомъ

бы къ косулѣ-то пріучала, а теперь какой я мужикъ: за косу, и за ту, взяться путемъ не умѣю ... Да и на какія такія деньги лошадь, телѣгу купимъ, всякое заведеніе заведемъ? ... Нѣтъ, ужъ видно коротать вѣкъ рабочимъ на фабрикѣ ...

— Къ полевой работѣ привыкнешь: долго ли тебѣ понять ее съ твоимъ разумомъ ... Ну, перво, понемножку, помочи будемъ дѣлать ... Гдѣ лошадью, такъ наймовать станемъ, поколь сами купить не собьемся ... А что ручное-то, такъ я подѣлаю: и покосить, и пожать, и что другое прочее ... По крайности, хлѣбушка-то былъ бы у насъ свой, не покупной: не все съ рубля, да съ копѣечки ... И какъ бы хорошо-то было: сѣнокосъ, да сколь нужно лѣтомъ, ты бы дома жилъ, а на зиму бы съ осени на заводъ уходилъ ... Вотъ бы у насъ вдвое дѣло-то и шло бы ... Скорѣе бы поправились, чѣмъ на одномъ-то заводѣ ... И самъ же ты этотъ заводъ ругаешь, на жизнь свою, на заводскую, жалуешься ...

— Мало ли что ... А ужъ коли приставленъ къ какому дѣлу, за него и держись ... Знаемъ мы тоже эту съ землей-то возню: у насъ не какъ въ другихъ мѣстахъ, земля грубая, неродимая, надъ ней сколь нужно ломаться, да какъ сдобить-то ... А тутъ, смотришь, то вызябло, то вымокло, то засуха взяла, либо градомъ выбило: вотъ тебѣ и корысть вся, и хлѣбецъ свой, не покупной ... А оброкъ-то за нее все равно подай ... Я теперь по крайности покоенъ хоть въ этомъ: ровно бобыль, али мѣщанинъ живу. Никакихъ оброковъ, никакихъ другихъ податей не знаю: заплатилъ подушны да и правъ ...

— Кабы, батюшка, не сходна земля была, такъ

не стали бы держать въ міру, давно бы навалили на тебя ... А значитъ есть съ нея прибыль, что держатся и не поминаютъ, и оброкъ за насъ же платятъ ...

— Ну, ужъ кто въ это дѣло ввязался, тому къ рукѣ; да онъ и самъ не знаетъ, въ выгоду ли ему то, или въ убытокъ, а считаетъ, что, однако, лишнюю четвертку хлѣба сниметъ, лишній возъ сѣна въ сарай привезетъ ... Да у него все и заведено изстари: и сбруя всякая, и лошадь, и стаи есть, какія требуется: и амбаръ, и сарай, и овинъ ... А мы, поди-ка заведи все это ... Да въ десять лѣтъ не собьешся! ... Нѣтъ, матушка, полно: не на дѣло ты меня подбиваешь ... Не согласенъ я, не желаю ... Вотъ еще, коли женюсь, да жена съ достатками будетъ, ну тогда подумаемъ, може ...

— Что, али есть на примѣтѣ? ... встрепенулась Устинья. Дай-ка, Господи! ...

— Мало ли богатыхъ невѣстъ, да за насъ-то не просятся ... со злобной усмѣшкой расхолаживалъ Иванъ увлеченіе матери. Найди богатую, да чтобы мнѣ по мысли пришлась, да и отдали бы съ награжденіемъ, такъ возьму, женюсь ...

— Иванушка, а ты очень-то не забирайся: по одежкѣ протягивай ножки ... Гдѣ же намъ, по сиротству нашему, о богатой невѣстѣ думать ...

— Ну, такъ то-то и есть ... А на корявой, али на нищей, я самъ не женюсь ...

— Зачѣмъ корявую, али нищую, а хошь бы середненькую-то Богъ далъ, только бы съ разумомъ, да смирную, работящую: вотъ бы и слава Богу ...

— И за середнюю-то скажутъ: на столъ рублей 100 положи, да домъ покажи, къ чему жену-то берешь ... А мы что покажемъ? ... Гдѣ выкупъ-то

возьмемъ? Эхъ, матушка, отстань, не надсажай ты меня даромъ ...

Устинья собиралась было возражать, но сынъ обыкновенно прерывалъ ее словами:

— Не родилась, видно, еще моя невѣста ... Да и не хочу я, и не думаю ... Гулять еще хочу ...

И съ такими словами онъ уходилъ вонъ изъ дома, оставляя совсѣмъ разстроенную мать.

Въ послѣднее время Устинья даже отчаялась увидѣть когда нибудь своего сына женатымъ, а тѣмъ болѣе крестьяниномъ, землепашцемъ; начинала терять надежду и на то, что сынъ добьется чего нибудь особеннаго, хорошенькаго на фабрикѣ и выйдетъ изъ положенія зауряднаго работника; къ прежнимъ мечтамъ своимъ о будущемъ благополучіи, о жизни въ довольствѣ и покоѣ, около добраго, почтительнаго и богатаго сына, — она не смѣла уже и возвращаться. Напротивъ, въ душѣ ея все больше и больше накипало неудовольствіе, чувство обиды противъ сына; каждую минуту на сердцѣ и въ головѣ ея былъ упрекъ и жалоба на него: хотя она и не рѣшалась еще высказывать ихъ прямо сыну, но отъ сердобольныхъ сосѣдокъ уже не скрывалась, и на ихъ намеки и сочувственныя рѣчи о маломъ радѣньи сына отвѣчала вздохами, печальной миной и грустнымъ покачиваніемъ головы. Вслѣдствіе обманутыхъ надеждъ, недовольства судьбою и печальныхъ думъ даже лицо Устиньи получило постоянно скорбное, плаксивное выраженіе, котораго не имѣло даже тогда, когда она жила въ бо̀льшей сравнительно нуждѣ и бѣдности.

Крестьяне и особенно матери, помимо естественной родительской любви, видятъ въ дѣтяхъ, живу-

щихъ съ ними и при нихъ, прежде всего своихъ помощниковъ, ту рабочую силу, которая обязана работать не на себя, а на домъ, на семью, которая сбережена, выхолена и приготовлена не сама для себя, а прежде всего на помощь и въ пользу родителямъ; сынъ въ понятіяхъ матери первый ея промышленникъ, первый и обязательный кормилецъ и поилецъ. Поэтому въ крестьянской семьѣ на заработокъ даже взрослаго, но не отдѣленнаго сына, смотрятъ какъ на собственность семьи, дома: сынъ не можетъ распоряжаться своимъ трудомъ и заработанными деньгами, а долженъ довольствоваться только тѣмъ, что дастъ ему глава семьи — большакъ, или большуха; поэтому для вдовы-матери, живущей съ сыномъ, еще не женатымъ и неимѣющимъ своихъ дѣтей, нѣтъ бо̀льшей обиды и оскорбленія, какъ если сынъ не покоряется, а показываетъ независимость въ распоряженіи собою и своимъ трудомъ, когда онъ ставитъ мать не въ положеніе хозяйки, а въ положеніе неимущей, содержимой сыномъ, живущей на его хлѣбахъ не по праву, а какъ бы изъ милости: ровно въ чужомъ дому, у чужого человѣка. Мать легче перенесетъ и скорѣе проститъ и забудетъ всякую грубость, ругательства, всякое буйство и обиду, чѣмъ такое къ себѣ отношеніе. Для строптивыхъ и энергическихъ матерей эта независимость сына выражается прежде всего тѣмъ, что онъ перестаетъ даваться бить себя матери. „Мать учитъ сына любя, мать кости своему дитѣ не перешибетъ, а и перешибетъ, такъ стало того стоитъ!“ И если сынъ не подчиняется этой выработанной вѣками формулѣ, значитъ онъ хочетъ выдти изъ родительской власти, не признаетъ себя сыномъ, хочетъ своей волей, своимъ умомъ жить: этотъ ужъ не радѣльщикъ сво-

ему дому, своему отцу-матери. Такъ бывало прежде, такъ идетъ и до сихъ поръ съ такой разницей, что нынче, особенно по сосѣдству съ фабриками, стало меньше матерей, прибѣгающихъ къ палкѣ, и больше сыновей, заявляющихъ свою независимость въ денежномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но горе и обиду свою матери чувствуютъ попрежнему и врядъ ли есть еще такія, которыя смотрѣли бы на взрослаго сына, какъ на вполнѣ самостоятельную личность, а не какъ на обязательнаго родного работничка. Лучше ли стали оттого семейныя отношенія — это другой вопросъ, но формы народной жизни крѣпки и долго еще крестьянскія матери будутъ тужить и плакаться, что сыновья ихъ перестаютъ быть настоящими, прежними кормильцами-поильцами.

III.

Иванъ, войдя въ избу, кинулъ картузъ на лавку, проговорилъ: здорово, матушка! такимъ равнодушнымъ тономъ, точно часъ назадъ видѣлся съ ней, а не уходилъ на цѣлую недѣлю, бережно уложилъ на полку свою гармонію и сѣлъ на лавку около стола.

— Поѣсть не хочешь ли? лаконически спросила его Устинья, не измѣняя своего скорбнаго выраженія и подходя къ печкѣ. — Варево горячее берегла про тебя.

— Да, пожалуй, давай ... Мы, правда, заходили съ ребятами въ трактиръ, да попромялся, видать: поѣмъ ...

Устинья налила въ чашку постныхъ щей, забѣлила и поставила передъ сыномъ. Иванъ началъ лѣниво и молча хлебать, но скоро положилъ ложку и отодвинулъ отъ себя чашку.

— А окромя развѣ ничего нѣту? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, окромя больше ничего нѣту, Иванушка, отвѣчала Устинья. — Да и съ чего быть-то? запасу у насъ своего нѣту никакого, безъ хозяйства живемъ, а купить бы чего: хоть бы муки что ли пшеничненькой, али картошки, такъ купить-то не на что. Вотъ соль и та подошла, и муки-то на хлѣбы уже займовала ... до тебя ...

Устинья говорила это какъ будто благодушно, безъ всякой задней мысли, даже старалась улыбнуться, но въ голосѣ ея слышался горькій упрекъ, и сынъ его понялъ.

— На вотъ, матушка, возьми денегъ-то ... проговорилъ Иванъ, вынимая изъ кармана штановъ кожаный портмоне. Онъ на половину открылъ его, порылся въ немъ, не вынимая всѣхъ денегъ и видимо не желая показать матери, что въ немъ содержится, досталъ пять рублей ассигнаціями и подалъ матери. Устинья, какъ-то особенно ужавши губы, не безъ ехидства, низко поклонилась сыну и проговорила:

— Покорно благодарю, Иванушка, за неоставленье твое ...

Иванъ вскинулъ на мать глаза.

— Что, матушка, пустое-то говоришь? ... Какое неоставленье? ... За что еще благодарить вздумала: кажись, однимъ домомъ, вмѣстѣ живемъ и самъ вотъ пью-ѣмъ ...

— Какъ, батюшка, не благодарить мнѣ тебя? ... Твой хлѣбъ ѣмъ, на твоей шеѣ сижу ... По твоей милости и тепла, и одѣта, и накормлена ... А куда я тебѣ? ... На что гожусь? ... Безъ меня бы еще лучше прожилъ: всѣ бы денежки на одного себя изводилъ ... Другой бы сынъ прогналъ вовсе экую мать-то ...

— Ну, полно, матушка, опять не дѣло ... Почто эти закомуры подводишь? ... перебилъ мать Иванъ, нахмурившись. — Какой это сынъ мать прогонитъ, или безъ прокормленья оставитъ ... Ты, извѣстно, и сама бы собой прожить могла, своими руками: ты не перестарокъ какой ... Значитъ, тебѣ спасибо, что еще не покидаешь меня, живешь со мной, а какія тутъ благодарности! ... Извѣстно, у меня еще деньги остались: не всѣ тебѣ отдалъ, а такъ полагаю, что тебѣ теперь до новой дачки пяти рублей будетъ, а мнѣ деньги самому нужны теперь... Эхъ, матушка, развѣ я не вижу, что ты на меня въ сердцахъ, что не всю дачку тебѣ ношу ... Вижу, вѣдь, я ... Да вѣдь какъ же, нельзя же и мнѣ безъ копѣйки оставаться, али не просить же мнѣ у тебя кажиный разъ, какъ понадобится ... Нѣтъ, я на это не согласенъ ... А больше взять мнѣ негдѣ ... Вотъ, матушка, кабы высватала ты мнѣ невѣсту богатую, которую мнѣ нужно, да женился бы я на ней, вотъ бы тогда и ты жила по горлышко сыта и довольна: ни нужды бы никакой, ни горя не знала ...

— Да развѣ бы я не рада, Иванушка, оживилась вдругъ Устинья: — да кажется по мнѣ-то не то что на крестьянской дѣвкѣ, а я бы на первой купчихѣ, на королевнѣ-бы женила тебя: по мнѣ и той бы не въ зазоръ былъ экой женихъ по разуму твоему, по красотѣ, да досужеству ... Да вѣдь пойдетъ ли, батюшка, вотъ вѣдь что ... Пойти попытаться я куда хошь пойду попытаюся: гдѣ хотя и въ шею выгонятъ, и тѣмъ не погребую, для тебя схожу ... Присмотрѣлъ что ли какую? Ты скажика мнѣ, да пошли меня: я пойду, попытаюсь ...

Устинья съ оживленнымъ, сіяющимъ отъ удоволь-

ствія и любопытства лицомъ, подошла къ сыну, заглядывая ему въ глаза.

— Есть, присмотрѣлъ, али такъ ты только, къ примѣру, а ни про кого? доспрашивала она его.

— Есть-то, есть ... И не то, что только присмотрѣлъ, а и знакомство съ ней заведено, и любовь промежь насъ ... не то что, ты не подумай ... Она дѣвушка честная ... ни, Боже мой! ... И видаемся втихомолку, выйдетъ ко мнѣ, ничего, и .сидимъ, разговариваемъ, а только не трожь ее: женись, говоритъ, тогда другое дѣло, а то мнѣ, говоритъ, своя голова дорога: вотъ какая! ... Посылай, говоритъ, сватовъ: коли высватаешь, не надо мнѣ лучше тебя ... страсть любитъ! сама сказываетъ ... А только какъ узнала, какъ разсказалъ я ей про свои достатки, про домъ и все прочее: ну, такъ, говоритъ, лучше и не ходите, не срамитесь, не отдадутъ ни за что ... потому богатъ отецъ-то, а семья небольшая, окромя большихъ сыновей всего двѣ дочки ... ну, такъ и смекаетъ въ богатый домъ отдать, чтобы и самому пріѣздъ былъ, и дочери чтобы какъ лучше, превосходнѣе ...

— Такъ какъ же быть-то, Иванушка? ... А видно не здѣшніе? ... не изъ нашей деревни-то? ...

— Нѣтъ, не здѣшніе ...

— Кто же такіе? Скажи, батюшка, маткѣ-то: можетъ что материнскимъ-то сердцемъ и удумаю ... Скажи ...

— Сказать, отчего не сказать ... Въ свое время все скажу тебѣ, только теперь еще опасно, какъ бы чего не вышло, не признали бы какъ, потому у меня такія мысли насчетъ ея ... Такъ она противъ моего сердца, что ни быть, ни жить, а достать Машеньку ...

— Такъ Машенькой зовутъ-то? подхватила мать,

— Марьей ... это правда ... Да это ничего, мало ли Машенекъ на свѣтѣ ... Нѣтъ, ты погоди, матушка, не пытай ничего теперь ... Дай срокъ, вотъ я съ ней еще повидаюсь, переговорю, да ужъ коли положимъ на томъ, что думаю, тогда все тебѣ скажу ... А теперь еще знаетъ ли, нѣтъ ли одна темная ночь про любовь про нашу, а больше, кажись, никто ... Да вотъ еще что тебѣ скажу: грамотная, въ книжку читаетъ и писать умѣетъ.

— А, батюшки! ... Ужъ не купецкая-ли дочь какая? ...

— Нѣтъ, крестьянка, простая, только что такъ подошлось, обучена ...

— Батюшки, Господи, дай Богъ память: кто у насъ въ округѣ-то Марья грамотная? ...

— Да не допытывайся, матушка ... Все одно: потерпи ... Ты лучше изъ головы совсѣмъ это выбрось, чтобы какъ мнѣ не помѣшать, а ужъ сдѣлаю, нѣтъ ли, я самъ: по крайности и ты передо мной не виновата будешь, что ни въ чемъ не помѣшала ... Погоди, дай срокъ ... Ну, оставайся съ Богомъ, а я теперь пойду по своимъ дѣламъ ... Приду, можетъ къ утру ...

— Ты что же хочешь дѣлать-то, Иванушка? ... Ты, мотри, о своей-то головѣ подумай ...

— Ну ужъ что будетъ, тамъ видать ... А ты только, матушка, помни: ни съ кѣмъ ни единаго слова, ни съ одной душой ... Я только что такъ сказалъ тебѣ въ утѣшеніе твое, чтобы ты не больно на меня ѣлася ... знала, что вотъ я не одно, что пью да гуляю ... А ты, смотри же, нишкни ...

— Ну, вотъ, такъ неужто ужъ ... А ты бы сказалъ мнѣ, Иванушка, кто такая: ты бы пошелъ,

а я бы молиться стала, чтобы тебѣ Богъ счастья далъ, удачи въ дѣлахъ ...

— Ну, такъ вотъ и молись, матушка: поминай Ивана да Марью ... весело отвѣтилъ Иванъ и, надѣвши шапку, захвативъ съ собою гармонію, хотѣлъ уходить, но въ эту минуту дверь съ шумомъ отворилась и въ избу ввалился неожиданный гость.

Это былъ старикъ, но еще бодрый и коренастый, въ рваномъ, сѣромъ, коротенькомъ кафтанишкѣ, подпоясанномъ веревкой, въ дырявыхъ штанишкакъ, черезъ которые виднѣлось на колѣняхъ тѣло, и въ опоркахъ на босую ногу. На затылкѣ у него былъ какой-то черный, сальный блинъ, замѣнявшій собою фуражку. Густая, съ сильной просѣдью русая борода была всклокочена и торчала впередъ. Волосы съ головы спустились на лобъ и на лицо, но изъ-за нихъ смотрѣли маленькіе смѣющіеся глазки и все широкое лицо старика какъ будто сіяло радостью и улыбкой.

— Вотъ я! сказалъ онъ со смѣхомъ, входя въ избу широкими неровными шагами, и остановился покачиваясь.

— А, дядя Владиміръ! ... радостно привѣтствовалъ его Иванъ, зато на лицѣ Устиньи выразилось неудовольствіе.

— Онъ самый ... Ждали ли гостя? ... отвѣчалъ дядя Владиміръ нетвердымъ голосомъ и пошатываясь. — Здорово, Ванюшка ... Видать, что радъ мнѣ ... Ну, а ты что? обратился онъ къ Устиньѣ: — что рыло-то воротишь? ... Честй что ли меня, привѣчай, а то вѣдь мнѣ наплевать: я и уйду ... У меня много вашего брата ... Пра, что много! ... Меня вездѣ привѣчаютъ ... А еще сестра прозываешься, сродственница ...

Э-э, дура!... Ванюшка вонъ радъ, а ты... ровно...

— Да ну, здравствуй, здравствуй... Что еще... проговорила Устинья полуотворотясь.

— Садись, дяденька, садись... Милости просимъ...

— Знамо сяду... Что я, самъ дѣлѣ, стоять что ли къ вамъ пришелъ...

Дядя Владиміръ грузно опустился на лавку.

— Ну потчивай, что ли, хозяйка! вскричалъ онъ повелительно.

— Ужъ, кажись, напотчивался довольно... Откуда Богъ принесъ?...

— А кто его знаетъ: откуда... Вижу: Карцево... Ну, стало къ Устюшкѣ въ гости... Мимо что ли мнѣ проходить роднно-то?... Да и не къ тебѣ, полно... Наплевать тебѣ и съ родней-то... Я вотъ къ кому, къ Ванюшкѣ.

— Все одно, дядя Владиміръ, что къ матушкѣ, что ко мнѣ... Завсегда тебѣ рады...

— Гм... усмѣхнулся Владиміръ. То-то!... Мнѣ вездѣ рады... Такъ посылай матку, что ли... Чай дома-то нѣтъ... Али есть?...

— Сейчасъ, сейчасъ, это мы справимъ живой рукой... отвѣчалъ Иванъ, доставая портмоне.

— Да, поднеси, братъ... Иззябъ... Холодно что-то... Ничто зябнуть сталъ...

— Какъ не зябнуть: смотри-ка по этакому времени въ какомъ уборѣ ходишь... замѣтила Устинья.

— А что?...

— Чего что?... Почитай вовсе голой... Нечто эта одежда?... Вонъ колѣна-то свѣтятся... Да и ноги-то босы... И душа-то еле припрятана кафтанишкомъ-то... Эхъ, ты, Володя, Володя!...

— Эхъ ты, Володя, передразнилъ ее старикъ съ забавной гримасой и стараясь поддѣлаться подъ ея голосъ. Что ты думаешь: одежи, чтоли, у меня нѣтъ? ... Смотри-ка какой полушубище дома виситъ, а сапоговъ-то три пары ... новенькихъ ... Всѣ дома по стѣнкѣ стоятъ ... рядкомъ! ... мазаные, блестятъ ... ахти, любо посмотрѣть! ... Только что не надѣлъ, жалѣю ... Пускай дома стоятъ ...

— Дома! усмѣхнулась Устинья. — Гдѣ у тя домъ-отъ? ...

— Какъ гдѣ? Извѣстно гдѣ: въ Романовѣ ... Какъ стоялъ, такъ и стоитъ, ни въ чемъ невредимо ...

— Да, стоитъ, да только не твой: давно Игнашкѣ пропилъ ...

— Вотъ и дура ... Пра, что дура ... прямая баба ... Анъ врешь: я его только пожить пустилъ ... потому парень семейный, а я одинъ ... Что мнѣ, пускай живетъ ... А онъ меня за то почитаетъ: приду — посадить не знаетъ куда ... Небось, не по-твоему: пей, кушай, что угодно ... потому знаетъ: не уважитъ, такъ сейчасъ выгоню ... Вотъ что! ... Да ты что-жъ ее, Ванюшка, не посылаешь? ... Ждать мнѣ, что ли? ... Али ругаться сняться съ ней: что она ко мнѣ пристала? ...

— Поди же, матушка, сходи, возьми полштофа, да закуски какой ни на есть ... Я дядѣ Владиміру радъ, въ кои-то вѣки зашелъ ... Когда-то еще опять его залучишь ...

— Да, вотъ! ... Слышишь? Ай да Ванюшка! ... Ступай, ступай ... У меня чтобы живо, мотри ... говорилъ Владиміръ вслѣдъ Устиньѣ, которая уходя бормотала:

— Да, не залучишь! ... Нѣтъ, онъ по духу

знаетъ, гдѣ деньги-то есть ... Въ пустое время не придетъ, а какъ дачку получишь, такъ ровно кто ему дохнетъ или вѣсть дастъ: ровно изъ земли выростетъ ... тутъ какъ тутъ! ...

— Ты, дядя Владиміръ, у насъ и заночуй, и завтра день-отъ перебудь ... ласково говорилъ Иванъ.

— Знамо, заночую ... Что мнѣ? ... Куда торопиться-то ... А то она про Игнашку ... такъ что мнѣ: пускай въ моемъ дому живетъ ... Мнѣ когда дома-то бывать? .. Уйду, закачусь на охоту то, такъ. .. у-у ... и невѣдомо куда зайду ... А у меня вездѣ домъ, вездѣ дружки-пріятели, всѣ зовутъ ...

— Да ... А гдѣ же у тебя ружье-то, дядя Владиміръ? ... Ты ровно безъ ружья пришелъ? ...

— Ружье-то? ... Въ починкѣ ... Въ починку отдалъ: пружина ослабла ... у собачки ... знаешь? ... Ну и дуло исправить надо: раковина показалась ... А ты, Ванюшка, вотъ что ... вижу я, ты дядю почитаешь, меня ... ты дай мнѣ взаемъ рубль это самое ружье выкупить ... Потому мнѣ безъ ружья никакъ неспособно: все равно что безъ руки ... А я тебѣ отдамъ, дурашка, ты не думай ... Мнѣ вѣдь всѣ кругомъ должны: вотъ до барина только до хлябовскаго дойти: за дичь, значитъ ... Отдамъ, не сумлѣвайся! ... Ружье-то здѣсь по сусѣдству въ Камышевѣ: вотъ бы я и выкупилъ теперь кстати, не ходить бы опять ...

— Да гдѣ же въ Камышевѣ? ... кому же оно тамъ у тебя отдано въ починку-то? тамъ ни кузни цы, ни слесаря нѣтъ ...

— Есть ...

— Да кто же, дядя? Я, кажись, всѣхъ знаю ...

— Ну коли я тебѣ сказываю, что есть человѣкъ такой ... Врать, что ли, я тебѣ буду? ...

— Развѣ что кабатчикъ? ... Онъ не слесарничаетъ ли развѣ? ... Онъ парень-то на всѣ руки ... съ лукавой усмѣшкой спросилъ Иванъ.

Владиміръ весело и со смѣхомъ взглянулъ на него.

— Плутъ ты, Ванюшка ... Ну, заложилъ ... прямо, что у кабатчика заложилъ ... Выпить — никакъ невозможно, ну, подошло ... надо!... А денегъ нѣтъ ... Другіе меня вѣдь всѣ знаютъ, вѣрятъ, а этотъ, вотъ, въ Камышевѣ, жидоморъ-дьяволъ, ни съ чѣмъ не даетъ безъ денегъ, хоть ты что хошь... Ну и пришлось: на, окаянный, подавись ружьемъ-то ... Вотъ два дня у него водился ... Запилъ за весь рубль ... Дичь была набита, и ту всю съѣли, съ нимъ же, съ дьяволомъ ... А ты мнѣ дай рубликъ-то, Ванюша, подружи ... Отдамъ, издохнуть — отдамъ! ... Я съ тѣмъ и шелъ, на тебя надѣялся ... Зайчика хотѣлось было больно тебѣ принести ... да вотъ не вышло: трехъ зайцевъ да тетерьку у него оставилъ ... Дай ...

— Вотъ что, дядя ... Ты ночуй, да завтра денекъ у меня поводись ... Можетъ, меня дома не будетъ: подожди меня ... У меня, можетъ, до тебя дѣло будетъ ... Я вѣдь хотѣлъ тебя розыскивать даже ... Сегодня ты хмѣленъ, а завтра мнѣ съ тобой посовѣтовать нужно объ дѣлѣ ... А поможешь ты мнѣ, такъ не то что ружье выкуплю, а еще старые сапоги свои и полушубокъ свой старый тебѣ поносить, а, можетъ, и ввѣчно отдамъ ...

— Да въ чемъ тебѣ пособить-то? ты сказывай ... Я вѣдь хоть и хмѣленъ да не больно: все разберу ... Я вѣдь все могу сдѣлать: на разбой развѣ только не пойду! ... И замковъ подламывать тоже не сманивай — не стану ... А то, что другое прочее,

что угодно ... Вѣдь у тебя, чай, поди ... такой-сякой! ... насчетъ дѣвокъ что нибудь? ... Это что угодно: давай ... Выманить что ли куда, али можетъ ребенка подкинуть? ... давай сдѣлаемъ ... чисто будетъ, никому и не въ домекъ: такъ сдѣлаю ...

— Ну, нишкни ... Теперь ничего не скажу ... Сейчасъ матушка придетъ, а этого дѣла она не знаетъ ... А ты мнѣ покамѣ вотъ что скажи: знаешь ли ты Ильинскаго попа? ...

— Павлушку-то? Кого я не знаю, ты скажи ... Ну какъ мнѣ Павлушку не знать ... Довольно хорошо знаю: сколь разъ гуляли вмѣстѣ ... Ну, такъ что̀?

— Каковъ этотъ попъ? ты мнѣ скажи ...

— Павлуха-то? ... Душевный человѣкъ, я тебѣ скажу: вотъ что! ... Онъ хоть и испиваетъ, а душа, братъ, въ немъ, вотъ какая: наша душа, русская! ... Не здоимецъ, безсребренникъ-попъ, не какъ другіе: и все для тебя сдѣлаетъ ... Коли что до него, такъ ты мнѣ только скажи: все обдѣлаемъ ...

— О?

— Ужъ я тебѣ вѣрно говорю ...

— Ну, вотъ я такъ и слышалъ, что очень его одобряютъ ...

— Его? ... Да вотъ я тебѣ какъ скажу: коли въ добродѣтель что сдѣлать, такъ онъ на это ... ни на что не взираетъ ... Попроси его, да угости хорошенько, онъ тебѣ что угодно сдѣлаетъ ... въ твое удовольствіе ...

— Ну, такъ ладно, ты помолчи поколя ... Сейчасъ мать придетъ: не хочу я теперь говорить при ней объ этомъ ... А мы вотъ съ тобой выпьемъ,

дядя Володимеръ, я — маленько, потому я гулять собрался, можетъ, на всю ночь, а ты допивай хоть весь полштофъ одинъ, да и ложись спать ... А завтра все видно будетъ, обо всемъ перетолкуемъ ... Можетъ, все тебѣ скажу, всю душу открою ... И ружье выкуплю, можетъ статься, и прочее, что говорилъ ... Ладно? ... Согласенъ? ... Не оставишь ты меня, дядюшка, о чемъ попрошу? а? ...

— Да ужъ сказано: не то не оставлю, а еще и научу. А насчетъ полуштофа я согласенъ: хоть и не больно люблю одинъ, безъ товарищей ... да по нуждѣ ужъ куда ни шло: изволь, и одинъ выдушу, и спать лягу ... Только ты смотри, скажи твоей старухѣ, чтобы она меня угощала, подчивала, а то я, пожалуй, разсержусь, уйду ... Наплевать мнѣ и на водку твою ...

— Да ужъ, разумѣется, дядя Володимеръ, безъ этого нельзя ... Само собой ... Ты у насъ гость дорогой: кого же намъ съ матушкой и честить, коли не тебя? ...

Въ это время въ избу вошла Устинья и съ видимымъ неудовольствіемъ поставила на столъ полштофа водки и бросила связку сухихъ кренделей.

— А-а ... Вотъ она, хозяйка-то наша ... говорилъ Владиміръ, обращая жадные глаза на водку. Жить безъ нея никакъ невозможно ... Давай, давай, Устюха, скорѣй стакашикъ-то ...

— Погоди, поспѣешь еще нализаться-то ее ... бормотала Устинья ... Экъ тебѣ не терпится ... Спѣхи-то больно велики, подумаешь ...

— А ты какъ полагаешь? ... Некогда намъ и есть ... Смотрѣть что ли на нее, да ждать ... Вишь ты какъ она глядитъ: сама просится! ... А ты слушай, Устюха, ты уважай меня ... потому вотъ

и Ванюшка тебѣ велитъ, а то вѣдь вы, бабы, дуры длинноволосыя, ничего не понимаете ... Насмерть я съ вами возжаться не люблю, а меня вотъ Ванюшка погостить, ночевать, проситъ остаться ...

— Какъ тебя еще уважать? ... На вотъ, пей, кушай ... на доброе здоровье ... отвѣчала Устинья съ прежнимъ, недовольнымъ видомъ, подавая стаканъ и въ угожденіе сыну стараясь быть привѣтливою.

IV.

Устинья не любила и даже презирала Владиміра, считала его бездомнымъ, пьяницей, человѣкомъ окончательно потеряннымъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Нѣкогда Владиміръ былъ мужикомъ, если не зажиточнымъ, то и не бѣднымъ, жилъ безъ нужды и безъ недоимокъ, занимался хлѣбопашествомъ, водилъ пчелъ, имѣлъ единственный на всю деревню садъ, въ которомъ было до трехъ десятковъ яблонь, приносившихъ плоды; но главной страстью его была охота за рыбой и за дичью. До водки онъ всегда былъ охотникъ, но пьяницей не слылъ. Жилъ онъ такимъ образомъ лѣтъ до 45, вдвоемъ съ женою; дѣтей у нихъ не было, брали было пріемыша, но и тотъ умеръ. Жену онъ хотя никогда особенно не любилъ, но жилъ съ ней, какъ мужики говорятъ, ладно, т. е. не билъ ее трезвый и безъ всякаго повода и причины, не ругалъ походя, не выносилъ домашнихъ ссоръ и стычекъ на улицу, не доводилъ жену до жалобъ міру, или сходу. Человѣкъ онъ былъ, правда, всегда характера вздорнаго, что называется сбреха, но легкаго, отходчиваго и веселаго: нашумитъ, накричитъ безъ толку и безъ причины, изругаетъ человѣка невѣдомо за что, а

потомъ сейчасъ и говоритъ съ нимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и всякую услугу окажетъ. При этомъ онъ былъ очень добръ въ томъ смыслѣ, что никогда не жадничалъ надъ деньгами и ни въ чемъ не отказывалъ, если умѣли подойти и попросить. Хвастунъ и всезнайка онъ былъ образцовый, но въ деревнѣ рѣдко когда поднимали его за это на-смѣхъ, а въ большинствѣ случаевъ, напротивъ, уважали его и слушали съ довѣріемъ, какъ потому, что онъ умѣлъ отругаться и не ходилъ за словомъ въ карманъ, такъ и потому, что дѣйствительно былъ очень на все способенъ и никакое дѣло, за которое брался, не валилось у него изъ рукъ. Горе его было только въ томъ, что никакимъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, кромѣ охоты, не могъ онъ заниматься долго и упорно: то бросится на пашню и такъ полосу обработаетъ, что у него хлѣбъ родится лучше всѣхъ въ деревнѣ, а то заброситъ и поле, забудетъ и сѣнокосъ, увлекшись пчелами, около которыхъ проводитъ цѣлые дни и недѣли, лежа подъ колодами и любуясь на пчелку, а бывало, что изъ-за рыбной ловли, или охоты, послѣдній убирается съ поля, совсѣмъ забываетъ и о своемъ пчельникѣ. Но все это не мѣшало Владиміру быть мужикомъ справнымъ, не хуже, а даже лучше другихъ. Такъ бы, можетъ быть, онъ и вѣкъ свой дожилъ; но на бѣду его вздумалось сосѣднему мелкопомѣстному барину, тоже охотнику, къ которому онъ носилъ дичь, иногда и охотился вмѣстѣ, пригласить его къ себѣ въ приказчики.

— А какъ же домъ-отъ? спросилъ Володя, прельщенный, впрочемъ, предложеніемъ барина. — У меня вѣдь тоже дома полное хозяйство, и садъ, и пчелы ...

— Такъ что же: тамъ жена присмотритъ, работника наймешь, самъ будешь навѣдываться изрѣдка, а я тебѣ полтораста рублей въ годъ дамъ: деньги, братъ, хорошія, дома-то, пожалуй, не заработаешь ...

— Ну это какъ не заработать: велики ли эти деньги? возразилъ Володя: — я на однихъ лисахъ да зайцахъ, зимнимъ временемъ, сто-то рублей выручу ... Да не въ деньгахъ сила, а вотъ послужить вашей милости, вы баринъ хорошій, всякія дѣла по усадебкѣ пристроить, чтобы все въ порядокъ произвести ... какъ самъ знаю ... для твоей милости! ... Вотъ изъ-за чего, пожалуй, пойду ... И то сказать: дома у меня налажено: пускай жена канителится, какъ знаетъ ... А я ужъ сытехонекъ, спину-то ломать: дай-ка надъ людьми покомандую да поучу какъ и что ... У меня не дѣти, а по крайности знаю, что хорошему барину подружу ...

Это новое положеніе совершенно погубило Владиміра: распорядителемъ онъ былъ плохимъ: шуму, взыску, важности было много, а дѣла выходило мало, такъ что баринъ сначала хмурился, потомъ началъ сердиться и выговаривать, а года черезъ полтора совсѣмъ поссорился и отказалъ Владиміру отъ мѣста. Воротился Владиміръ домой совсѣмъ другимъ человѣкомъ: за два года приказчичанья онъ совсѣмъ облѣнился, сталъ равнодушенъ къ своему дому, не въ мѣру придирчивъ и взыскателенъ къ женѣ, началъ больше и чаще пить; хозяйствомъ своимъ не хотѣлъ заниматься, а началъ искать новаго и лучшаго мѣста, управляющаго, вѣруя въ свои способности къ этому дѣлу, негодуя на барина, что онъ не умѣлъ оцѣнить его, и похваляясь, что на новомъ, будущемъ мѣстѣ, онъ покажетъ себя, заставитъ глупаго барина чесать съ досады затылокъ, да уже будетъ поздно.

Но мѣста не попадалось; въ ожиданіи его Владиміръ только и дѣлалъ, что ходилъ на охоту, пропивалъ выручку съ нея, а когда не ставало ея, а потребность быть всегда навеселѣ возрастала, онъ началъ разматывать свое хозяйство: то колоду пчелъ сбудетъ, то овса отнесетъ въ кабакъ вмѣсто денегъ, то хлѣба продастъ не въ пору и за безцѣнокъ. Жена, которая прежде была тиха и уступчива, не могла перенести такого разоренія своего гнѣзда, начала ворчать, браниться съ мужемъ, а затѣмъ пошли ссоры и драки ужъ въ настоящую до жалобъ и разбирательствъ на сходѣ. Разбирательства эти кончались обыкновенно тѣмъ, что сходъ усовѣщевалъ Владиміра, уговаривалъ его жить по-божески, во всякомъ согласіи, безо всякаго грѣха, а за безпокойство штрафовалъ четвертью или полуведромъ. Владиміръ увѣщанія выслушивалъ съ усмѣшкой, отвѣчалъ на нихъ иногда шуткой, иногда ругательствами, но водку ставилъ міру охотно и вмѣстѣ съ нимъ распивалъ ее. Прошло нѣсколько лѣтъ такой жизни: пчельникъ Владиміра исчезъ безслѣдно, яблони кои посохли, кои померзли, кои такъ извелись, Богъ ихъ вѣдаетъ отчего, скотины оставалась одна корова, да и держать больше стало не зачѣмъ: Владиміръ съ каждымъ годомъ уменьшалъ посѣвъ, а наконецъ вовсе сдалъ свою полосу въ міръ, а самъ выпросился въ бобыли. Зато онъ прославился къ тому времени, на всю окрестность, какъ первый рыболовъ и ружейный охотникъ: и дѣйствительно кругомъ на тридцать верстъ онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ всѣ лѣса и болота, со всѣмъ ихъ пернатымъ и четырехногимъ населеніемъ, зналъ, гдѣ и въ какой рѣчкѣ какая рыба водится и какъ въ какое время взять ее. Охота, связанная съ нею бродячая

жизнь, а равно веселость нрава и услужливость Володи сдѣлали ему разнообразныя знакомства и связи: его знали всѣ окружные помѣщики, попы и торговцы въ селахъ, кабатчики и веселые ихъ посѣтители. Владиміръ очень гордился этою своею извѣстностью и знакомствомъ и не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣчать, что всѣ эти знакомцы смотрятъ на него свысока, точно на малаго ребенка, или на человѣка не въ полномъ разумѣ, и что, подъ старость лѣтъ, изъ Владиміра онъ превратился въ Володю: такъ его звали въ послѣднее время вездѣ, и дядей Владиміромъ величали развѣ одни только очень молодые ребята, и то когда просили его о чемъ нибудь. Володѣ, напротивъ, казалось, что вездѣ имъ дорожатъ, вездѣ почитаютъ и уважаютъ и особенно тамъ, гдѣ подносили водку. Лѣтъ пять назадъ до настоящаго разсказа жена его умерла: совсѣмъ закинутая мужемъ, безъ всякой заботы съ его стороны, она жила послѣдніе годы въ страшной бѣдности и лишеніяхъ, тѣмъ болѣе, что Владиміръ не позволялъ ей не только сбирать, но и обращаться къ кому нибудь постороннему за помощью.

— Моя-то жена, да чтобы подъ окнами съ Христовымъ именемъ ходила! ... воевалъ иной разъ надъ нею Владиміръ. Да ты и думать этого не моги: убью! ... Да я не то, что тебя, стараго чорта, я десять этакихъ прокормлю.

— Куда ужъ десять: ты хоть бы меня-то одну прокормилъ, безсовѣстная твоя душа, возражала жена, а то бахвальства-то у тебя много, а мнѣ, вѣдь, перекусить нечего, съ голоду пропадаю ... Безпутный! ... Вѣдь уморилъ ты меня вовсе: безъ смерти смерть вижу ... Вовсе, вѣдь, ты меня не кормишь ...

— Какъ уморилъ? ... Какъ перекусить не-

чего? ... А помнишь двухъ зайцевъ принесъ, а рыбы-то: окуневъ-то да головлей ... Не съ тобой развѣ вмѣстѣ уху-то хлебали? ... Одинъ что ли я ее тогда съѣлъ? ... Хлебали-хлебали тогда, да еще дня на три осталось ... Я ее не кормлю! ... Видишь ты: кто же? ... Не сама ли ты пуще промыслишь про себя ...

— Смотри-ка ты, парой зайцевъ да ухой попрекаешь! ... Безстыжіе твои глаза! ... Хоть бы ужъ не говорилъ ... Да когда ты зайцовъ-то приносилъ? вспомни-ка ... Не въ томъ ли еще мясоѣдѣ? ... А вѣдь пить-ѣсть ежедень требуется ... Да и что мнѣ въ твоихъ зайцахъ, да въ рыбѣ безъ хлѣба-то? ... Былъ бы у меня кусокъ хлѣба съ водой, да свой, да каждый день, наплевала бы я тебѣ и на зайцевъ-то на твоихъ ... А промыслить, извѣстно, промыслила бы и безъ тебя, да и жить бы не стала съ тобой, въ чужіе люди, въ работницы бы ушла, кабы не наказалъ меня Богъ: кабы не рученьки мои да не ноженьки ...

У нея подъ старость появились какія-то язвы на рукахъ и ногахъ, такъ что она почти ничего не могла работать.

— Сдѣлай ты мнѣ положенье, кончала обыкновенно такой разговоръ бѣдная женщина: — положи ты мнѣ хоть пудъ муки да фунтъ соли на четыре недѣли ... Больше мнѣ не надо: прокормлюсь я этимъ какъ нибудь ... А безъ этого нельзя, чтобы съ плетюшкой не ходить подъ окна ... Какъ хочешь? ...

— Не смѣй, тебѣ говорятъ ... Не приказываю! ... Не потерплю я экого срама, чтобы моя жена побиралась ... Какова ты не есть оляжье, а все законная считаешься ... Велика штука ей пудъ

муки на четыре недѣли ... Да я не то, что ... Теперь вотъ не съ чего взять, а вотъ погоди, капканы буду ставить, лисы попадаться станутъ, али вотъ язы поставлю, рыба въ норота пойдетъ, такъ тутъ не то пудъ муки, а выдамъ тебѣ четвертную на весь годъ: кормись сама, какъ знаешь, только мнѣ не докучай ... Вотъ я какъ, а не то, что голодомъ тебя морить ...

Но обыкновенно всѣ эти обѣщанія только обѣщаніями и оставались. Владиміръ, оставляя иногда совсѣмъ пустой домъ, съ больной и безпомощной женой, не только не думалъ о томъ, что она будетъ ѣсть на слѣдующій день, но совсѣмъ забывалъ о ней и пропадалъ, не показываясь по недѣлѣ и по двѣ.

Бѣдная женщина наконецъ, какъ говорили крестьяне, вовсе извелась и оставила Владиміра одинокимъ вдовцомъ. Онъ тогда уже совсѣмъ закинулъ свой домъ и, наконецъ, даже продалъ его сосѣду-мужику на очень оригинальныхъ условіяхъ: денегъ онъ за него не взялъ, но выговорилъ, чтобы новый владѣлецъ, въ теченіе мѣсяца, каждый день выставлялъ ему по полу-штофу съ закуской и съ тѣмъ, что если онъ который день пропуститъ, то это бы не пропадало, а считалось за нимъ на будущее время, и сверхъ того, чтобы до конца своей жизни Владиміръ, когда ему понадобится, имѣлъ право приходить въ проданный домъ, какъ въ свой собственный, и чтобы новый хозяинъ всегда подносилъ ему водки и кормилъ его. Всѣ эти условія были заявлены и засвидѣтельствованы на-міру, причемъ покупатель для крѣпости и для памяти долженъ былъ выставить міру ведро водки. Этимъ оригинальнымъ актомъ купли-продажи Володя очень гордился, какъ своимъ

изобрѣтеніемъ, считалъ сдѣлку очень для себя выгодною, говорилъ, разсказывая о ней: поди, выдумай другой! и втихомолку подсмѣивался надъ простотой и неразсчетливостью покупателя.

— Теперь у меня домъ-отъ, ровно въ сказкѣ, и съ водкой, и съ закуской ... Ровно скатерть самобранную завели ... Не хлопочи, не думай, никакой заботы, а сдумалось, принеси! Разъ-два ... пожалуйте: и тепло, и свѣтъ, и водка, и закуска ... безъ перевода ... когда угодно! ...

И Владиміръ былъ глубоко убѣжденъ, что новый владѣлецъ его дома не посмѣетъ нарушить условія и что въ противномъ случаѣ онъ во всякое время можетъ его выгнать изъ дома, не смотря даже на то, что тотъ и поправилъ, и перекрылъ его.

Покойная жена Владиміра была сестрою Устиньи: послѣдняя знала всѣ подробности ея несчастной жизни и потому особенно не любила Владиміра, а его бездомство и пьянство заставляло смотрѣть на него, какъ на самаго послѣдняго, презрѣннаго человѣка, и она очень была недовольна, что Иванъ, напротивъ, любилъ дядю, какъ любили Володю и всѣ веселые разгульные ребята. Устинья, пожалуй бы, пустила его къ себѣ ночевать, такъ какъ по родству нельзя отказать, каковъ бы ни былъ роденька, но угощать водкой и привѣчать его не стала бы ни въ какомъ случаѣ, если бы не потребовалъ этого молодой хозяинъ-сынокъ, забравшій въ свои руки команду въ домѣ. Когда, выпивши стаканъ водки, Иванъ ушелъ изъ дома неизвѣстно куда, а все остальное въ полуштофѣ оставилъ въ распоряженіе гостя, уже и безъ того пьянаго, Устинья съ глубокимъ вздохомъ усѣлась въ темный уголокъ избы и молча отворотилась отъ гостя. Ей было особенно горько и обидно, что

сынокъ вмѣсто того, чтобы дать лишній рубль матери на нужду, изводитъ деньги на угощеніе этакого пьяницы. А Владиміръ, между тѣмъ успѣвшій осушить одинъ за другимъ три стакана, качался, сидя на мѣстѣ, и едва смотрѣлъ слипавшимися глазами.

— Сваха Устинья ... окликнулъ онъ ее, съ усиліемъ произнося слова. Я Ванюшу облагодѣтельствую ... Я для него ... выдь душа ... все сдѣлаю ...

— Ты сдѣлаешь! ... со злобной насмѣшкой отвѣчала Устинья. — Что ты сдѣлаешь-то?

— А то сдѣлаю ... Мы такую съ нимъ штуку удумали ...

— Что еще выдумали? ... Скажи-ка ...

— Нѣтъ, сказать нельзя ... потому ... тайность эта ... секретная ... Погоди вотъ что будетъ ...

Володѣ спьяна казалось, что онъ что-то уже знаетъ, хотя Иванъ пока и ничего ему не сказалъ.

— Видно дѣльце, коли отъ матери таитесь! ..

— А потому нельзя ... Вы, бабы, на языкъ не ... не согласны ... А вотъ, поди, поднесу: выпей со мной ...

— Не пью я ... Чужимъ-то подноситъ! ... Ложился бы и ты что ли уже скорѣй ... Смотри-ка, чуть сидишь ... Водку-то оставь до завтра: опохмѣлиться захошь, а у меня, вѣдь, не на что покупать-то еще ... Дай-ка я приберу посудину-то, а ты ложись ...

— Нѣтъ, нѣтъ ... Погоди ... Это не ... не въ правилѣ ...

Владиміръ схватилъ штофъ, сжавъ его въ своихъ рукахъ, но голова его невольно опустилась на столъ и онъ мгновенно уснулъ. Устинья хотѣла было вынуть изъ рукъ Володи посуду, но онъ держалъ ее крѣпко и мычалъ каждый разъ, какъ она до нея

дотрогивалась. Устинья съ сердцемъ плюнула и ограничилась тѣмъ, что сняла со стола баранки, взяла ихъ нѣсколько себѣ на ужинъ, а остальныя спрятала. Съ горькими слезами досады жевала Устинья эти баранки своими старыми зубами. Потомъ заперла дверь и съ сердцемъ потушила огонь въ избѣ. Съ невеселыми думами засыпала она на печкѣ, прислушиваясь къ пьяному храпу и мычанью Володи.

— Вотъ дождалась сынка: и уменъ, и досужъ, и грамотенъ ... А что матери, какая отъ того корысть: пьетъ да гуляетъ ... пьяницъ поитъ да привѣчаетъ ... Вотъ цѣлую недѣлю дома не бывалъ: чѣмъ бы порядкомъ придти, денежки матери отдать, посидѣть, обо всемъ переговорить, а онъ ... выкинулъ подачку, а самъ и былъ таковъ ... И гдѣ теперь, куда закатился! ... Всѣ денежки прогуляетъ безъ пути, безъ пользы, а нужды-то, въ дому, куда ни повернись ... Ни до чего-то горюшка, ни до чего ему заботушки! ... Да еще съ этакими вотъ поведется и совсѣмъ пропадетъ ... Чего пути ждать: съ Володей вяжется ... И что они съ нимъ затѣваютъ? ... А — ахъ, горькая я, горемычная, на свѣтъ родилась! ...

V.

Иванъ въ это время шелъ спѣшнымъ и увѣреннымъ шагомъ по проселочной, какъ видно, знакомой дорогѣ. Наступила уже совсѣмъ темная осенняя ночь, но въ деревняхъ кое-гдѣ мелькали еще огоньки. Онъ направлялся въ извѣстную въ окрестностяхъ старинную, необитаемую и запущенную усадьбу Мамаиху, которая находилась верстъ за пять отъ его деревни и въ другомъ приходѣ. Особнякомъ стояла она среди окружающихъ рощъ и бѣлѣлась на ихъ

фонѣ, своимъ большимъ господскимъ домомъ и надворными постройками сплошь каменными и также сплошь выбѣленными известкой и мѣломъ. Всѣ эти постройки были обращены фасадомъ къ широкимъ и глубокимъ прудамъ, выкопаннымъ въ маленькой рѣчкѣ и сдерживаемымъ плотинами и шлюзами. Мимо усадьбы по берегу пруда шла проѣзжая дорога и заворачивалась черезъ мостъ на другую сторону прудовъ, гдѣ тянулась деревня одной длинной улицей. Всѣ крестьянскіе дома въ деревнѣ Мамаихѣ, въ той ея части, которая лежала противъ усадьбы, были каменные, однообразной архитектуры, въ три и въ шесть оконъ. Всѣ они также выбѣлены. Усадьба эта принадлежала нѣкогда царедворцу-временщику, который, оставшись не у дѣлъ, перенесъ на свое имѣніе заботу о благоустройствѣ, порядкѣ, строгой во всемъ регламентаціи, и въ то же время задался задачей улучшить бытъ и облагодѣтельствовать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Цѣлые полки солдатъ пригонялись, чтобы вырыть знаменитые пруды, способствовать скорѣйшей постройкѣ усадебныхъ зданій и засадить садъ. Для крестьянъ приказано было выстроить однообразныя каменныя избы для одной и для двухъ семей: первыя въ три, вторыя въ шесть оконъ. Послѣднія раздѣлялись по рединѣ сплошной каменной стѣной, имѣли два отдѣльныхъ входа; примыкавшій къ нимъ дворъ, хотя имѣлъ одну кровлю, но также разгораживался на двѣ совершенно одинаковыя половины, каждая съ отдѣльными воротами. Объемъ и расположеніе избъ и дворовъ были впередъ строго разсчитаны и опредѣлены самимъ помѣщикомъ, на основаніи самыхъ гуманныхъ соображеній о потребностяхъ крестьянской семьи и крастьянскаго хозяйства. Крестьяне были непріятно изумлены при-

казаніемъ перебираться изъ своихъ деревянныхъ курныхъ избенокъ въ новенькіе, чистенькіе каменные домики и, по свойственному имъ невѣжеству, съ большимъ горемъ и неудовольствіемъ оставляли старыя и переходили въ новыя жилища. Ихъ не утѣшало и не успокоивало даже и то, что всѣ эти дома были выстроены на счетъ помѣщика и отдавались имъ, такъ сказать, въ кредитъ съ продолжительной разсрочкой платежа: они въ силахъ были понять только одно, что эти новыя, по мнѣнію помѣщика, очень удобныя жилища, увеличивали ихъ оброкъ, ибо никакъ не могли усвоить себѣ идеи о разсрочкѣ платежа за получаемую въ кредитъ цѣнность. Но, не смотря на то, когда усадьба была устроена, пруды наполнены водой и крестьяне переселены въ новенькіе бѣленкіе домики, и когда вельможа пріѣхалъ самъ, чтобы взглянуть на осуществленіе своего замысла, тѣ же мужики, предводимые бурмистомъ, огромной толпой явились къ барину, принесли на поклонъ хлѣбъ-соль на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ, приволокли за рога, на поклонъ же, кормнаго барана и, кланяясь своему благодѣтелю въ землю, благодарили его устами бурмистра за всѣ оказанныя имъ милости. Баринъ спросилъ, хороши-ли и по мысли-ли имъ новые дома, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, въ одинъ голосъ отвѣчали, что уже на что хорошо, что уже этакаго хорошества да приволья и не привидано! и снова съ бурмистромъ во главѣ бросились барину въ ноги. Вельможа уѣхалъ вполнѣ довольный и счастливый чужимъ счастіемъ, котораго онъ былъ источникомъ, и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ своемъ имѣніи. Затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ оно переходило изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣльца къ другому, посту-

пало по наслѣдству, и въ приданое, продавалось по купчимъ крѣпостямъ и съ аукціона, даже проигрывалось въ карты, но такова была судьба этого имѣнія, что ни одинъ владѣлецъ не прожилъ въ немъ и году, а иные и въ глаза его не видали, управляя и собирая оброки и иные доходы чрезъ управляющихъ, бурмистровъ, приказчиковъ. Но тѣмъ не менѣе владѣльцы этого имѣнія всегда пользовались заочнымъ уваженіемъ мѣстныхъ властей и считались представителями уѣзда, въ которомъ Мамаиха находилась, такъ какъ это было самое крупное имѣніе во всемъ уѣздѣ и владѣть имъ могли только люди или очень богатые, или очень знатные и сильные. По отраженію, пользовались почетомъ, уваженіемъ и всякаго рода снисхожденіемъ и лица, управлявшія имѣніемъ по довѣрію, да и не могло быть иначе, такъ какъ бывали и помнились случаи, что исправники и становые, даже мѣстные сельскіе попы, дерзавшіе неблагосклонно, или притязательно относиться къ управителямъ, теряли свои мѣста, переводились въ другіе уѣзды и приходы, или даже вовсе увольнялись. Вслѣдствіе этого и такъ какъ настоящіе владѣльцы были только, такъ сказать, отвлеченнымъ понятіемъ, какимъ-то миѳомъ, котораго въ дѣйствительности никто не видалъ, всѣ управляющіе имѣніемъ считались полными хозяевами и какъ бы собственниками его, а простой народъ, не знавшій даже фамиліи барина, при вопросѣ: чья это дача? чей лѣсъ? чьего владѣнія онѣ сами? всегда называли имя послѣдняго управляющаго. Даже теперь когда крестьяне были освобождены и отданы на выкупъ, а оставшіеся за надѣломъ лѣса на половину вырублены и распроданы, Мамаиха представляла еще самую крупную въ уѣздѣ земельную единицу и управляющій ею имѣлъ значе-

ніе въ глазахъ мѣстной администраціи, а тѣмъ болѣе мѣстнаго населенія, не смотря даже на то, что послѣдній владѣлецъ былъ хотя и богатъ, но далеко не знатенъ, а управляющимъ состоялъ бывшій дворовый человѣкъ его, прежде Яшка, нынѣ Яковъ Захарычъ. Сидѣлъ онъ управляющимъ много лѣтъ сряду, пріобрѣлъ отъ помѣщика полную довѣренность, при освобожденіи крестьянъ самъ писалъ уставныя грамоты, самъ давалъ надѣлъ и заключалъ сь крестьянами сдѣлки на новыхъ поземельныхъ отношеніяхъ: послѣ освобожденія онъ же продавалъ и рубилъ на продажу лѣса и сдавалъ въ аренду земли. Помѣщикъ любилъ и вѣрилъ Захарову безусловно, тѣмъ болѣе, что доходъ съ имѣнія при его управленіи никогда не уменьшался даже и тогда, когда всѣ крестьяне сдѣлались собственниками, а помѣщикъ получилъ въ карманъ значительную сумму выкупныхъ денегъ. Захаровъ умѣлъ такъ предусмотрительно стѣснить крестьянъ при надѣлѣ, что волей-неволей они должны были брать у него въ аренду по высокой цѣнѣ за деньги, или за работу, окружающую ихъ надѣлы, какъ кольцомъ, господскую землю, а недоборы противъ прежнихъ оброковъ дополнялъ продажею лѣсовъ на срубъ. Счастливый и довольный помѣщикъ въ глубинѣ души даже удивлялся, что страшная эмансипація не только не уменьшила, но еще увеличила его доходы, но, хвалясь увеличеніемъ доходовъ, былъ справедливъ и никогда не забывылъ похвалить и своего управляющаго.

— Кому какъ, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: — въ моихъ глазахъ эмансипація всегда была необходима и не застала меня врасплохъ: я все предвидѣлъ и, улучшая бытъ крестьянъ, устроилъ

такъ, что и они, крестьяне, замѣтно поправляются, и я получаю дохода больше прежняго ... Правда, что у меня и сидитъ тамъ ловкая бестія ... не нѣмецъ не думайте, нѣтъ! и не ученый спеціалистъ, нѣтъ! мой бывшій камердинеръ, попросту сказать, лакей, правда грамотный и толковый, знающій бытъ крестьянъ, сжившійся съ ними, понимающій ихъ нужды ... ну, и, конечно, строгій исполнитель моихъ приказаній ...

А крестьяне Мамаихи съ селами и деревнями понять никакъ не могли, что это такое случилось, что надо бы быть лучше и легче супротивъ прежняго, потому воля и барщины нѣтъ, а платить приходится чуть не вдвое противъ прежняго ...

Захаровъ былъ дѣйствительно управляющій самый подходящій къ интересамъ помѣщика: крикливостью, взыскательностю, особенно относительно недоимочнаго рубля, онъ умѣлъ нагнать на крестьянъ страхъ еще при крѣпостномъ правѣ и сохранилъ свое обаяніе даже и въ то время, когда мужики освободились отъ помѣщичьей власти. Онъ зналъ и крѣпко держался пословицы: „не бей дубьемъ, а бей рублемъ“, примѣняя ее при всякомъ удобномъ случаѣ. Съ земской полиціей не только никогда не ссорился, но, напротивъ, былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, отчего и получалъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ надлежащую помощь; а когда часть власти перешла въ руки волостного правленія, то такими же присными и близкими друзьями, какъ и чины полиціи, стали для него волостные старшина и писарь. Чины полиціи охотно заѣзжали къ нему, пользовались его гостепріимствомъ и не гнушались бесѣдой съ управляющимъ, забывая о прежнемъ его лакейскомъ званіи; они крѣпко жали

смѣло протянутую имъ руку, панибратствовали съ нимъ, говорили дружески: ты, и звали къ себѣ въ гости, и Захаровъ, бывая въ городѣ, заходилъ къ властямъ, какъ равный къ равнымъ. Понятно, что послѣ этого старшина и писарь считали даже за особенную честь вести знакомство и быть въ содружествѣ съ такимъ человѣкомъ и по мѣрѣ возможности услуживать ему; а мужики тѣмъ болѣе понимали, что Захаровъ — сила, съ которой тягаться не приходится: они и не думали съ нимъ связываться, а кланялись и стояли передъ нимъ безъ шапки попрежнему, а онъ кричалъ, ругался и важничалъ надъ ними тоже попрежнему.

Яковъ Захаровъ, водясь постоянно въ господской и поповской компаніи и чуждаясь мужиковъ, пріобрѣлъ нѣкоторый апломбъ въ манерахъ, говорилъ языкомъ не мужицкимъ, но семинарски-чиновничьимъ, читалъ газеты, слѣдилъ за политикой, считалъ себя человѣкомъ не только образованнымъ и облагороженнымъ, но и совсѣмъ благороднымъ; онъ вовсе забылъ даже о своемъ лакейскомъ происхожденіи, думалъ, что и другіе не помнятъ этого: не разъ, горячась на иного недогадливаго мужика, кричалъ на него: „коли съ тобой, ракалія, господинъ говоритъ, такъ ты не смѣй отвѣчать, а молчи да слушай!..."

Мужикъ обыкновенно выслушивалъ этотъ окрикъ молча, понуря голову, хоть самъ и думалъ въ это время:

— Знаемъ мы тебя, господина... Вѣстимо, ты сталъ теперь господинъ, по господской милости, а прежде что былъ? тарелки лизалъ, да кострюльки у господъ выносилъ...

Внѣшнимъ своимъ видомъ, впрочемъ, Яковъ Захаровъ до сихъ поръ напоминалъ ожирѣвшаго дво-

рецкаго изъ богатаго барскаго дома, не смотря на крикливую рѣчь и размашистыя манеры: по старой привычкѣ онъ тщательно пробривалъ подбородокъ, не носилъ усовъ, но имѣлъ роскошные бакенбарды, обрамливавшіе его широкое круглое лицо; носилъ солидно-длинные и широкіе сюртуки, которые никогда не застегивалъ, а, прислушиваясь къ рѣчамъ какого-нибудь нужнаго и вліятельнаго человѣка, вытягивалъ впередъ и склонялъ нѣсколько на бокъ свою голову, причемъ приподнималъ многозначительно густыя брови.

Якова Захарыча считали человѣкомъ не только преданнымъ интересамъ своего довѣрителя, но и вполнѣ честнымъ, хотя никто не сомнѣвался, что онъ умѣлъ скопить изъ крохъ, падающихъ отъ трапезы господина своего, порядочный капиталецъ: всякій понималъ, что такъ и быть должно, что иначе и быть не можетъ, что не даракъ же онъ, чтобъ не обезпечить себя на черный день. Вопросъ былъ только въ томъ: какою суммою опредѣлить его состояніе; до освобожденія крестьянъ считали его въ тысячахъ, а послѣ освобожденія, когда началась сдача земель въ аренду, продажа отрѣзковъ и рубка лѣса, говорили о десяткахъ тысячъ ...

И вотъ за дочерью такого-то человѣка осмѣлился ухаживать Иванъ: Машенька, о которой онъ пѣлъ, про которую говорилъ матери, была дочь Якова Захарова. Семейство его состояло, кромѣ жены, изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Марья была старшая и вполнѣ уже невѣста, другая еще подростокъ. Старшій сынъ, Константинъ, былъ уже женатъ и съ помощью отца открылъ и содержалъ трактиръ въ сосѣднемъ фабричномъ селѣ; второй сынъ не удался, спился, загулялъ и жилъ при отцѣ,

безъ всякаго дѣла и въ большомъ загонѣ отъ родителей. Этотъ сынъ былъ больное мѣсто Яяова Захарова: онъ стыдился его, не любилъ даже когда о немъ поминали. Какихъ мѣръ не употреблялъ онъ, чтобы образумить своего заблудшаго Виктора: и билъ его, и запиралъ, и отдавалъ къ знакомымъ купцамъ въ качествѣ молодца — ничто не помогало: онъ ничего не хотѣлъ дѣлать, отовсюду убѣгалъ и возвращался къ отцу. Наконецъ на него, махнули рукой, какъ на неизбѣжное зло, хотя почти не пускали въ семью, и онъ постоянно проводилъ время съ рабочими.

Марья была любимицей у родителей и считалась красавицей. Яковъ Захарычъ, умѣвшій поставить себя лично почти на равную ногу съ уѣздной чиновничьей средой, не могъ сдѣлать того же со своей семьей, да, правда, мало объ этомъ и заботился. Жена его зналась только съ попадьями и осталась на всю жизнь дворовой женщиной, не смотря на то, что въ праздникъ въ церковь надѣвала шали, шелковыя мантильи и шляпки съ цвѣтами и даже съ перьями. Она .была женщина недальнаго ума, но добрая и безъ претензій, имѣла большую наклонность къ скотоводству и почти все время проводила на скотномъ дворѣ. Вся поглощенная домашнимъ хозяйствомъ, съ дѣтьми она возилась только, пока онѣ были маленькими, а какъ только вставали на ноги, она ограничивалась только одной заботой, чтобы были сыты и одѣты, о воспитаніи же ихъ нисколько не заботилась, да и не сумѣла бы, еслибъ захотѣла. Якову Захарычу тоже некогда была думать объ этомъ, да правду сказать и въ голову не приходило; впрочемъ, по его настоянію, всѣ дѣти были обучены грамотѣ. Затѣмъ они росли безъ

всякаго надзора и руководства почти такъ же, какъ крестьянскія дѣти, съ той только разницей, что не знали никакого труда и жили въ полной праздности: каждый складывался и развивался согласно своей личной природѣ и подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, когда Марья стала подростать, мать ея сочла долгомъ часто внушать и напоминать ей единственный нравственный догматъ, который знала, чтобы дѣвка какъ можно берегла для мужа свою честь, потому безъ этого и замужъ не везьметъ хорошій человѣкъ, а если и выйдешь обманомъ, такъ послѣ отъ мужа наплачешься.

VI.

Съ дѣтства Маша, такъ же, какъ и прочія дѣти Захарова, росла безъ всякаго надзора и на полной свободѣ; но когда она стала невѣстой, отцу пришла мысль, что хорошо бы черезъ нее породниться съ какимъ нибудь благороднымъ человѣкомъ или купцомъ. Но какъ это сдѣлать? Дочь смотрѣла совсѣмъ крестьянской дѣвкой, не имѣла ни манеръ приличныхъ, не знала никакого хорошаго разговора, была бойка, размашиста, смѣла, но, при чужихъ и особенно благородныхъ людяхъ, дика и глядѣла исподлобья; даже хорошее платье носить она не умѣла такъ, какъ видалъ онъ, носятъ въ городѣ даже жены бѣдненькихъ чиновниковъ: не было въ ней никакой благородной повадки. Какъ же быть и какъ все это исправить? Вздумалъ было Яковъ Захарычъ поговорить объ этомъ, посовѣтоваться съ женой, но та даже не поняла его хорошенько, а только перепугалась.

— Али примѣтилъ что? … спрашивала она мужа торопливо и заботливо. Неужто ужъ вѣшаться стала? … Вотъ не примѣчала, ей же Богъ, не примѣчала: думала у дѣвки и въ головѣ-то еще этого нѣтъ … Правда, что у другихъ это рано приходитъ … А только что я говорила, Яковъ Захарычъ, предостерегала … А теперь ужъ смотрѣть буду, изъ глазъ не выпущу! … Извѣстно, кабы замужъ выдать поскорѣе, до грѣха, да за хорошенькаго человѣка, на что бы лучше … Поищи, постарайся, Яковъ Захарычъ … А я присматривать буду за ней, буду … только ты скажи мнѣ, съ кѣмъ ты ее примѣтилъ …

— Эхъ, да не то … прикрикнулъ на жену Яковъ Захарычъ. Ничего я не замѣчалъ за ней нехорошаго и присматривать насчетъ этого нечего … А говорятъ тебѣ, что какъ есть ты необразованная женщина, такъ и дочь выростила безо всякаго образованія: ни войти, ни поклониться, ни слова сказать не умѣетъ, какъ благородная дѣвица … Вонъ у исправника дочери — поглядѣла бы ты! … Да не то у исправника, даже у станового дѣвицы какъ держатъ себя? … превосходно смотрѣть, а физіономіями, пожалуй, много хуже нашей … Да чего говорить про благородныхъ, вонъ поповны, такъ и тѣ больше благороднаго вида и поведенія имѣютъ противъ нашей …

— Свѣту, Яковъ Захарычъ, не видитъ: деревенская … Перенять, заняться не отъ кого … оттого …

— Вотъ то-то и есть: про то и говорю … Такъ ты води-ка-ее почаще къ попадьямъ: пускай она тамъ съ поповнами побольше водится и перенимаетъ … И погостить, коли будутъ просить,

оставляй, и къ себѣ гостить ихъ зови ... А между прочимъ при всякомъ случаѣ я въ городъ ее буду брать съ собой, для наблюдательности ея: какія деликатныя, хорошія барышни бываютъ ... По бульвару походитъ да посмотритъ, такъ ужъ и тутъ разницу свою увидитъ ...

— Да ужъ конечно ... Какъ же можно! ... согласилась Аграфена Емельяновна. — Посмотритъ — и перенимать будетъ ...

Сообразно этой программѣ и началось образованіе Марьи: ей нашили хорошихъ платьевъ, стали возить на ярмарки въ городъ и въ сосѣднія села, гдѣ приказывали перенимать манеры съ барышенъ, попробовали были ввести ее въ господскіе дома, начавши со знакомства съ дочерьми станового, но проба не удалась: барышни отнеслись къ неловкой и невоспитанной управительской дочери свысока и съ едва скрытой насмѣшкой, такъ что никакія убѣжденія и приказанія не могли принудить упрямую дѣвушку ѣхать къ нимъ въ другой разъ, или искать знакомства въ другихъ господскихъ домахъ. Зато она очень подружилась съ дочерью сельскаго попа, дѣвицей, нѣсколько вкусившей отъ столичнаго просвѣщенія, такъ какъ больше года пробыла въ одномъ изъ петербургскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, куда была помѣщена по протекціи и на счетъ прихожанина-помѣщика, петербургскаго жителя, и откуда, стосковавшись по родительскому дому до болѣзни, она была взята обратно сердобольной и тоже стосковавшейся по дочкѣ мамашей.

Это происходило два года тому назадъ; но и въ то время вліяніе поповны на Машу, не замѣчаемое ею самою, было замѣчено и съ признательностію одобрено ея родителями: она стала гораздо

скромнѣе, степеннѣе, больше стала собой заниматься, тщательнѣе причесываться и помадиться, полюбила наряды, выучилась жеманиться, стала втихомолку приглядываться къ мужчинамъ и съ разборомъ, а не попрежнему, безразлично относиться къ нимъ, даже разговоръ у нея сталъ другой, особенно съ мужчинами. Это видѣли родители и радовались, а Яковъ Захарычъ все больше утверждался въ надеждѣ породниться черезъ дочь съ настоящимъ благороднымъ человѣкомъ и старался выводить ее на показъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но на бѣду не выискивался такой подходящій женихъ, всѣ же господа чиновники, которые заѣзжали къ управляющему, были люди женатые. Правда, бывалъ иногда мировой посредникъ, холостой, но онъ держалъ себя такъ важно, что насчетъ его Яковъ Захарычъ и думать не смѣлъ; пріѣзжалъ одинъ разъ землемѣръ, а другой разъ судебный приставъ, но первый былъ пьяница горькій и женской красотой интересовался меньше, чѣмъ водкой, а другой сразу растаялъ передъ Машей и сталъ расточать любезности и вздыхать съ первой же встрѣчи, но по наведеннымъ справкамъ оказался человѣкомъ мало благонадежнымъ въ служебномъ, да и во всякомъ другомъ отношеніи, любилъ играть въ картишки, засиживался въ трактирахъ, манкировалъ дѣлами и вскорѣ былъ лишенъ мѣста. Изъ сосѣднихъ помѣщиковъ навертывался было одинъ женишокъ, которому очень обрадовалась Аграфена Емельяновна и соблазнился было Яковъ Захарычъ, а Маша такъ совсѣмъ было ужъ влюбилась. Это былъ помѣщичій сынокъ изъ хорошей, почтенной семьи, и изъ очень даже небѣдныхъ, молодой, веселый, красивый, мало ученый, правда и совсѣмъ безъ чина, но за то весьма обхо-

дительный и простой, безъ всякой важности и зазнайства. Молодой баричъ повадился очень часто ѣздить къ Захарову и, пользуясь тѣмъ, что его принимали всегда съ радушіемъ и предупредительностью, нисколько не скрываясь, ухаживалъ за Машей. Родители со дня на день ждали формальнаго предложенія, а между тѣмъ собирали о женихѣ справки. Они узнали, что это былъ порядочный шалопай, кутила и мотушка, но молодость, добродушіе, открытая душа юноши обѣщали, что, женившись и попавши въ хорошія руки жены и ея родителей, онъ можетъ остепениться и сдѣлаться основательнымъ помѣщикомъ съ 125 душевными надѣлами, еще не представленными на выкупъ, и съ хорошо устроенной усадьбой. Послѣднія два обстоятельства очень много говорили въ пользу жениха и за нихъ можно было бы даже простить, еслибы онъ и, сдѣлавшись мужемъ, не сразу исправился, а продолжалъ бы кутить и шалопайничать; во всякомъ случаѣ Маша сдѣлалась бы настоящей помѣщицей, а Яковъ Захарычъ пріобрѣлъ бы почтенное, благородное родство. Молодой человѣкъ, смекнувшій чего отъ него ждутъ, дѣлалъ тонкіе и не вполнѣ опредѣленные, но для родителей понятные, намеки о своихъ чувствахъ и намѣреніяхъ, возилъ Машѣ недорогіе подарки, любезничалъ съ родителями и даже успѣлъ очень ловко занять у Якова Захарыча сто рублей на самый коротkій срокъ; родители, почти увѣренные, что желаемый союзъ совершится, не только не мѣшали, но даже способствовали сближенію молодыхъ людей, оставляли ихъ однихъ вдвоемъ и показывали видъ, что не замѣчали рукопожатій и даже поцѣлуевъ. Маша не то, чтобы влюбилась въ молодого барина, но съ большимъ удовольствіемъ играла въ любовь

съ нимъ и съ любопытствомъ и сердечнымъ трепетомъ принимала его ласки. Все шло къ общему удовольствiю, но вдругъ совершенно неожиданный пасажъ разстроилъ все дѣло. Послѣ одного зимняго вечера, очень инитимно проведеннаго съ Машей, большею частью наединѣ, женихъ остался ночевать у Якова Захарыча. За ужиномъ онъ порядочно выпилъ и подъ влiянiемъ винныхъ паровъ, обуреваемый страстью, пробрался ночью въ комнату Маши. Въ той же комнатѣ спала младшая сестра Маши. Она начала кричать во все горло, разбудила весь домъ. Выскочившiе въ однихъ рубашкахъ, со свѣчами въ рукахъ родители, встрѣтили въ корридорѣ, недалеко отъ дверей Машиной комнаты, жениха, который сконфуженно ретировался оттуда. Родители остолбенѣли, женихъ пробормоталъ какое-то безтолковое и несвязное объясненiе происшедшаго и спѣшилъ уйти въ свою комнату, а на другой день еще до свѣта велѣлъ закладывать лошадей и хотѣлъ уѣхать, не простясь съ хозяевами. Яковъ Захарычъ, впрочемъ, предупредилъ его и засталъ въ ту минуту, когда онъ надѣвалъ шубу въ прихожей.

— Куда это вы такъ рано? ... и не простившись? ... съ упрекомъ и даже съ нѣкоторою строгостью, спросилъ его Яковъ Захарычъ.

— Ахъ, извините ... Прощайте ... Не могу никакъ ... Очень нужно ... Тороплюсь ... отвѣчалъ молодой человѣкъ, не смотря на хозяина и торопясь уйти.

— Но, однако, надѣюсь, вы скоро къ намъ опять? ...

— При первой возможности ... Постараюсь ... Прощайте ...

Женихъ отворялъ дверь въ сѣни.

— Но, однако, позвольте ... останавливалъ, слѣдуя за нимъ, Яковъ Захарычъ. Этотъ случай ... Такъ же нельзя ...

— Какой случай? ....

— А вчерашнія ... Мы довѣряли вамъ, какъ благородному человѣку ... Такъ конфузить дѣвушку нельзя ...

— Ахъ, это-то ... Ну что же дѣлать, ошибся дверью, шелъ совсѣмъ не туда, и попалъ ... Это ошибка — больше ничего ...

Молодой человѣкъ заносилъ ногу въ сани.

— Но позвольте, милостивый государь ... уже начиная горячиться, говорилъ Яковъ Захарычъ: вы держали себя такъ, какъ женихъ ... Оттого мы и допускали ...

— Какой женихъ? что такое? Конечно, покамъ не женюсь, все женихъ буду ... Прощайте ... Трогай ...

Молодой человѣкъ совсѣмъ уже сидѣлъ въ саняхъ. Кучеръ сталъ было выправлять вожжи, но Яковъ Захарычъ ухватился за рукавъ шубы гостя.

— Нѣтъ, постой, погоди ... вскричалъ онъ кучеру. Нѣтъ, вы обязаны, если вы благородный человѣкъ ... Такъ нельзя ... Вы сами говорили, что имѣли намѣреніе сдѣлать предложеніе ... Вы должны ...

— Пошелъ же, тебѣ говорятъ ... Дуракъ! ... вскричалъ женихъ на кучера и когда лошади тронулись, онъ вырвалъ свой рукавъ изъ рукъ Якова Захарыча.

— Никогда я ничего не говорилъ ... и никакого намѣренія не имѣлъ! ... отвѣтилъ онъ уѣзжая— что еще выдумалъ! ...

— Но я заставлю тебя ... Прошеніе подамъ ..

кричалъ вслѣдъ ему вышедшій изъ себя Яковъ Захарычъ.

— Подавай ... Срамись ... Росписку что ли я тебѣ далъ? ... Дуракъ, чортъ ... Лакутка! ...

Это было послѣднее слово, которое услышалъ Яковъ Захарычъ отъ желаннаго, избраннаго жениха. Онъ воротился домой, какъ ошпаренный. Долго потомъ злился и на себя, и на жену, и на дочь, но, успокоившись, разсудилъ, что еще дешево и благополучно отдѣлался и рѣшился не искать болѣе жениховъ для своей дочери изъ благородныхъ людей. Представлялось гораздо болѣе благонадежнымъ поискать счастья дочери въ купеческомъ сословіи. Съ этимъ разсчетомъ Машу отпустили погостить къ старшему брату — трактирщику, который, предполагалось, водилъ знакомство со всѣмъ купечествомъ, посѣщавшимъ его трактиръ. Трактиръ этотъ находился въ торговомъ селѣ, куда въ базарные дни съѣжались всѣ окрестные фабриканты и ихъ приказчики, да и въ самомъ селѣ была фабрика. Все купечество въ эти дни считало долгомъ зайти въ одинъ изъ многихъ сельскихъ трактировъ хоть для того, чтобы выпить лянсинчику, или мадерки, а иногда и холодненькаго. Не брезговали заходить въ нихъ даже мѣстные коммерческіе тузы-милліонеры, для пріѣзда которыхъ при каждомъ трактирѣ была особенная, такъ называемая благородная комната. Здѣсь, въ случаѣ посѣщенія дорогихъ гостей, прислуживалъ нерѣдко самъ хозяинъ и даже хозяйка.

Жена старшаго сына Якова Захарыча была женщина молодая, бойкая и веселая, выучившаяся на трактирномъ дѣлѣ обращаться съ людьми. Жили они въ самомъ трактирѣ въ отдѣльныхъ комнатахъ, но

въ непосредственной связи съ заведеніемъ, такъ что въ случаѣ наплыва посѣтителей иногда уступали для нихъ одну изъ своихъ жилыхъ комнатъ. При такой обстановкѣ, казалось, было много шансовъ, что Маша найдетъ здѣсь свою судьбу, достойную ея самой, ея приданаго и ея родителей. Но желаемыхъ солидныхъ жениховъ что-то давно не являлось: если и были, то неподходящіе; за то здѣсь Маша встрѣтила и полюбла Ивана.

VII.

Братъ Маши, Константинъ Яковлевичъ, не имѣлъ приказчика и самъ стоялъ за буфетомъ, а когда другія дѣла отвлекали его изъ трактира, мѣсто его занимала супруга, Меланья Федоровна. Она была опытна въ дѣлѣ буфета, потому что послѣ перваго мужа вплоть до второго замужества самолично завѣдывала трактиромъ и вела торговлю. Меланья Федоровна, стоя за буфетомъ, еще лучше мужа распоряжалась дѣломъ: была привѣтливѣе, веселѣе и строже его, что посѣтителямъ очень нравилось. Не стѣсняясь, слушала она ругательства, крикъ, гамъ и ухарскія пѣсни фабричныхъ, но во-время, строго и рѣшительно умѣла прекращать ссоры и драки. Машу, послѣ деревенской тишины и уединенія, очень интересовала шумная, многолюдная и подвижная трактирная жизнь, и каждый разъ, какъ Меланья Федоровна становилась за буфетъ, она являлась туда же съ предложеніемъ помочь сестрицѣ. Константинъ Яковлевичъ, узнавши объ этомъ, сначала было усумнился, будетъ ли прилично стоять за буфетомъ его сестрѣ, дочери Якова Захарыча, имѣвшей претензіи выдти за благороднаго человѣка, и высказалъ это

сомнѣніе супругѣ, но Меланья Федоровна обидѣлась и задала супругу окрикъ: „что она-то сама, хуже что ли ея? и развѣ что пристанетъ къ ней? Опять же она сама, Меланья Федоровна, тутъ: не одну дѣвушку поставили; и еслибы что случилось для дѣвицы очень безобразное, такъ, вѣдь, она и вышлетъ ее. Наконецъ, какъ же и жениха ей найти, коли прятать ее и держать безвыходно взаперти въ своихъ комнатахъ“. Константинъ Яковлевичъ тотчасъ же уступилъ, и дѣло обошлось такъ, что Меланья Федоровна, замѣтивши снаровку, ловкость и расторопность Маши, частенько стала оставлять ее за буфетомъ одну.

Не разъ, стоя за прилавкомъ, Маша замѣчала молодого, красиваго парня, который являлся въ трактиръ всегда съ гармоніей въ рукахъ и въ сопровожденіи толпы рабочихъ, на которыхъ имѣлъ видимое вліяніе. Рабочіе садились туда, куда онъ указывалъ, смотрѣли ему въ глаза, слушали, когда онъ говорилъ, съ увлеченіемъ хохотали, когда онъ разсказывалъ что нибудь смѣшное; онъ всегда начиналъ и запѣвалъ пѣсни. Это былъ Иванъ. Нерѣдко заходили въ трактиръ фабричныя женщины, и тутъ Маша замѣтила, что всѣ онѣ больше или меньше интересовались молодымъ парнемъ и старались обратить на себя его вниманіе, но что онъ самъ ко всѣмъ относился, если не презрительно, то свысока и равнодушно. Маша догадывалась, что это былъ баловень и любимецъ женщинъ, одинъ изъ тѣхъ гордыхъ, балованныхъ красавцевъ, о которыхъ бывало мечтала поповна — только не въ видѣ петербургскаго франта, а въ образѣ простого фабричнаго работника. Какъ-то случалось, безъ умысла, а можетъ быть и не безъ намѣренія, что Иванъ садился

всегда на виду у Маши, и она вскорѣ замѣтила, что онъ на нее пристально посматириваетъ: ясно, что и онъ обратилъ на нее вниманіе. Иногда, какъ бы случайно, оборотясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ была Маша, и тихо наигрывая на гармоніи, онъ пѣлъ вполголоса заунывную пѣсню, и Маша охотно къ ней прислушивалась. Взгляды ихъ все чаще и чаще стали встрѣчаться и каждый разъ при этомъ Маша чувствовала, что краснѣетъ и опускаетъ глаза. Наконецъ однажды Иванъ, оставивши веселую компанію, съ которою пилъ чай, быстро всталъ съ мѣста и совершенно неожиданно подошелъ къ буфету, за которымъ въ эту минуту Маша стояла одна.

— Дозвольте стаканчикъ водочки ... сказалъ Иванъ, пристально взгядывая на буфетчицу.

Маша закраснѣлась, торопливо схватила графинъ съ водкой и не совсѣмъ твердой рукой налила стаканъ.

Иванъ выпивалъ водку медленно, не спуская глазъ съ Маши. Она, напротивъ, смотрѣла въ сторону, хмурилась и старалась придать своему лицу строгое, даже гордое выраженіе.

— Экая водка сегодня у весъ чудесная! проговорилъ Иванъ, держа стаканъ въ рукахъ и ожидая, чтобы Маша приняла его.

Марья ничего не отвѣчала и не брала стакана.

— Извольте получить ... стаканчикъ ... настаивалъ Иванъ, протягивая руку.

— Поставь ... Съ чего еще это ... сердито отвѣтила Марья.

— Я говорю, отчего-что это сегодня водка какая скусная? ровно отмѣнная какая ...

— Ничего отмѣннаго нѣтъ ... завсегда одна ... отвѣчала Марья, все такъ же строго и сухо.

— Ну, это, значитъ, отъ подносильщицы … отъ легкаго сердца, видно, подносите …

Маша невольно слегла улыбнулась.

— Это бываетъ … Что вы думаете? … У иного легкая рука и что ни сдѣлаетъ, чего ни подастъ — все въ удовольствіе другому бываетъ, а иной ровно все на зло, али въ непріятность человѣку … Нѣтъ, это видать сейчасъ, что душа у васъ самая добрая и рука легкая … И взглядъ у васъ такой … жалостливый … даже до самаго до сердца доходитъ … Такъ бы все и смотрѣлъ на васъ …

— Ну-ка, что еще за разговоры завелъ … строго сказала Маша, хмуря брови, но вся красная отъ внутренняго волненія. Заплати деньги, да и ступай въ свое мѣсто … въ свою компанію …

— Эхъ, знаю я, гнушаетесь вы моими рѣчами и въ свою компанію не примете … да рѣчи-то мои отъ самаго сердца … Говорилъ бы съ вами, сытъ не наговорился … И то ужъ больше мѣсяца, поди, хожу сюда ежедень, послѣднія деньги извожу, только бы посмотрѣть на васъ … Войдешь, да за стойкой-то васъ увидишь, точно Христовъ праздникъ встрѣтишь, даже все сердце такъ и встрепехнется, ровно птичка передъ солнышкомъ …

Иванъ говорилъ эти слова вполголоса, сопровождая ихъ глубокими вздохами и роясь въ кошелькѣ, какъ будто искалъ въ немъ деньги. Маша ничего не отвѣчала и показывала видъ, какъ будто не слушала его, хотя слышала все, до послѣдняго слова. Ей было и странно, и досадно, и даже обидно слушать такія рѣчи отъ простого фабричнаго, и въ то же время она чувствовала, что онѣ радуютъ, пріятно волнуютъ ее. Она теряла уже власть надъ собой; не могла заставить себя притворяться серьезной, сер-

дитой и обиженной; старалась уже только о томъ чтобы не выдать своего смущенія, показать, что она не слышитъ того, что онъ говоритъ ей. Но Иванъ былъ человѣкъ опытный въ обращеніи съ женщинами, хоть не съ такими, правда, попроще, но основательно думалъ, что всѣ онѣ на одинъ покрой: имѣй только снаровку къ которой какъ подойти. Съ одной — чѣмъ грубѣе, тѣмъ она ласковѣе, чѣмъ больше отъ нея отворачиваешься, тѣмъ крѣпче она липнетъ; передъ другой нужно прикинуться ягненочкомъ, ласковыя да жалостныя слова ей говорить, походить да и походить за ней: не гляди, что будто она сердитая, да отворачивается.

— Извольте получить денежки, Марья Яковлевна, сказалъ онъ, нарочно подавая рублевую бумажку, чтобы получить сдачу и подъ этимъ предлогомъ еще постоять у буфета. Вѣдь, вы сестрица приходитесь Константину-то Яковлевичу? ...

— Извѣстно, сестра ... Что же? ... проговорила Маша, высчитывая Ивану сдачу.

— Значитъ Якова Захарыча дочка ... И родителя вашего довольно знаемъ: хоть мы и не вашей вотчины были, чужой, а сусѣди: всего верстахъ въ пяти отъ усадьбы-то вашей наша деревня. Тоже въ Мамаиху когда и гулять ходимъ ... Видалъ я васъ тамъ и запрежъ того ... Извѣстно, вы все равно, что на господскомъ положеніи живете, нашему брату къ вамъ подойти не придется ... А все, хоть издальки да посмотришь: нарокомъ, бывало, ходили по праздникамъ, посмотрѣть-то на васъ ... Вамъ, извѣстно, и не въ примѣту ...

— Вотъ твоя сдача: получи ... Вотъ и Маланья Федоровна идетъ, сестрица ...

Иванъ взялъ сдачу и, не поднимая глазъ, не

взглянувши на Машу, отошелъ отъ буфета. Онъ понялъ, что Маша предупреждаетъ о приходѣ невѣстки не безъ умысла и очевидно для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе, и былъ очень этимъ доволенъ.

— Значитъ, желаетъ! подумалъ онъ: подходи, да только во̀-время и чтобы никому не въ догадку ... Это мы довольно понимаемъ! ... Знамо, опасится: наши фабричныя дѣвки, тѣ ничего, коли парни пристаютъ, не стыдятся, а еще въ похвалу себѣ ставятъ ... Ну, а эта, извѣстно, въ родѣ какъ барышня себя почитаетъ, опасится ... А ничего, можно! ... Вовсе не гнушается, а даже вонъ какъ: загорѣлась вся ... Вотъ бы! ...

Тутъ въ первый разъ мелькнула у Ивана мысль, что хорошо бы жениться на Машѣ: и красавица, и денегъ у отца куча ... Но онъ тотчасъ же и отказался отъ этой мысли, какъ невозможной.

Съ тѣхъ поръ онъ началъ ухаживать за Машей, какъ за красивой дѣвушкой, но безъ всякой надежды жениться на ней, и сначала почти безъ любви къ ней, а изъ простого молодечества и самолюбія, что вотъ, дескать, управителева дочка и та у насъ не отбилась. Но Ивану пришлось скоро разочароваться въ легкости побѣды надъ нею: какъ ни нравился онъ Машѣ, но она долго не поддавалась его ухаживаніямъ, преимущественно вслѣдствіе того, что ей казалось унизительнымъ и невозможнымъ сблизиться съ простымъ рабочимъ, да и притомъ, она уже освоилась съ мыслью, что должна выдти замужъ или за благороднаго, или за купца. Нѣсколько разъ послѣ описаннаго перваго разговора, Иванъ неудачно пробовалъ возобновить его: Маша была на-сторожѣ, и очень спокойно и ловко успѣвала отдѣлаться отъ него; иногда Иванъ отходилъ

даже осмѣянный и совсѣмъ обезкураженный равнодушіемъ и даже какъ будто пренебреженіемъ. Маша теперь даже никогда не смотрѣла на него, и глаза ихъ больше не встрѣчались.

Это неожиданное сопротивленіе не охладило, но, напротивъ, раздражало Ивана, заставляло его постоянно думать о Машѣ, безпокоиться, волноваться, даже тосковать. Онъ присмирѣлъ, изъ смѣлаго, самоувѣреннаго любезника сдѣлался робкимъ вздыхателемъ, боялся прямо взглянуть на Машу, смущался, когда подходилъ къ ней и говорилъ о чемъ нибудь самомъ обыкновенномъ, радовался, какъ безумный, когда ему казалось, что она мелькомъ и ласково взглядывала на него. И въ то же время, въ глубинѣ души, онъ страшно злился и на Машу, и на себя: избалованное самолюбіе его сильно страдало. Онъ даже похудѣлъ и оснулся. Маша все это замѣчала, внутренно торжествовала и влюблялась въ Ивана съ каждымъ днемъ болѣе, такъ что и мысль о неравенствѣ положеній все рѣже и рѣже стала посѣщать ее. Ей было лестно убѣдиться, что она могла пріобрѣсти такую власть надъ лихимъ и бойкимъ красавцемъ, что она такъ скоро успѣла покорить его и что онъ тоскуетъ и страдаетъ по ней; она представляла себѣ ту радость и восторгъ, какіе онъ почувствовалъ бы, еслибъ она сказала, что любитъ и жалѣетъ его, какъ бы онъ сталъ выражать ихъ и какъ бы она опять, однимъ словомъ или движеніемъ, заставила его страдать и мучиться ... И какое множество разныхъ любовныхъ картинъ рисовало ей ея возбужденное воображеніе, и какъ она жалѣла, что нѣтъ около нея поповны, которой бы она въ свою очередь могла, подъ страшнымъ секретомъ, довѣрить свою тайну! ...

Между тѣмъ время шло, а цѣль, для которой Маша гостила у брата, не достигалась: богатые купцы не сватались къ сестрѣ трактирщика, и если обращали на нее вниманіе, то все оно ограничивалось хватаньемъ за подбородокъ, или за щеку, щипаньемъ и разными сальными предложеніями, для благовоспитанной дѣвицы весьма обидными; а формальное и честное предложеніе о законномъ бракѣ сдѣлалъ только одинъ приказчикъ, и то вдовецъ, съ кучей дѣтей, старый, рябой и плѣшивый. Разумѣется, Маша отказала ему наотрѣзъ и даже начинала чувствовать отвращеніе ко всему купеческому сословію. Это еще болѣе усиливало ея вниманіе къ Ивану. Она, наконецъ, не выдержала роли недоступной красавицы: ей стало жаль страдающаго поклонника и страшно захотѣлось хоть на-время оживить и утѣшить его. Она начала опять съ нечаянной встрѣчи взглядовъ, съ ласковыхъ улыбокъ, съ осторожныхъ разговоровъ. Иванъ дѣйствительно тотчасъ же ожилъ и повеселѣлъ, сдѣлался опять прежнимъ самоувѣреннымъ лихачемъ-кудрявичемъ и уже началъ настаивать, чтобы Маша гдѣ нибудь наединѣ повидалась съ нимъ, чтобы поговорить по душѣ.

— Да на что же это? ... Совсѣмъ лишнее ... съ луковой улыбкой повторяла Маша. Какіе такіе у насъ могутъ быть разговоры? ...

— Какъ какіе, Марья Яковлевна! ... Кабы я не любилъ васъ! ... Хоть бы разсказалъ вамъ не на людяхъ, что на сердцѣ-то у меня ... Про тоску бы свою, про муку, что несчастный какой я передъ вами человѣкъ, про любовь бы свою — все бы разсказалъ ... Здѣся развѣ скажешь что урывками, да по сторонамъ съ оглядкой ...

— Ты будешь говорить, а я смѣяться на

твои слова стану ... Какая тебѣ въ томъ радость? ...

— Ну, да хоть посмѣйтесь ... По крайности я буду знать, что всю душу свою выложилъ, что хоть жалость у васъ есть ко мнѣ: пожалѣла дурака, послушала его ... Хоть посмѣйтесь, да этимъ утѣшьте ...

— А если выйду, да ты меня хоть пальцемъ тронешь, али, пожалуй, по своей мужицкой привычкѣ, цѣловаться полѣзешь, какъ вы съ дѣвками своими привыкли ... Такъ, вѣдь, ужъ я не такая: послѣ и сюда-то глазъ не показывай ...

— Не то что, Марья Яковлевна, тронуть или что ... А даже какъ прикажете, такъ и буду ... Да и смѣю ли я даже это подумать противъ васъ? ... Одно мнѣ, ужъ, и то за великое, что поговорить-то со мной согласитесь ... Эта-то одна какова мнѣ радость ...

— Ну, хорошо! Посмотрю! ... согласилась наконецъ Маша, и вся при этомъ вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла: вотъ ужо ночью, какъ всѣ у насъ заснутъ и на селѣ ни одного огонька не останется, и народу на улицѣ не будетъ ... жди около задняго крыльца ... Можетъ, выйду ...

У Ивана даже духъ захватило отъ радости.

Свиданіе состоялось. Маша не сошла съ крыльца, осталась на верхней ступенькѣ, а Ивану не позволила ступить даже и на нижній приступокъ. Хоть лѣстница была небольшая, но она ихъ раздѣляла во все время ночной бесѣды. Какъ ни обѣщалъ Иванъ, что будетъ только говорить и даже не пошевелится, но первымъ его движеніемъ, какъ только онъ увидѣлъ Машу, было броситься къ ней съ объятіями, но та очень рѣшительно остановила его.

— А вотъ только еще шагъ одинъ шагни ко мнѣ, только меня и видѣлъ: уйду и двери замкну ... А послѣ ... знаешь, что обѣщала, то и будетъ ... говорила она, побѣждая собственное волненіе. Ну, говори, разказывай, что тебѣ надобно ...

— Да что мнѣ говорить, что разсказывать? ... Весь я тутъ ... вотъ! ... Возьми меня, разрѣжь по кускамъ, а не житье мнѣ на свѣтѣ безъ твоего ласковаго слова, безъ глядѣнья твоего ... Смотрѣла бы на меня привѣтливо ... говорила бы со мной ласковѣе ... вотъ и вся радость! ...

— Ну такъ что же? ... А послѣ того что же будетъ? ...

— А больше ничего! Такъ бы вотъ взялъ тебя, обнялъ, посадилъ противъ себя, да и глядѣлъ бы все — не наглядѣлся ... А ты бы ...

— Да ты это съ чего же выдумалъ такъ говорить-то со мной? ...

— Какъ?

— А вотъ какъ ты мнѣ говоришь ... Я вѣдь, чай, не дѣвка крестьянская ... Могъ бы мнѣ и вы говорить ... Это у насъ за невѣжество почитается: тыкаться-то ...

— Ну, Марья Яковлевна, на этомъ меня не обезсудьте ... Я, вѣдь, не съ чего другого, не съ грубости ... отъ любви вѣдь я ... Все вѣдь во мнѣ изныло по васъ, все! ... Вѣдь и вы, чай, не каменная тоже? ... Хоть бы вы мало-мало мнѣ свою ласку оказали? ...

— Какую же это ласку? ...

— А хоть бы сказали вы мнѣ, что не противенъ я вамъ вовсе ...

— Ну такъ что же, хоть бы и сказала? ... что изъ того будетъ? ...

— А коли не противенъ, такъ хоть бы дозволили рядкомъ-то съ вами посидѣть, бочекъ о бочекъ ... А коли бы, кажется, обняться, такъ и вся моя жизнь тутъ кончилась ...

— Видишь ты ... И опять по-мужицки судишь ... Ко мнѣ вонъ благородные женихи сватались, помѣщики, такъ и тѣ за великое почитали, если ручку позволяла поцѣловать ... А тебѣ я этакое снисхожденіе дѣлаю: вышла ночью поговорить, а ты ужъ ничего не видя и ... Говорила ли я, что отъ тебя никакой деликатности ждать нельзя. Мужикъ, мужикъ и есть! . .

— Ну, мужикъ ... И ты, барышня-то, вѣдь, знаю, какая ... Нашего же отродья-то ... съ досадой сказалъ Иванъ. Не кочевряжься, Маша! ... А по-нашему, вотъ какъ, коли я мужикъ ... вскричалъ онъ забывшись и прежде, чѣмъ Маша успѣла подняться или двинуться съ мѣста, онъ въ два прыжка вскочилъ къ ней на верхъ лѣстницы, стиснулъ ее въ объятіяхъ и цѣловалъ въ лицо.

— Какъ ты смѣешь? ... Отстань ... Не смѣй, я тебѣ говорю, не смѣй! ... Закричу, право, закричу! лепетала Маша, порываясь изъ рукъ Ивана. Коли не пустишь, никогда больше не приду, знать тебя не стану, Богомъ божусь ...

— А отпущу? Придешь ли опять?

— Туракъ, невѣжа! Пусти, говорятъ ...

— Придешь ли опять? ... повторялъ Иванъ.

— Коли пообѣщаешься не дѣлать этакъ ... приду ...

— Вѣрно?

— Что, божиться, что ли? ...

— Ну, ладно ... Не трону больше ... Одинъ разокъ только еще поцѣлуй ... сама ...

Но Маша, почувствовавъ себя свободною, быстро юркнула въ дверь сѣней.

— Свинья! . . . Невѣжа! . . . Съ дѣвками тебѣ фабричными водиться, а не со мной . . . проговорила она изъ-за двери, притворяя ее. Вотъ, можетъ бы, полюбила, а теперь опротивѣлъ ты мнѣ . . . Глазъ не смѣй казать! . . . Вотъ что тебѣ будетъ! . . .

И Маша защелкнула дверь. Она не была вовсе обижена и сердита на Ивана и разыгрывала только комедію. Напротивъ, она вся трепетала, горѣла и чувствовала еще горячія объятія и поцѣлуи Ивана; даже смѣлость и дерзость его ей нравились; она была только испугана неожиданностью и немножко досадовала, что Иванъ вздумалъ вдругъ и такъ круто воспользоваться тѣмъ, что она можетъ быть сама бы позволила впослѣдствіи, предварительно заставивши его помучиться и поухаживать. Ей хотѣлось любовной игры по всѣмъ правиламъ искусства, внушеннымъ еще мечтательной поповной, хотѣлось пройти самой и провести милаго человѣка чрезъ всю послѣдовательность любовныхъ томленій и радостей, начиная отъ взглядовъ, мимолетныхъ разговоровъ при всѣхъ, до тайныхъ свиданій наединѣ — эту процедуру она прошла; но была другая въ ея мечтахъ, еще болѣе плѣнительная: отъ робкихъ прикосновеній, отъ поцѣлуя руки до поцѣлуя въ щеку, въ губы, до объятій и т. д., и всего этого процесса дерзкій и необузданный Иванъ лишилъ было ее сразу. Вотъ чего она не могла простить ему и за что дѣйствительно готова была разсердиться на Ивана, еслибъ внутри ея что-то не оправдывало его, противъ даже ея воли. Обидно ей было немножко и то, что Иванъ ровнялъ ее съ собой и что онъ оказался не совсѣмъ такимъ робкимъ поклонникомъ,

какъ она думала, но въ этомъ случаѣ она желала оправдать его поведеніе неудержимымъ порывомъ страсти. Маша все-таки рѣшилась наказать его и заставить вести себя такъ, какъ ей хотѣлось. Вслѣдствіе этого она цѣлую недѣлю отворачивалась отъ Ивана, не только не говорила, но и не глядѣла на него, а когда Иванъ подходилъ къ буфету, и необходимо нужно было подать ему водки или отвѣтить на вопросъ, она держала себя такъ гордо и презрительно, что Иванъ начиналъ думать, что окончательно потерялъ ея любовь и проклиналъ себя за свою неосторожную выходку.

— Это, видно, не то, что фабричныя, али крестьянскія дѣвки ... Да она такъ и смотритъ, такъ и учена, какъ настоящая барышня ... А я-то, дуракъ! ... Вотъ своего счастья не умѣлъ сберечь! ... А красавица-то какая! ... И въ самъ-дѣлѣ и руки-то у нея бѣлыя да мягкія: не какъ у нашихъ дѣвокъ ... Вправду, что этакую руку-то поцѣловать, какъ господа цѣлуютъ, за великое нужно почитать, а я ... ну-ка, вздумалъ вдругъ ... Неужто не проститъ, неужто не смилуется? ... Да, кажись, изведусь я съ тоски по ней: мнѣ теперь всѣ дѣвки наши изъ-за нея противны стали: и не глядѣлъ бы! ...

VIII.

Самоувѣренный и счастливый побѣдитель легко, впрочемъ, доступныхъ фабричныхъ прелестницъ, былъ побѣжденъ: самъ того не сознавая, Иванъ влюбился въ Машу, разумѣется, по-своему, но пока искренно. Онъ думалъ о ней, тосковалъ, безпокоился: овладѣть Машей во что бы то ни стало — стало для него болѣзненной задачей, для которой онъ готовъ

былъ на все, на всякое униженіе, на всякое раболѣпство передъ женщиной, что по крестьянскимъ понятіямъ для мужчины послѣднее дѣло.

— Это все ничего, пустое! думалъ онъ. Пускай теперь поломается: только бы въ руки-то забрать, а послѣ свое возьму, все наверстаю ... Покорится! ...

— Вотъ бы на этакой-то жениться ... мелькала у него въ головѣ и такая мысль. Да гдѣ жениться: не отдадутъ ... И думать нечего! ... Ну такъ пускай хоть такъ, по крайности! ...

Во все то время, пока Маша сердилась, Иванъ ходилъ какъ потерянный, но каждый день упорно старался ее встрѣтить, попасться ей на глаза, обратить на себя ея вниманіе; заговаривать онъ уже не смѣлъ, но сидя въ сторонкѣ, не сводилъ съ нея печальнаго взгляда; ни пѣсенъ, ни смѣха его не слышно въ трактирѣ, такъ что пріятели надивиться не могли что съ парнемъ дѣлается. Разъ только, напившись съ горя почти до безпамятства, онъ на глазахъ у Маши затѣялъ шумъ и драку, такъ что его вытолкали изъ трактира; Маша при этомъ, боясь какой нибудь выходки отъ него на ея счетъ, выскочила изъ-за буфета и скрылась въ жилыя комнаты; но отъ ея глазъ не ускользнуло, что Иванъ, когда его собирались выводить, оборотился въ ея сторону, со стономъ вздохнулъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. Это заявленіе отчаянія и печали она съ удовольствіемъ приняла на свой счетъ и рѣшилась простить виновнаго. На другой день она съ нетерпѣніемъ посматривала на входную дверь, но ни въ этотъ, ни на слѣдующій день Иванъ не являлся: ему было совѣстно показаться, да и боялся, что хозяинъ трактира, если узнаетъ о буйствѣ, то и совсѣмъ не пуститъ, или сконфузитъ бранью и попреками; а Маша объясняла

его отсутствіе совсѣмъ иначе: она боялась, что онъ вовсе отказался отъ всякой надежды на ея любовь: начнетъ ходить въ другой трактиръ, съ горя запьетъ, а потомъ увлечется какимъ нибудь другимъ предметомъ любви, а то, чего добраго, и совсѣмъ сопьется съ кругу и погубитъ себя. Машѣ ужасно хотѣлось предполагать въ своемъ обожателѣ самую сильную, губительную страсть. Она очень безпокоилась объ Иванѣ тѣмъ болѣе, что не могла никого спросить, ничего узнать о немъ. Зато, когда она, наконецъ, его увидѣла, то чуть не вскрикнула отъ радости, и выраженіемъ своего лица и глазъ сразу выдала себя Ивану и дала ему возможность догадаться, что холодность и равнодушіе ея были не больше, какъ притворство, что она вовсе не сердилась и не переставала любить его. Иванъ, который входилъ было робко и нерѣшительно, мгновенно ободрился и повеселѣлъ, къ нему тотчасъ же воротились его самоувѣренность и смѣлость. Осмотрѣвшись и увидя, что близко около буфета никого не было, онъ, не долго думая, прямо подошелъ къ Машѣ и попросилъ налить водки, а когда та торопливо, сконфуженно и дрожащею рукою стала наливать, проговорилъ ей вполголоса:

— Ежели и сегодня также вы, Марья Яковлевна, со мной, какъ прежъ того, — руки на себя наложу: съ тѣмъ и пришелъ ... останный разъ! ...

— Ну-ка, пей этотъ стаканъ ... а больше не смѣй ... проговорила Маша, сама хорошенько не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ.

— Не стану ... А выйдете опять? ...

— А ты опять невѣжничать будешь? ...

— На семъ мѣстѣ издохнуть, коли буду ... только бы мнѣ увидѣть, что не гнѣваетесь ... Ба-

рышня, родная, осчастливьте! ... Помираю съ тоски! ...

— Хорошо, выйду ...

— Когда же? ... задыхаясь отъ радости спрашивалъ Иванъ.

— Сегодня ... проговорила Маша, едва слышно. Смотри же, помни, а то опять то же будетъ, и ужъ не прощу ...

— Провалиться! ... глазамъ лопнуть! ...

— Ну, отойди же прочь ... Примѣтятъ ...

— Да парочку чайку соблаговолите приказать .. Тогда и деньги ... Все за одно ... А ужъ на томъ, что тотъ разъ выпивши пошумѣлъ, простите Христа ради ...

Все это проговорилъ Иванъ съ умысломъ очень громко, низко поклонился, тряхнулъ весело кудрями и отошелъ отъ прилавка въ дальнюю комнату.

Свиданія послѣ этого шли довольно часто и происходили вполнѣ во вкусѣ и по желанію Маши: Иванъ сдерживалъ свои порывы и за это въ нѣсколько сеансовъ дошелъ до того, что ему позволялось не только сидѣть рядомъ, обнявшись, но и цѣловаться сколько душѣ его хотѣлось. Всю желаемую процедуру постепенности Маша провела съ большимъ успѣхомъ и къ полному своему удовольствію. Всѣ непозволительные, по ея мнѣнію, порывы Ивана она останавливала напоминаніемъ, что вѣдь онъ мужемъ ея быть не можетъ ...

— Стало, не любишь? ... спрашивалъ Иванъ въ такихъ случаяхъ.

— Кабы не любила, не выходила бы къ тебѣ ... Развѣ дѣвушкѣ это прилично, чтобы къ мужчинѣ по ночамъ выходить? ... Ты подумай-ка, что я для тебя дѣлаю ... Извѣстно, я сама себя помню и со-

блюдаю, да кто тому повѣритъ? ... А кабы узнали, да застали насъ, такъ какова моя судьба будетъ: кто меня замужъ-то тогда возьметъ? ...

— Такъ, стало, любишь, а замужъ за другого пойдешь? ...

— Такъ какъ же быть-то? ... За тебя не отдадутъ ни за что ... Вотъ разбогатѣй, да въ купцы выпишись, вотъ тогда, можетъ, отдадутъ ...

— Какъ разбогатѣть-то? развѣ обокрасть, али ограбить кого, такъ и то пожалуй скорѣй въ каторгу, чѣмъ подъ вѣнецъ-то попадешь ...

— Такъ вотъ то-то и есть! ...

— Въ этакомъ разѣ, что же, коли любишь меня, такъ люби ужъ совсѣмъ, а замужъ, коли тебѣ требуется, или выдавать будутъ, за другого иди, за немилаго ... И изъ-за мужа гулять можно съ сердечнымъ дружкомъ ...

— Ну, нѣтъ, этакъ не придется ... Спасибо! ... Тебѣ-то что, ты еще самъ насмѣешься надо мной, а мнѣ каково будетъ отвѣтъ-то передъ мужемъ держать ... А коли еще послучается что до свадьбы, да и грѣха-то не успѣешь вѣнцомъ прикрыть ... такъ тутъ что будетъ? ... Изъ-за мужа, послѣ свадьбы, извѣстно, чего не бываетъ, тамъ то дѣло другое: тамъ только сторожись, чтобы мужъ какъ не провѣдалъ, такъ все шито да крыто будетъ ... А теперь, пока въ дѣвкахъ, этого передъ мужемъ не спрячешь ... Вотъ погоди, выйду замужъ, вонъ приказчикъ-то плѣшивый опять пристаетъ ... любить-то я тебя не перестану ... Ванюша, милый! ... вотъ тогда ...

— Не отдамъ я тебя, Маша, никому ... Не снести мнѣ этого, что съ тобой другой будетъ ...

— Такъ что же ты сдѣлаешь? ... Какъ не отдашь-то? ...

— Ужъ не знаю какъ ... Можетъ, и ножемъ пырну ...

— Его убьешь, самъ пропадешь, а меня за другого все равно выдадутъ ...

— Нѣтъ, ты за меня выходи ... не за кого больше тебѣ идти, коли любишь меня ...

— Да я бы и пошла, по-своему, хоть и мужикъ ты: такъ я тебя полюбила ... Да попробуй, присылай сватовъ, такъ что будетъ? ... Одинъ срамъ ... Папаша-то и сватовъ-то твоихъ по шеямъ прогонитъ ... Вотъ только и будетъ: другого и ждать нечего ...

— Эхъ ты, бѣдность проклятая! ... вскрикиваетъ Иванъ, хватая себя за голову, и становится мраченъ.

Маша послѣ того усиливаетъ свои ласки и увѣренія въ любви: обнимаетъ его, кладетъ ему на плечо свою голову, цѣлуетъ, клянется, что никогда никого такъ не любила и любить не будетъ, но дѣвичью честь свою сбережетъ до замужества, хотя бы ей пришлось даже изъ-за этого разойтись съ нимъ, потерять его любовь.

Эти тайныя бесѣды на трактирномъ крыльцѣ были вдругъ, неожиданно, прерваны. Влюбленныхъ накрылъ разъ самъ Константинъ Яковлевичъ: онъ слышалъ изъ-за дверей страстный шопотъ и поцѣлуи, но поторопился отмахнуть двери и не успѣлъ разсмотрѣть, кто былъ собесѣдникъ его сестры, быстро вскочившій при его появленіи и скрывшійся въ темнотѣ ночи. Маша сидѣла, закрывши лицо руками, плакала, увѣряла, что ничего т а к о г о не было, что это проходилъ кто-то мимо, и она вышла на крыльцо

отъ головы, а все прочее братцу показалось. Такъ отъ нея и не могли добиться ни правды, ни имени ея поклонника; но для устраненія возможной бѣды и отвѣтственности передъ отцомъ, Константинъ Яковлевичъ рѣшилъ, чтобы сестрица ѣхала домой подъ предлогомъ, что соскучилась. Онъ предупредилъ при этомъ сестру, чтобы она призналась ему во всемъ, и если точно ничего такого не было и она не боится никакой бѣды въ будущемъ, такъ, пожалуй, родителямъ можно и не сказывать, а въ противномъ случаѣ нужно подумать, что дѣлать. Но Маша даже обидѣлась за неделикатность такого вопроса и съ достоинствомъ отвѣтила брату и невѣсткѣ, что напрасно они такъ полагаютъ, что она не таковская и сама очень хорошо понимаетъ, что дѣвическую честь соблюдать и оберегать нужно, и что „братцу съ сестрицей не слѣдовало бы ее, дѣвицу, и спрашивать-то объ этакихъ непристойныхъ дѣлахъ ... что о которыхъ она, дѣвица, ни знать, ни понимать не должна ... А родителямъ, если они эту сплетню будутъ сказывать, такъ только напрасно ихъ огорчатъ, обезпокоятъ, а ее опорочатъ“ ... Но ее всетаки отвезли въ Мамаиху.

Такимъ образомъ Маша разсталась съ трактиромъ и разлучилась съ обожателемъ. Иванъ на слѣдующій же день узналъ объ отъѣздѣ Маши. Онъ былъ сильно огорченъ, но не терялъ надежды видѣться съ нею и возобновить свои отношенія, хотя, конечно, рѣже и съ большими затрудненіями. Въ первое же воскресенье онъ отправился къ обѣднѣ въ то село, гдѣ былъ прихожаниномъ Яковъ Захарычъ и куда онъ обыкновенно со всѣмъ семействомъ ѣздилъ въ церковь. Иванъ надѣялся встрѣтить тамъ Машу и

не ошибся: онъ увидѣлъ ее стоящею впереди всѣхъ, рядомъ съ отцомъ и матерью, около праваго клироса. Иванъ протискался впередъ и сталъ въ сторонѣ недалеко отъ Маши, такъ что она при малѣйшемъ поворотѣ головы и взглядѣ влѣво должна была увидѣть его. Онъ сталъ наблюдать и ожидать этого взгляда: сердце его замирало въ ожиданіи того впечатлѣнія, которое обнаружитъ Маша, когда увидитъ его. Но онъ ожидалъ долго и напрасно. Маша, какъ слѣдуетъ степенной барышнѣ, стояла прямо и гордо, ни на кого не смотря и не оборачиваясь, отъ времени до времени спѣшно крестила грудь маленькимъ крестомъ, наклоняя при этомъ голову нѣсколько въ бокъ: она переняла эту моду съ уѣздныхъ барышенъ еще въ то время, когда отецъ возилъ ее въ городъ, для того, чтобы она присматривалась и перенимала манеры съ настоящихъ господскихъ дѣтей. Яковъ Захарычъ былъ человѣкъ религіозный: онъ молился усердно, кресты клалъ размашисто и даже съ нѣкоторымъ шумомъ, при чемъ поднималъ кверху глаза, громко вздыхалъ и часто произносилъ хотя шопотомъ, но такъ, что было слышно въ церкви далеко: „Господи, не остави меня! ... Господи, милостивъ буди ми грѣшному! ... Пресвятая Дѣва, Богородице! ... Боже, очисти мя, грѣшнаго! ...“ Изрѣдка онъ подпѣвалъ дьячкамъ. Но и въ церкви Яковъ Захарычъ держалъ себя съ сознаніемъ своего достоинства и превосходства надъ прочими прихожанами: не только ревниво оберегалъ свое мѣсто у праваго клироса, на которое никто впрочемъ и становиться не дерзалъ, но отъ времени до времени строго оглядывался назадъ и хмурилъ брови, если ему казалось, что народъ сзади очень близко подходилъ къ нему и могъ толкнуть и тѣмъ потрево-

жить, или разстроить благочестивое настроеніе его съ семействомъ. Ко кресту, разумѣется, онъ подходилъ первый, и сверхъ того имѣлъ обыкновеніе вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ подходить и склонять голову подъ евангеліе и при выносѣ св. даровъ. И въ этотъ разъ вся семья его, по обычаю, приблизилась, во время херувимской, къ алтарю, и когда возвращалась назадъ, то Маша случайно взглянула въ сторону, гдѣ стоялъ Иванъ, и глаза ихъ встрѣтились. Иванъ съ радостью замѣтилъ, какъ лицо Маши, до тѣхъ поръ унылое и грустное, вдругъ оживилось и вспыхнуло, глаза загорѣлись радостью, она даже вздрогнула и на мгновеніе пріостановилась. Иванъ торжествовалъ и самодовольно и выразительно смотрѣлъ на Машу, желая взглядомъ сказать ей: „смотри, вотъ я какой молодецъ, вездѣ найду тебя ... Не ждала ты меня, не чаяла, а я тутъ какъ тутъ! ... Точно изъ земли выросъ передъ тобой! ...“

Въ продолженіе службы Маша нѣсколько разъ, едва замѣтно, мелькомъ взглянула на Ивана, а при выходѣ изъ церкви онъ дождался ея на паперти и взглядами старался показать, что надѣется видѣться съ ней и ночью. Маша поняла его, но какъ и гдѣ имъ встрѣтиться? И какъ другъ другу подать вѣсть о себѣ, болѣе опредѣленную? Задумавшись, ѣхала она изъ церкви, куда Яковъ Захарычъ даже и въ хорошую лѣтнюю погоду и не смотря на близость разстоянія церкви отъ усадьбы, никогда не ходилъ пѣшкомъ, но всегда ѣздилъ, ибо ходили пѣшкомъ одни только мужики, и то бѣдные. Задумавшись и почти безцѣльно, шелъ вслѣдъ за ѣхавшею Машею, въ Мамаиху, и Иванъ. Маша остановилась на мысли, что всего удобнѣе дать о себѣ вѣсть Ивану чрезъ брата Виктора: это такой человѣкъ, что изъ-за водки

пойдетъ на все и всегда готовъ на всякую послугу въ этомъ родѣ, но только его придется уже поить ежедневно, а то какъ разъ проболтается, или будетъ грозить, что разскажетъ ... А что же, впрочемъ, отчего и не поить его каждый день; когда гривенникъ сунуть, а когда и изъ родительскаго шкафа поднести втихомолку: водка въ домѣ не переводится, и ключи почти постоянно у нея въ рукахъ. Притомъ можно придумать какой нибудь предлогъ подходящій и благовидный ... Что же бы такое? ... Иванъ со своей стороны раздумывалъ: „похожу вокругъ усадьбы, погляжу; можетъ какъ не встрѣтимся ли, или не надумаю ли чего? ...“ Онъ зналъ, въ которомъ флигелѣ, изъ числа господскихъ строеній, живетъ управляющій (господскій домъ, во все время своего существованія, оставался необитаемымъ), и прошелъ нѣсколько разъ мимо его, но Маши не видалъ. Иванъ надумалъ зайти въ избу, гдѣ помѣщались рабочіе, будто бы спросить о какомъ-то знакомомъ мужикѣ, который, онъ зналъ, жилъ одно время работникомъ въ Мамаихѣ.

Въ избѣ всѣ работники были въ сборѣ, по случаю праздника, и въ ожиданіи обѣда сидѣли и лежали, покуривая и занимаясь пустословіемъ. Тутъ же, развалясь на лавкѣ, по обыкновенію, находился и Викторъ. Онъ былъ трезвъ и вслѣдствіе этого сосредоточенъ и мраченъ; въ веселомъ же настроеніи бывалъ большой балясникъ, забавлялъ рабочихъ передразниваніемъ собственныхъ отца и матери, сельскихъ поповъ, волостного старшины, да и всѣхъ, кто только имѣлъ отношеніе къ рабочимъ и интересовалъ ихъ. По природѣ своей, это былъ примитивный доморощенный актеръ, обладалъ остроуміемъ, наблюдательностью, способностью имитировать и даже нѣ-

которымъ даромъ творчества, разумѣется въ грубой формѣ и въ узкихъ предѣлахъ своего міросозерцанія. Работники его за это любили, были довольны его компаніей и охотно угощали водкой, если сами имѣли счастливую возможность выпить; вообще же они, какъ и всѣ крестьяне, смотрѣли на Виктора, какъ на самаго пустого, безполезнаго человѣка, полу-уродца, горе и несчастіе родителей и семьи.

— Что, Викторъ Якличъ, не веселъ? ... али къ сердцу подступило ... сосетъ? ... спрашивалъ съ улыбкой, но не безъ сочувствія, одинъ изъ работниковъ, большой рыжій мужикъ, лежавшій на голбцѣ.

— Не весело! ... Съ чего веселиться-то? ... Вамъ, чертямъ, дьяволамъ, хорошо: нажретесь вотъ, да и разбредетесь кто куда, а я что буду дѣлать-то? ... Люди говорятъ, праздникъ сегодня, а у меня вотъ два дня во рту росины не было, да и сегодня, видно, такъ день-то проваляешься ...

— Это ты на счетъ выпивки-то? ...

— А то еще о чемъ? ... Хороши вотъ и вы, черти, работнички окаянные: всѣхъ переспрашивалъ, хоть бы кто догадался, позвалъ: подемъ, молъ, хозяйскій сынъ, почтеніе тебѣ сдѣлаю: угощу, али бы хоть гривенникъ который взаймы одолжилъ ...

— Значитъ, братецъ, никому не подходно: сами въ сухую, видно, отпразднуемъ ... А гривенники-то у насъ, у самихъ, на счету ... Поди-ка къ родителю-то твоему сунься безо времени ... хошь за тѣмъ же гривенникомъ, объ-счетъ своего жалованья ... что онъ тѣ скажетъ? ...

— На что тебѣ, ракалія? ... Пьянствовать хочешь? ... пьяницы, ракаліи! ... передразнилъ отца Викторъ.

Общій хохотъ удовольствія загрохоталъ по всей избѣ.

— Такъ вотъ то-то и есть, сказалъ тотъ же рыжій работникъ, когда хохотъ кончился, а ты: хозяйскому сыну никто гривенника не одолжитъ! ... Поди-ка попроси самъ себѣ у папеньки-то ... На выпивку, молъ, тятенька, пожалуйте, гля-ради праздника ...

— Вонъ, ракалія ... Чтобы духу твоего не было ... А-а, шельмецъ, ракалія! ... снова имитировалъ отца Викторъ.

И опять такой же хохотъ на всю избу.

— А ну, а ну, Виктоша ... Викторъ Якличъ ... Ну, еще ... приставь, братъ! ... Какъ онъ съ земскаго отчетъ получаетъ? ...

— Да, больно нужно! ... Наплевалъ бы я вамъ! .. И безъ того мочи нѣтъ, тошнехонько ... Такъ к тянетъ! ... Ровно тамъ все перегорѣло, внутрѣ ...

Викторъ плюнулъ и сердито повернулся на лавкѣ.

— Легкое ли дѣло, братецъ! ... участливо замѣтилъ молодой парень-работникъ. Она требуется ... Какъ вопьешься ... вотъ о праздникахъ ... недѣлю-то гуляешь, а тутъ оборвешь вдругъ: смерть! ... Ровно ребенокъ тамъ сосетъ да ноетъ у тебя въ брюхѣ-то ... Все одно, поди, что у бабы на сносѣ ... Право ...

Острякъ самъ первый засмѣялся своей остротѣ, ожидая, что смѣхъ его подхватятъ прочіе, но въ эту минуту въ избу вошелъ Иванъ. Всѣ на него оборотились.

— Здорово живете, господа, сказалъ Иванъ, поклонившись.

— Добро пожаловать ... отвѣтилъ работникъ, сидѣвшій ближе другихъ къ дверямъ. Что надобно? ...

— Да вотъ ... Федора бы изъ Макарихи? .., У васъ, али отошелъ? ...

— Нѣту, онъ еще съ весны отошелъ ... А вы откуда будете?

— Да мы не дальніе: дудкинскіе ...

— Такъ! ... Нѣтъ, Федора нѣтути ... Сказывали, на заводъ собирался ... А вамъ на счетъ чего? ...

— Такъ, по пріятельству ... Ахъ, Виктору Яковличу ... Изъ-за стола-то васъ и не видать ... Не признали, чай? ...

— Нѣту, не узналъ ... отвѣчалъ тотъ.

— А въ запрошломъ году на ярмаркѣ, въ трактирѣ, гуляли вмѣстѣ ...

— А-а, постой ... Ты пѣсни играть гораздъ ... пѣсельникъ? ...

— Есть грѣхъ, водится: одобряютъ люди! ...

— Вспомнилъ, вспомнилъ ... Еще у васъ было, тутъ потасовка вышла: у дудкинскихъ съ куделинскими ... Помню! ... Вотъ, какъ звать тебя, забылъ ...

— Иваномъ ...

— Да, да ... Нѣтъ, братъ, Федора-то нѣтъ. Разсчитали ... Присядь! ... Побесѣдуй! ...

— Покорнѣйше благодаримъ ...

Иванъ сѣлъ.

— Вѣдь до Дудкина-то вашего отсюда верстъ пять будетъ?

— Будетъ, что больше ...

— А нарокомъ приходилъ къ Федору-то?

— Не то нарокомъ ... Гуляемъ мы сегодня ... Вотъ въ церкви, въ вашей, у обѣдни былъ, а тутъ думаю: дай, по сосѣдству, зайду за Федянкой ... Просто сказать, въ трактиръ хотѣлъ позвать для

праздника и для компаніи ... потому одному скучно, а знати здѣсь въ сторонѣ мало ...

— Я собирался въ трактиръ-то ... Подемъ вмѣстѣ ...

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ ... Ужъ, не погнушайтесь, угощеніе наше примите ...

— Да какъ хочешь ... Этотъ разъ пускай ты, а въ другой разъ, случится, я тебя угощу ...

— Самое прекрасное дѣло ... Пожалуйте ...

У Ивана мелькнула та же мысль, что и у Маши: нельзя ли Виктора сдѣлать посредникомъ.

IX.

Викторъ мигомъ собрался. Они вышли вмѣстѣ съ Иваномъ на дворъ и тотчасъ же почти увидѣли Марью, которая шла къ нимъ на встрѣчу. У обоихъ влюбленныхъ сердце замерло отъ радости, а Викторъ выругался и предложилъ было Ивану идти другой дорогой, ожидая, что сестра пристанетъ съ разспросами: куда да зачѣмъ идетъ; но Иванъ почему-то уперся, находя, что и этой дорогой идти все равно, еще ближе. Иванъ и Марья, пока сошлись, успѣли оправиться и собраться съ духомъ.

— Это ваша сестрица, кажись, идутъ? успѣлъ сказать Иванъ. Довольно знаемъ ихъ: видали у Константина Яковлича въ трактирѣ ... Я, вѣдь, тамъ на фабрикѣ ...

Предупредивши такимъ образомъ Виктора, онъ раскланялся съ Машей, когда она подошла.

— Ты куда же это, Викторъ?.. торопливо заговорила Маша, нерѣшительно отвѣчая на поклонъ Ивана и пытливо взглядывая на него и на брата.

А я за тобой было шла: въ комнаты тебя позвать ...

— Зачѣмъ еще?.. Что надо?.. Али ругаться опять хочетъ за что?..

— Совсѣмъ нѣтъ, а чай пить шла, было, тебя звать, и пирогъ сейчасъ подадутъ ... Папаша совсѣмъ даже ничего, а я подумала: сегодня праздникъ, пирогъ будетъ и обѣдъ хорошій, а ты сидишь тамъ съ рабочими ... Вотъ и ключи у меня ... Хотѣла позвать тебя въ комнаты: можетъ передъ пирогомъ выпить хочешь?..

— Пораньше бы позвала, а вотъ теперь ужъ мы съ пріятелемъ сговорились: въ трактиръ позвалъ ...

— Да ужъ дозвольте, Марья Яковлевна ... Очень желательно вмѣстѣ кампанію имѣть ... Вы насъ, конечно, что, можетъ, не примѣчали, а мы васъ довольно знаемъ, потому какъ вы у братца вашего, Констентина Яковлича въ побывкѣ были, а мы завсегда тамъ, въ ихнемъ заведеніи, время праздное проводимъ ... съ фабрики значитъ ... Ужъ дозвольте сегодня!.. Сдѣлайте такое одолженіе, Викторъ Яковличъ, не обидьте ... Обѣщали!.. Пожалуйте!..

— Да я съ тобой, съ тобой ... успокаивалъ онъ Ивана и потомъ обратился къ сестрѣ. Не пойду я въ комнаты ... Чего тамъ не видалъ? Ругани-то, что ли?.. А ты вотъ что лучше: отлила бы малость, хоть косушечку, а то и побольше, да и припрятала мнѣ на завтра ... Вотъ спасибо бы сказалъ, добрая будешь сестра, хошь и модница-фуфырка ... Такъ, вѣдь, нѣтъ вотъ: не жди отъ тебя этого!..

— Анъ вотъ и сдѣлаю, ошибаешься ты во мнѣ ...

Я всегда за тебя и передъ папашенькой, когда онъ очень тебя обижаетъ ... А только неужели ужъ ты такъ до завтра и пропадешь?.. Что папаша-то скажетъ, узнаетъ?..

— А вотъ очень мнѣ нужно ... Не все одно?..

— Нѣтъ, ужъ вы гулять гуляйте, а на темную-то ночь, пожалуйста, возвращайся домой ... И вы ужъ, обратилась она къ Ивану, пожалуйста, проводите его домой, а то онъ человѣкъ слабый ... Что, Витя, надо правду говорить, коли они твои пріятели!.. вѣдь ночевалъ же не одинъ разъ на дорогѣ, въ лѣсу!.. Разъ чуть не задавили: уснулъ поперекъ дороги, а ночь была темная ... совсѣмъ было съ возами наѣхали ...

Викторъ глухо захохоталъ.

— Нѣтъ ужъ, на счетъ этого будьте безо всякаго сомнѣнія, сказалъ Иванъ: хошь и загуляемъ, самъ провожу, до самаго дома доставлю ... Ужъ этого я не сдѣлаю, чтобы хмѣльного человѣка покинуть ... Не безпокойтесь ...

— Да ужъ, пожалуста!.. Я всю ночь не буду спать, буду безпокоиться!.. А если ужъ очень поздно воротитесь, такъ вы его лучше не во флигель, а прямо въ рабочую проводите ... чтобы папаша не узналъ ... А чтобы я была покойна, что онъ дома, такъ вы мимо флигеля пойдете, въ которомъ окошкѣ свѣтъ увидите, въ то и стукните потихоньку, я и буду знать, что ужъ онъ дома, и спать лягу, не стану и безпокоиться ... Слышишь, Витя ...

— Да слышу ... Ужъ больно нѣжности какія, чего никогда не бывало ... Съ чего это?.. — спросилъ онъ, недовѣрчиво смотря на сестру.

— А съ того, что мнѣ одной только тебя

жалко, отвѣчала она, стараясь скрыть невольное смущеніе. Я и всегда такая была, всегда за тебя заступалась, только, конечно, ты этого ничего не зналъ ...

— Да ужъ не сумнѣвайтесь, Марья Яковлевна: все сдѣлаю по вашему приказанію: и провожу, и въ окошечко постучусь самымъ тихимъ манеромъ, чтобы никого не потревожить ... только вотъ насчетъ собакъ ... собаки бы рвать не стали?..

— Нѣтъ, съ той стороны, отъ дороги, гдѣ окна, собаки не бѣгаютъ, а на дворѣ-то, если и полаютъ, не бѣда: работники услышатъ, выйдутъ и Витю примутъ ...

— Да что вы очень?.. вмѣшался Викторъ: можетъ быть, живой еще ворочусь, самъ приду, на своихъ ногахъ ... А вы толкуете точно ужъ меня замертво приволокутъ ...

— Ну, Витя, ты человѣкъ слабый ... за себя поручиться не можешь ... Все лучше, если пріятель хорошій за тебя обѣщается ... По крайней мѣрѣ, дома будешь ночевать, а не гдѣ-нибудь подъ кустомъ ...

— Да какъ же это возможно ... Нѣтъ ужъ, надѣйтесь на насъ, Марья Яковлевна ... Мы не такіе люди!.. Это будетъ вѣрно ... Пойдемъ же, Викторъ Яковличъ ... Прощенья просимъ, Марья Яковлевна!

Иванъ и Марья оба были покойны, что вполнѣ поняли другъ друга и разошлись, пока довольные и со сладкими надеждами.

— Прекрасныя барышни, сестрица ваша эта, Марья Яковлевна!.. — заговорилъ Иванъ, когда остался вдвоемъ съ Викторомъ.

— Какъ на нее придетъ: когда вотъ хороша и

ровно какъ добрая ... А иной разъ тоже ... не подходи: такіе моды разводитъ ... Бѣда!.. Замужъ ей смерть хочется ... Вотъ что!

— Да какъ же барышнѣ этакой не хотѣть замужъ: это такъ и быть слѣдуетъ. Такое ихъ положеніе, чтобы замужъ выходить: больше имъ и дѣлать нечего!.. Только, кажется бы, этакой, напримѣръ, какъ ваша сестрица, и думать не о чемъ: охотниковъ, чай, сколько угодно ...

— Да какъ не быть, только, видишь, все не потрафляютъ: роемся очень, выбираемъ!.. Мы, стало быть, такіе большіе господа, что намъ подавай или помѣщика значительнаго, или купца милліонера ... А они вотъ, недогадливые черти, не сватаются ... И я вотъ тоже все невѣсты ищу, чтобы сто тысячъ у-нея было, да нѣтъ вотъ, не попадается, ракалія!.. А поди-ка, и крестьянская дѣвка порядочная, такъ и та, пожалуй, не пойдетъ ...

— Да вамъ и не подходитъ, чай, на крестьянкѣ жениться ... Вамъ благородную нужно искать ...

— Почемуй-то такъ это?.. Что мы за прынцы такіе?.. Изъ роду-то мы изъ такого же холуйскаго ... Что у отца деньги-то есть?.. Такъ мнѣ, братъ, не достанется отъ него ничего ... Ну, за сестрами, конечно, дастъ, а мнѣ ... нѣтъ, мнѣ и понюхать его денежекъ не придется: знаетъ, что у меня бы не залежались!.. Такъ бы жиганулъ! ого!.. Нѣтъ, еслибы я надумалъ, я бы и на простой дѣвкѣ женился, да только что я не женюсь ... Наплевать и съ ними, съ бабами ... весь вѣкъ съ ней вожжаться!.. Очень нужно!.. Да ты не женатъ?..

— Нѣтъ ...

— И чудесно!.. И не женись, братъ!.. Да право!.. Ну, ихъ къ лѣшему совсѣмъ, этихъ

бабъ!.. То ли наше дѣло, холостое ... Гуляй въ свое удовольствіе, сколь влѣзетъ, а тутъ придешь пьяненькой-то домой: жена ругается, дѣти ревутъ... Да думай еще объ нихъ, корми, промышляй ... Очень нужно!.. Вотъ встрѣтишься съ пріятелемъ, сошелся по душѣ, тары да бары, одинъ сказалъ хорошо, а другой еще лучше, да чтобы она стояла передъ тобой безпереводно, посудина эта самая, зеленая!.. Вотъ это я люблю, это по-моему!..

— Я, братъ, самъ, Викторъ Яковличъ, изъ такихъ же самыхъ, что и ты ... Смерть люблю погулять въ кампаніи ... И вотъ 25 лѣтъ себѣ имѣю слишичкомъ, а еще не женился, гуляю себѣ на свободѣ ... въ полное свое удовольствіе ... И дѣвки, пожалуй, есть, и хорошія дѣвки, пошли бы съ радостью, да не желательно вотъ, и шабашъ!.. Извѣстно, коли ежели бы которая больно по сердцу, по душѣ пришлась, ну, то другое дѣло, женился бы, хоша бы и бѣдная была вовсе ... Деньги нажить можно, человѣка не наживешь ... А покамъ что, Викторъ Яковличъ, мы съ тобой люди слободные, никого у насъ за спиной нѣту ... намъ гулять можно ... Такъ ли?.. Вотъ мы и гульнемъ вволю...

У Ивана было на счастье рубля полтора денегъ и онъ съ удобствомъ могъ осуществить выдумку Маши, которую понялъ съ перваго намека: онъ поилъ Виктора не торопясь, разсчитанно, чтобы держать его на ногахъ до самаго вечера, а къ ночи угостилъ такъ, что изъ села къ Мамаихѣ пришлось почти тащить на себѣ. Онъ успѣлъ въ продолженіе этого дня очень подружиться и расположить къ себѣ Виктора, который, впрочемъ, очень скоро и сильно привязывался къ тѣмъ людямъ, которые поили его.

— Слушай, Ванюха, говорилъ Викторъ совсѣмъ

уже пьяный, но еще владѣвшій языкомъ и ногами: слушай: такъ ты меня сегодня ... утѣшилъ ... такъ ... ублаготворилъ!.. Такой мнѣ сегодня день, грустный, братецъ ты мой, выходилъ ... Негдѣ взять ... ну, не на что выпить ... да и шабашъ!.. Я тебѣ правду скажу ... А ты ... ровно съ неба слетѣлъ ... ровно у Бога умолилъ я тебя ... Вотъ, ей-Богу!.. Такъ доволенъ, ужъ такъ доволенъ, Ванюха!.. Вотъ какъ: больше родного брата, родной сестры!.. Да что мнѣ они?.. Особливо братъ-то Кастентинъ? Что онъ для меня?.. Свой трактиръ содержитъ, а пришелъ я къ нему въ гости ... значитъ, погоститься ... Что же ты думаешь? Живу день: передъ обѣдомъ стакашикъ ... махонькій!.. передъ ужиномъ ... другой ... опять же махонькой!.. Думаю, погоди, что завтра будетъ?.. Пошелъ съ утра къ выставкѣ ... Вижу: подходятъ люди, наливаетъ имъ, пьютъ ... А я стою, смотрю ... Онъ ровно не видитъ ... Стоялъ, стоялъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ ... да что же, я говорю, ты, братъ ... гостю-то, родному брату, не подносишь?.. У этакого ты большого дѣла стоишь ... вонъ какія бутыли у тебя ... самъ ты всему добру хозяинъ ... своя рука владыка ... а тебѣ стаканчика-другого брату родному жалко?.. Видишь: человѣкъ млѣетъ ... глядитъ, какъ другіе пьютъ, а ему не попадаетъ ... можетъ, я говорю, слюной я изошелъ, на людей-то смотря, а тебѣ это ни въ честь, ни въ совѣсть, что передъ тобой братъ родной стоитъ, да ждетъ ... А?.. Вѣдь мнѣ покупать не приходится у тебя за стойкой-то, потому я ... гость и притомъ же братъ родной, кровный ... Что-жъ ты думаешь, онъ-то?.. Отойди, говоритъ, Викторъ, не хорошо!.. Поди въ комнаты, здѣсь тебѣ не мѣ-

сто ... только, говоритъ, меня конфузишь ... Поди въ комнаты, дожидайся обѣда, вотъ передъ обѣдомъ и выпьешь ... А?.. А коли, я говорю, мнѣ теперь желательно, вотъ на людей глядя?.. Коли ты трактирщикъ, стоишь за стойкой, наливай мнѣ сейчасъ косушку ... плачу!.. И кабы, кажется, былъ у меня въ рукахъ двугривенный, такъ бы я ему и залѣпилъ его въ рожу, въ самую ... Такъ онъ меня обидѣлъ тогда!..

— Ну, что же, спрашивалъ Иванъ, усовѣстился, поднесъ?..

— Какъ же, поднесъ: ступай, ступай, говоритъ, братъ!.. Уходи въ комнаты!.. Коли ты ко мнѣ въ гости пришелъ, такъ и сиди тамъ, жди угощенья ... а здѣсь не безобразничай ... потому не хорошо: публика смотритъ, слушаетъ!.. А?..

— Что же ты?..

— Что? ... Какъ я принялся его костить, какъ принялся! ... Вотъ, говорю, пускай публика слушаетъ ... Не надо, я говорю, мнѣ и угощенія твоего ... Наплевать тебѣ! ... Плюнулъ да и ушелъ домой ... Съ тѣхъ поръ и не хожу ... Такъ что мнѣ братъ? ... А вотъ ты для меня ... ты другъ настоящій ... и я для тебя что угодно: вотъ скажи сейчасъ: то и то сдѣлай, Викторка ... И безпремѣнно сдѣлаю, потому я для ласки самый чувствительный человѣкъ ... Ты это, Ванюха, помни! ... Побратаемся ... вотъ я какъ желателенъ ... за всю твою добродѣтель для меня ... сегоднишнаго числа ... Вотъ что! ... Какъ ты меня ... въ моемъ горѣ ... утѣшилъ! въ самый разъ и ... въ самую то есть препорцію! ...

Иванъ всѣ эти заявленія, на всякій случай, принялъ къ свѣдѣнію.

Доставивши пьянаго Виктора въ людскую, онъ отправился розыскивать окно со свѣчкой, нашелъ и, съ замираніемъ сердца, слегка постучалъ въ него. Свѣчка тотчасъ же была погашена, а окно, у котораго стоялъ Иванъ, отворилось и въ него высунулась голова Маши.

— Милый, милый, слышу! ... шептала Маша. Поди къ садовому забору ... тамъ лазъ есть ... Пролѣзай въ садъ ... Жди, сейчасъ выйду ... Здѣсь сестра спитъ ...

И голова Маши спряталась, окно тихо закрылось. Иванъ слышалъ даже, какъ осторожно была задвинута задвижка въ оконной рамѣ. Онъ пошелъ по указанному направленію. Въ темнотѣ ночи, онъ пробирался по забору, ощупывая его рукою. Заборъ былъ сдѣланъ изъ вбитыхъ въ землю кольевъ и въ одномъ мѣстѣ дѣйствительно два кола подгнили и вывалились. Иванъ пролѣзъ въ садъ и сталъ ждать. Напаивая Виктора, онъ долженъ былъ пить и самъ, хотя и пилъ осторожно: вино его отуманило, въ головѣ шумѣло, сердце било тревогу, онъ не въ силахъ былъ ни думать обстоятельно, ни владѣть собою. Когда вскорѣ послышались осторожные шаги Маши и бѣлымъ, неяснымъ пятномъ обрисовалась ея фигура, Иванъ бросился къ ней, ни слова не говоря, и какъ сумашедшей сдавилъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ ... Маша слабо вскрикнула, хотѣла что-то сказать, хотѣла вырваться, но Иванъ почти задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ — а крика ея никто не слыхалъ ... Затѣмъ у Маши потемнѣло въ глазахъ ... Она слишкомъ понадѣялась на свою власть надъ Иваномъ и на его робкую, повидимому, любовь: противъ ея желанія, это свиданіе было для нея роковымъ ...

Придя въ себя, Маша проклинала Ивана, называла мужикомъ, насильщикомъ, обманщикомъ, говорила, что она возненавидитъ его за это, а Иванъ, цинически и самодовольно посмѣиваясь, лѣниво цѣловалъ ее и увѣрялъ, что теперь-то она и полюбитъ его настоящимъ образомъ, а что до тѣхъ поръ вся ихъ любовь была одна пустая канитель ... Тѣмъ не менѣе влюбленные условились о свиданіи и на будущій праздникъ.

Послѣ этой роковой ночи Маша какъ-то присмирѣла, сдѣлалась разсѣянна, задумчива и печальна, но въ назначенный часъ всегда ждала Ивана на томъ же мѣстѣ, въ саду. Она встрѣчала его слезами, упреками и даже проклятіями, а онъ отвѣчалъ на нихъ невидимой для Маши, въ ночной темнотѣ, самодовольной, даже насмѣшливой улыбкой, но въ то же время объятіями и поцѣлуями, отъ которыхъ она трепетала и забывала на-время обо всемъ на свѣтѣ.

— Но что же мнѣ теперь дѣлать? ... Какъ же мнѣ быть? ... Хоть бы ты научилъ меня, посовѣтовалъ бы что нибудь ... начинала она снова со слезами, когда приходила въ себя. Ужъ мнѣ теперь одно осталося: выходить за перваго встрѣчнаго да плакаться всю жизнь отъ мужнихъ попрековъ, да и отъ побоевъ, пожалуй ... Ужь теперь не ищи молодого да хорошаго, а иди за кого Богъ приведетъ, хоть за того же приказчика стараго, да плѣшиваго ...

— Такъ что? и выходи! ... За этакаго-то мнѣ же лучше: больше меня любить будешь ... Выходи и впрямь за него, на фабрикѣ жить будешь, и я завсегда около тебя ... Кажинный день видаться да гулять будемъ! ...

— Да, спасибо! ... Тебѣ-то хорошо, да мнѣ-то

каково? ... Какъ приревнуетъ, да бить, да запирать начнетъ ...

— Ну, такъ и уйти, вѣдь, можно вовсе ...

— Отъ мужа-то? ...

Иванъ мрачно задумался.

— А если открыться? спросилъ онъ. Сказать всю правду ... что промежъ насъ было? ... что, значитъ, нужно вѣнцомъ прикрыть? ...

— Ай, ай, Ваня, что ты! ... Да ни за что на свѣтѣ ... Срамота этакая! ... Клясть да бранить будутъ, а пути-то все равно никакого, только хуже: увезутъ меня къ теткѣ въ дальнюю вотчину, спрячутъ тамъ ... отъ стыда ... Вотъ и все ... А отдать за тебя все равно не отдадутъ! скорѣй тамъ за кого ни попало сунутъ, чтобъ грѣхъ прикрыть, чѣмъ здѣсь, на глазахъ ... Нѣтъ, нѣтъ, не отдастъ папаша за мужика ... за бѣднаго ... да еще за здѣшняго ... Нѣтъ, не женихъ ты мнѣ, Ваня, хоть и люблю я тебя! ...

— Такъ что же, Марья Яковлевна, это выходитъ: долго ли, коротко ли, а распрощаться намъ съ вами нужно? ...

— Ахъ, Ванюша, и подумать-то мнѣ объ этомъ страшно, что разойдемся мы съ тобой, лишусь я своей любви ... да и что дѣлать, какъ горю помочь не знаю, не придумаю! ...

— Такъ я придумалъ, Маша, коли согласна будешь ... А коли любишь, такъ согласишься ...

— Что такое, Ваня?

— Уходомъ уйти отъ отца, да и повѣнчаемся! ... Нынче дѣвки то и дѣло такъ отъ родителевъ уходятъ замужъ, кто имъ по мысли, а старики не пускаютъ ... Вотъ хочешь ли? ...

— Да какъ же это, Ваня, такъ? ... уходомъ? ...

Это въ благородномъ сословіи это, точно, бываетъ ... отъ сильной любви убѣгаютъ и вѣнчаются ... А вѣдь ты ... какъ же? ... первое, что ни одинъ попъ не посмѣетъ повѣнчать насъ, безъ папашинаго согласія, а второе: чѣмъ же мы жить-то будемъ, если папаша разсердится и приданаго не дастъ? ... Я, вѣдь, ты знаешь, воспитана не такъ ... Ничего въ вашей крестьянской жизни и дѣлать не умѣю, да и не могу ... Какъ же мы будемъ безъ денегъ-то жить? ... и опять же въ твоей избушкѣ? ...

— А я такъ полагаю, что родители твои, хоть сначала и посердятся, и поругаются ... да, вѣдь, увидятъ, что повѣнчаны, воротить нельзя — и простятъ, и, что тебѣ назначено, отдадутъ ... Вѣдь, кровь-то, чай, своя, родная: жаль будетъ, что родная дочь въ крестьянской нуждѣ да въ бѣдности пропадаетъ! ... Посмотрятъ, посмотрятъ, да и помогутъ: либо денегъ дадутъ, либо возьмутъ насъ обоихъ къ себѣ въ домъ ... Мнѣ дѣло какое дадутъ и жалованье положатъ, либо ужъ какъ нибудь да пристроятъ: не захотятъ, чтобы и зять у нихъ простымъ мужикомъ оставался, чтобы люди надъ ними смѣялись ... Право, такъ будетъ, Маша! ... Развѣ недолго помаешься въ моей избенкѣ ... Ну, такъ что нибудь захватишь съ собой, хоть изъ платья, что ли, изъ своего тамъ ... или что другое ... Будемъ продавать въ нуждѣ-то: потянемся какъ нибудь до времени ... Ну, и я гулять-то не буду: всѣ денежки буду домой носить ... Такъ что же, Маша, соглашайся что ли! ... Уходомъ! ...

— Ахъ, не знаю, Ваня, не знаю, что тебѣ и сказать ... Больно страшное что-то ты задумалъ ... Никогда я объ этомъ и не думывала ... Конечно, что изъ-за любви и не то еще дѣлаютъ ... осо-

бенно, если любовь самая страстная, что жить безъ нея невозможно: убиваются даже люди! ... Только я думаю, не обвѣнчаютъ насъ ... Уходомъ боюсь!

— Нѣтъ, Маша, не бойся: ничего худого не будетъ ... А лучше не выдумаешь ... Коли точно ты меня любишь, такъ нечего тебѣ и раздумывать! ...

— Нѣтъ, Ваня, какъ не думать ... Ты погоди, дай срокъ ... Да и самъ-то разузнай хорошенько можно ли? ... Тогда и поговоримъ опять ...

Иванъ ушелъ съ этого свиданія полный самыхъ радужныхъ надеждъ, въ которыхъ, надо правду сказать, любовь къ Машѣ и возможность имѣть ее женою и жить съ нею неразлучно занимали самое малое мѣсто. Онъ мечталъ болѣе о другомъ: о приданомъ, о возможности получить черезъ тестя хорошее денежное мѣсто, разбогатѣть, попасть въ купцы. Онъ не разлюбилъ Машу, но чувство его потеряло остроту: вполнѣ удовлетворенное, оно сдѣлалось гораздо спокойнѣе и проявлялось только порывами, особенно въ ожиданіи свиданія послѣ разлуки и въ первыя минуты свиданія. Вообще, въ настоящемъ настроеніи онъ не испытывалъ бы особеннаго горя и страданія, еслибы и вовсе потерялъ Машу, но пріобрѣлъ помимо ея какія нибудь матеріальныя блага. На фабрикѣ, оставаясь одинъ, при воспоминаніи о Машѣ, онъ страдалъ больше отъ мысли о своей бѣдности, о своемъ униженномъ положеніи, чѣмъ отъ разлуки съ нею.

X.

Въ тотъ вечеръ, когда къ Ивану зашелъ и остался ночевать Владиміръ, Иванъ надѣялся получить окончательное согласіе Марьи на побѣгъ изъ

родительскаго дома. Онъ былъ почти увѣренъ, что получитъ это согласіе, потому что вѣрилъ въ любовь Маши къ себѣ и считалъ ея положеніе безвыходнымъ: либо выходи замужъ за немилаго, да еще приготовляйся къ отвѣту передъ нимъ, а, можетъ быть, и къ побоямъ и ко всякаго рода притѣсненіямъ, либо переломи свою гордость, свое самозванное барство, и иди за бѣдняка-мужика, да любимаго, рискуя только прогнѣвить и обидѣть родителей. Само собою разумѣется, что Маша, по мнѣнію Ивана, должна предпочесть послѣднее, а онъ, съ своей стороны, все уже разузналъ и подготовилъ отчасти что было нужно къ тому, чтобы ихъ повѣнчали. Въ этотъ разъ онъ пошелъ въ Мамаиху пораньше обыкновеннаго, чтобы захватить Виктора не спящимъ: ему было нужно переговорить съ нимъ и привлечь на свою сторону. Иванъ разсчитывалъ, что теперь, наканунѣ праздника, рабочіе въ усадьбѣ подольше засидятся вечеромъ и Викторъ, вѣроятно, съ ними балясничаетъ, подстраивая какую-нибудь выпивку на слѣдующій праздничный день. И онъ не ошибся: въ рабочей избѣ еще свѣтился огонь, когда онъ подходилъ къ ней, а заглянувши въ окно, онъ увидѣлъ Виктора стоящимъ около стола, за которымъ работники ужинали, медленно пережевывая куски и осклабляясь на разсказы Виктора. По веселому лицу его Иванъ догадался, что управительскій сынокъ былъ выпивши и въ хорошемъ духѣ. Иванъ не хотѣлъ входить въ избу, чтобы не привлечь на себя особеннаго вниманія и не вызвать праздныхъ разспросовъ рабочихъ, и слегка постучалъ въ окно. Его тотчасъ же отворилъ сидѣвшій ближе другихъ работникъ и высунулъ голову.

— Кто это?.. Чего надоть?.. спросилъ онъ.

— Не здѣсь ли Викторъ Яковличъ?.. отозвался Иванъ.

— Здѣсь онъ ... вотъ!.. А что?..

— Повышлите-ка его сюда ...

— Тебя никто спрашиваетъ, чтобы вышелъ ... сказалъ работникъ, оборачивая голову въ избу къ Виктору.

— Кто такой? Что надо?.. Пусти-ка ... говорилъ Викторъ, съ любопытствомъ подходя къ окну и отстраняя рабочаго.

Онъ высунулъ въ окно свою голову вмѣсто его.

— Я это, я ... поторопился сказать Иванъ. Выйди-ка сюда, Викторъ Яковличъ, на два словечка ...

— А—а, дружокъ, милый человѣкъ ... вскрикнулъ Викторъ, узнавши Ивана по голосу. Да входи въ избу, сюда ...

— Нѣту, недосужно ... Я мимоходомъ только тебѣ словечко сказать нужное ... Выйди-ка ...

— Сейчасъ, сейчасъ ...

Викторъ спѣшно выскочилъ изъ избы къ Ивану, не отвѣтивши даже на вопросы рабочихъ: кто такой пришелъ и почто зоветъ?.. Иванъ уже не одинъ разъ угощалъ Виктора при встрѣчахъ съ нимъ и потому они были уже вполнѣ друзьями и говорили на ты.

— Ахъ ты, милый другъ, брательникъ ... говорилъ Викторъ, обнимая Ивана: откуда взялся?..

— А нарокомъ зашелъ къ тебѣ, отвѣчалъ Иванъ, съ умысломъ отходя подальше отъ избы, чтобы оттуда не слыхали ихъ разговора. Съ фабрики я теперь, домой иду, да тутъ ... дѣло было ... въ деревнѣ, по сосѣдству, такъ дай, думаю, зайду къ дружку ... Хошь, добѣжимъ въ село, въ кабакъ али въ трактиръ, проходную хватить, наскоро? ... Одному-то скучно ...

— Ахъ ты! ... Вотъ другъ-отъ ... Пойдемъ, пойдемъ ... Я хошь теперича и доволенъ: видишь, въ куражѣ ... И на сторонѣ случаи были, да и сестрица Марья нынче меня не оставляетъ ... каждый день подноситъ ... А ужъ все отъ друга не отстану ... ужъ поддержу! ... И не то, что въ этомъ дѣлѣ, что выпить идти вмѣстѣ для кампанства: это-то я сдѣлаю, почитай, для всякаго! ... а и въ другомъ какомъ дѣлѣ надѣйся на меня, Ванюха, все равно, что на каменную стѣну ...

— О-о? ...

— Да ужъ, вѣрно, братъ, не сумнѣвайся: только бы случай подошелъ, я те покажу ... потому я самый признательный человѣкъ! ... Конечно, что случая тебѣ не подходило испытать меня, а для друга могу ... что угодно ...

— А можетъ, и случай-то есть такой ... Докажи ...

— И докажу ... Сказывай: что такое? ... Все сдѣлаю ...

— Ну, смотри ... Помни, что обѣщалъ ... Можетъ, нужда у меня до тебя будетъ большая: смотри, тогда не выдай друга ...

— Ужъ, братъ, не выдамъ. не бось ... Сказывай сейчасъ, коли что нужно ...

— Нѣтъ, вотъ перво выпьемъ, а тутъ, можетъ, подумавши, я и скажу ... Только ... если ты мнѣ вмѣсто помочи-то, подгадишь? ...

— Я ... для друга? ... Ну, братъ, не знаешь ты меня, каковъ я есть человѣкъ! ... Со мной зломъ, точно, что ничего не сдѣлаешь, а если по любви, по дружеству ... да я душу за человѣка-то положу ... Вотъ что! ... Да вотъ теперь сестра Марья стала со мной по-хорошему ... Чортъ ее знаетъ съ

чего ... да мнѣ и знать не нужно: все одно! ... А вотъ скажи она мнѣ теперь, чтобы я что для нея сдѣлалъ ... Все сдѣлаю! ... Потому ... я пьяница, вѣрно это! ... а только я совѣстливый человѣкъ, во мнѣ душа самая благородная! ... Вотъ что, Ваня!.. Ты вѣрь мнѣ! ... Сказывай все смѣло ...

Они вошли въ кабакъ, выпили; затѣмъ Иванъ купилъ полштофа и вручилъ Виктору, чтобы онъ взялъ его съ собой домой; эта любезность окончательно растрогала Виктора. Когда вышли изъ кабака, онъ не удержался: тутъ же за дверью отпилъ порядочную долю, а остальное спряталъ за пазуху.

— Больше не стану теперь, Ванюха ... потому ты безпремѣнно сказывай мнѣ свою нужду, чтобы мнѣ въ самое понятіе принять, чего тебѣ требуется ...

— Вотъ что, Викторъ Яковличъ, заговорилъ Иванъ, отходя отъ кабака и оглядываясь кругомъ: это дѣло такое, что коли ты меня выдашь, такъ либо я на себя руки наложу ... либо тебѣ не сдобровать ... Пойми ты это! ...

— Да ужъ полно ... Сказано, вѣдь ... говори, знай ... надѣйся! ..

— Ну, такъ слушай: я тебя ошарашу сразу ... Ужъ пускай что будетъ, то будетъ! ... Вѣдь, мы съ твоей сестрицей, съ Марьей Яковлевной, въ любви живемъ ...

— Полно? ... спросилъ Викторъ, останавливаясь среди дороги, съ открытымъ отъ удивленія ртомъ.

— Вотъ! ... сказалъ тебѣ всю правду ... какъ другу! ...

— И въ полномъ ... то есть ... видѣ? ... переспросилъ Викторъ.

— Да ... отвѣчалъ Иванъ.

Викторъ вдругъ неудержимо захохоталъ.

— Съ чего ты? спросилъ Иванъ, нѣсколько встревоженный.

— Съ радости, чудакъ!... Съ чего больше!... отвѣчалъ Викторъ, продолжая хохотать. Ай да молодецъ!... Вотъ ловко!... Тутъ жениховъ розыскиваютъ: помѣщиковъ, али купцовъ богатыхъ... къ благородному обращенію пріучаютъ... наряды шьютъ!... Зазываютъ, заманиваютъ... во всѣхъ статьяхъ дочку показываютъ... а она ужъ давно... фю-фю!... Ай да Ванюха, ай молодецъ!... Это вы, видать, какъ у братца-то старшаго она гостила, снюхались?... А?...

— Да, да...

— Молодецъ!... люблю!... Вотъ вамъ, Яковъ Захарычъ, господинъ баринъ!... вотъ!... пожалуйте получить!... Хвастайте теперь дочкой-барышней!... Ха, ха, ха!... Вотъ отчего она и ко мнѣ-то ласкова стала... черезъ тебя!... Ну, что же, какая же вамъ отъ меня-то послуга надобится?... Свести что ли, да посторожить?... Могу, изволь!... Съ нашимъ удовольствіемъ... для друга!... Дѣло не черезъ меня началось, сталося: съ чего же мнѣ мѣшать-то вамъ?...

— Нѣтъ, Викторъ Яковличъ, не въ томъ...

— Ахъ, ужъ и здѣсь дорогу нашли?... Безъ меня видаетесь?... А?... Утѣшь, скажи: было?

— Было...

— Вотъ такъ такъ!... Ха, ха, ха!... Подъ самымъ носомъ значитъ... все одно, что съ родительскаго благословенія... Ха, ха, ха!... Вотъ озлится, узнаетъ... замужъ выдастъ!... А они, вижу я, ладятъ ее теперь опять за „благороднаго человѣка“... (голосомъ Викторъ передразнилъ отца). Ахцизный тутъ новый... познакомились какъ-то... Ужъ

пріѣзжалъ на этой недѣли ... и дѣло идетъ черезъ знакомую попадью въ городѣ: она передъ тѣмъ была, и на той недѣлѣ опять за ней лошадей хотятъ посылать ... А этотъ ... женишишко-то ... плюгавый, ровно щепа худой и примазанный ... и при усахъ тоже! ... и моды въ себѣ показываетъ: въ перчаткахъ и перстень носитъ! ... Я не входилъ, а въ щелку только посмотрѣлъ на нихъ ... Отецъ такъ и стелется передъ нимъ, а мать всѣ банки съ вареньемъ изъ кладовой перетаскала ... все его сахарила ... И Марья, братъ, твоя тоже хвостомъ виляла ... Ужъ я видѣлъ! ... Не знаю, что у нея тамъ на сердцѣ, а только видомъ показываетъ: вотъ, молъ, сколь я обходительна ... и можете надѣяться ... Ну, что-жъ, ты не огорчайся: извѣстно, ей теперь надо какъ-никакъ голову прикрыть ... поскорѣе ... Тамъ ужъ, дескать, что ни будетъ, а отъ стыда надо уйти! Я такъ полагаю: у нея это въ головѣ! ...

— А у меня такъ другое въ предметѣ, Викторъ Яковличъ ...

— Что? что? ... Да, вотъ нужду-то твою ... Говори, сказывай! ...

— Да ты не выдашь? Опять тебя спрашиваю ...

— Ахъ, отстань ... Ужъ говорятъ: надѣйся ... все одно, что на себя ...

— И поможешь? ...

— Что угодно: все сдѣлаю, только бы отъ рукъ не отбилось ... потому другъ ты мнѣ, другъ, да ужъ и парень же, вижу, лихой! ... Люблю я этакихъ, смерть! ...

— А я, коли поможешь, на всю жизнь твой слуга буду: живи со мной, ѣшь мое, носи мое, каждый день угощеніе до-сыта. Вотъ какъ обѣщаюсь ...

— Да ну, сказывай: не тяни ...

— Жениться я хочу на Марьѣ Яковлевнѣ ...

— Не отдадутъ, братъ: этого нечего и думать, Ваня ... Оставь ...

— Да, вѣдь, я какъ? Я безъ сватовъ, въ утайность ... Уходомъ ...

— Какъ уходомъ? ...

— Такъ ... Я ужъ съ Марьей Яковлевной переговаривалъ: и она согласна, только боится, что не повѣнчаютъ ... А я знаю, что повѣнчаютъ: вышла бы только она ночью, вынесла что свое ... а ужъ тамъ сейчасъ въ церковь ... и шабашъ! ...

— Да какъ же ты сдѣлаешь-то? Вѣдь, не повѣнчаютъ, дьяволъ? ...

— Ужъ сдѣлаю! ... И попа такого подыскалъ; только ты помоги, въ чемъ попрошу ... Али, можетъ, тебѣ въ обиду, что я, простой мужикъ, на твоей сестрицѣ-барышнѣ жениться хочу? ... такъ ты такъ и скажи мнѣ прямо! ... Я такъ и знать буду! ...

Голосъ Ивана дрожалъ при послѣднихъ словахъ отъ внутренняго волненія и отъ мысли, что онъ сдѣлалъ промахъ, довѣривши свою тайну Виктору; но отвѣтъ послѣдняго тотчасъ же успокоилъ его.

— Отстань-ка ты, сказалъ онъ. Не то обижаться, а я радехонекъ: первое, родитель обозлится, а подѣлать ничего нельзя: пожалуй, кричи да ругайся, ужъ не развѣнчаешь, и зять-то все-таки будетъ мужикъ ... а не баринъ и не купецъ! ... Что взяли? ... Да это мнѣ въ первое удовольствіе, потому довольно онъ надо мной надругался ... довольно я отъ него всего натерпѣлся: и побоевъ, и ругани, и попрековъ ... что всѣ дѣти у него какъ слѣдуетъ, одинъ я не человѣкъ ... хуже пса всякаго! ... А опять ты обѣщаешься взять меня къ себѣ жить и кормить, и одѣвать, и угащивать ... Такъ это мнѣ развѣ не лестно? ...

Вѣдь если за кого другого выйдетъ Марья, такъ я знаю, тотъ зять и въ домъ-то меня не пуститъ къ себѣ, и за гостя-то не сочтетъ ... Да кромѣ этого я изъ-за пріятства, изъ-за дружбы нашей, все для тебя сдѣлаю ... Скажи только, что надо ...

— А вотъ что: поди, чай, нашъ попъ будетъ бумагъ спрашивать отъ вашего попа, такъ сходи къ нему, ровно бы отецъ послалъ, и выправь ихъ поскорѣе ... такъ, чтобы передъ самой свадьбой ... чтобы схватиться не успѣли ... Можно ли? ... Сдѣлаешь-ли? ...

— Еще какъ сдѣлаю-то! ... Родитель-то и безъ того меня все на посылкахъ держитъ: какъ что, такъ сейчасъ: послать Виктора ... онъ все равно бездѣльничаетъ, ракалія! ... Вотъ эта ракалія ему и уважитъ теперь! ... Попу нашему и въ голову не придетъ, что я приду отъ себя, а не отъ отца ... А я ему то наговорю, такую спѣшку выдумаю, что онъ сейчасъ всякую бумагу выдастъ ... А для отца они уважаютъ, всегда что угодно ... потому и получаютъ ... ну, и хлѣбъ-соль водятъ: пріятели ... Это-то я, вось, обдѣлаю! ... Еще чего не надобно-ли? ..

— Ну, а еще постереги и помоги, когда время придетъ ... Въ церковь поѣзжай съ нами, за дружку будь на свадьбѣ ...

— Это все можно ... Ничего не составляетъ для насъ: даже и свидѣтелемъ распишусь, что находился при бракосочитаніи сестры моей, Марьи, съ крестьяниномъ такой-то волости, такой-то деревни, Иваномъ ... Какъ отчество-то и по прозвищу?

— Иванъ Степановъ Бахваленокъ ...

— Съ Иваномъ Степановымъ Бахваленковымъ ... Росписаться безпремѣнно нужно ... для крѣпости ... чтобы безо всякаго сумнѣнія! ... Это, братъ, росписка

первое дѣло: тамъ попъ ... вѣнчанье ... а вотъ, извольте посмотрѣть, папашенька: и въ книгѣ записано, и при свидѣтеляхъ: все какъ слѣдуетъ, по-божески! ... Ужъ никоимъ манеромъ не разведешь, не передѣлаешь, все равно, что скрѣплено и запечатано ... Такъ вотъ у меня какая сестрица-то будетъ: Бахваленкова! ... Что-жъ, чудесно! ... А только что вотъ, Ванюха, впередъ сказываю: все я для тебя сдѣлаю, а домой ужъ послѣ вашей свадьбы не пойду, у васъ и останусь, потому надо всю свадьбу справить какъ слѣдуетъ, да и папашенькѣ въ первый пыхъ попасться тоже накладно будетъ ... По родительской своей любви онъ меня жалѣть ужъ не станетъ ... И безъ этого-то онъ ко мнѣ жалостливъ и жалуетъ, а ужъ тутъ такъ наградитъ, что и не опомнишься! ... пуще же боюсь: запретъ куда въ чуланъ холодный ... Сиди да посвистывай! ... Ничего, братъ, не подѣлаешь ...

— Да ужъ само собой, вмѣстѣ съ нами поѣдешь... Съ нами такъ и оставайся ... Ну, Викторъ Яковличъ, такъ по рукамъ значитъ? ... Согласенъ? ...

— Ну, вотъ еще ... Ужъ сказано! ... отвѣчалъ Викторъ, высоко поднимая свою руку, чтобы ударить по протянутой рукѣ Ивана. Давай, поцѣлуемся ... Брательники мы теперь будемъ настоящіе! ... А разбойникъ ты, Ваня! ... Что удумалъ! ... Вотъ ракалія-то настоящая: по дѣломъ уже папашенька-то тебя ругать будетъ ... А ты тоже его папашенькой зови, Ваня ... Ха, ха, ха ... Вотъ, молъ, мы какъ! умѣемъ и по-благородному, даромъ — мужики! ...

— Ну, такъ вотъ что, Викторъ Яковличъ, завтра приходи къ обѣднѣ въ Савинское ... Тамъ въ трактирѣ посидимъ и дѣло все узнаемъ, а поколѣ прощай ... Мнѣ пора ...

Они подходили въ это время къ Мамаихѣ.

— Куда пора-то?... съ усмѣшкой спросилъ Викторъ. Вѣдь, чай, къ ней же?... Гдѣ нибудь, поди, поджидать будешь!... Ну, признайся, Ванюха... чортъ?...

— Ну, да что тутъ... Знамо, коли подойдется... выйдетъ... Сегодня намъ безпремѣнно нужно обо всемъ переговорить... Оттягивать теперь дѣла некогда: нужно скорѣе... Скоро, вѣдь, и Филипповки начнутся... Боюсь, какъ бы что сегодня не помѣшало ей...

— Такъ ты бы давно мнѣ сказалъ... чудакъ!... Коли нужно, я и вѣсть подамъ ей объ тебѣ, или посторожу, покамъ вы толкуете... Не бойсь, сдѣлаю такъ: никому не въ домекъ, и вамъ будетъ спокойнѣе...

— Нѣтъ, ужъ не въ-первой: она сама сторожка... Ты лучше ложись, да завтра не проспи, али не забудь: въ Савинское приходи...

— Ну, ладно... Какъ хочешь... Ахъ ты, мазура, плутъ... Вотъ прожженный-то!... Ну, иди, иди... Скажи кто другой, а не самъ, не повѣрилъ бы ни за что... Ну, поцѣлуемся еще, да и иди ты къ своей разлапушкѣ, а я со своей порѣшу, да и на боковую...

Викторъ показалъ на полштофъ, спрятанный за пазухой. Иванъ усмѣхнулся и, проводивши Виктора до самыхъ воротъ усадьбы, пошелъ къ обычному мѣсту свиданія.

Осень этого года благопріятствовала влюбленнымъ: хотя листъ съ деревьевъ давно уже облетѣлъ, начались заморозки и земля сверху застыла, но снѣгъ не выпадалъ, и путешествіе Ивана съ Марьей въ садъ не оставляло за собою слѣ-

довъ, которые могли бы возбудить подозрѣніе. Они обыкновенно забирались въ самую чащу, гдѣ была поставлена широкая скамейка, на которой отдыхалъ обыкновенно въ жаркое послѣобѣденное время Яковъ Захарычъ, скрываясь отъ докучливыхъ мухъ. Здѣсь, на этой скамейкѣ, и вели они свои тайныя бесѣды. И въ этотъ разъ Марья не заставила себя долго ждать. Какъ только въ домѣ всѣ улеглись и захрапѣли, она накинувши теплое пальто, прокралась черезъ заднее крыльцо въ садъ и нашла Ивана на обычномъ мѣстѣ.

— А что, Марья Яковлевна, спросилъ Иванъ послѣ первыхъ же радостныхъ привѣтствій, говорятъ, къ вамъ новый женишекъ наклевывается?

— Какъ ты узналъ? ... Кто тебѣ сказалъ?

— Да ужъ кто, никто, а знать намъ насчетъ этого дѣла, кажись бы, къ самой линіи: извѣстно, о комъ гребтится, такъ всю подноготную разузнаешь ... А я такъ полагалъ, что ты сама мнѣ про это разскажешь ...

— Да я бы и сказала, только рѣшеннаго-то ничего еще нѣтъ: одна переговорка идетъ ... Правда, что онъ мною очень очарованъ и самъ мнѣ сказалъ, что я очаровательная ... и черезъ городскую попадью насчетъ приданаго отъ папаши съ мамашей все отбиралъ ... И попадья сказала, что коли дадутъ семь тысячъ, такъ завтра же пріѣдетъ формальное предложеніе дѣлать ... Папаша сказалъ, что дастъ и семь тысячъ ... потому онъ чиновникъ ... благородный ... акцизный ... Перстни какіе на немъ, Ваня, цѣпочка у часовъ такая толстая, тяжелая: онъ снималъ показывалъ, я на рукѣ вѣсила ... И жалованье получаетъ больше тысячи ... Папаша Богъ

знаетъ какъ радъ, и мамаша тоже ... Будутъ безпремѣнно меня выдавать за него ... Вотъ Ваня какъ мнѣ быть, что дѣлать? ... Посовѣтуй.

— Да что совѣтовать: коли такой благородный и богатый человѣкъ ... съ перстнями вонъ, да съ цѣпями, и вамъ, значитъ, по мысли, такъ чего же тутъ? ... и думать нечего: честнымъ пиркомъ, да и за свадебку ...

— То-то и есть, что мнѣ-то не по мысли: худой, точно спица, желтый какой-то, съ рябинами, волосенки рѣдкіе, а на самой макушкѣ и совсѣмъ нѣтъ: сзади да съ боковъ на нее поначесано волосьевъ-то ... Противный онъ, Ваня ... для меня ...

— Ну, за то благородная будете, госпожа ... въ городѣ жить станете! ... Вонъ и папаша за это лишнихъ двѣ тысячи въ приданное накидываетъ ... чего же лучше? ... Конечно, что муженекъ эти денежки къ рукамъ подберетъ и посмотрѣть вамъ на нихъ не дастъ: за то барыня будете, чиновница ... Ну, а насчетъ того, что собой неприглядѣнъ, на это смотрѣть нечего: будетъ супругомъ, да дѣтки пойдутъ, присмотритесь, привыкните ...

— Да что ты, Ваня, какъ со мной говоришь? ... Я за это время измучилась съ тоски, да съ мыслей, не знаю, что и дѣлать съ собой ... Отъ тебя, вѣдь, я, чай, и погибель-то свою приняла: развѣ я желала этого? ... Надо же мнѣ теперь какъ нибудь свой стыдъ прикрыть ... ты бы долженъ это помнить и чувствовать ... Я у тебя, какъ у милаго человѣка, хоть и злодѣя моего, совѣта прошу, а ты мнѣ въ одну насмѣшку отвѣчаешь ... Марьей Яковлевной зовешь, вы говоришь ... Что ужъ теперь тебѣ меня величать, коли ты меня хуже послѣдней сдѣлалъ ... Какая я ужъ теперь барышня ... какая Марья Яков-

левна ... особливо для тебя ... Потерянная я теперь, пропащая ... по твоей милости ...

— Одначе же не безъ вашего же согласія, Марья Яковлевна ... Не я къ вамъ пришелъ самоволомъ: вы сами ко мнѣ вышли ... Не силомъ я васъ взялъ, сами свою любовь показывали ...

— Не такой я любви отъ тебя хотѣла ... а честной, благородной ... деликатной! ... Я тебя любила, какъ дѣвица воспитанная ... думала и тебя облагородить ... къ деликатному обращенію пріучить ... Помнишь: съ чѣмъ я къ тебѣ шла, какое обѣщаніе съ тебя брала? ... чтобы и трогать меня не смѣлъ, а въ однихъ бы разговорахъ объ чувствахъ время проводилъ, да за великое считалъ ручку поцѣловать, а не то въ губы или обнять ... Помнишь ли? ... Такъ сначала и было, покамъ ты меня слушался ... А послѣ ... ты какъ со мной поступилъ? ... Какъ мужикъ настоящій, невоспитанный! ... Да самъ же теперь и насмѣшки надо мной дѣлаешь ...

— Насмѣшекъ я никакихъ не дѣлаю ... а что мужикъ я, такъ мужикъ и есть ... Не вязаться бы вамъ, барышнѣ воспитанной, съ мужикомъ ... коли это не ваша компанія и довольно для васъ гнусно ... А вотъ бы сразу этакого съ перстнями-то да съ цѣпями, искали ... ну, и съ плѣшинкой ужъ, коли нѣтъ почище ... что дѣлать-то: всѣмъ не выберешь ...

Иванъ ядовито засмѣялся.

— И теперь ты скажешь: не насмѣшки ты надо мной дѣлаешь? ... вскрикнула Маша, обидѣвшись, и заплакала. Подлый ты человѣкъ, я вижу, безсовѣстный! ... я тебя полюбила, даромъ что ты мужикъ, а тебѣ только погубить меня хотѣлось ... Погубилъ, такъ ужъ теперь ни горя, ни заботы у тебя обо мнѣ нѣтъ ... Ни думать, ни посовѣтовать, ни участья

принять не хочешь? ... Да, да, низкій ты, подлый! ... Правду папаша говоритъ, что въ черномъ народѣ никакой совѣсти, никакой благодарности нѣтъ ... За всю мою любовь, какъ ты мнѣ платишь? ...

Маша плакала навзрыдъ.

— Да что вы, Марья Яковлевна, превозноситесь надо мной, да ругаетесь и попрекаете? ... Вѣдь, не я женюсь на другой, а вы замужъ хотите выходить ... Кабы ваша милость была, да не гнушались вы мной, такъ развѣ бы я не женился на васъ? ... Съ великой бы радостью и за самое счастье почелъ! ... Я отъ васъ не рекаюсь: вы отъ меня рекаетесь ... Потихоньку съ мужикомъ гуляли, не брезговали, а замужъ-то выдти вамъ, видишь ты, все-таки требуется за богатаго, да чиновнаго хоть и немилаго, и собой каряваго ... хоть и срамить онъ васъ, и бить, можетъ, станетъ, и попрекать на каждомъ шагу ... Такъ за что же вы меня-то ругаете? ...

— Такъ что же мнѣ дѣлать-то, что дѣлать? ... Въ дѣвкахъ оставаться, только сраму дожидаться, да бѣды, замужъ выдти — другой, а за тебя не отдадутъ ни за что ... Я бы рада пошла и за тебя ... хоть и въ бѣдность бы пошла, въ нужду, въ горе, — можетъ статься ... да попробуй, посватайся ... Что папаша-то скажетъ? ... И дороги-то къ воротамъ не найдутъ твои сваты ...

— Такъ стало: кабы отдали, такъ пошла бы за меня? ...

— Извѣстно, пошла бы ... За кого же мнѣ теперь и идти ближе, что не за тебя? ... И люблю я тебя, и тошно мнѣ теперь безъ тебя ... и потерянная я ... все черезъ тебя же ...

— Ну, такъ вотъ что, Маша, ни за кѣмъ тебѣ не быть, окромѣ меня ... вскричалъ Иванъ, крѣпко

ее обнимая. — Что будетъ, то будетъ, а я какъ удумалъ, такъ и сдѣлаю ... Свататься къ тебѣ, у родителевъ твоихъ благословенья просить, — и затѣвать нечего; а какъ и прежъ того говорилъ: уходи уходомъ, да и повѣнчаемся ... Я ужъ и попа такого подыскалъ, и все подстроилъ ... Вотъ рѣшайся: можетъ, на той недѣлѣ и окрутимся ...

— Да что ты, Ваня? ... Въ умѣ ли? ...

— А что? ... чѣмъ не въ умѣ? ... Я, вѣдь, и прежде тебѣ говорилъ, спрашивалъ ... Ты подумать обѣщалась и отвѣтъ дать, а у меня вотъ уже, почитай, все и готово ...

— Да я думала, ты такъ только, съ горя, али въ шутку ... Воображеніе одно! ...

— А вотъ какое воображеніе: что коли ты теперь мнѣ согласія своего не дашь, откажешься, такъ я на отчаянную пойду: всякому жениху твоему буду сказывать, что ты жила со мной ... Небось, за-знамо-то никто не возьметъ и за семь тысячъ ... Да и каково-то тебѣ будетъ? ... Вотъ, Маша, знай: назвала меня подлецомъ, такъ пускай я подлецъ и буду, а ужъ съ моего согласа, окромѣ меня, ни за кого тебѣ не дамъ выдти ... Такъ ужъ я заразился, Маша, на этомъ, такъ тому и быть ... Мнѣ безъ тебя не житье и тебѣ, видно, тоже ... Такъ ужъ намъ, видно, на роду написано, что ты моя суженая ... А ужъ что повѣнчаютъ, о томъ не сумнѣвайся ... И еще тебѣ скажу: о нашей любви съ тобой все знаетъ одинъ человѣкъ, братецъ твой Викторъ ...

— Какъ онъ узналъ? ... испуганно спросила Маша, всплеснувъ руками.

— Не бойся, онъ не то, что не выдастъ, никому не сболтаетъ, а еще поможетъ намъ ... Черезъ него

я тебѣ и вѣсть дамъ, какъ и что ... А мнѣ до останнаго дня и повидаться съ тобой не придется за хлопотами ... Ну, какъ же, Маша, рѣшайся, коли любишь ... Говори: согласна ли? ...

— Какъ мнѣ не согласиться-то: и любить-то я тебя люблю, да и дѣваться-то мнѣ больше некуда ... Давно моя голова рѣшенная ... Только боюсь я: какъ отрекутся отъ меня родители, да ничего не дадутъ намъ и на глаза пускать не будутъ? ... изведусь я тогда отъ нужды, отъ бѣдности ... а ты разлюбишь меня ... Что я тогда буду дѣлать? куда голову преклоню? ...

— Полно, Маша ... На что такое думать ... Надо на Бога полагаться ... Ну, въ ногахъ будемъ валяться, прощеніе просить станемъ, не разъ и не два, а безперечь, коли ужъ больно заупрямятся ... Когда нибудь да простятъ ... Только ты смотри: вѣсть подамъ, сбираться станешь, все свое приданое забирай: одежду тамъ, шубы, перстеньки — колечки ... ну, и деньги, само собой, коли есть какія ... На первое-то время, пока что, все пригодится.

— Да какъ же я все это изъ дома-то вынесу? ... Узлы, вѣдь, большіе будутъ? ...

— Ну, ужъ это мы съ Викторомъ все удумаемъ, и какъ онъ тебѣ скажетъ, такъ и дѣлай ... Онъ и поможетъ во всемъ ...

— Ой, боюсь я, не на бѣду ли, не на горе ли свое вѣковѣчное я согласье дала ... ужъ только люблю я тебя, жить безъ тебя не могу, да надѣюсь на тебя, что очень ты ловокъ, смѣлъ да уменъ ... А съ папашей-то, съ папашей что будетъ! .. и съ мамашей! .. Ай, и подумать страшно! ..

— Да и думать объ этомъ не надо ... Ужъ коли рѣшилась, согласье дала, такъ только о томъ

и думай: какъ бы это самое дѣло половчѣй да поумнѣй сдѣлать ... А тамъ Богъ ... Эхъ, полнока, Маша, золотая моя красавица, барышня-то моя... поживемъ! .. еще какъ поживемъ-то! .. Погоди, дай ты мнѣ только до родителей твоихъ добраться: увидишь, какъ полюбятъ меня ... За сына родного будутъ почитать ... Неученъ я, а тоже, какъ подойти къ человѣку, знаю: въ одно ушко влѣзу, въ другое вылѣзу, и не догадается ... Погоди, узнаешь ты, каковъ твой Ваня ...

— Да знаю, знаю я ... Развѣ бы я полюбила, кабы не былъ ты таковъ ...

— Ну, такъ и толковать, значитъ, нечего ... А надо Богу молиться да на Него надѣяться ... Семьи у меня нѣтъ, ближнихъ родныхъ тоже, одинъ какъ перстъ ... Есть старуха матушка, да та не то, что съ тебя взыскивать, а замѣсто слуги служить тебѣ будетъ ... Попади-ка въ какую семью большую, гдѣ и свекоръ и свекровь, и братья старшіе, и золовки: вотъ-то бѣда! .. а намъ-то вдвоемъ жизнь — ровно въ раю покажется: сыты не наживемся ... Вотъ что! .. милая ты моя ... барышня ... писаная! .. Отдамъ ли я тебя какому барину? .. и не этакому, никому не отдамъ! .. Нѣтъ тебя лучше! .. нѣтъ тебя краше! ..

Маша съ упоеніемъ слушала эти рѣчи и вѣрила въ будущее счастье. Ивану въ эту минуту казалось, что онъ и дня бы не прожилъ, еслибы Маша вышла за другого. Они разстались съ твердою рѣшимостью осуществить задуманное, во что бы то ни стало.

XI.

На слѣдующее утро, выбравши время, когда Устиньи не было въ избѣ, Иванъ открылъ свою тай-

ну только что опохмѣлившемуся послѣ вчерашняго пьянства дядѣ Владиміру. Тотъ, въ виду предстоящихъ свадебныхъ попоекъ, пришелъ въ неистовый восторгъ отъ замысла племянника и изъявилъ полнѣйшую готовность помогать ему.

— Пойдемъ къ Павлухѣ ... говорилъ онъ. — Первымъ долгомъ къ нему пойдемъ ... Онъ для меня все сдѣлаетъ и недорого возьметъ ... Не попъ—душа! .. Матку не бери: не за чѣмъ шляться ... Я одинъ все обдѣлаю ... Скажу, что крестникъ ты мнѣ ...

— Да я матушкѣ еще и не говорилъ объ этомъ ...

— И не говори ... Наплевать ей ... Что бабъ путать въ экое дѣло ... Слабы больно онѣ на языкъ-то ... До-смерти не люблю! ... Развѣ ужъ совсѣмъ въ церковь, къ вѣнцу собираться, вотъ тогда: родительница, благослови! ... А до тѣхъ поръ на что ее и ворошить ... Пущай сидитъ въ спокоѣ: сдѣлаемъ, тогда все видать ей будетъ ... Вотъ тебѣ, родительница, невѣстка: просимъ любить да жаловать! ..

— Не осердилась бы? .. Пожалуй, обидится матушка-то ... сказалъ нерѣшительно Иванъ.

— В-о-отъ! чему обижаться-то? .. Вѣдь, не ее замужъ выдаешь ... Самъ женишься ... Кабы ее окрутилъ, что и не знала бы ... ну, то дѣло десятое! ... А то на-ка тебѣ: сказывать имъ до времени! ... Не надо ... Ахъ ты, Ванюшка, воръ ты этакой ... Вотъ потрафилъ ты по мнѣ! ... Ровно я ... Экой же былъ смолоду насчетъ дѣвокъ: безъ переводу онѣ у меня ...

— Ну, такъ вотъ, дядя Владиміръ ... перебилъ его Иванъ, стаскивая съ полатей старый свой полу-

шубокъ: вотъ надѣвай мой полушубокъ ... А вотъ тебѣ и сапоги ...

Онъ досталъ сапоги изъ-подъ лавки.

— Дырка есть на сапогѣ на одномъ ... . Ну, да что дѣлать-то: каковы ужъ есть ... Не вѣду только, придутся ли тебѣ по ногѣ-то? ...

— Мнѣ? ... проворно отвѣчалъ Володя, тотчасъ принимаясь надѣвать Ивановы сапоги. Да мнѣ какіе хошь давай сапоги, съ чьей хочешь ноги: мнѣ всякіе придутся ... Пра, ей-Богу! ... У меня такая, братецъ, нога! ... Да вотъ, на той недѣлѣ, у дьячихи въ Воскресенскомъ ночевалъ ... Тоже развалились свои-то сапожнишки: подошвы, братецъ, отмякли, а голенищи-то ничего, еще здоровыя ... Увидѣлъ я у нея вотъ эти калишки: давай мѣняться ... потому мнѣ легче ... для ноги ... ну, а ей въ пользу: одни голенищи чего стоятъ ... Не влѣзутъ, говорить, потому у меня нога женская, а у тебя мужчинская ... Знамо, говорю, мужчинская: не бабій у меня и ходъ ... А какъ прикинулъ, надѣлъ, такъ точно ровно вылиты ... Вотъ и ходилъ въ нихъ ... Изъ-за спору одного, потому сапоги-то были здоровые ... хоть сейчасъ три рубля дали бы ... А ея калишки что? ... Вотъ ужъ одно званіе осталось, и тогда-то имъ вся цѣна одинъ двугривенный ... Ну, да наплевать ... На здоровье ... Насъ не разоритъ ... Вотъ видишь: въ самый разъ ... Я тебѣ вѣрно говорю: какіе хошь дай, придутся ...

Владиміръ всталъ съ мѣста, чтобы самому посмотрѣть на себя въ сапогахъ и показать ихъ Ивану.

— Эхъ, до смерти люблю съ бураками ... сказалъ онъ, любуясь на выставленную впередъ ногу и подтягивая кверху стоящія трубой голенища. Бы-

вало, самъ все экіе носилъ: они и для воды гораздо согласнѣе ... Ну, давай полушубокъ ...

Полушубокъ также оказался въ самую пору, хотя Иванъ былъ гораздо выше и коренастнѣе Володи.

— Вотъ бы теперя шапченку какую, али картузишка: больно, братецъ, мой-отъ истрепался ... Да и нельзя: все вѣдь подъ дождемъ ... ну, когда и изопьешь имъ ... прямо изъ рѣчки ... На охотѣ, парень, всяко бываетъ: не разбираешь моды-то ... А чудесный картузъ былъ, здоровенный! ... И привыкъ я къ нему: мало ли шапокъ дома, нѣтъ, подавай эту ...

Иванъ отыскалъ и подалъ Володѣ свой старый картузъ, который тотъ тотчасъ же надѣлъ на голову.

— Ну, вотъ и совсѣмъ ... Теперь куда угодно ... хоть въ Москву поѣзжай ... сказалъ онъ.

Въ это время въ избу вошла Устинья. Бѣглымъ взглядомъ окинула она преобразившагося Володю и тотчасъ, разумѣется, узнала на немъ сыновнюю одежду.

— Куда-йто это обрядились? спросила она кислымъ голосомъ.

— Мы-то? ... отозвался Володя. А мы, Устюха, въ самую Москву ... разгонять тоску ...

— Мели больше! ... съ нескрываемымъ неудовольствіемъ проговорила Устинья.

— На вотъ ... Чего молоть: вѣрно говорю! ... Что ты думаешь: не видали, что-ли, Москвы-то? дороги не найдемъ? ... Я не одинова въ ней бывалъ ... Еще со старымъ, съ бариномъ, съ Хлябовскимъ ѣздили ... ружья покупали тамъ ... собакъ ... Собачищу таку привезли разъ ... страсть! ...

Вотъ брюлы каки ... до полу ... А ушищи, такъ приступалъ на ходу ... кобелище страшенный былъ! ... И молодой-отъ баринъ зоветъ ... эсколько разъ приступалъ: поѣдемъ, чу, Володя, въ Москву ... Всѣ тебѣ харчи ... всякое продовольствіе ... а водки сколько желательно ... Во какъ! ... Да не хочу: нѣту, говорю, покорно благодаримъ, зови кого помоложе ... кто не бывалъ, а я ужъ много доволенъ: все было ... А вотъ теперь съ Ванюшкой надумали ... въ Москву собрались ...

— Ну, тебя къ Богу ... и вправду ... Поѣзжай хоть за Москву: не все мнѣ одно! ... Языкъ-отъ у тебя, ровно балаболка ... съ раздраженіемъ сказала Устинья.

— Ну, ну, старуха, а ты не серчай: всю правду скажу: въ гости собрались ...

Иванъ тревожно взглянулъ на Володю. Тотъ сдѣлалъ ему гримасу.

— Знаю я ваши гости: въ кабакъ, чай, собрались, куда тебѣ больше ... Одежу-то тамоди не оставь ...

— Вишь ты, пожалѣла одежи-то твоей, Ванюха: эки наряды, подумаешь, вздѣлъ ... Отъ роду не нашивалъ экихъ! ... Подемъ, Ванюха ... Серчаетъ матка-то ... Наплевать коли, не скажемъ инъ ей, куда идемъ ... Хотѣлъ было молвить, а ужъ теперь не скажу ни съ чѣмъ ... Оставайся при чемъ была ...

— Мы, матушка, къ обѣднѣ собрались ... Ну, извѣстно, и погуляемъ маленько опослѣ... сказалъ Иванъ, чтобы нѣсколько смягчить неудовольствіе матери.

— Почто сказываешь? ... Не надо ... Пущай бы ее думала ... поддразнивалъ Володя, выходя изъ избы вслѣдъ за Иваномъ.

— Вотъ что, дядя Владиміръ, заговорилъ Иванъ уже на улицѣ: надо зайти взять съ собою дядю Егора.

— Почто?

— Звалъ я его сегодня погулять ... Коли пойдетъ у насъ дѣло на ладъ, такъ хочу попросить у него, чтобы лошадь далъ: не пѣшкомъ же изъ церкви-то бѣжать ... Опять же, думаю, и свадьбу-то лучше у него въ избѣ справить: изба-то у него новая и просторная, а въ свою-то прямо вести ее, съ непривычки, словно какъ и зазорно ... Ну, такъ, вѣстимо, нужно угостить, попотчивать ...

— Такъ что, зови ... Эка, парень, я свою-то избу сдалъ, а то вотъ бы я тебя какъ успокоилъ: живи хоть вовсе ... Эхъ, кабы знать-то напрежъ того ...

Дядя Егоръ, давно уже вполнѣ готовый, сидѣлъ подъ окномъ, въ ожиданіи Ивана, и покушался даже было идти къ нему, чтобы напомнить о вчерашнемъ приглашеніи. Завидя Ивана, онъ быстро схватилъ шапку, висѣвшую около него на стѣнѣ, и, ни словомъ не предупредивши домашнихъ, выскочилъ за ворота на встрѣчу родственникамъ. Владиміръ приходился ему двоюроднымъ братомъ, но они видались рѣдко и только случайно.

— Ахъ, горе-богатырь, какъ живешь-поживаешь? вскричалъ Володя, видя дядю Егора.

— Помаленьку ... Богъ грѣхамъ терпитъ ... отвѣчалъ Егоръ: капиталовъ не нажилъ, а ребятишекъ прокармливаю ... Вотъ срубы новы поставилъ ...

— Слышалъ, братъ, слышалъ ... Знаю ... Все на заводѣ зиму-то? ...

— А то какъ же? ... Привычка, да и союзнѣй дѣло-то: жена дома управляется, а я и хлѣба-то

своего не ѣмъ, да и, однако, что нибудь заработаю ... Ну, а ты какъ? ...

— Что я ... моя жизнь самая райская: изъ гостей въ гости, изъ кабака въ трактиръ ... Не поспѣваю пить-то, а то хоть и не просыпайся вовсе ... Да что мнѣ не жить-то: дѣтей у меня нѣтъ, податей не знаю, зайцы слушаются: которому крикну: стой, косой, стрѣлить буду ... Ну, ужъ не уйдетъ: стоитъ да ждетъ ... Знаю, что мой будетъ! ... На однихъ заячьихъ шкурахъ болѣе полусотни рублей вынашиваю ... А куда мнѣ? ... хожу да по кабакамъ дѣлю ... Ну, знаютъ и почитаютъ ... Да ужъ что про мою жизнь говорить: дай Богъ всякому, хожу, ровно воинъ Аника, все мнѣ покорно ... всѣ почитаютъ, слушаются: и звѣрье, и люди ...

— А избы-то, сказываютъ, ужъ ты вовсе рѣшился? ...

— Какъ рѣшился? ... Кто тебѣ сказывалъ? ...

— Продалъ, сказываютъ ...

— Ничего не продалъ: Сенофошку жить пустилъ ... изъ уваженія ... А изба моя: уважать не станетъ, захочу — выгоню ... Продалъ! ... Большая мнѣ надобность продавать! ... А ты вотъ что: ты бы кладъ искалъ ... Кладъ сказываютъ, подъ Шоронихой въ болотѣ кажется ... Вотъ бы досталъ ... Это согласнѣй, нечѣмъ на заводъ-то бѣгать ... Сразу бы побогатѣлъ! ... а то ты, сказываютъ, новые-то срубы старой избой починялъ ...

— Чего починялъ? ... Что не дѣло-то мелешь: до бревешка изба новая, пятьдесятъ рублей за голыя стѣны да рублей пятьдесятъ плотникамъ заплатилъ ... И теперь еще долженъ ...

— Ха ... насмѣшливо захохоталъ Володя: заплатилъ, говоритъ, а долженъ ...

— Такъ что, заплатилъ и есть: за срубы заплатилъ тридцать, да плотникамъ двадцать, а то ждутъ: вотъ смекни-ка, сколь долженъ остаюсь ...

— Долго, парень, смекнуть, эки деньги большія! ... А ты вотъ смекни-ка, сколь у лысаго чорта волосъ на хвостѣ осталось?

Дядя Егоръ минуту подумалъ и расхохотался.

— Что, сосчиталъ? ... съ серьезнымъ видомъ продолжалъ Володя. Ну, сказывай, да вѣрнѣе мотри, а въ чемъ ошибешься, такъ онъ у тебя изъ бороды понадергаетъ, себѣ на махалку налѣпитъ ... а то тебѣ хвостъ насадитъ ... Будешь съ хвостомъ ходить ...

Дядя Егоръ полу-вопросительно смотрѣлъ на серьезное лицо Володи, желая понять: нѣтъ ли какой обиды для него въ его словахъ и слѣдуетъ ли ему разсердиться и выругаться, или засмѣяться; но тутъ въ разговоръ вмѣшался Иванъ.

— Нѣтъ, дядя Владиміръ, я не надивлюсь еще, какъ дядюшка Егоръ поправляется: экая семья, ребятишки малые, на фабрикѣ, самъ знаешь, немного добудешь, а онъ все тянется: и выпьетъ когда, и погуляетъ, а дома безъ хлѣба не сидятъ, и, вишь ты, еще новую избу справилъ ... Гдѣ тутъ вдругъ всѣхъ денегъ заплатить ... Я вонъ и безъ семьи живу, и податей на мнѣ нѣтъ, да вотъ въ какой канурѣ живу: и то совсѣмъ на бокъ съѣхала: подрубить бы, такъ и то сила не беретъ ... Нѣтъ, еще дядя Егоръ что ... въ добрый часъ молвить ... Онъ поправляется, дай Богъ всякому этакъ-то!

Дядя Егоръ былъ очень доволенъ похвалой Ивана, успокоился и повеселѣлъ.

— Знамо, знамо ... твердилъ онъ одобрительно, что дѣлать-то: бо́льше на Бога надѣюсь ... Всѣ грѣшники; когда и погуляешь.

Въ Савинское они пришли уже къ концу обѣдни и на паперти встрѣтили Виктора. Егоръ былъ религіозенъ и полѣзъ было впередъ, чтобы „хоть маненечко рыло покстить“, но прочіе товарищи остановили его, предпочитая достоять обѣдню на паперти и тотчасъ по окончаніи ея, безъ толкотни, идти поскорѣе въ трактиръ.

Въ трактирѣ всѣ четверо усѣлись за особенный столикъ и, выпивши предварительно по маленькой, принялись за чай. Викторъ оказался старый знакомый Володѣ, потому что въ своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ послѣдній заходилъ съ дичью и къ Якову Захарычу. Между ними сейчасъ же завязался веселый и дружескій разговоръ, который, впрочемъ, прервалъ Иванъ, напомнивши Владиміру, что имъ время сходить по дѣлу.

— Ну, такъ что, пойдемъ. Ребята-то подождутъ здѣсь, посидятъ, а мы съ тобой живой рукой смахаемъ и воротимся ... Только, парень, надо еще пропустить ... на посошокъ, а то съ сухимъ языкомъ не много наговоришь ...

Иванъ съ этимъ согласился.

— Вотъ теперь съ кѣмъ хошь стану разговаривать ... сказалъ Володя, закусывая баранками водку. Подемъ, Ваня, подемъ, ужъ я тебя за все это твое угощеніе ... и почтеніе ... ужъ не оставлю, не бось ... Обдѣлаю тебѣ все твое дѣло ...

Они подошли къ небольшому трехъоконному, но двухъ-этажному дому отца Павла, священника села Савинскаго. Домъ былъ покрытъ тесомъ, который никогда не былъ крашенъ и, должно быть, давно уже не мѣнялся, потому что весь проросъ зеленымъ мохомъ. Въ верхній этажъ вела крутая лѣстница, приставленная снаружи къ стѣнѣ дома въ видѣ стре-

мянки, прикрытой, впрочемъ, очень покатою крышкою на столбикахъ. Съ другой стороны къ дому примыкалъ крытый соломою дворъ съ воротами. Все это жилище священника, построенное много лѣтъ назадъ изъ крѣпкаго толстаго лѣса, какъ видно, хозяйственною рукою, прочно и аккуратно, смотрѣло теперь какъ-то сумрачно и непривѣтливо своими потемнѣвшими стѣнами и какъ будто говорило, что оно существуетъ только благодаря себѣ, своей собственной прочности и устойчивости и не пользуется никакою заботливостью со стороны настоящаго владѣльца: соломенная крыша на дворѣ совсѣмъ почернѣла, ворота опустились и покривились на петляхъ, такъ что плотно не могли даже и затворяться; входная лѣстница отшатнулась отъ стѣны и покосилась; въ окнахъ нижняго этажа половина стеколъ была замѣнена синей сахарной бумагой, а нѣкоторыя пробоинки просто заткнуты грязной тряпицей. Жилище это перешло къ отцу Павлу отъ прежняго священника, заботливаго хозяина и скопидома. Отецъ Павелъ поселился въ немъ еще молодымъ человѣкомъ съ молодой супругой, полный надежды, вѣры въ жизнь и всякихъ благихъ и возвышенныхъ намѣреній. Здѣсь онъ надѣялся жить среди семейныхъ радостей съ пользою для своей паствы, которой намѣревался служить добрымъ примѣромъ, поучать, руководить, направлятъ, помогать ей и словомъ, и дѣломъ. Но судьба судила иначе. Отецъ Павелъ прожилъ съ своею супругою не болѣе двухъ лѣтъ: она умерла, оставивъ ему единственнаго сына. Онъ заскучалъ въ одиночествѣ тѣмъ болѣе, что одиночество это было полнѣйшее: ни сосѣда-помѣщика, ни одного человѣка, равнаго ему по образованію, съ кѣмъ бы онъ могъ подѣлиться мыслью, горемъ и радостью; свободнаго

времени пропасть; доходъ, совершенно его обезпечивавшій; впереди никакой надежды на лучшее. Отецъ Павелъ попробовалъ сосредоточить всего себя на любви къ сыну и жить имъ, но и самъ онъ былъ молодъ, и ребенокъ слишкомъ малъ, чтобы жизнь его могла наполниться имъ однимъ. Пробовалъ онъ покороче сблизиться съ народомъ, со своей паствой, но вездѣ встрѣчалъ или вопіющее невѣжество, или тупую безсмысленную покорность и апатичную готовность исполнить требованіе попа, или недовѣрчивость и подозрительность на счетъ его безкорыстія, или наконецъ широкое, навязчивое желаніе угостить батюшку „въ полное его удовольствіе". У отца Павла не стало характера для упорной послѣдовательной борьбы: онъ скоро остановился на мысли, что ничего положительно полезнаго не можетъ сдѣлать для своей паствы и что все добро, которое онъ желалъ бы сдѣлать, можетъ быть только отрицательнаго свойства: не обижать, не нажимать, довольствоваться малымъ, что дадутъ, помогать только тогда, когда попросятъ. Онъ такъ и началъ поступать, но скука не оставляла его, одиночество становилось все тягостнѣе и мучительнѣе, — отецъ Павелъ мало-по-малу пришелъ къ общему цѣлительному источнику русскаго горя и русской скуки, — и началъ пить изъ него ... Между тѣмъ сынъ выросталъ и учился сначала въ духовномъ училищѣ кое-какъ, потомъ въ семинаріи совсѣмъ плохо; не кончилъ въ ней курса и поступилъ въ губернскомъ городѣ на гражданскую службу въ какую-то Палату. Здѣсь онъ очень скоро послѣдовалъ примѣру родителя и еще юношей пріобрѣлъ многіе наружные признаки того, что одинъ остроумецъ назвалъ чертами жизни: багрово-красные жилки на носу и воспаленные глаза. Затѣмъ онъ вдругъ

женился безъ вѣдома отца на мѣщанкѣ сомнительной репутаціи и старше его чуть не десятью годами и съ тѣхъ поръ всѣ отношенія его къ отцу ограничивались письмами съ жалобами на нужду и требованіями денегъ. Отецъ Павелъ посылалъ ему больше, чѣмъ самъ проживалъ, но нерѣдко вмѣсто благодарности получалъ упреки за недостаточную любовь и заботливость о несчастномъ, нуждающемся сынѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ Павелъ началъ пить, не переставая быть добрымъ, снисходительнымъ и непритязательнымъ, прихожане какъ будто стали ближе къ нему и больше стали любить его: пропала осторожность, недовѣрчивость, притворное подобострастіе, которое онъ встрѣчалъ отъ нихъ до тѣхъ поръ. Напротивъ, онъ увидѣлъ, что къ нему идутъ съ открытой душой, съ довѣрчивымъ взглядомъ, съ простодушной улыбкой; онъ почувствовалъ, что его любятъ и вѣрятъ ему. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ чувствовать и тягость одиночества, и ничѣмъ ненаполненный избытокъ времени: явились собутыльники, дружки, задушевные пріятели, знакомцы. А между тѣмъ утѣшительный источникъ дѣлалъ свое дѣло и надъ отцомъ Павломъ: вѣчно отуманенная голова его лишилась способности обстоятельно разсуждать, даже различать, что хорошо или худо, онъ началъ поступать по влеченію одного сердца или изъ побужденій какого-то пьянаго молодечества; случались не разъ и такіе казусы, которые производили переполохъ въ средѣ духовенства: наѣзжалъ благочинный, являлись депутаты-слѣдователи, но отецъ Павелъ какъ-то всегда выходилъ изъ бѣды счастливо: отписывался и оправдывался. Въ этихъ случаяхъ не малую роль играли опросы прихожанъ, которые каждый разъ чуть не единогласно заявляли, что имъ лучшаго

попа не нужно, что этакого человѣка хорошаго не было и не будетъ, что онъ не токмо не мздоимецъ, а лучше — такъ сказать, безсребренникъ-попъ и простая добрая душа: останную рубашку съ себя отдастъ, коли попросить хорошенько; что они никакого худа отъ него не видали, окромя одного хорошаго, и хоша онъ и испиваетъ въ мѣру, да безъ этого по нашимъ мѣстамъ никакъ невозможно, и порчи отъ него, али качествъ какихъ черезъ это самое никто не видалъ, не слыхалъ и не знаетъ; а что если что доказываютъ противъ него недобрые люди, такъ это все со злобы и съ зависти. Само собою разумѣется, что за такую рекомендацію отецъ Павелъ впослѣдствіи, по благополучномъ окончаніи дѣла, долженъ былъ выставлять прихожанамъ приличное угощеніе, въ количествѣ ведра или болѣе. При этомъ между отцомъ Павломъ и крестьянами установились какія-то особенныя отношенія: его любили, стояли за него горой и въ то же время обращались съ нимъ за панибрата, подчасъ же свысока и какъ будто покровительственно, не упускали случая подтрунить надъ нимъ, но въ церкви, при совершеніи требъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ Павелъ былъ трезвъ и совершалъ богослуженіе, всѣ сохраняли должное уваженіе къ его личности и сану; называя заглазно просто Павломъ или Павлухой, въ глаза величали батюшкой, подходили подъ благословеніе, цѣловали у него руку, но спокойно, безъ приглашенія, садились въ его присутствіи, даже въ его собственномъ домѣ.

XII.

Володя и Иванъ поднялись по лѣстницѣ въ верхній этажъ, свободно отворили незапертую дверь въ

сѣни и такъ же свободно, никого не встрѣчая, вошли изъ сѣней въ комнату. Эта комната была разгорожена перегородкою на-двое: передняя часть служила пріемной, зальцемъ, за перегородкой помѣщалась спальня. Въ пріемной стояло нѣсколько стульевъ, жесткій диванъ и передъ нимъ ничѣмъ не покрытый, старый, исцарапанный, овальный столъ на одной тумбѣ; между окнами помѣщался простой деревенскій некрашенаго дерева столъ на четырехъ ногахъ, служившій очевидно письменнымъ, такъ какъ на немъ стояла жестяная чернильница и лежали церковныя книги. Стѣны комнаты были совсѣмъ голыя; обои на нихъ мѣстами оборваны. Вообще все грязно, не прибрано, точно закинутое, необитаемое жилище. Въ переднемъ углу, впрочемъ, висѣла икона, передъ которой теплилась лампадка.

Володя и Иванъ помолились на нее и остановились, оглядываясь: въ зальцѣ никого не было, но за перегородкой кто-то шевелился. Они кашлянули.

— Кто тамъ? послышался голосъ изъ-за перегородки, и вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ показалась высокая фигура отца Павла. Это былъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ, симпатичнымъ, но оплывшимъ лицомъ, съ мягкимъ, ласковымъ, но нѣсколько тупымъ взглядомъ блѣдно-голубыхъ глазъ; русые волосы и борода были сегодня, ради праздника, расчесаны и даже немножко примазаны, но уже успѣли сбиться и спутаться. На немъ былъ затасканный, съ лоснящимися рукавами, подрясникъ на распашку. Онъ вышелъ, морщась отъ только что выпитой водки и пережевывая закуску.

— Батюшка, благословите ... проговорилъ Володя, подходя къ отцу Павлу съ серьезнымъ дѣловымъ выраженіемъ лица, склоненной головой и ру-

ками, сложенными ковшичкомъ. Вслѣдъ за нимъ подходилъ и Иванъ.

Отецъ Павелъ не сразу узналъ Володю: такой онъ имѣлъ степенный видъ и такъ мало напоминалъ въ настоящую минуту того беззаботнаго, оборваннаго пьянчужку и весельчака-охотника, какимъ всегда видалъ онъ его прежде. Онъ призналъ и вспомнилъ его только тогда, когда Володя принялъ благословеніе и, поцѣловавъ руку батюшки, приподнялъ голову и взглянулъ на отца Павла съ улыбкою и со своимъ обычнымъ лукаво-шутовскимъ выраженіемъ.

— А, великій ловецъ ... заячьихъ душъ! ... сказалъ отецъ Павелъ, не-глядя благословляя Ивана. — Я и не узналъ тебя ... Что же ты безъ оружія, безъ жертвъ ... и, кажется, даже въ трезвомъ видѣ? ... Не признаю: новость! ... И весь видъ необычный! ... Отецъ Павелъ указалъ рукою на одежду Володи и отступилъ шагъ назадъ, какъ бы желая подробнѣе обозрѣть его.

— Сейчасъ отъ обѣдни, ваше благословеніе ... Не такое время ... отвѣчалъ Володя, снова стараясь принять серьезное выраженіе. И опять же вотъ съ племянникомъ къ вашей милости ... по дѣлу ...

— По дѣлу! ... засмѣялся отецъ Павелъ. И слогъ рѣчи оффиціальный! ... А кто же будетъ этотъ племянникъ? ... Никогда не видалъ его ...

— Онъ будетъ мнѣ и племянникъ, и крестникъ ... ваше благословеніе! ... Зовутъ его Иваномъ, изъ деревни онъ Карцева ... живетъ по фабричной части ...

— Такъ! ... Молодецъ парень изъ себя ... Вижу ... Такъ по дѣлу оба? ...

— Точно что дѣло къ вашей чести.

— А что же ты мнѣ, помнишь, дичинки, али

зайчика обѣщалъ ... Что же не принесъ? ... Вотъ бы на поклонъ передъ дѣломъ-то ... Благосклонность бы бо̀льшую заслужить могъ ... А? ... Какже такъ? ... Знаешь: къ намъ, попамъ, безъ поклона или безъ угощенія не подступайся ... А ты имѣешь дѣло и не принесъ ...

— И то, отецъ Павелъ, несъ къ тебѣ двухъ зайцевъ да тетерева ... видитъ Богъ! ... только такъ, не по дѣлу этому, а такъ, по пріятству твоему ... что больно ты попъ-отъ хорошъ! ... А дѣло это невзначай вышло ...

— Ну, спасибо ... Гдѣ же они ... жертвы-то твои гдѣ? ... которыхъ несъ-то ко мнѣ? ...

— Въ томъ и оказія, ваше благословеніе: скрали ихъ у меня, отняли ...

— Какъ такъ? ...

— Такъ ... Зашелъ я грѣшнымъ дѣломъ въ кабачокъ: пью, а ихъ снялъ да положилъ на стойку около себя ... Вдругъ смотрю, анъ ихъ и нѣтъ ... Ну, народу кругомъ много, все народъ пьяный, съ кого спросишь? ... Да объ этомъ что говорить: вотъ подружи, сдѣлай намъ наше дѣльце ... такъ я про тебя ... не то что ... всѣхъ зайцевъ передушу ...

— Ого! ... больно ужъ много будетъ ... Ну-ка, что за дѣло такое? разсказывай, объясни ... Постой вотъ только маленько ... Я вотъ только ... Да вы садись, ребята ...

Отецъ Павелъ проворно ушелъ за перегородку и просители услышали стукъ стеклянной посуды и бульканье наливаемой жидкости. Володя, прищуривъ глаза, взглянулъ на Ивана и съ улыбкой мотнулъ головой въ сторону перегородки. Черезъ минуту отецъ Павелъ возвратился къ нимъ съ особен-

нымъ блескомъ въ глазахъ и, покряхтывая и откашливаясь, присѣлъ на диванъ.

— Ну, объясняй: въ чемъ ваше дѣло ... проговорилъ онъ.

Володя объяснилъ съ возможными подробностями.

— Ого, парень! ... Ловокъ ты, я вижу: куда затесался! ... проговорилъ отецъ Павелъ. И чѣмъ же ты ее такъ окурилъ? ... Хоть, положимъ, они изъ вашего же рода, а все-таки стараются держать себя на благородной позиціи ... Вѣдь она въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, барышня ... Какъ же ты такъ подъѣхалъ? ...

— Такъ, батюшка, отецъ Павелъ ... Богъ мнѣ подалъ: такое пристрастіе промежъ насъ вышло ... скромно отвѣчалъ Иванъ. Вотъ теперь и желательно въ законный бы бракъ ...

— Да какъ бы тебѣ не желательно ... Вишь ты! ... Такого отца капитальнаго дочь, и собой красавица, и приданое, поди, хорошее: не одну, чай, тысячу дадутъ! ... Какъ тебѣ не желать, голому молодцу, экаго счастья ...

— Я на счетъ приданаго, отецъ Павелъ, и не полагаю себѣ что получить, потому какъ безъ согласія родителей ... можетъ и до себя-то не допустятъ ... А желательно только какъ бы любовь нашу совершить ... что любовь промежъ насъ такая ...

— Онъ, нѣтъ! ... Онъ, парень, некорыстный! ... вмѣшался Володя. Ему бы только дѣвку-то достать, а тамъ что Богъ дастъ ... Онъ мой крестникъ и весь въ меня уродился ... Ты ихъ окрути, отецъ Павелъ, заставь за себя вѣчно Бога молить ... Ты человѣкъ добрый, тебя всѣ хвалятъ

и благодарятъ ... Ужъ и насъ-то не оставь: не обидь ...

— Да вы, чудаки, невозможнаго просите ... Пускай бы еще онъ или она моего прихода были, а то оба чужого ... Ну, какъ это возможно! ... Да тѣ-то попы живого меня съѣдятъ ... Владыкѣ донесутъ ... Отецъ ея тоже вступится, судиться начнетъ ... Пожалуй, и мѣста лишатъ ... Какъ это можно! ... Нельзя! ...

— Отецъ Павелъ! вскрикнулъ Иванъ жалобно.

Онъ былъ блѣденъ отъ мысли, что весь его замыселъ, такъ было хорошо ладившійся, не осуществится.

— Да что отецъ Павелъ! ... Не могу, другъ, не могу ... Чего нельзя, такъ нельзя! ... Я думалъ, вы совѣту только попросить, а то мнѣ и вѣнчать ... Невозможно! ... Да ты бы къ своему-то попу толкнулся: ему все удобнѣе ...

— Полно-ка, отецъ Павелъ, вмѣшался Володя. Ну что ихній попъ? развѣ онъ куда годится? ... Окромя тебя тутъ нѣтъ поповъ настоящихъ: обойди округу, одного попа путнаго нѣтъ ... Все здоимцы, наровятъ не то добродѣтель сдѣлать, а какъ бы нажать бѣднаго человѣка ... Нѣтъ, ты, отецъ Павелъ, ужъ ублаготвори парня ... для меня! ... Ну, чего тебѣ стоитъ! ... Надѣлъ вѣнцы да покрутилъ ихъ, попѣлъ, вотъ и шабашъ! готово! ... А для нихъ на всю жизнь ... Ужъ, братъ, не развѣнчаютъ! ... Не развѣнчаютъ, вѣдь? ...

— Въ томъ-то и дѣло, что развѣнчать нельзя, а съ меня и спросятъ: по какому праву, изъ чужого прихода и безъ согласія родителей? ... Что я отвѣчать-то буду? ...

— Да ужъ, ты знаешь, что отвѣтить: тебя не учить ... возразилъ Володя.

— Вѣдь, не въ первый разъ, отецъ Павелъ … Мы такъ наслышаны, что бывали такіе случаи … нерѣшительно проговорилъ Иванъ.

— Мало ли что бывало, братъ … Тамъ отвѣтъ не такой: оба мужички — и жениховъ, и невѣстинъ отецъ … Что мужичекъ подѣлаетъ? … Повѣнчали … ну, значитъ и кончено дѣло! … Судиться ужъ не пойдетъ, да и куда идти не знаетъ … А ты, вѣдь, вонъ что затѣялъ … На управителевой дочери! … Извольте сдумать! Да Захаровъ-то обозлится: до самого владыки дойдетъ … Что мнѣ будетъ тогда? … Подумайте-ка …

— А, можетъ, и ничего не будетъ … Отецъ Павелъ, не оставьте! … Что же, мы, вѣдь, не бѣглые какіе: я всякія бумаги достану, которыя потребуются, и объ себѣ, и объ невѣстѣ … Опять же и братъ невѣстинъ въ свидѣтеляхъ запишется и въ церкви съ нами будетъ … А на счетъ благодарности, отецъ Павелъ, такъ, конечно, я человѣкъ бѣдный, много и радъ бы дать, да сила не возьметъ … а коли мало-мало по силѣ положите, хоть займу да доставлю … А послѣ, если Богъ дастъ, съ отцомъ дѣло обойдется, проститъ онъ насъ и приметъ, такъ я ничего, кажется, не пожалѣю: хошь сотенную, хошь двѣ сотенныя принесу вашему благословенію! … Ужъ не обману, не сомнѣвайтесь! … Росписку даже могу на себя дать, только вы не оставьте насъ теперь-то, при нашей бѣдности …

— Да, братъ, отецъ Павелъ, не оставь сироту … Сдѣлай счастливымъ крестничка мово … Смотри, парень-то какой! … Я про тебя ему нахвасталъ, что ужъ коли добродѣтель человѣку сдѣлать, такъ не ходи никуда: иди къ попу Павлу … Этакая душа! сказываю: милостивый, себя не пожалѣетъ:

человѣку добро сотворитъ! ... И не гля-ради чего: не изъ-за денегъ, а для одного души спасенья ... Вотъ я какъ про тебя ... Да что говорить: безсребренникъ ты нашъ — одно слово! ... Такъ ужъ ты меня не оконфузь передъ крестникомъ-то ... Батюшка, поддержи! ... Чѣмъ мы супротивъ другихъ несчастливы будемъ, что ты для насъ сдѣлать не хочешь? ...

— Да опасно, очень опасно ... Понимаешь ты это? ... Опасаюсь ...

— А самъ ты говорилъ: помнишь, гуляли мы съ тобой, въ компаніи, въ Ивановскомъ ... Самъ говорилъ, что ты въ своей жизни несчастливый, съ того и испиваешь, а что для бѣднаго человѣка, для несчастнаго, все можешь сдѣлать ... и желаешь того ... и что духъ въ тебѣ къ тому ... этакой ... ничего не боишься ... А тутъ, видишь ты, паренекъ съ дѣвкой слюбилися ... жалость смотрѣтъ-то на нихъ, какъ убиваются ... Вѣдь, ужъ тебѣ надобно всю правду сказать: ты думаешь изъ-за того, что богатаго отца дочь? ... Отстань-ка! ... Просто тебѣ сказать: онъ парень совѣстливый, а дѣло у нихъ дошло! ... Ну, вѣнцомъ прикрыть нужно! ... Вотъ и все! ... Такъ и родителямъ опосля скажутъ ... признаются ... Ну ужь тамъ что будетъ ...

— Да я, вѣдь, и безъ того такъ и понималъ, что тутъ не безъ грѣха ... потому, хоть и видный онъ парень, а все-таки простой, да еще и бѣдный мужикъ ... Любитъ-любитъ, а все замужъ-то бы не пошла: подождала бы другого ... получше, побогатѣй, или благороднаго какого! ...

— Ну, вотъ-то и есть! ... Подушевно тебѣ сказываю! ... Ну, и родителямъ нечего больно-то

гордыбачить, да обижаться: чего смотрѣли за дочкой? ... Такъ ли? ... А эти бумаги онъ тебѣ всякія предоставитъ, чтобы тебѣ безъ сомнѣнія ... Ты только ему скажи: какія ... Не оставь, батюшка, отецъ Павелъ, будь отецъ родной! ... Ванюшка, становись на колѣнки, кланяйся земно ... проси ...

— Не оставьте, отецъ Павелъ, заставьте за себя ... заговорилъ было Иванъ, опускаясь на колѣни.

— Не надо, не надо этого ... остановилъ его отецъ Павелъ ... Напрасно ... Поднимись ... Передъ однимъ Богомъ подобаетъ! ... Поднимись, говорю ... Дайте подумать ... Вотъ я сейчасъ ...

И онъ поднялся было съ мѣста и пошелъ за перегородку, но Владіміръ остановилъ его.

— Батюшка, вотъ что ... Время теперь самое такое ... настоящее ... Что мы съ тобой въ сухую-то разговариваемъ, у насъ оттого и дѣло-то не спорится ... Въ трактиръ бы, да можетъ тебѣ не согласно: людно тамъ, праздникъ, да и у насъ товарищи тамъ ... А дозволь: Ванюшка сбѣгаетъ, штофикъ захватитъ ... И товарищи у насъ тамъ ждутъ: и ихъ бы сюда, коли дозволенье твое будетъ ... Братъ Машинъ-то: его-то невѣсты ... Тоже веселый парень, лихой ... И дядя еще ... Вотъ бы мы всѣ сообща ... А, батюшка, дозволишь ли? ...

— Да позови, что же? Ничего, позови ...

— А настоечки позволите, али простой? ... Какъ прикажете? Какъ лучше по вкусу? спросилъ Иванъ, быстро поднявшись и собираясь уходить.

— Все одно ...

— Знамо, настойки лучше ... отозвался дядя Володя: которая чтобы настоящая, коли есть ...

Ахъ, перцовки настоялъ въ Колышевѣ кабатчикъ, страсть! ... ровно огонь! ... Да закуски какой захвати, смотри ...

— Непремѣнно.

— Закуска-то у меня и дома найдется ...

— Чтой-то, зачѣмъ вамъ безпокоиться: мы своей принесемъ ... возразилъ Иванъ и скрылся.

— У меня и водка-то есть ... только мало будетъ про всѣхъ ... говорилъ отецъ Павелъ. А съ тобой-то вдвоемъ, пока они ходятъ, по стаканчику пропустимъ ... А? ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благословеніе, отецъ Павелъ ... Много довольны ...

— Что же это? ... Отчего не хочешь моей? ...

— Какъ не хотѣть ... Поднесешь, такъ выпью ... Я отъ подносу-то отъ роду не отказывался! ... сказалъ Володя, перемѣняя тонъ.

Отецъ Павелъ засмѣялся.

— А я думалъ, что ты церемонишься: отказываешься ...

— Да это точно что ... церемонію эту я могу ... а чтобы отказываться, коли подносятъ ... чтой-то? ... Нечто я дуракъ? ... И положенія у меня этого сроду не бывало ...

— То-то ... Ну, такъ на, вотъ, выпей.

Отецъ Павелъ поднесъ ему большой, чуть не пивной стаканъ, изъ котораго самъ пилъ за перегородкой. Володя осклабился, принимая его дрожащею рукою, и выпилъ медленно, не переводя духа.

— Ай да батюшка! ... Вотъ такъ стакашикъ! ... И видно, что добрая душа, безъ обмана на свѣтѣ живешь: въ другомъ мѣстѣ въ руку-то берешь, думаешь: много, а выпьешь — пустое дѣло ... одно стекло толстое! ... Нынче и въ трактирахъ пова-

дились толстобокіе-то стаканы да рюмки заводить ... Нѣтъ, въ кабакѣ, насчетъ этого не въ примѣръ лучше, благороднѣе: мѣрочка! пожалуйте: полштофикъ, косушка, шкаликъ ... все въ препорцію, безъ обмана! ... А я опять насчетъ того же дѣла, отецъ Павелъ ... Ты у меня крестника-то окрути, родимый ... Не погуби парня ... Ради Христа, прошу тебя! ...

— А вотъ погоди ... придутъ ... Потолкуемъ, подумаемъ ...

— Чего тебѣ думать-то? Взялъ да окрутилъ ... Вотъ и все ... Положи съ него сколь тебѣ требуется, безъ нажиму, по совѣсти: ну, рублей десять хоть, что ли ... али пятнадцать ужъ ... ну! ... Пожалѣй парня-то: вѣдь, бѣднота, братъ, голь фабричная ... А справится, такъ чтобы еще тамъ, сколь ни на ёсть: дайся на его совѣсть ... Вотъ! ... А отвѣтъ? ... Какой отвѣтъ! ... Наплевать! ... Росписка у тебя отъ тѣхъ поповъ будетъ ... Чего еще? ... А тамъ знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю ... Отъ родителевъ изгону бояться нечего, потому сами не доглядѣли, на срамъ не пойдутъ, а особливо ужъ развѣнчать нельзя ... Полно-ко, батька! ... Думать еще! ... Не такая твоя душа, не таково въ тебѣ сердце! ... Сердце у тебя самое доброе, пріимчивое, а душа вольная ... радѣльная! ... Это ты для другихъ прочихъ дѣлаешь, а моего племянника-крестника обидишь? ... Того статься не можетъ! ... Не такая въ тебѣ совѣсть! ... А ты вотъ что: покамъ ребята-то придутъ и Ванюшка воротится, вынесъ бы сюда коли что у тебя тамоди осталось, за перегородкой-то ... Вотъ бы мы съ тобой покамъ вдвоемъ ... по душѣ бы ...

— Это можно ... И то ... проговорилъ отецъ Павелъ, вставая.

— Да пра ... Что ей тамъ киснуть! ... Все одно: свѣженькой принесутъ ...

— Не много, братъ, и осталось, сказалъ отецъ Павалъ, вынося четвертную бутыль и показывая ее на свѣтъ.

Виднѣлось только на днѣ.

— Ну вотъ и надо ее порѣшить ... чтобы не было ... а то только глаза мозолитъ ... Да и ей-то, чай, родненькой, тошно тутъ на донышкѣ-то полыскаться ...

Когда Иванъ съ товарищами пришли въ домъ священника, они застали и его, и Володю, что называется, на втором взводѣ. Зато переговоры о дѣлѣ, ради котораго собралась вся эта компанія, продолжались не долго и увѣнчались полнымъ согласіемъ отца Павла. Онъ обѣщалъ обвѣнчать Ивана съ Марьей всего за 5 рублей, если только Иванъ доставитъ удостовѣреніе отъ своего духовнаго отца и отъ Машинаго о числѣ лѣтъ, о томъ, что они были у исповѣди и св. причастія и что одинъ холостъ, а другая не замужемъ.

— Ужъ пропадать, такъ пропадать! ... шумѣлъ о. Павелъ, совсѣмъ пьяный: и я, по крайней мѣрѣ, то буду знать, что добро сдѣлалъ ... А вы помнить мою добродѣтель ... не забывать! ... А что ужъ я попъ пропащій! ... отчаянный! ... мнѣ все равно погибать! ... Пускай хоть другіе черезъ меня счастье получатъ ... добромъ вспомянутъ! ... Я не здоимецъ ... мнѣ ничего не надо ... а главное, чтобы признательность была ...

— То есть вотъ какъ, отецъ Павелъ: замѣстъ отца родного почитать буду ... говорилъ Иванъ съ

увлеченіемъ. Завсегда тебѣ служить буду ... во всякой нуждѣ ... что тебѣ потребуется ... Приходи ровно къ работнику ... А Богъ дастъ съ дѣлами справлюсь ... деньги заведутся: сто рублей предоставлю тебѣ! ... Вотъ какъ передъ Богомъ говорю ... При всѣхъ свидѣтеляхъ! ... Да довольно сказать: давай бумагу ... Есть, чай? ... И перо ... Вона лежитъ! ... Сейчасъ росписку тебѣ напишу ... что зависитъ мнѣ ... сто рублей уплатить безо всякаго ... священнику села Савинскаго ... отцу Павлу ... Фамиль сказывай ... Мы порядки знаемъ ... Въ томъ и руку приложилъ крестьянинъ Бакалдинской волости, Корцовскаго сельскаго общества, Иванъ Бахваленокъ ... Вотъ! ... Давай бумаги: сейчасъ напишу! ... Мы, отецъ Павелъ, на счетъ благородства, хоша и мужики ... а сами себя понимаемъ тоже ...

— Пиши, пиши, Ваня, а я свидѣтелемъ подмахнусь ... За себя и по личной просьбѣ ... Тоже, братъ, и мы порядки знаемъ ... Не думай! — похвалялся Викторъ.

— Не надо, братцы, не надо! ... И такъ вѣрю! ... Вѣрю я ... Всѣмъ вѣрю ... И всѣхъ люблю ... И съ лобзаніемъ цѣлую! ... А мнѣ ничего не нужно ... Я спроста ... Бѣдненькій я попикъ ... несчастненькій ... пропащій! ... А я пастырь добрый! ... Я душу свою полагаю за овцы.

Отецъ Павелъ сидѣлъ, опустя голову, со сбившимися на лицо волосами, и грустно покачивалъ ею изъ стороны въ сторону.

— А ты, батька ... батюшка ... слушай — ты не тужи! — утѣшалъ его Владиміръ, тоже нетвердымъ уже языкомъ — Чего тужить? ... Наплевать! ...

Ты думай: какъ мы на свадьбѣ-то Ванюшкиной гулять будемъ ... Вотъ такъ ужъ попьемъ ... Потому наше первое мѣсто ... Такъ, Ванюха? ... А? ... Вотъ ты и думай объ веселомъ!

— Да, думайте, отецъ Павелъ, объ веселомъ ... Лучше! — сказалъ Викторъ. — Я вотъ сестру выдаю ... И нагрѣвка мнѣ будетъ за это ... Ого, какая! ... Коли въ руки папашеньки попадусь ... Эхъ, зарычитъ: р-р-ракалія! ... Да я и думать не хочу о томъ ... Вотъ еще! ... Буду прятаться, пока можно ... Ну, а попадусь ... тогда берегись, Викторка! ... Ну, такъ что? ... А все-таки на свадьбѣ погуляемъ ... Въ волю ... Наливай-ка, Ванюха ... Что тутъ!

Иванъ былъ всѣхъ трезвѣе, держалъ себя осторожно и сосредоточенно и не казался веселымъ: какъ нервный человѣкъ, онъ весь былъ въ мысли о томъ, осуществится ли его замыселъ, видѣлъ себя близко къ цѣли и боялся, какъ бы что не помѣшало ея достиженію.

Дядя Егоръ, напротивъ, находился въ самомъ счастливомъ, какомъ-то умиленномъ даже настроеніи духа: угощеніе въ трактирѣ, потомъ пиръ у попа расположили его къ полнѣйшему сочувствію замысламъ Ивана. Его не успѣли подготовить заблаговременно, и онъ долженъ былъ соображать о предстоящей свадьбѣ изъ разговоровъ, происходившихъ въ домѣ священника; онъ нѣкоторое время не могъ даже понять, въ чемъ дѣло и о чемъ идетъ рѣчь. Но когда онъ наконецъ понялъ, что Иванъ женится на дочери управителя, хорошо ему извѣстнаго, что барышня эта идетъ за удалого Ванюху уходомъ, и что братъ ея ей помогаетъ, и когда Иванъ обратился къ нему тутъ же съ просьбой не оставить

племянника и помочь: дать лошадь и позволить сыграть свадьбу у него въ домѣ, полупьяный дядя Егоръ пришелъ въ неописанный восторгъ, хохоталъ, хлопалъ Ивана по плечу, не только на все согласился, но и полѣзъ со всѣми цѣловаться, а попу Павлу поклонился въ ноги. Затѣмъ онъ скоро, какъ говорится, совсѣмъ огасъ, потерялъ способность связать два слова и мычалъ, хихикалъ, прищуривалъ на Ивана глаза и съ размаху колотилъ его по плечу, по шеѣ, толкалъ въ спину и въ бока.

Принесенной водки оказалось мало. Ивану пришлось еще разъ сбѣгать за ней. Пирушка кончилась, и пріятели разошлись только тогда, когда отецъ Павелъ уснулъ, сидя и положа голову на столъ. Егора Иванъ долженъ былъ вести подъ руку, на что очень обижался Володя, самъ едва державшійся на ногахъ, и всю дорогу ругалъ и дразнилъ Егора, называя пьяницей и слякотью. Прощаясь съ Викторомъ, Иванъ шепнулъ ему, чтобы онъ предупредилъ Машу, что сегодня ночью онъ опять придетъ въ садъ и чтобы она выходила вмѣстѣ съ нимъ, перетолковать обо всемъ сообща.

XIII.

Послѣ обѣда, уложивши пьянаго Володю спать, Иванъ подсѣлъ къ матери, которая была особенно угрюма и печальна, недовольная тѣмъ, что сынъ одѣваетъ въ свою одежу и поитъ такихъ безпутныхъ людей, какъ Володя, отъ котораго ему самому никогда не придется ничего. Она упорно молчала во время обѣда, несмотря на всѣ задирки гостя, и сидѣла, отворотясь къ окну, до тѣхъ поръ, пока

26*

онъ не угомонился и не захрапѣлъ, ткнувшись на лавку.

„Эко, Господи, горе мое! — думала она про Ивана.—Ну, пускай бы ужъ гулялъ, моталъ деньги, да хошь людей бы стоющихъ подбиралъ, а то Егорку взялъ, да этого ... Ну, извѣстно, они рады: обопьютъ хошь кого ... А отъ нихъ что увидишь, чѣмъ отъ нихъ попользуешься? ... Еще умный парень считается ... Нѣтъ, вино-то, знать, какого хошь умнаго безъ ума сдѣлаетъ ... Э-хе-хе, день ото дня все хуже да хуже ... Такъ вотъ человѣку-то иному, хоть бы мнѣ, взять: нѣту отдышечки, нѣтъ радости ... Такъ вѣкъ-отъ и промаешься.“

— Матушка, — окликнулъ ее Иванъ среди этихъ думъ.

— Чего нужно? — отозвалась Устинья, не оборачиваясь и, противъ своего обыкновенія, не желая даже скрыть отъ сына своего неудовольствія.

— А ты повернись, да послушай: я тебѣ хорошее скажу.

— И вижу, и слышу я это хорошее давно ужъ ... Вонъ храпитъ: и сапоги отдалъ, и полушубокъ! ... Небось, матери не далъ, а вотъ пьянчужку безпутнаго одѣлъ ... съ ногъ до головы ... Не побрезговала бы и я: еще какъ бы износила и сапоги, и полушубокъ, коли самому не нужно, богатъ сталъ очень.

— Первое дѣло, что я ему не вовсе отдалъ, а поносить только.

— Да, снимешь ты съ него, какъ же, дожидайся! ... Знаю я его довольно ... Прощайся теперь и съ полушубкомъ, и съ сапогами: утре же въ первомъ кабакѣ оставитъ.

— Ну, да хоша бы и такъ ... Богъ съ нимъ ...

Не о томъ теперь, матушка, рѣчь ... Ты не серчай, а повернись лучше да благослови сына-то, съ легкимъ да добрымъ сердцемъ.

Устинья поворотилась лицомъ къ сыну, но взглянула на него недовѣрчиво и вопросительно; она даже какъ будто боялась, что онъ хочетъ поглумиться надъ нею, подражая своему гостю-дядюшкѣ.

— Рѣшилась моя буйная головушка: изыскалъ я себѣ невѣсту, — проговорилъ Иванъ. — Вотъ радуйся, благословляй! ... На этой недѣлѣ свадьба...

У старухи захватило дыханіе отъ неожиданности; она не обрадовалась, но скорѣе испугалась. Первая мысль, которая блеснула въ ея головѣ, была: „изыскалъ! Какъ же безъ меня-то? На той недѣлѣ свадьба! ... Какъ же я-то ничего не знала?“

— Да пугаешь ты? ... Али на смѣхъ меня, мать-старуху? ... Ванюша?

— Нѣтъ, матушка, такъ точно ... Всю правду тебѣ открываю.

— Да какъ же такъ? ... Кто же такая будетъ?

— А помнишь, я тебѣ про Машу-то говорилъ ... Она самая.

— Это богатая-то? — переспросила Устинья, оживляясь и съ повеселѣвшимъ лицомъ.

— Та самая.

— Да полно, Ваня! ... Не надсажай ты меня, старуху ... Моего материнскаго сердца ... Грѣхъ тебѣ будетъ, коли ты только къ смѣху.

— Нѣтъ, матушка ... Какое къ смѣху ... Истинно тебѣ сказываю! ... Все дѣло теперь на мази, одного твоего родительскаго благословенія желаю ...

— Ай, батюшки! ... Да чтой-то это? Да какъ же ты безъ меня-то, безъ матери родной? ... Да

кто же переговорку-то ... Кого сватовъ-то подсылалъ? ... Ваня, да кто такая? ... Да хоть разскажи ты мнѣ все порядкомъ-то?

Чувства радости и обиды смѣшивались въ душѣ Устиньи и высказывались цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которыми она осыпала сына, не давая ему возможности отвѣтить.

— Другимъ матерямъ-то радость: сынъ женится ... Да еще на богатой ... А мнѣ и радость-то вонъ какая, — продолжала она, — никуда, видно, негодна, и невѣсту-то сыновню, невѣстку-то названную, хоть бы на поглядѣнье, и то не показали ... Да хошь скажи, Иванушка, перво: кто такая, изъ какой семьи, какого рода-то? ... Не видала глазами-то, хошь послушала бы ... Ужъ тому псу не сказалъ ли, а мать не знаетъ ничего?

Устинья съ презрѣніемъ указала на спящаго Володю.

— Такъ вотъ, матушка, для того я и разговорку завелъ и сказать тебѣ хочу, — холодно и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Иванъ. — Ни показать, ни сказать тебѣ, видно, нельзя было, коли не говорилъ ... И теперь скажу, только съ уговоромъ, чтобы ты и виду, и духу не давала, что знаешь ... Въ томъ, перво, побожись.

— Ай, Господи, да чтой-то? ... Да какія такія ты дѣла затѣялъ, что противъ матери родной экую строгость показываешь? ... Чай, вѣдь законный бракъ — святое дѣло, на людяхъ дѣлается ... Не разбой, чай, не душегубство?

— Ну, вотъ, матушка, что много рѣчей изводить ... Коли не пообѣщаешься, что помолчишь недолго время, никому не молвишь — ничего не скажу и я ... Какъ хочешь! ... Ничья такая, ни-

чего не скажу ... Потому проговорись только ты кому, и не видать мнѣ ее, и свадьбѣ не бывать.

— Господи, помилуй! ... Да что за напасть! ... Чего не видано и не слыхано! ... Да вѣдь, чай, не выкрадывать же ты ее будешь, не съ разбоемъ за невѣстой-то пойдешь ... Да ну, ну ... Вотъ-те Христосъ истинный, никому не скажу! ... Вонъ, на Бога смотрю! ... Сказывай ужъ, сказывай, чья такая?

— Управителя Захарова дочка! — проговорилъ Иванъ вполголоса, но съ нѣкоторымъ бахвальствомъ и пристально смотрѣлъ на мать, ожидая, какое это извѣстіе произведетъ на нее впечатлѣніе. Съ самодовольствомъ и внутреннимъ торжествомъ онъ видѣлъ, что Устинья уставила на него раскрытые, испуганные глаза и даже поблѣднѣла.

— Управителя ... Захарова ... дочка! — повторила она за сыномъ, какъ бы не вѣря собственнымъ ушамъ своимъ и снова возвращаясь къ мысли, что сынъ или насмѣхается надъ нею, или въ самомъ дѣлѣ въ умѣ тронулся.

— Вѣрно, матушка, не сумнѣвайся; она самая, Марья Яковлевна Захарова, Якова Захарыча дочка, — повторилъ Иванъ съ самодовольной улыбкой. — Вотъ она, Маша-то моя, суженая-то! ... Не въ шутку, не на смѣхъ, помнишь, просилъ я тебя поминать на молитвѣ Ивана-то да Марью ... Вотъ и судьба моя, матушка!

— Да разскажи же ты мнѣ, разскажи ужъ теперь путемъ все ... Какъ же ты это? ... Какъ тебѣ Богъ далъ? ... Вѣдь я Якова Захарова довольно знаю ... Да его вся округа знаетъ! ... Вѣдь онъ и знался-то съ одними купцами да господами ... И самъ себя на господской ногѣ содержитъ! ... Къ

нему и подойти-то нашему брату! ... Да какъ же ты это, Ванюшка? ... Ну, разсказывай, батюшка, все по ряду ... Сдѣлай такую божескую милость ... Ахъ, ты Господи милостивый, святые угодники! ... Чтой-то? ... Да ништо даже на сердцѣ холодно стало ... Скажи, батюшка, матери-то, дурѣ ... Утѣшь!

Когда Иванъ разсказалъ исторію своего сближенія и объяснилъ намѣреніе жениться на Машѣ тайно отъ ея родителей, на Устинью напалъ сначала какой-то тупой ужасъ и страхъ; она была въ такомъ состояніи, точно узнала, что сынъ ея совершилъ, или готовится совершить какое нибудь ужасное преступленіе, и уже нѣтъ возможности предупредить несчастіе, или спасти виновника отъ предстоящей ему кары. Долго она не могла собраться съ силами что нибудь сказать Ивану, да и опредѣленныхъ мыслей никакихъ не было, и сказать что не знала; Иванъ говорилъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Она кончила тѣмъ, чѣмъ кончаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ женщины: горько, навзрыдъ, заплакала.

— Матушка, да о чемъ ты ревешь-то? ... Чѣмъ бы радоваться, а она реветъ?

— Да какъ же не ревѣть? ... Какъ же ты, Иванушка? ... Испугалъ ты меня очень.

— Да чего же пугаться-то? ... Пугаться-то нечего.

— Какъ нечего, что ты, Ванюша? ... А ну, какъ?

Устинья остановилась, не зная, что сказать.

— Что? — спросилъ Иванъ.

— А ну, какъ изымаютъ?

— Ужъ такъ дѣло сдѣлаемъ, что до вѣнца не изымаютъ ... А тамъ, пожалуй ... Ужъ не развѣн-

чаютъ ... Да и сами покажемся тогда, хорониться не будемъ.

— Да вѣдь онъ ... Знаешь ты его, Якова-то Захарова! ... Онъ человѣкъ сильный; онъ тебя со свѣта сживетъ и женатаго-то! ... Туда упечетъ, что и ... Онъ вѣдь все равно, что баринъ: для него господа все сдѣлаютъ.

— Нѣтъ, матушка, не бойся; ничего не сдѣлаетъ ... Нынче не то время! ... Да и опять то помни: какъ-никакъ, а зять буду, его дочь-то за мной будетъ, не чужая.

— Ну, такъ онъ васъ обоихъ съ глазъ прогонитъ ... И награжденья ей никакого не дастъ; останешься съ ней съ одной, съ голой.

— Вотъ это дѣло другое: объ этомъ подумать надо, да только не теперь ... Теперь не время ... А я такъ надѣюсь: Богъ милостивъ, все обдѣлается по-хорошему! ... А теперь намъ нужно, матушка, сходить съ тобой къ нашему попу; бумагу выпросить, что жениться мнѣ можно ... Будетъ спрашивать: на комъ? ... Надо дальнюю какую сказать, фабричную ... Выдумаю ужъ я, а ты только не мѣшай, поддакивай; кланяйся да проси, чтобы, по бѣдности нашей, денегъ немного требовалъ ... за вѣдѣнье.

— Да ты мнѣ скажи хошь: неужто такъ въ одномъ платьѣ теперь и убѣжитъ-то ... Изъ одежи ничего съ собой не возьметъ? ... Чѣмъ жить-то будете?

— Нѣтъ, матушка, ужъ это все одумано: одежа, какая есть, тамъ и шубы, и серьги, перстни золотые — это все заберетъ, что ея ... Поди, чай, не на одну сотню этого одного будетъ.

— Ну, вотъ это-то хошь хорошо, а сходить къ

попу, отчего не сходить ... Пойдемъ хошь сейчасъ ... А вѣдь, чай, ты, Иванушка, велишь ей меня-то почитать? ... Вѣдь вонъ я какая: старуха сѣрая! ... И одежи-то у меня нѣту пригожей, въ чемъ свадьбу-то справлять? ... Ей супротивно будетъ и глядѣть-то на меня, а не то, что почтеніе какое свекрови.

— Будетъ, будетъ, матушка! ... Ужъ насчетъ этого ты не опасайся; она умная, разсудительная ... Ужъ коли на то идетъ, на крестьянскую нужду да горе, такъ и почитать тебя станетъ ... А одежу я тебѣ справлю къ свадьбѣ; безъ этого нельзя ...

— Спасибо, батюшка, родной сынокъ! — говорила Устинья, вновь повеселѣвши. — А мнѣ, кажись, и не посмѣть противъ нея ... Барышня вѣдь она... по всему ... А я больно не смѣю ... Не заживалась съ эдакими-то!

— Ну, ничего, привыкнешь.

— И какъ ты ее, Ванюша, изъ этакихъ хоромъ, да въ нашу избенку-то приведешь; она исчахнетъ у насъ съ одной тоски? ... И дѣлать-то вѣдь ничего не умѣетъ ... нашего-то? ... Пра, отъ одной муки изведется ... коли долго родители-то не простятъ.

— Ну, матушка, что впередъ загадывать, только себя мутить ... Тамъ что будетъ! ... Вотъ къ попу-то лучше сходимъ.

— Да пойдемъ, пойдемъ ... Эхъ, молодо, молодо-зелено! ... То-то вотъ не подумавши-то, не посовѣтовавши ... Плоха, плоха мать, а все, кабы молвилъ пораньше, можетъ, что и удумала бы, и присовѣтовала!

Иванъ начиналъ сердиться и стоялъ хмурый съ шапкою въ рукѣ, ожидая мать. Она взглянула на него.

Да ну, не серчай; вѣдь я такъ только ... по-сердцу! — сказала Устинья, торопливо повязывая платокъ на голову. Вотъ эсколько денегъ тебѣ нужно теперь, а станетъ ли, есть ли?

— Я за два мѣсяца дачку получилъ вдругъ ... Да мало, пожалуй, будетъ ... Завтра вотъ на фабрикѣ, либо у купцовъ впередъ выпрошу, либо займу.

— То-то вотъ ... А что же мы съ этимъ-то станемъ дѣлать? ... Пожалуй, проснется безъ насъ.

Она указала на спящаго Володю.

— Не замай его, пущай спитъ ... Онъ больно хмѣленъ, проспитъ долго ... Уйдемъ да запремъ его ... Недалеко вѣдь до села; оборотимся скоро ... А проснется, такъ вотъ поставь на столъ водки, въ штофѣ-то осталось; увидитъ, выпьетъ, да и опять уснетъ.

— Охъ, ужъ мнѣ этотъ гостекъ! — бормотала Устинья, исполняя, впрочемъ, распоряженіе сына.

Село Вознесенское, къ которому была прихожа деревня Карцово, а, слѣдовательно, и Устинья съ Иваномъ, и куда они шли теперь, находилась отъ деревни по прямой линіи всего въ верстѣ и была вся на виду, но съ Карцовымъ его раздѣляла рѣчка съ низменными болотистыми берегами. Болото было непроходимо въ этомъ мѣстѣ и для сообщенія съ селомъ черезъ него были поставлены для пѣшеходовъ лавы, а коннымъ приходилось дѣлать объѣздъ верстъ за пять. Въ селѣ жили только одни попы, т. е. священникъ съ причтомъ, всего три-четыре дома были разбросаны вокругъ небольшой каменной церкви. Съ боковъ и сзади село окружала вѣчно зеленая стѣна хвойнаго лѣса, спускавшагося до самой

рѣчки; мѣсто вообще пустынное, неприглядное, точно съ умысломъ загороженное отъ всего живого. Трудно понять, какъ могло возникнуть село въ такой трущобѣ; еще удивительнѣе было то, что весь приходъ находился по ту сторону болотистой рѣки и въ иное время года прихожане не могли пробраться въ церковь, а священникъ попасть въ приходъ! Вслѣдствіе этого прихожане Вознесенскаго ходили большею частью въ чужія сосѣднія церкви, и со своимъ священникомъ отношенія у нихъ были чисто офиціальныя, какія-то обязательныя: къ нему обращались только, такъ сказать, по необходимости и по обязанности. Священникъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ прихожанами, жаловался на ихъ холодность къ религіи, на недостатокъ усердія къ церкви Божіей и на малые доходы, хотя по числу душъ приходъ его былъ сравнительно большой. Между тѣмъ отецъ Николай давно уже священствовалъ въ с. Вознесенскомъ, сжился, свыкся съ нимъ, прижилъ цѣлую кучу дѣтей и началъ уже старѣться, сидя все на одномъ и томъ же мѣстѣ. По натурѣ онъ былъ очень добродушный человѣкъ, но большая семья и постоянное недовольство прихожанами дѣлали его попомъ прижимистымъ, сквалыгой; онъ не пропускалъ ни одного случая, дававшаго ему возможность сорвать съ прихожанина лишнее. Получить отъ отца Николая нужную Ивану бумагу представлялось трудной задачей, и потому особенно онъ желалъ, чтобы мать помогла ему въ этомъ. Устинья, какъ бобылка, женщина болѣе или менѣе свободная, часто ходила въ церковь, бывала у попа и на поденщинѣ, и на помочахъ, и была ему извѣстна. Кромѣ того, онъ надѣялся, что мать скорѣе разжалобитъ и выпроситъ, что нужно, за меньшую плату.

Домъ отца Николая былъ довольно большой и содержался въ видимомъ порядкѣ, даже на чистомъ крылечкѣ лежала рогожка для обтиранія ногъ. Устинья и Иванъ несмѣло подошли къ этому крыльцу и остановились, раздумывая, идти ли прямо къ попу въ комнаты или сначала заглянуть въ кухню и переговорить съ работницей, которую Устинья знала; но въ это время ихъ увидѣли въ окно изъ дома; отецъ Николай взглянулъ и сообразилъ, что пришли къ нему просители, и самъ выскочилъ на крыльцо.

— Ко мнѣ, что-ли? — спросилъ онъ.

— Нечто, батюшка, къ твоей милости, — отвѣчала Устинья.

— Ну, такъ входите ... Идите сюда въ кухню ... Да ноги, ноги обтирайте; у меня попадья до смерти не любитъ, какъ натаскаютъ грязи.

Вслѣдъ за отцомъ Николаемъ Устинья и Иванъ вошли въ кухню, гдѣ въ это послѣобѣденное время никого не было; все многочисленное семейство отца Николая сидѣло въ страшной скукѣ, въ „залѣ“, а семейство его состояло преимущественно изъ взрослыхъ дочерей, которыя, къ великому его огорченію, никакъ съ рукъ не шли: не выходили замужъ при всемъ искреннемъ желаніи и собственномъ, и родителей.

Устинья и Иванъ, помолившись въ уголъ, подошли къ благословенію отца Николая.

— Богъ благословитъ, Богъ благословитъ ... Ну, что, тово, на примѣръ, что нужно?... Устинья вѣдь, кажется? — спросилъ отецъ Николай, благословляя.

— Устинья, Устинья, батюшка ... Вишь ты, родимый, помнитъ! ... Экую былинку! — отвѣчала радостно Устинья, припадая къ рукѣ священника и цѣлуя ее.

— Я своихъ прихожанъ усердныхъ всѣхъ знаю ... Всѣхъ, тово, напримѣръ, помню и уважаю ... А вотъ парня-то не признаю и какъ зовутъ — не знаю; коли нашъ, такъ рѣдко, значитъ, тово, напримѣръ, въ церкви бываешь, Богу мало молишься ... Кто такой будешь?

— Сынъ мой, батюшка, Иванъ ... На фабрикѣ вѣдь, кормилецъ, отецъ Николай ... Все на фабрикѣ ... Съизмальства.

— Ну, тово, напримѣръ, фабрика фабрикой, а храмъ Божій забывать не надо; по праздникамъ домой приходишь, чай, али водку пьешь, щи-кашу ѣшь, а къ духовной трапезѣ у тебя, тово, напримѣръ, нѣтъ желанія ... Вотъ и нехорошо, и не одобряю, тово, напримѣръ ... А ежегодно ли говѣешь, у исповѣди и св. причастія бываешь ли?

— Этотъ годъ мы были, батюшка, справляли это ... У васъ, чай, по записямъ видно ... Это мы завсегда наблюдаемъ.

— Ну, вотъ это хорошо, тово, напримѣръ ... И въ храмъ Божій, къ заутренѣ, къ обѣднѣ старайся ... Посѣщай ... Прилежи, какъ сынъ церкви ... Ну, такъ что же? ... По какому же вы дѣлу, тово, напримѣръ?

— А вотъ, батюшка, отецъ Николай, женить хочу сынка-то; невѣсту изыскали.

— Ну, что же, это, тово, напримѣръ, хорошее дѣло ... Первое дѣло: союзъ брачный! ... Хорошо быти единому ... Но могій вмѣстити да вмѣститъ, сказано ... А вы, молодые ребята, особливо фабричные, знаю я васъ, тово, напримѣръ ... насчетъ этого ... насчетъ цѣломудрія и воздержанія слабы, очень слабы ... Балуетесь, въ развратъ впадаете ... И женскій полъ, и мужескій! ... Меньше нынѣ стало

браковъ, гораздо меньше; честныя, тово, напримѣръ, дѣвицы ропщутъ, жалуются: нѣтъ жениховъ! ... Ищутъ и не находятъ! ... А женихи уклоняются; въ вольности жить желаютъ ... Вонъ и у меня пять дѣвокъ и все въ порѣ полной, а по нынѣшнему времени ... развращенному ... нѣтъ жениховъ да и кончено ... Ну, хорошо, тово, напримѣръ ... хорошо это ты надумала, старуха! ... Давай, давай, повѣнчаемъ ... А кого берешь? ... Изъ чьего дома?

— Изъ дальнихъ, батюшка, не изъ здѣшнихъ: тамъ, за фабрикой, — говорила Устинья.

— Въ домъ иду, — перебилъ ее Иванъ.

— Это значитъ, тово, напримѣръ, на фабрикѣ и ознакомились ... Ну, все равно ... Коли по мысли и дѣвица добрая ... и домъ хорошій ... Ну, когда же желаете? Надо спѣшить: скоро постъ филипповскій.

— О томъ, батюшка, и просить пришли: какъ я въ домъ поступаю и въ отдальности, такъ отецъ невѣстинъ въ своемъ приходѣ желаетъ вѣнчать ... Не оставьте вѣдѣньеце дать, что препятства никакого за мной не состоитъ ... Для того, батюшка ...

— Да, вотъ какое дѣло, тово, напримѣръ! ...

Лицо отца Николая сдѣлалось серьезно.

— Что же ты это, братецъ, изъ своего прихода, тово, напримѣръ ... гдѣ рожденъ и крещенъ, уходить хочешь?

— Что дѣлать, батюшка ... Такъ пришлось: по сиротству моему, по бѣдности.

— Такъ ... Ну, такъ, братецъ, тово, напримѣръ, приди въ другой разъ ... Сегодня не время писать: и праздникъ ... и время вечернее; въ это время, тово, напримѣръ, и присутствія не полагается.

— Нельзя ли какъ сегодня, батюшка, потому завтра на фабрику нужно идти, тамъ всю недѣлю останусь, а объ недѣлѣ свадьбу думаемъ сыграть?

— Одинъ ученый, тово, напримѣръ, сказалъ: нѣтъ ничего въ мірѣ невозможнаго, но на все свое время и мѣсто ... Теперь не время; и возможно, но не время ... Придите въ другой разъ ...

— Батюшка, отецъ Николай, выдай сегодня ... Кормилецъ, не оставь ... Для меня, сироты, — упрашивала Устинья, кланяясь чуть не въ землю.

— Да, не оставьте, отецъ Николай ... Сдѣлайте ваше такое одолженіе! — повторялъ за ней Иванъ.

— Да, видишь, другъ: нужно по книгамъ справиться, разсмотрѣть, тово, напримѣръ ... Все аккуратно написать, обдумать, печать приложить, занумеровать, въ книгу занести ... Опять же надобно причетниковъ безпокоить ... тово, напримѣръ, потревожить, а сегодня время праздничное, всякому дорого; тово, напримѣръ, въ обидѣ будутъ ... Видишь ты: всякому нужно ублаготворить ... Понимаешь ты это; даромъ, тово, напримѣръ, никто въ праздникъ работать для тебя не будетъ ... Обязанности такой нѣтъ, тово, напримѣръ.

— Да я, батюшка, отецъ Николай, по силѣ, по мочи моей, постараюсь поблагодарить ваше благословеніе ... А также и причту ... сколь моихъ силъ хватитъ ...

— По бѣдности по нашей, по сиротству! — подсказала Устинья ...

— Тутъ и то въ разсчетъ поступаетъ, тово, напримѣръ, свадьба не въ нашемъ приходѣ, а въ чужомъ: уходитъ, значитъ, у насъ отъ рукъ и доходъ, и угощеніе, да и прихожанина теряемъ вовсе. —

И не только намъ, но и церкви, тово, напримѣръ, ущербъ ... Все сіе соображая, а равномѣрно и бѣдность, и сиротство ваше, полагаю такъ, напримѣръ, что коли сейчасъ нужно, тово, красненькой не пожалѣй: сдѣлаемъ, такъ и быть, и въ праздникъ.

— Это, значитъ, десять рублей — почти вскричалъ Иванъ испуганно ... Батюшка, отецъ Николай, да у меня и денегъ-то всего на все развѣ съ небольшимъ десять рублей, а мнѣ, вѣдь, свадьбу играть нужно; то да се, мало ли чего нужно въ этакомъ дѣлѣ ...

— Тутъ, братецъ, такая посылка полагается: если просишь, стало, того, напримѣръ, нужно, необходимо, а если нужно, то не жалѣй.

— Да радъ бы не пожалѣть, отецъ Николай, да коли негдѣ взять ...

— А коли негдѣ взять — не проси, тово, напримѣръ ... Принужденья тутъ нѣтъ ...

— Батюшка, кормилецъ, да ты насъ-то пожалѣй, сиротъ! — сказала Устинья.

— И жалѣю, тово, напримѣръ ... Жалѣю! ... Для другихъ бы и за это не сдѣлалъ, потому уходитъ ... Въ другую паству уходитъ, тово, напримѣръ ... Въ другой приходъ! ...

— Возьми хошь ужъ два рублика-то, отецъ родной, не обижай! — умоляла Устинья.

— Тутъ не обида, тово, напримѣръ, а такъ надо говорить, Устинья, одолженіе ... Ты баба, тово, напримѣръ, и дѣловъ этихъ не знаешь ... Одолженіе желаю сдѣлать, а не обиду.

— Ну, не два, а хошь трешницу-то, батюшка, пожалуйте, возьмите ... Будьте столь великодушны! — говорилъ Иванъ.

— Нѣтъ, Иванъ ... Какъ тебя, тово, напримѣръ, по батюшкѣ-то?

— Степановъ.

— Нѣтъ, Иванъ Степановъ, трешница нынѣ не деньги, а при вашемъ маломъ усердіи къ церкви Божіей, тово, напримѣръ, и къ отцу духовному, и по моему обильному семейству, трешница ни къ какому даже счету не подходитъ ... Не забывай, тово, напримѣръ, причетнической доли: много ли попу-то останется? ...

Послѣ долгой переторжки, поклоновъ, просьбъ и даже слезъ Устиньи отецъ Николай выдалъ, наконецъ, Ивану нужный ему документъ за шесть рублей серебромъ.

— И то для старухи твоей только, по усердію ея, тово, напримѣръ, къ храму и ко мнѣ, дѣлаю это, — сказалъ отецъ Николай, получивши впередъ деньги и выдавая бумагу.—А вы, молокососы, нынѣ храма не посѣщаете, лепты отъ васъ нѣтъ, и вѣра у васъ самая слабая. На табакъ, да на водку, тово, напримѣръ, али въ карты играть, на это у васъ деньги есть, а въ кружку церковную положить или молебенъ отслужить, родителей помянуть ... тутъ, тово, напримѣръ, и денегъ нѣтъ .... Васъ жалѣть нечего и одолженія дѣлать для васъ не стоитъ, тово, напримѣръ ... Не стоитъ!

Но какъ бы то ни было, а и Иванъ, и Устинья возвращались домой вполнѣ довольные: первый оттого, что, съ полученіемъ свидѣтельства, считалъ свое дѣло на половину обезпеченнымъ, а Устинья, съ своей стороны, радовалась, думая, что безъ нея отецъ Николай не выдалъ бы бумаги, слѣдовательно она оказала сыну большую услугу, которую она при случаѣ можетъ ему напомнить. Она и теперь не удержалась и сдѣлала сыну внушеніе.

— Вотъ, Иванушка, — сказала она, — вотъ и мать старуха, баба старая, никуда негодная, а вотъ Богъ привелъ и мнѣ сынку услужить: впрямь, что безъ меня, пожалуй, не далъ бы бумаги-то тебѣ нашъ отецъ Николай, либо взялъ бы денегъ несообразно ... Больно ужъ прижимистъ батюшка-то нашъ духовный! ... Господи, прости: согрѣшила грѣшная ... А молвишь, нельзя не молвить! ... А вотъ, поди-жъ ты, для меня, для сироты, сдѣлалъ же, дай Богъ ему здоровья ... И уступилъ, и сдѣлалъ! ...

— Сквалыга-попъ, больше ничего! — говорилъ Иванъ. — Ну-ка, за что шесть рублей содралъ? ... Другой бы попъ, да вонъ тотъ же Павелъ Савинскій, за полштофа бы пять бумагъ этакихъ выдалъ ... Вотъ такъ добрая душа! ... Вотъ такъ попъ! ... Настоящій! ... А этотъ, нашъ, что? ... Ни для тебя, ни для меня, ни для кого онъ по душѣ не сдѣлаетъ, такъ, изъ добра, а все изъ-за однихъ денегъ.

Устинья надулась: она ожидала не такой благодарности отъ сына и шла всю остальную дорогу до дома молча, съ обычнымъ своимъ печальнымъ и недовольнымъ лицомъ.

Дома они застали Володю еще спящимъ. Первымъ движеніемъ Устиньи было броситься къ столу и убрать съ него, отъ жадныхъ глазъ Володи, непочатую еще имъ водку; но и въ этомъ случаѣ мать снова была огорчена сыномъ.

— Не трожь-ка, матушка, водку-то, — сказалъ онъ, — да закусочки дай какой-нибудь; теперь и я выпью! ... Можно! ... Ужъ очень присталъ: маялся, маялся день-то, ноженьки утопалъ ... Во вкусъ теперь выпить! ... Да вотъ и дядя Володя не откажется: надо разбудить его, будетъ ему дрыхнуть-то.

Устинья молча, съ досадой, стукнула о столъ дномъ штофа, который держала въ рукахъ, и отошла прочь. Знакомый звукъ разбудилъ Володю: онъ быстро поднялся и сѣлъ на лавкѣ, озираясь мутными еще глазами.

Иванъ захохоталъ, поднялъ штофъ и показалъ Володѣ.

— Дядя, это что? — спросилъ онъ, смѣясь.

— А-а — отвѣчалъ Владиміръ какимъ-то радостнымъ ржаніемъ и придвинулся къ столу.

Дядя съ племянникомъ принялись пить, а Устинья, несмотря на всѣ убѣжденія сына, не хотѣла принять ни одного стаканчика, чтобы поздравить его съ началомъ дѣла, и сидѣла въ углу, молча и отворотясь отъ пирующихъ.

XIV.

Готовясь къ послѣднему свиданію, на которомъ Маша должна была дать окончательное согласіе на бѣгство изъ родительскаго дома для тайнаго вѣнчанья, она все еще сильно колебалась, несмотря на безвыходность своего положенія: ее ужасала мысль, что родители не простятъ ее и что она на всю жизнь останется замужемъ за простымъ бѣднымъ мужикомъ, будетъ жить въ грязи, въ нуждѣ, въ бѣдности, въ обществѣ бабъ и мужиковъ, сама, какъ простая бѣдная крестьянка, въ сарафанѣ или дешевенькомъ ситцевомъ платьѣ, съ платкомъ на головѣ, въ калишкахъ на босу ногу ... Еще какова будетъ свекровь? ... Еще какъ будетъ обращаться съ нею Иванъ, особенно въ пьяномъ видѣ? — думала она. — Теперь-то онъ говоритъ и то, и другое, обѣщаетъ, похваляется, да вѣдь это дѣло извѣстное: всѣ они ласковы и любятъ,

и жалѣютъ, пока женихами, а сдѣлаются мужьями — другое заговорятъ ... И работай, и покой его, а онъ гулять будетъ ... А какая крестьянская работа? ... Хоть въ поле посылать меня и не станутъ, потому земли не держатъ, а другое-то все? ... Знаю я крестьянскую-то работу: встань съ пѣтухами, натаскай воды, дровъ къ печкѣ, накорми корову, пачкайся цѣлый день въ грязи, въ сору, въ нечистотѣ всякой! ... А гдѣ же мнѣ? ... Я не привыкла, не такъ воспитана ... Ругать меня, пожалуй, бить еще станетъ ... Ой, нѣтъ, не станетъ; онъ вонъ какой добрый, ласковый, въ глаза смотритъ, любитъ меня! ... Да, пока въ дѣвкахъ! ... А буду женой, да отъ ихной жизни похудѣю, загорѣю, руки очерствѣютъ вся я осунусь, подурнѣю ... и любить перестанетъ! ... Да и что тогда ходить-то за мной, да въ глаза заглядывать? Жена буду, всегда при немъ, подъ его командой, подъ его началомъ: мнѣ придется за нимъ бѣгать, да угождать. Надоѣмъ, наскучу ... А онъ на фабрикѣ-то всегда найдетъ себѣ и получше, и помоложе меня ... Господи, Господи, да что же дѣлать-то мнѣ? Въ дѣвкахъ оставаться, да жениховъ ждать получше, нельзя ужъ теперь ... Чувствую я это! ... За этого идти, что сватается? Первое противенъ онъ мнѣ больно послѣ Вани, да и узнаетъ все послѣ свадьбы, такъ и того хуже будетъ, пожалуй, жизнь-то моя, чѣмъ за Ваней въ крестьянкахъ ... Повиниться развѣ во всемъ родителямъ да просить, чтобы отдали за Ивана по-добру, съ благословенія? ... Ой, нѣтъ, стыдно, страшно, слова не выговорить ... Да и ни за что отецъ не согласится; скорѣе убьетъ, кажется! ... Не пойдетъ онъ въ родство съ мужикомъ ... Да еще со здѣшнимъ и съ бѣднымъ ... А люблю я его ... Ванюшу! ... Не сжить мнѣ безъ

него, кажется ... Подумаю о немъ хорошенько, такъ, кажется, душу-то бы я ему свою отдала, особенно какъ онъ обнимаетъ, цѣлуетъ, да приговариваетъ... Вотъ когда водкой пахнетъ отъ него, или слово которое скажетъ неблагородное ... не люблю! ... И такъ мнѣ тошно сдѣлается, нехорошо, сейчасъ вспомню, что мужикъ онъ простой, необразованный, и на себя досадно сдѣлается, и онъ точно противенъ станетъ ... Злость противъ него во мнѣ ... А то все забуду, и лучше, и милѣе его для меня на свѣтѣ нѣтъ ... Да ото всего этого я бы его отучила: и отъ водки, и отъ мужицкихъ рѣчей; онъ умный у меня, понятливый! ... Такъ неужто и въ самомъ дѣлѣ отецъ никогда не проститъ и ничѣмъ не наградитъ насъ? ... Не можетъ, кажется, этого быть; вѣдь ужъ дѣло будетъ сдѣлано, не поправить, развѣнчать нельзя, а я дочь же вѣдь ему, родная, старшая, да любимая ... Нѣтъ, поломается да и проститъ: въ ногахъ буду валяться, плакать ... Подумаетъ, подумаетъ отецъ, да и разсудитъ: лучше же сдѣлать его человѣкомъ, чѣмъ оставить дочь пропадать въ крестьянкахъ ... И не то, что гдѣ далеко, а тутъ, у себя на глазахъ ... Нарочно будемъ ходить къ нимъ каждый день; пускай передо всѣми дочь со двора выгонять будетъ ... Нѣтъ, коли жалость возьметъ, такъ людей постыдится, не для меня, такъ для себя проститъ ... Да, видно, ужъ такова моя судьба: лучше на это идти, ужъ что будетъ, что Богъ сдѣлаетъ, да по крайности съ милымъ человѣкомъ не разставаться! ... И пропадать, такъ черезъ него пропадать ... А онъ вонъ какой хорошій, любитъ меня: другой бы на его мѣстѣ знать бы не захотѣлъ ... А Ваня не такой, нѣтъ! ... Онъ потомъ еще пуще сталъ добиваться, чтобы я шла за него ... Значитъ,

любитъ, значитъ, ничего ему не надо, кромѣ меня! ... А что изъ того что мужикъ: вонъ, говорятъ, и папенька былъ лакеемъ: недалеко отъ мужика, а вонъ теперь чѣмъ сталъ: всѣ за господина, за благороднаго считаютъ, всѣ уважаютъ, заискиваютъ, въ гости къ нему ѣздятъ, а мужики передъ нимъ безъ шапокъ стоятъ ... Такъ и мой Ванюша ... Дай-ка ему денегъ, одѣнь хорошенько, черезъ мѣсяцъ не узнаешь! ... Лучше еще всякаго барина будетъ! ... Этакой-то молодецъ, этакой красавецъ, да въ хорошенькомъ сюртукѣ, въ бѣлой рубашкѣ, съ отложными воротниками, съ манжетами, въ круглой шляпѣ, въ перчаткахъ, при часахъ на золотой цѣпочкѣ ... Въ рукахъ тросточка! ... А я подъ-руку съ нимъ въ модной шляпкѣ, платье со шлейфомъ! ... Пошли бы въ городъ, въ церковь, на бульваръ ... Либо поѣхали бы кататься; мы сидимъ вдвоемъ, а кучеръ правитъ ... Вотъ и мужичекъ былъ, а сидитъ въ господскомъ мѣстѣ, а другой мужикъ, настоящій, кучеромъ — правитъ лошадью ... Вотъ что значитъ деньги и образованіе! ... А я непремѣнно образую его, непремѣнно; онъ перейметъ и манеры, и все ... Что же дѣлать; такова, видно, судьба моя, чтобы за мужика идти ... Противъ судьбы ничего не подѣлаешь; думала барышней сдѣлаться, чиновницей, а судьба-то говоритъ: нѣтъ, за мужикомъ тебѣ быть, съ мужикомъ связала ... Недаромъ говорится: суженаго конемъ не объѣдешь ... Вотъ оно такъ и сбывается: думала ли я, гадала ли за мужика идти? ... Такъ только подурить хотѣла ... Отъ скуки ... Для времяпровожденія ... Да посмотрѣть, что съ парнемъ будетъ отъ его чувствъ къ барышнѣ ... Думала потиранить его немножко ... ну, и обласкать ... образовать его ... И самой любопытно было ... какъ

это любятъ потихоньку ... какъ это свиданія и все ... Думала: посмѣетъ ли мужикъ: это не то, что какой благородный кавалеръ! ... Не посмѣетъ и вообразить себѣ что-нибудь на счетъ барышни; не своя сестра, не крестьянская дѣвка! ... За счастіе сочтетъ, что допускаю поговорить наединѣ, ручку поцѣловать, ну въ щечку ... А вотъ что случилось! ... Мало ли у другихъ бываетъ: и видаются, и цѣлуются ... Да тѣмъ все и кончится ... И разойдутся какъ ни въ чемъ! ... Ну, и пострадаютъ послѣ, помечтаютъ одинъ по другомъ ... А нѣтъ судьбы, такъ несчастья не случится никакого; все и проходитъ благополучно ... Послѣ съ удовольствіемъ только вспоминаютъ. А это ужъ значитъ, что моя судьба ужъ такая ... Отъ судьбы не уйдешь! ...

Такимъ образомъ всѣ тайныя думы Маши приводили ее къ одному рѣшенію, что она находится въ безвыходномъ положеніи и должна выдти за Ивана, что къ этому побуждаетъ ее и страстная къ нему любовь, и, однимъ словомъ, сама судьба, назначившая Ивана ея суженымъ. Съ этою рѣшимостью она пошла и на свиданіе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Викторъ. Когда они сошлись, Маша сначала высказала всѣ свои страхи и сомнѣнія насчетъ будущей жизни замужемъ за Иваномъ и показывала видъ, будто она ни на что еще не рѣшилась, старалась вызвать Ивана на увѣреніе, на клятвы, на обѣщаніе никогда ее не обижать, никогда не измѣнять, не отдавать подъ начало матери и не требовать отъ нея непривычной и непосильной работы.

— Да полно ты, Машенька, да не сумнѣвайся ты во мнѣ, — успокаивалъ ее Иванъ. — Кажется бы только мнѣ маненечко, маненечко опериться, какъ бы мы зажили-то! ... На первый сортъ! ... Не то

работать, да ни до чего бы тебя не допустилъ, на рукахъ бы и саму-то сталъ носить ... Не то за другими бѣгать, а и самъ бы не отошелъ отъ тебя и отъ себя бы на шагъ не отпустилъ! ... Вотъ какъ желаю! ... Только бы вотъ папенька твой простилъ насъ, да мало-мало поддержалъ, не оставилъ.

— Да само собой проститъ, — вмѣшался Викторъ, которому этотъ разговоръ начиналъ надоѣдать,— Ну, извѣстно, поругается, покричитъ, постращаетъ, да вѣдь не что сдѣлаешь ... Поневолѣ отступится ...

— А понимаешь ли ты, цѣнишь ли, Ваня, что я для тебя дѣлаю, какую жертву тебѣ принесу, если выйду за тебя? ... Вѣдь ты знаешь, слыхалъ, какіе ко мнѣ благородные женихи сватались, и то еще я не шла, выбирала, а тутъ вдругъ выйду за тебя, простого фабричнаго ... Цѣнишь ли ты это! ... Конечно, я теперь погибшая, пропащая, да вѣдь черезъ кого же я погибла-то? ... Все черезъ тебя, черезъ любовь мою къ тебѣ ...

— Э, да полно! — перебилъ ее Викторъ. — О чемъ еще заговорила! ... Ну, что ужъ тутъ вспоминать; дѣло сдѣлано ... Раньше бы думала, коли ужъ тебѣ такъ это не по мысли ... Сама вѣдь къ нему ходила, не онъ къ тебѣ ...

— Такъ развѣ я для этого? ... Развѣ я могла ожидать? ... Ты меня, кажется, довольно знаешь; какая я была ... Смѣлъ ли кто подумать обо мнѣ? ... Я, конечно, любя его, была неосторожна, но надѣялась на него ... Онъ знаетъ: я никогда даже не могла вообразить, чтобы ...

— Да ну, ладно! ... И быкъ реветъ, и корова реветъ, и самъ чортъ не разберетъ ... Дѣло это извѣстное ... Ну, что пустяки-то перебирать ... Вамъ тутъ, можетъ быть, и нивѣсть какъ сладко эти

миндали-то разводить, а у меня еще съ давешняго голова трещитъ; сидѣлъ бы я лучше въ трактирѣ, али въ какой компаніи, не въ примѣръ для меня это лучше ... Говорите, что-ли, объ дѣлѣ-то: какъ и что ... Да и отпускайте меня ... Сами-то, пожалуй, канительничайте тутъ ... Чортъ съ вами! ...

— Да что ты, Витя, какъ же? ... Надо же, чтобы онъ понималъ, на что я должна рѣшиться ... Вѣдь я теперь все равно, что всей моей жизнью должна для него пожертвовать ...

— Чувствую я это, Маша ... Понимаю даже все, — сказалъ Иванъ.

— Ну, видишь ты, — перебилъ Викторъ, — чего же тебѣ еще надо? ... Все чувствуетъ и понимаетъ ... Ну, и шабашъ! ... А вотъ о чемъ говори: какъ тебѣ приданое свое собрать, да какъ его изъ дома вынести, на чемъ везти опять и узлы твои, и тебя? ... Пускай ему лошадь дастъ дядя, да вѣдь не поѣдете же вы съ нимъ на возу ... Вѣдь у тебя добра-то возъ цѣлый наберется ... Ты думалъ ли объ этомъ, Иванъ? ...

— Нѣтъ, признаться ... Не думалъ вѣдь я, что столь узловъ-то будетъ ... Такъ полагалъ, что на одной лошади и самъ, и ... одежа тамъ, али что ...

— Ну, чтой-то, братъ, къ вѣнцу поѣдемъ на возу ... Что ты! ... Нѣтъ, вѣдь у нея добра наберется много ... ты не думай ... Надо вѣдь и перину, Маша, взять, и подушки; вѣдь у него ничего этого нѣтъ ...

— Правда, что теперь еще не заведено, — подтвердилъ Иванъ, очень довольный заботливостью и предупредительностью Виктора, — мы по-мужицки спимъ, на чемъ придется ... хоть на голыхъ доскахъ, все равно ... для насъ ... А вѣдь вы, Марья Яков-

левна, не привычны ... И тѣльце ваше нѣжное ... Извѣстно, шубу постелимъ, мягко будетъ ... Да все, можетъ, не то ...

— Конечно, что я безъ перины, безъ подушки спать не привыкла ... Да ужъ что же дѣлать: коли сама на то иду, судьба моя такая, такъ надо будетъ ко всему привыкать ... Я не знаю, какъ же перину изъ комнаты тащить ночью; услышатъ ... Этого никакъ нельзя ... А узловъ дѣйствительно что много будетъ, если все забирать; я ужъ объ этомъ думала ... Теперь платьевъ однихъ сколько, пальтовъ, двѣ шубы ... Ну, одну на себя надѣну ... Опять бѣлья ... узелъ будетъ большой, не въ подъемъ, шляпокъ однихъ три шляпки ... въ картонкахъ тоже: надо осторожнѣе, какъ бы не раздавить ... Не знаю ужъ, какъ это все заберемъ, особливо на одной лошади ... Развѣ ужъ бросить все, оставить, идти въ одномъ платьѣ? ... Иду въ бѣдность ... по любви ... безъ родительскаго благословенія ... зачѣмъ мнѣ все это? ... Пускай такъ и уйду ... безъ всего ... съ однимъ сердцемъ ... что не могла перенести любви своей, а, впрочемъ, мнѣ ничего не нужно ... Я готова и такъ ... Для меня еще лучше ... Пускай родители знаютъ! ...

— Нѣтъ, Марья Яковл ... Машенька — нѣсколько испуганно и торопливо перебилъ ее Иванъ. — Нѣтъ, такъ зачѣмъ же? ... Еслибы, конечно, я богатый человѣкъ былъ, все бы и самъ могъ вамъ предоставить ... А то вы довольно знаете: и радъ бы въ рай для васъ, да грѣхи не пускаютъ ... Не изъ чего мнѣ это все припасти ... А ну, Боже сохрани, родитель вашъ послѣ не проститъ ... Что же вы ни при чемъ останетесь? ... Ни на себя, ни подъ себя: ничего не будетъ ... Для меня, конечно, окромѣ

вашей любви, ничего мнѣ не нужно ... Но зачѣмъ же вамъ себя такъ утѣснять? ...

— Ахъ, коли я на это рѣшаюсь, мнѣ ничего тоже не нужно, кромѣ тебя ... Значитъ, я по любви, по страсти своей это дѣлаю ... Для тебя я погибла, для тебя и въ бѣдность, и въ нужду пойду ... Пускай же ужъ знаютъ всѣ, и ты знаешь, что ...

— Ну, да ты полно эти качества-то свои показывать, — перебилъ Викторъ, — я захочу, еще не то представлю ... Безъ платьевъ да безъ бѣлья она жить будетъ, коли купить ему не на что! ... Тоже сказала! ...

— Само собой, никакъ этого невозможно, Маша,— подтвердилъ Иванъ. — Нѣтъ, уже ты, Маша, сдѣлай милость, тамъ Богу извѣстно, что будетъ впереди, а безъ одежи какъ же быть ... Никакъ нельзя! ...

— Да что тутъ пустяки она говоритъ, — сказалъ Викторъ, — чувствительность одну разводитъ не къ мѣсту ... Непремѣнно все забирай ...

— Да мнѣ какъ хотите; мнѣ все равно ... Велите взять, такъ возьму ... Только я не понимаю, какъ мы все это вынесемъ; вотъ ты, Витя, даже перину, говоришь, и подушки ...

— Вотъ то-то и есть, а я придумалъ ... Да еще такую штуку придумалъ, ахнете, какъ скажу ... А Яковъ Захаровъ пальцы себѣ съ досады обкусаетъ, молодецкая будетъ штука, коли удастся только ... Да у меня удастся, коли водки не пожалѣть! ... Напою всѣхъ, всѣ дрыхнуть будутъ, а я обдѣлаю! ...

— Какую такую еще штуку выдумалъ? ... Скажи! — заинтересовалась Марья.

— А такую, что я тебя на собственныхъ родительскихъ лошадяхъ, парой, къ вѣнцу отвезу ... Вотъ какую! ...

И Иванъ, и Марья, не ожидавшіе ничего подобнаго, сдѣлали невольное движеніе и въ одинъ голосъ просили объясненія.

— Да чего тутъ: больно просто ... Мнѣ это сегодня въ башку пришло, какъ очухался маленько отъ давишняго угощенья ... Просилъ меня Ванюха сюда придти: вотъ мнѣ дѣлать нечего, лежу да думаю, вотъ и выдумалъ ... Покупай полведра водки, Иванъ, наканунѣ свадьбы: всѣхъ рабочихъ и работницъ даже, бабъ, всѣхъ перепою къ ночи; такъ захрапятъ, ничего не услышатъ, хоть ихъ-то увези ... Ну, а ужъ тутъ дѣло короткое: отперъ конюшню и каретникъ, вывелъ лошадей, выкатилъ тарантасъ, а еще не дастъ-ли Богъ снѣжку, такъ санки, — и того лучше, заложилъ да задними воротами и выѣхалъ самъ за кучера, а вы, милости просимъ, на барское мѣсто, какъ слѣдъ жениху съ невѣстой ... Вотъ и поѣхали прямо въ Савинское, къ церкви ...

„Точно, какъ я думала-мечтала! ... Только то жалко: онъ не въ сюртукѣ!“ — мелькнуло въ головѣ Маши.

— А какъ же послѣ быть съ лошадьми-то? — спросилъ предусмотрительный Иванъ.

— И объ этомъ удумано ... Да еще какая штука-то! ... Сейчасъ скажу ... А вотъ сначала насчетъ приданаго ея. Пускай она все собираетъ, увязываетъ да узлы подъ кровать хошь, что ли, днемъ-то прячетъ ... Узлы-то вяжи небольшіе ... А ночью, какъ твоя лошадь подъѣдетъ, такъ открыла окно, благо рамы зимнія еще не вставлены, да и выкидывай: вы ужъ тамъ примите! ...

— А перину-то какъ же? ...

— И перину, и подушки тѣмъ же манеромъ ... Только ты перину подкати къ окну-то первую,

чтобы, какъ открыла окно, такъ и вывалить ... Ужъ ребята подхватятъ, только бы тебѣ ее перекувырнуть-то ... Да вѣдь, слава Богу, осилишь и ты, поднимешь; не Богъ знаетъ какая субтильная и самъ-дѣлѣ барышня.

— Это ты въ самый разъ придумалъ, — замѣтилъ Иванъ, осклабляясь, — я самъ такъ же смекалъ ...

— Да лучше не надо: чудесный фасонъ! ... Мы, значитъ, съ тобой въ одно думаемъ ... А вотъ они пускай послѣ и знаютъ, каковъ дуракъ у нихъ набитый, Викторка-то; пускай-ка вотъ родитель-то и увидитъ, почувствуетъ это! ... А ты, Маша, такъ послѣ и скажи, что это все я научилъ и выдумалъ ... Пускай! ... Одинъ ужъ отвѣтъ-то за все! ...

— Я одного боюсь, — замѣтила Маша, — со мной вѣдь сестра спитъ, какъ бы она не услышала ... Особливо какъ окно открою; холодно теперь, озябнетъ — проснется ...

— Ну, ужъ, сестрица милая, это ужъ твое дѣло: стерегись, потише ворочайся, да поживѣй ... А чтобы не озябла-то, такъ впередъ прикрой чѣмъ нибудь, сестренку-то, прикрой съ головой: и не слышно ей будетъ, и тепло ...

— Ты не то, что дуракъ, а ты первая на свѣтѣ умница! — подольстился Иванъ къ Виктору.

— То-то вотъ ... И я говорю то же, а онъ не вѣритъ: безпутный, говоритъ, ракалія, никуда негодный дуракъ ... Ду-р-р-акъ! ... А вотъ тебѣ и дуракъ! ...

— Ну, а какъ же насчетъ лошадей-то? — вспомнила Маша.

— Ну, ужъ тутъ какъ знаете, а я вотъ какъ надумалъ: смѣхотушка бы была ... ей-Богу! ... Какъ

только обвѣнчались, сейчасъ бы на этихъ самыхъ лошадяхъ да въ оборотъ, къ родителямъ ... Тамъ ужъ хватились и Маши, и лошадей, шумятъ, ищутъ, а вы тутъ какъ тутъ: честь имѣемъ поздравить, папенька, маменька ... Примите молодыхъ! ... Не оставьте вашими милостями и родительскимъ благословеніемъ! ... Вотъ бы штука-то была! ... Ужъ только я кучеромъ назадъ не поѣду, нѣтъ! ... Себѣ дороже! ... Сажай кого другого ...

Но этотъ дерзкій проектъ испугалъ на первыхъ порахъ даже Ивана, а Маша пришла отъ него въ ужасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что этого мнѣ не сдѣлать! — говорила Маша. — Да тутъ папаша сгоряча, кажется, убьетъ меня, либо запретъ тотчасъ же, а тебя, Ваня, велитъ связать и къ становому отправить ... Онъ вдругъ-то не пойметъ и не повѣритъ, что мы и обвѣнчались-то ... Нѣтъ, этого нельзя! ...

— Да ужъ это правда, что онъ бы до-сыта напрыгался; пѣну бы пустилъ изъ себя, — злорадно говорилъ Викторъ. — А занятно бы! ... Вотъ бы представленіе-то вышло: что твой театръ! ... Кажется бы дорого далъ, только посмотрѣть! ... Да вотъ какъ: на побои бы пошелъ, самъ бы кучеромъ съ вами поѣхалъ, только бы посмотрѣть на него ... Рrракаліи, бестіи! ... Убью! ... Свяжу! ... На конюшнѣ выдеру! ... Всю шкуру спущу! — передразнивалъ онъ отца. — Къ становому! ... Къ исправнику! ... Къ архіерею! ... А ничего не подѣлаешь: руки, братъ, коротки! ... Можно бы со всѣми поѣзжанами ѣхать, не дали бы взять Ивана-то ... А главное: дочка-то любимая, хваленая, холеная ... Вся надежда на нее ... Это не то, что сынъ безпут-

ный, Виктошка! ... Думалъ, дворянкой будетъ, госпожей-помѣщицей ... а на́ вотъ тебѣ: заводскій шельма изъ-подъ носа укралъ и замѣстъ дочки-барыни крестьянскую бабу сдѣлалъ! ... Лихо бы это! ...

— Ну, нѣтъ, Викторъ Яковличъ, — возразилъ Иванъ, — тебѣ, конечно, что можетъ это и въ потѣху, и въ удовольствіе было, да намъ-то бы съ Машей не въ сласть вышло: ее запретъ, меня къ становому! ... Послѣ путайся! ... Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ! ... Эта шутка плоха! ... А вотъ мы какъ лучше, какъ и въ другихъ мѣстахъ бывало, когда невѣста уходомъ уходила: обвѣнчаются, пріѣдутъ домой молодые, какъ слѣдуетъ порядкомъ, съ поѣзжанами, съ батюшкой, да и шлютъ дружку, али бо самаго тысяцкаго звать невѣстиныхъ родителей на пиръ пожаловать, свое родительское благословеніе новобрачнымъ привезти ... Вотъ и мы такъ же сдѣлаемъ: попросимъ дядю Володю съѣздить ... Онъ не побоится, поѣдетъ и лошадокъ въ оборотъ доставитъ ... Можно и еще кого съ нимъ послать для смѣлости ... Они намъ все и разскажутъ, что было тамъ, а можетъ, Богъ дастъ, и родители сами пріѣдутъ, хошь и не для пиру, а все бы намъ легче было: тутъ бы сейчасъ мы и покорились, и прощенія попросили ... Вотъ какъ сдѣлаемъ, такъ лучше будетъ ...

— Такъ лучше, — согласилась и Маша, — а я для вѣрности еще и записочку къ нимъ напишу ... письмо самое чувствительное ... Впередъ еще здѣсь заготовлю ...

— Ну, вотъ это чудесно! ... И брать ли ужъ намъ лошадей-то здѣшнихъ? — спросилъ Иванъ. Я, можетъ, подыщу еще лошадку, окромѣ дяди

Егора ... А что его гнѣвить-то еще пуще, изнапрасна ... Якова Захарыча? ...

— Да, конечно, — подтвердила Маша.

— Ну, ужъ нѣтъ, сестрица милая и, зятекъ богоданный ... Онъ вѣдь ужъ и теперь зятекъ мнѣ? а, Маша? ...

— Отстань! — Витя ... стыдливо остановила его сестра.

— Ну, ну, да вѣдь я не къ тому ... А только, что ужъ этой штуки я вамъ не уважу, не отступлюсь ... Не хочу я, чтобы сестра моя къ вѣнцу кое-какъ на навозной телѣгѣ, али на розвальняхъ ѣхала ... Коли нашъ папенька управитель, ѣздитъ на господскихъ лошадяхъ, въ господскомъ экипажѣ, завсегда на парѣ, а иногда и на тройкѣ, такъ и мы, управителевы дѣтки, должны содержать себя на благородной позиціи ... И я не согласенъ, чтобы моя сестра ѣхала кое-какъ, да еще куда? ... къ вѣнцу! ... Я и ему это въ глаза скажу ... Да ужъ то не ваше дѣло, а мое! Вамъ сказано: какъ выберетесь изъ дома, такъ лошади вамъ будутъ ... Пара! ... Вонъ тамъ за садомъ буду ждать ... Только ты мнѣ, зятекъ милый, на полведра по крайности выдай ... а то и на три четверки: не хуже! Я самъ пить не буду много-то, не бойся, не охмѣлѣю; я свое дѣло знаю, послѣ свадьбы свое доберу ... вось, на пиру ... Еще и то подумайте, чудаки: я васъ на парѣ-то на нашей мигомъ домчу въ Савинское ... Не то, что трухъ-трухъ, на одной, на мужицкой ... А тутъ надо дѣло сгоряча дѣлать, чтобы, если и схватятся, не догнали бы, не помѣшали ... Только ты ужъ раскошеливайся, Ваня: три рублика припасай ...

— Вотъ то-то горе, Викторъ Яковличъ, въ деньгахъ-то у меня слабо: боюсь, станетъ ли свадьбу-то

справить ... Надо вотъ на фабрику сходить, похлопотать, у ребятъ занять у которыхъ ... Купцы-то жиды, не дадутъ, пожалуй, впередъ; не выпросишь ...

— А ты чего же думаешь, Марья, — сказалъ Викторъ, — слышишь, у жениха-то денегъ нѣтъ ... У тебя, чай, есть какія дареныя да копленныя, хоть немного, вотъ и отдай ему ... А то вещь какую свою: перстеньки, али сережки дай ... чего не жалко; онъ либо продастъ, либо заложитъ, чѣмъ занимать-то ему ... Послѣ поправитесь — выкупите ...

— Нѣтъ, этихъ штукъ я не возьму, — сказалъ Иванъ, — куда я ихъ понесу? Да еще схватятъ, пожалуй, скажутъ: укралъ ... И не желаю я ... Пускай же лучше Марья Яковлевна забавляется: носитъ ихъ ... Денегъ добудемъ какъ никакъ ...

— Да у меня есть, Ваня, рублей съ двадцать; возьми ихъ, коли надо, — предлагала Маша, очень довольная, что Иванъ не захотѣлъ лишить ее украшеній.

— Ну, вотъ деньги, это дѣло другое ... Деньги я возьму, пожалуй ... Все равно жить будемъ вмѣстѣ, все будетъ недѣленое ... А эти штучки ... это памятки! ... Какъ можно; ихъ трогать нельзя ... Пускай утѣшается на нихъ ... и красоту свою украшаетъ ...

— Какъ же мнѣ передать тебѣ деньги-то, Ваня? ... Въ домъ идти теперь да опять выходить страшно ... Какъ бы не услышали; и то надивиться не могу, какъ до сей поры не попалась ...

— Да давай мнѣ, а я ему передамъ, — сказалъ Викторъ.

Но ни Маша, ни Иванъ не сочли бы возможнымъ довѣрить деньги Виктору.

— Да я вѣдь на заводъ уйду теперь; пробуду тамъ до послѣдняго дня, — поспѣшилъ сказать Иванъ.

— И опять ты, Витя, слабъ; пожалуй, какъ потеряешь, — замѣтила съ своей стороны Маша.

— Что? Не вѣрите мнѣ? ... Да и не вѣрьте, братцы, очень-то: украсть не украду и потерять не потеряю, а вотъ что пропью — это не ручаюсь; пожалуй, не стерпишь долго-то носить деньги при себѣ, когда своихъ нѣтъ, выпить не на что ...

— Да вотъ что: я какъ приду теперь домой, такъ въ окно тебѣ и выдамъ ихъ ...

— Ну, вотъ и чудесно: и пробу сдѣлаешь, какъ приданое-то черезъ окно таскать будемъ, — одобрилъ Викторъ.

Такъ и сдѣлали. Иванъ получилъ въ окно скопленные Машей изъ надаренныхъ въ разное время двадцать рублей и ушелъ домой въ полномъ восторгѣ и оттого, что все шло успѣшно къ желаемому концу, и отъ доброты своей будущей жены, безпрекословно отдавшей ему единственныя свои деньги. Онъ не зналъ, что Маша поступилась только половиной денегъ, и что у нея осталось еще двадцать рублей, которые она придержала не столько изъ скупости и жадности къ деньгамъ, сколько по какому-то женскому инстинкту скопидомства и бережливости, да и на всякій случай.

XV

Вѣнчаніе назначено было въ пятницу рано утромъ. Въ четвергъ, вечеромъ, передъ тѣмъ временемъ, когда деревенскіе жители собираются ложиться спать, Викторъ, согласно уговору, отправился

въ свое село къ священнику, отцу Андрею, духовнику всего ихъ семейства и большому пріятелю Якова Захарова. Это былъ человѣкъ солидный и весьма лукавый, держалъ себя степенно, говорилъ обдуманно и умственно, изыскивая выраженія и стараясь уснастить свою рѣчь хорошими и даже иностранными словами; считался онъ человѣкомъ очень умнымъ и на съѣздахъ духовенства, даже въ земскихъ собраніяхъ, игралъ нѣкоторую роль, тѣмъ болѣе, что аккуратно читалъ газеты, получаемыя Яковомъ Захаровымъ, интересовался и тщательно слѣдилъ за политикой, особенно иностранной, но не чуждался и самыхъ современныхъ вопросовъ внутренней. Вообще онъ былъ, что называется, себѣ на умѣ, положеніемъ своимъ умѣлъ пользоваться съ большою выгодою для себя, но безъ видимой притязательности и недостойнаго попрошайства. Не смотря на свои 45 лѣтъ, имѣлъ уже скуфью, мечталъ о камилавкѣ и добивался мѣста благочиннаго, но никакъ не могъ низвергнуть стараго любимца владыки и консисторіи, отца Благолѣпова, занимавшаго въ районѣ его прихода эту завидную должность уже близко 15 лѣтъ сряду. По образу высказываемыхъ мыслей, по внѣшнему виду, по жизни, отецъ Андрей желалъ казаться попомъ современнымъ и даже передовымъ.

Обойти, обмануть такого попа — для Виктора казалось особенно пріятно и лестно, такъ что онъ, вообще легкомысленный и не привыкшій къ размышленію, приготовлялся и обдумывалъ, что ему говорить и какъ вести себя съ отцомъ Андреемъ. Было уже 8 часовъ вечера, когда Викторъ вошелъ въ кабинетъ отца Андрея. Этотъ священникъ жилъ не такъ, какъ большинство сельскихъ поповъ: хорошень-

кій домикъ его, обитый тесомъ, окрашенный, содержался не только въ большомъ порядкѣ, но и обличалъ въ хозяинѣ нѣкоторыя претензіи къ комфорту, и болѣе городскіе, чѣмъ деревенскіе привычки и вкусы. Въ домъ велъ подъѣздъ, въ который, впрочемъ, очень рѣдко ходили, предпочитая дорогу черезъ дворъ, на заднее крыльцо; у подъѣзда былъ звонокъ, но посредствомъ него никто уже и никогда не давалъ знать о своемъ приходѣ, да и было бы безполезно, потому что отъ постояннаго бездѣйствія всѣ проволочные проводники и шалнеры давно заржавѣли и не двигались. Въ домѣ отца Андрея была и зала, и гостиная съ такъ называемой мягкой мебелью и кисейными драпировками на окнахъ; была отгорожена конурка въ одно окно, носившая названіе кабинета, гдѣ стоялъ письменный столъ, этажерка съ небольшимъ количествомъ книгъ, кушетка, на которой отецъ Андрей отдыхалъ послѣ обѣда, и большое тяжелое кресло, носившее названіе вольтеровскаго, на которомъ онъ любилъ заниматься чтеніемъ. На этомъ самомъ креслѣ возсѣдалъ отецъ Андрей и теперь, въ ту минуту, когда въ кабинетъ вошелъ Викторъ.

— А-а, Викторъ Яковлевичъ, — воскликнулъ отецъ Андрей, — добро пожаловать ... Какими судьбами, въ такой поздній часъ? ...

Онъ протянулъ Виктору руку, какъ свѣтскій человѣкъ, но тотъ смиренно сложилъ пригоршни и просилъ благословенія. Отецъ Андрей привсталъ, благословилъ истовымъ широкимъ крестомъ и, снова опускаясь въ кресло, повторилъ свой вопросъ.

— Отъ папаши ... По экстренному дѣлу, — отвѣчалъ Викторъ.

— По дѣлу ... И даже по экстренному, — ска-

залъ отецъ Андрей, приподнимая брови. — Садись, Викторъ Яковлевичъ, милости просимъ ... Что такое случилось? ...

Онъ съ выраженіемъ большого вниманія и участія придвинулся къ усѣвшемуся на кушетку Виктору и оглянулся на дверь: затворена ли она.

— Что такое?. — повторилъ онъ съ любопытствомъ.

— Папаша завтра чѣмъ-свѣтъ уѣзжаетъ въ городъ ... по одному дѣлу ... и велѣли просить васъ, чтобы вы потрудились безпремѣнно сегодня, сею же минутою, написать какую-то бумагу, насчетъ сестры Марьи, на случай, еслибы пришлось ей вѣнчаться не въ нашемъ приходѣ ... а въ чужомъ ... Папаша такъ и приказали сказать вамъ: ты ужъ, говоритъ, только скажи такъ отцу Андрею, передай отъ меня, что я очень какъ прошу непремѣнно сегодня написать и печать приложить, все какъ слѣдуетъ ... А ужъ онъ, говоритъ, самъ знаетъ, какая это бумага нужна ... Ты еще, говоритъ, пожалуй, переврешь, а только такъ скажи и попроси отъ меня: на показъ въ городъ тамошнему священнику ... насчетъ, если бы Марью въ городѣ пришлось вѣнчать ...

— Значитъ, дѣло на ладъ идетъ? ...

— Насчетъ чего-съ? ...

— Ну, насчетъ сватовства всеконечно ... Вѣрно, маріажъ состоится съ г. помощникомъ акцизнаго?

— Этого я не могу сказать, отецъ Андрей, потому ничего не знаю; мнѣ не говорили ... Да вѣдь вамъ извѣстно: со мной насчетъ этого разговаривать не станутъ ... Вотъ послать куда наспѣхъ — это мое дѣло, а чтобы семейныя какія

обстоятельства ... Меня не допускаютъ ... Я не касаюсь этого ...

Викторъ скромно и грустно улыбнулся.

— Да, это правда ... Знаю я и очень скорблю ... Очень, очень сожалительно ... Но, разсудя по совѣсти, нужно сказать правду: иниціатива въ этомъ ваша, а не родителей вашихъ ... Не желаю осуждать ни васъ, никого, но, какъ духовный отецъ, кстати замѣчу: старайтесь изринуться бездны, въ которую завлекла васъ молодость, неопытность и легкомысліе, старайтесь, простирайте просительно длани, и родители не отринутъ васъ, не оттолкнутъ, но съ радостію вновь пріимутъ на лоно свое, возвратятъ съ любовію въ нѣдра любвеобильнаго родительскаго сердца ... Такъ, Викторъ Яковлевичъ, такъ! ... Отъ васъ самихъ это зависитъ, повѣрьте мнѣ, какъ другу и благожелателю вашему ...

— Я ужъ, отецъ Андрей, старался ... И ничего, кажется, такого не дѣлаю, а все одно: все точно чужой въ родительскомъ дому ... Конечно, слабость имѣю, но что же дѣлать? ... Можно бы это и простить, — если ужъ болѣзнь такая, несчастье такое сына постигло ...

— Да, конечно, не все жезломъ ... Полезнѣе воздѣйствовать любовію: любы вся побѣждаетъ ... Но вы старайтесь превозмочь, сколько можете, вашу слабость, а я давно уже собирался поговорить и повліять на Якова Захарыча въ вашу пользу ... Прискорбно, весьма прискорбно видѣть это! ... Какъ можно: единственный сынъ вы теперь при родителяхъ вашихъ находитесь и какъ бы въ изгонѣ! ... Желаете, чтобы я посодѣйствовалъ примиренію вашему?

— Какъ же не желать, батюшка, отецъ Ан-

дрей ... Я всегда этого желаю ... Неужели мнѣ легко и пріятно? ...

— Я давно уже, давно собирался, и благодарю сейчасъ, что вы пришли и какъ бы напамятовали мнѣ это мое намѣреніе ... Употреблю всѣ мѣры, Викторъ Яковлевичъ, всѣ мѣры употреблю и буду радъ, душевно радъ буду, если достигну желаемаго ... Но уже и вы, прошу васъ, посодѣйствуйте вашимъ поведеніемъ, сколько можете ...

— Я постараюсь, отецъ Андрей ...

— Да, пожалуйста, прошу васъ ... Какъ это можно, какъ это можно! ... Мои духовныя дѣти, столь благочестивое семейство, иноситъ въ нѣдрахъ своихъ рознь, такъ сказать, оппозицію! ... Да, надо это устранить, внести миръ, любовь и согласіе! ... Почитаю за свою духовную обязанность и постараюсь ...

— Покорно васъ благодарю, батюшка, отецъ Андрей ... А какъ же насчетъ бумажки-то? ...

— Насчетъ бумажки? ... Конечно, надо сдѣлать, если желаетъ Яковъ Захарычъ ... Но только мнѣ весьма удивительно: почему не у насъ! ... Развѣ женихъ настаиваетъ, или это сваха, попадья Вышнепокровская, для профита своего супруга? ... Конечно, лишнихъ десять-пятнадцать рублей! ...

Отецъ Андрей презрительно улыбнулся.

— Да, вотъ я и позабылъ вамъ сказать: папаша точно проговаривалъ и вамъ приказалъ сказать, что точно, чтобы показать попу Вышнепокровскому, но что это только одна проформа, чтобы дѣло покончить, но что они впослѣдствіи все повернутъ и посвоему сдѣлаютъ ... Еще говорили: скажи, говоритъ, батюшкѣ, чтобы не сумнѣвался, все будетъ по нашему желанію, что какъ ворочусь изъ города,

сейчасъ у него побываю, а мнѣ бы, говоритъ, только дѣло въ городѣ окончить поскорѣе ... Для того и бумага эта нужна ... Вотъ я вамъ давеча и запамятовалъ сказать ...

— А, теперь понимаю, понимаю ... Теперь все достаточно ясно; желаетъ успокоить своекорыстіе отца Вышнепокровскаго, чтобы, имѣя документъ, былъ покоенъ, что свадьба будетъ не индѣ, какъ въ его церкви ... Но еслибы и такъ? что же? ... Съ Богомъ! ... Неужели я позавиствую, или стану препятствовать? Конечно, Марья Яковлевна дочь моя духовная почти съ малолѣтства, а женихъ человѣкъ пріѣзжій въ нашъ городъ, и былъ ли раза два у исповѣди въ церкви отца Вышнепокровскаго — сомнительно ... И по всему слѣдовало бы вѣнчаніе въ нашей церкви ... Но я ни препятствовать, ни завиствовать не буду! ... Нѣтъ, нѣтъ, не буду! ... Успокоился бы! Съ Богомъ! Пускай получитъ! ... Съ радушіемъ и благожеланіемъ уступаю: не обѣднѣю и не возскорблю отъ сего ... Такъ и папашѣ, Якову Захарычу, передайте, пускай не безпокоится, для меня все равно ... Устраивалъ бы только желаемое къ общему удовольствію ... и во всѣхъ деталяхъ благоуспѣшно: того желаю ... Можетъ быть, причтъ нашъ возропщетъ, но я ни-ни! ... Такъ и передайте! ... А бумажку мы сейчасъ, однимъ моментомъ ...

— Эй!—крикнулъ онъ, пріотворивши дверь и просунувъ голову, — пускай Лукерья добѣжитъ и позоветъ дьякона Александра ко мнѣ ... Попросите, поспѣшилъ-бы ... Спитъ — разбудите: дѣло нужное и спѣшное ...

— Сейчасъ, сейчасъ, все исправимъ и сдѣлаемъ, — говорилъ отецъ Андрей, возвращаясь къ письменному

столу. — Обождите, пока черначекъ начерню; а дьяконъ Александръ перепишетъ, и будетъ готово. Писать онъ у меня мастеръ, дьяконъ Александръ, то есть почеркъ имѣетъ добропорядочный, но въ изложеніи слабъ и мало сообразителенъ: въ мысляхъ тугъ ... Что дѣлать? ... Suum cuique — всякому свое: вотъ и составляй самъ черняки этакихъ пустяковъ ... Да того смотри, и въ перепискѣ-то переврегъ: сколько изъ-за него съ консисторіей возни по книгамъ, только чего не досмотришь! ...

Отецъ Андрей началъ бойко строчить ...

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ къ нему вбѣжалъ, точно сумасшедшій, съ испуганнымъ лицомъ, съ растрепанными рыжеватыми волосами, дьяконъ Александръ.

— Что случилось? ... Какая экстра? ... Изъ консисторіи что-ли? — спрашивалъ дьяконъ, подходя сзади къ пишущему отцу Андрею, заглядывая къ нему черезъ плечо на столъ и въ то же время забирая большими пальцами обѣихъ рукъ космы своихъ волосъ со лба за уши.

— Ничего, ничего ... Никакой бѣды, — отвѣчалъ отецъ Андрей съ улыбкою, дописывая бумагу. — Изъ консисторіи еще это будетъ; еще намъ съ тобой достанется за что нибудь, ежеминутно ожидаю ... Но пока ничего, а вотъ, по ходатайству возлюбленнаго нашего и досточтимаго прихожанина, Якова Захаровича, перебѣли-ка поскорѣй эту бумажку, да гдѣ вонъ пробѣлы оставлены — и ты оставь: годы вписать нужно ... А то дай лучше книги: я самъ справлюсь и выпишу, покойнѣе такъ будетъ и дѣло пойдетъ скорѣе.

— Такъ надо сбѣгать? ... Книги-то у меня — вытягивая шею, точно готовясь полетѣть, спросилъ дьяконъ.

— Да, лучше принеси сюда; здѣсь и перепишешь ... Покойнѣе дѣло-то будетъ. А по дорогѣ забѣги къ дьячку и пономарю, скажи: пришли бы сейчасъ бумагу подписать ...

— Да что за бумага такая, отецъ Андрей? Насчетъ чего? — полюбопытствовалъ дьяконъ, уже готовившійся было совсѣмъ выдти изъ кабинета.

— А вотъ будешь переписывать, такъ узнаешь: къ чему же время тратить, разсказывать тебѣ?... Поспѣшай лучше и скорѣе возвращайся ...

— Да это долго-ли; я однимъ махомъ ... Ахъ, Викторъ Яковлевичъ, васъ-то я второпяхъ даве даже и не привѣтствовалъ ... Здравствуйте.

Они подали другъ другу руки.

— Такъ Лукерья испугала: обмеръ даже весь, — разсказывалъ дьяконъ. — Только сталъ было засыпать, глаза заводить, слышу съ дьяконицей разговариваетъ: бѣжалъ бы, говоритъ, какъ можно бѣжалъ къ батюшкѣ, нужно, чу, спѣхъ большой, дѣло такое, экстра!... Коли пьянъ, чу, такъ хоть водой окатите, а бѣжалъ бы какъ можно ... А я, видите, въ полной трезвости, взметнулся съ кровати, сердце схватило, такъ и думаю, либо отъ отца благочиннаго, либо изъ самой консисторіи пришло неблагопріятное ... И воистину, бѣгомъ бѣжалъ, отецъ Андрей, даже не взирая ... Задохся весь ...

— Ну, да ладно, ничего нѣтъ непріятнаго ... Поспѣши же опять за книгами, чтобы намъ вотъ и Виктора Яковлевича даромъ не задержать, да и сами спать пойдете поскорѣе ...

— Сейчасъ, сейчасъ ... Докладываю: однимъ махомъ!... По всей склонности характера моего!... Самъ имѣю характеръ скоропоспѣшительный ... и

исполнительный ... Право!... Вамъ извѣстно, отецъ Андрей!...

И дьяконъ стремительно вылетѣлъ изъ кабинета.

XVI.

Разговоръ былъ прерванъ возвратившимся дьякономъ съ охапкой книгъ подъ мышкой. Отецъ Андрей тотчасъ усадилъ его писать, а самъ сталъ рыться въ книгахъ. Викторъ же, въ ожиданіи бумагъ, сидѣлъ скромно, исподлобья посматривая на нихъ, и невольно улыбался своей ловкости, съ которою обманывалъ духовнаго отца.

Бумага дьякономъ была переписана, подписана священникомъ со всѣмъ причтомъ и скрѣплена церковною печатью. Вручая ее, отецъ Андрей просилъ Виктора передать родителю всякія благопожеланія и намекнулъ опять о непремѣнномъ намѣреніи своемъ примирить его съ отцомъ и о прочемъ.

Викторъ съ торжествомъ возвращался домой.

Иванъ привлекъ себѣ еще сообщника въ толсторожемъ Яшуткѣ, который съ радостью согласился помогать ему лично и дать свою лошадь, въ надеждѣ попьянствовать на свадьбѣ. Лошадь онъ надѣялся взять изъ дома подъ какимъ-нибудь предлогомъ, что ему и удалось. Съ нимъ Иванъ доѣхалъ до Мамаихи, чтобы получить отъ Виктора вѣдѣніе, за которымъ онъ долженъ былъ идти въ это время. Оставивши лошадь съ Яковомъ за околицей, Иванъ пошелъ по дорогѣ къ селу, тревожно ожидая возвращенія Виктора отъ отца Андрея. Издали еще онъ узналъ его и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ну, что?—спросилъ онъ съ замираніемъ сердца.

— Что, братъ Ванюха, плохо дѣло: не дали, — съ притворнымъ горемъ отвѣчалъ Викторъ.

— Ахъ, ты, бѣда ... Что же теперь дѣлать-то?... Надо бѣжать къ Павлу; можетъ, какъ не уломаю-ли безъ бумаги повѣнчать ... Да что же онъ, вашъ-то, отчего не выдалъ?... Что сказалъ?...

— А что сказалъ ... Завтра, говоритъ, самъ лично доставлю вашему папашѣ ... Изъ рукъ въ руки передамъ: дѣло не къ спѣху, все равно, что сегодня, что завтра рано ... А теперь ужъ, говоритъ, поздно: ночное время ... И причетники всѣ спятъ; не будить же ихъ, не булгачить ... Что съ нимъ подѣлаешь?... Я было и то, и другое, нѣтъ, не внимаетъ ... Завтра утромъ рано, чѣмъ свѣтъ, или пришлю, или самъ доставлю лично ... Вотъ и шабашъ!... Что хочешь!...

— Да вѣдь тутъ какая еще бѣда-то выйдетъ ... двойная, коли Павелъ обвѣнчать не захочетъ безъ этого вѣдѣнья, а вашъ завтра отцу принесетъ бумагу ... Догадаются, пожалуй!... А всяко тебя станутъ допрашивать, пытать: зачѣмъ понадобилось вѣдѣнье, къ Машѣ пристанутъ ... Что вы говорить-то будете?... Хоть какую небылицу ни выдумаете, а все сумнѣніе, дозоръ будетъ лишній ... Эхъ, Виктоха ... Понадѣялся я на тебя! ... Одно теперь: побѣгу къ Павлу, въ ногахъ буду валяться, просить ... Ну, а не уважитъ, прощай, Марья Яковлевна ... Ты ей, однако, зайди, молви, чтобы готовилась, на всякой случай; можетъ, упрошу Павла ... Эхъ, бѣда!...

Викторъ не выдержалъ и захохоталъ.

— Давай трешницу! — сказалъ онъ.

Иванъ смотрѣлъ на него вопросительно и сердито.

— Давай, говорятъ, трешницу, — повторилъ Викторъ, — на спрыски, чудакъ! ... Спрыснуть нужно! ... Всякаго благополучія пожелать Ивану Степанову съ Марьей Яковлевной ... Ужъ я ребятамъ-то обѣщалъ; сидятъ, чай, ждутъ меня ... Неужто обманывать ...

— Да ты чего зубы-то скалишь, съ какой радости? ... На тебя надѣялся, ровно на путнаго ... а онъ еще зубоскалитъ ... Лучше бы мнѣ не вязаться съ тобой ...

Викторъ продолжалъ хохотать.

— Да что ты и самъ-дѣлѣ, Виктоха ... Викторъ Яковличъ? ... Да ты ужъ не дуришь-ли надо мной; не досталъ-ли? — спрашивалъ Иванъ съ робкой надеждой; — такъ не мучай ... скажи ...

— Давай трешницу, такъ скажу ...

— Да ну, Виктоха, вѣдь не рано, а мнѣ пять верстъ бѣжать, да въ оборотъ поспѣть надо ...

— А ты думалъ, что ты одинъ уменъ да ловокъ, что Марью-то Яковлевну обошелъ ... Нѣтъ, братъ, нашего-то попа обойти помудренѣе, нечѣмъ дѣвку ... А я обошелъ, да еще какъ ... На вотъ, получи, дьяволъ ...

Викторъ досталъ изъ кармана и подалъ Ивану сложенную вчетверо бумагу. Иванъ схватилъ ее и бросился обнимать Виктора.

— То-то ... Вотъ-те и дуракъ Викторка, вотъ-те и безпутный! ... Поди-ка сдѣлай другой, умный, этакъ-то! ... Ну, давай же три рубля, да бѣги хлопочи ... А я ужъ здѣсь все обработаю ...

— Не напейся, Викторъ ...

— Ну, ладно! ... Не напейся самъ прежь меня ... Мы свое дѣло знаемъ ...

— Спасибо, братъ Витя! ... Вотъ спасибо ... Теперь всѣ въ спокоѣ ... На, вотъ ... Получи ...

Иванъ подалъ деньги.

— Вѣдь это бы мнѣ съ тебя слѣдовало по закону; знашь, какъ женихъ у невѣстина брата мѣсто выкупаетъ, чтобы, значитъ, около невѣсты сѣсть, русу косу вскрыть ... А у нашей-то сестрицы по тысячѣ косица, по рублю волосокъ ... Наша-то сестрица пряла да ткала, да въ коробочку клала ... Ты знаешь ли это? А я тебѣ даромъ уступаю; три-то эти рубля мнѣ не въ прокъ; не на себя изведу, людямъ пропою для вашего же дѣла, а самъ только смотри да облизывайся ... Ну, да за тобой будетъ; послѣ сосчитаемся ... Я свое выверстаю ... Ну, уходи, что ли, къ чорту; некогда, вѣдь, и самъ-дѣлѣ ... Пора ... И у меня тамъ ребята-то ждутъ ...

— Слушай-ка, Викторъ ... Не надо вашихъ лошадей-то, пожалуй ... Я еще досталъ одну; на ней и пріѣхалъ ... Не затѣвай ты лучше этого; какъ бы не попасться ... Богъ съ ними ... Ровно какъ боязно ...

— Ну, ужъ это проваливай ... Не твое дѣло! ... Сказалъ: парой въ церковь отвезу и отвезу ... Ужъ коли я пошелъ бунтовать, такъ мнѣ какъ чуднѣй ... Чтобы знали, да помнили Викторку ... Чтобы на всю округу смѣхъ да разговоръ пошелъ ... Чтобы ужъ вовсе доволенъ папашенька остались ... Ну, проваливай, говорятъ ... Объ этомъ не думай; это мое дѣло ... Я это не для тебя, а для папашеньки дѣлаю ... чтобы ему не обидно было ...

— Ну тебя! ... Какъ хочешь ... Поджидайте же уже, — сказалъ Иванъ, махнувши рукой, и съ облегченнымъ сердцемъ быстро пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ его поджидалъ съ лошадью толстомордый

Яшутка. Они быстро поскакали въ Карцово, а въ это время Викторъ снаряжалъ одного изъ рабочихъ за водкою.

— А ужъ мы ждали, ждали, да и ждать перестали, — говорилъ большой рыжебородый мужикъ, слѣзая съ сонными глазами съ печки ... Думали, ужъ ты только поманилъ ... Обманешь ...

— Вотъ еще ... Когда я васъ обманывалъ, черти ...

— Откудова Богъ послалъ экія деньги, Викторъ Якличъ? — спросилъ другой работникъ.

— Значитъ, за добродѣтель Богъ посылаетъ, что не оставляю васъ, дураковъ, — отвѣчалъ Викторъ.

— А папашенька какъ бы не провѣдалъ; придетъ да застанетъ насъ въ этомъ, задастъ взбучку, — замѣтилъ тотъ же рыжій мужикъ, считавшійся старшимъ работникомъ.

— А надо съ осторожностью; вотъ я схожу въ домъ, посмотрю ... Какъ всѣ улягутся, такъ мы и захороводимъ ... На всю ночь, ребята ... Принесетъ водку, помаленьку-то вы и безъ меня пропустите; начинайте, ничего ... Только ужъ вовсе хозяина-то не обидьте; не оставьте безо всего ...

— Ну-ка, чтой-то ... Ну, какъ это возможно ... Хозяина обидѣть ... Не можетъ того быть ... А ужъ водка придетъ, Викторъ Якличъ, мы на нее смотрѣть не будемъ и безъ тебя почнемъ ... Дозволь ... Время тоже не рано, а мы не ужинали; все тебя ждали ...

— Да, да, не ждите меня ... Какъ принесетъ, такъ и начинайте ...

Викторъ не безъ умысла уходилъ и давалъ позволеніе сдѣлать починъ безъ него: ему надо было,

по возможности, воздержаться, чтобы не охмѣлѣть, а онъ зналъ впередъ, что работники при видѣ водки, въ ожиданіи его, церемониться не будутъ, и что, воротясь, онъ найдетъ ихъ уже вполпьяна, если не вовсе пьяными. Онъ вошелъ во флигель, гдѣ жили родители, черезъ заднее крыльцо. Въ домѣ еще не спали и только что разошлись по своимъ комнатамъ. Сегодня засидѣлись дольше обыкновеннаго. За ужиномъ Аграфена Емельяновна обратила вниманіе на то, что Маша ничего не ѣла и была какъ-то особенно задумчива и молчалива. Это обстоятельство заставило ее взглянуть на дочь попристальнѣе и ей показалось, что дочь даже какъ будто похудѣла, осунулась и поблѣднѣла.

— Ты что же не ѣшь-то и какая сидишь притаманная ровно? И съ лица какъ точно спàла? Не болитъ ли что у тебя? — спросила мать.

— Нѣть, ничего ... А такъ что-то аппетиту нѣтъ, — отвѣчала Маша, желая казаться спокойною но невольно вспыхнула при неожиданномъ вопросѣ матери.

Въ семьѣ Якова Захарова не было въ обычаѣ нѣжное вниманіе и заботливая наблюдательность другъ за другомъ; каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, или бездѣльемъ, и жилъ, такъ сказать, самъ по себѣ. Хотя и Яковъ Захарычъ, и Аграфена Емельяновна, любили дочь по-своему и считали себя родителями нѣжными и заботливыми, но имъ никогда и въ голову не приходило присматриваться къ лицу дочери, замѣчать ея расположеніе духа, вообще наблюдать за своими дѣтьми; захвораетъ, такъ сама скажетъ, пожалуется; да и съ чего это хворать-то? Понадобится что, такъ попроситъ: можно, тáкъ сдѣлаемъ, да и просить-то, пожалуй, что нечего:

всего, слава Богу, довольно ... А что жениха ей нужно пріискать и пристроить ее за хорошаго человѣка, такъ это и безъ нея знаютъ, и ей извѣстно, что родители объ этомъ думаютъ, заботятся. Да, словомъ, Якову Захарычу, а также и Аграфенѣ Емельяновнѣ въ голову даже никогда не приходило разспрашивать дѣтей: здоровы ли они, отчего скучны, или веселы, что думаютъ о томъ или другомъ обстоятельствѣ; напримѣръ, даже о такомъ дѣлѣ, какъ выборъ жениха, съ Машей почти вовсе не разговаривали и не спрашивали ея мнѣнія, и не потому совсѣмъ, чтобы считали возможнымъ выдать ее замужъ противъ ея воли, а потому, что предполагалось: ей самой замужъ выдти хочется, а родители, любя дочь, не отдадутъ за худого человѣка. По нравамъ, не смотря на все внѣшнее облагороженіе, семья Якова Захарова была вполнѣ мужицкая. Поэтому необычный вопросъ и замѣчаніе матери заставили и отца поднять голову отъ тарелки и попристальнѣе взглянуть на дочь, и онъ замѣтилъ тогда, что она похудѣла и поблѣднѣла.

— Тоскуетъ, вѣрно боится, что и съ этимъ женихомъ не сладимся, что и этотъ уйдетъ отъ рукъ, — мелькнуло въ головѣ Якова Захарова. — Надо сказать ей, потѣшить дѣвку ...

И вотъ послѣ ужина, когда маленькая сестра ушла, онъ остановилъ Марью.

— Что заскучала, — сказалъ онъ, — али объ женихѣ сомнѣваешься? ... Не сомнѣвайся; этотъ, кажется, не уйдетъ отъ рукъ ... Притязателенъ, правда, насчетъ приданаго ... Ого, какой ... Все обстоятельно допрашиваетъ: сколько чего? ... И росписки требуетъ! ... А насчетъ денегъ и говорить нечего; очень и очень прижимистъ! ... Ну,

да я его за это не осуждаю, а напротивъ, даже видно, что хозяйственный человѣкъ, не вертопрахъ какой ... Притомъ коллежскій ассесоръ и орденъ имѣетъ ... Это не шутка — маіорскій чинъ, штабъ-офицеръ! ... Самъ себѣ цѣну знаетъ! ... Женишокъ достойный! ... Настоящая барыня ... Штабъ-офицерша будешь! ... Да, да! ... А съ разсчетцемъ, съ разсчетцемъ! ... И денежки любитъ ... Нажимистъ! ...

Маша слушала отца, не поднимая глазъ, и ничего не отвѣчала. Лицо ея обнаруживало душевное смущеніе, замѣченное даже такимъ ненаблюдательнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Яковъ Захаровъ.

— Ну, что же ты, что же ты? ... Это ничего! ... Для тебя не пожалѣю; поторговался, а надо будетъ уступить ... Тысячу ему прикину ... Богъ съ вами! ... Хоть и тяжеленько мнѣ, а этакого жениха упускать нельзя ... Эта ракалія, попадья Вышнепокровская, надоумила его, подбила прибавки требовать; магарычъ, вѣрно, хорошій ожидаетъ ... Сначала было даже семь запросилъ ... Но на шести, кажется, сладимся ... Я написалъ, что больше не могу, видитъ Богъ, не могу ... Они думаютъ, что у меня сотни тысячъ ... Да, сотни! ... Поди наживи на моемъ мѣстѣ ... при моей совѣсти! ... Не могу больше шести, не могу ... Какъ угодно ... И то любя дочь ... Можетъ быть послѣднія ... Да нѣтъ, ты не сумнѣвайся; пойдетъ и на шесть ... Ужъ я вижу ... Смотри, завтра прикатитъ съ окончательнымъ ... Готовься! ... А, коллежская ассесорша! ... Госпожа чиновница! ... Готовься, говорю! ...

— Да намъ готовиться недолго; у меня все бѣлье и новины, все припасено, сшито и ей на руки

сдано, — говорила съ своей стороны Аграфена Емельяновна. Платьевъ у нея довольно; сшить развѣ только еще два шелковыхъ, да вѣнчальное...

Но и эта блестящая перспектива не развеселила Машу; она оставалась такъ же скучна и имѣла прежній смущенный видъ. Она думала въ это время о томъ, что разговариваетъ съ родителями, можетъ быть, въ послѣдній разъ, что завтра она будетъ мужичка, крестьянка, что ее и видѣть не захотятъ и на порогъ дома не пустятъ, и дочерью считать перестанутъ; ее душили слезы; она едва ихъ сдерживала и невольно закрыла глаза рукой.

— Да чего же ты? ... Что ты? — настаивалъ Яковъ Захаровъ. — Боишься, что на шести не сойдемся ... Ну, ужъ тогда Богъ съ нимъ ... Ну, что же мнѣ дѣлать-то, коли негдѣ взять? ... И другой сестрѣ надо что нибудь оставить ... Да нѣтъ, ты не думай; сойдемся ... Увидитъ, что не выторговать больше, пойдетъ и на это ... Видать, что ты очень ему нравишься ...

— Да какъ же ... Мнѣ и попадья говорила, что на счетъ лица твоего и всего обращенія очень доволенъ остался, — подтверждала Аграфена Емельяновна, — такъ что, говоритъ, во всемъ даже завлекательная дѣвица ... Во всѣхъ прелестяхъ; такъ и сказала ... А я еще ей въ пику отвѣтила: да, я говорю, по красотѣ-то, да и по всему наша Маша, хоть бы и безприданница была, такъ въ женихахъ бы не нуждалася ...

— Слышишь? ... Ну, вотъ, значитъ, и сладимся ...

— Да что же онъ, точно товаръ какой меня покупаетъ, торгуется? — проговорила Маша, чтобы сказать что-нибудь.

— Ну, это особенная часть ... Безъ этого нельзя, — возразилъ Яковъ Захаровъ.

— Безъ этого, Машенька, никакъ нельзя, — подтвердила и Аграфена Емельяновна. — Значитъ, человѣкъ думающій; какъ жить будете — заботится. Это тебя не касающее ...

— Нѣтъ, если человѣкъ имѣетъ благородныя чувства,—сказала Маша,—и сильно влюбленъ ... въ свой предметъ ... онъ не станетъ такъ интересоваться приданымъ ... Для него главное должно быть, чтобы не лишиться какъ своего предмета ...

Маша обрадовалась, что разговоръ случайно получилъ такой оборотъ, и готова была поддерживать его.

— А у него, значитъ, никакой влюбленности, никакихъ страстныхъ чувствъ нѣтъ, если онъ такъ торгуется въ приданомъ ... Для меня это съ его стороны довольно даже обидно ...

— Э-э, что ты пустое говоришь, Марья,—замѣтилъ отецъ, — любовь любовью, а обстоятельный мужчина завсегда о приданомъ долженъ подумать, потому это для жизни требуется; безо всякихъ чувствъ прожить можно, а безъ денегъ не проживешь ... Конечно, по вашимъ дѣвичьимъ понятіямъ, пока вы подъ родительскимъ попеченіемъ живете, вамъ ничего не нужно, кромѣ сердечныхъ этихъ чувствій, да влюбленностей ... Ну, а мужчина о другомъ думаетъ ... Да и ты поживешь замужемъ, дѣтки да заботы пойдутъ, такъ тоже другое заговоришь и за приданое-то родителей поминать, да благодарить будешь ... Нѣтъ, это надо цѣнить въ женихѣ, что благопріобрѣсти за невѣстой желаетъ побольше, а не то, что въ обиду себѣ ставить ... Обиднаго для тебя ничего тутъ нѣтъ ...

— Какая обида это?... Чтой-то! — согласилась Аграфена Емельяновна. — Не то, что въ нашемъ мѣстѣ, а вездѣ женихи о приданомъ спрашиваютъ и стараются ...

— Ужъ если-бы обижаться кому, такъ мнѣ, — продолжалъ Яковъ Захаровъ, — потому изъ меня высосать хочетъ лишняго ... меня нажимаетъ ... А я все-таки одобряю: потому, вижу, разсудительный человѣкъ, степенный и съ разсчетомъ ... Не ракалія какая-нибудь, не шабарша пустая ... И о себѣ понимаетъ, что не кое-кто, что ему невѣсту нужно съ положительностью ... Нѣтъ, ты радоваться должна такому жениху ... Вотъ я какъ тебѣ скажу ... Мужъ будетъ хорошій, обстоятельный хозяинъ! ...

— Можетъ быть, по-вашему, и такъ ... А по мнѣ, какъ я дѣвица, для моихъ чувствъ гораздо трогательнѣе тотъ человѣкъ, который бы только изъ-за одной страстной любви меня бралъ ... А о награжденіи бы такъ понималъ, что родители дочь свою родную не обидятъ и что ей положено, то отдадутъ, не затаятъ за собой ... Вотъ это, значитъ, человѣкъ дѣйствительно влюбленъ въ невѣсту и родителей почитаетъ, надѣется ... Не полагаетъ, что какъ выдали дочку, такъ и думать о ней позабыли ... хоть, дескать, съ голоду пропадай: не наша теперь забота, мужнина ... Какъ хочешь, такъ и живи ... Онъ бы долженъ былъ видѣть и понимать, что родители наши не такіе ... Вотъ бы я какого желала жениха, чувствительнаго, къ родителямъ моимъ съ полнымъ почтеніемъ, а не то, что еще смѣть имъ не вѣрить, торговаться да выжимать ...

Яковъ Захаровъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ выслушивалъ послѣднія слова дочери; онъ никакъ не ожидалъ, что она не только такая умная, но при-

знательная къ родителямъ и великодушная. Ему было пріятно слушать ее.

— Это правда твоя, Маша ... Конечно, что такой человѣкъ чего же бы лучше ... Но гдѣ же ты, по нонѣшнему времени, такого найдешь? ... Нѣтъ, нынче первымъ долгомъ всѣ о деньгахъ, и даже однимъ обѣщаніямъ-то не вѣрятъ, а дай передъ свадьбой въ руки либо деньги чистаганомъ, либо документъ ... Распишись ... Вотъ какъ нынче ...

— По-моему, это даже очень низко ...

— Ну, и винить нельзя тоже: время такое, очень много обманываютъ ... Не всѣ вѣдь родители таковы, какъ мы, иные, правда, что только бы съ рукъ сбыть, наобѣщаютъ съ три короба, а послѣ ничего не дадутъ, да и дать-то нечего ...

— Мало ли такихъ примѣровъ и бывало — согласилась Аграфена Емельяновна, позѣвывая въ руку.

— Поэтому я и твоего жениха не виню, — продолжалъ Яковъ Захаровъ, — онъ меня мало знаетъ, капиталовъ моихъ не считалъ, а тамъ, въ городѣ, подбиваютъ его: проси, дескать, проси больше — дастъ ... Нѣтъ, а я радуюсь, что все-таки человѣкъ заслуженный, высокоблагородный ... Лестно и для насъ имѣть такого зятя ... Притомъ же и жалованье хорошее получаетъ: есть чѣмъ жить; а приданое, однако, въ запасѣ будетъ ... Не промотаетъ, не проживетъ ... Главное, благородный человѣкъ, дворянинъ ... И ты будешь чиновница, благородная.

— А для меня это благородство рѣшительно все равно ... Кто нынче на это смотритъ? ... Больше гораздо деньгамъ уважаютъ ... Вонъ я жила у братца-то, такъ видала довольно, какъ эти чинов-

ники-то, дворяне, передъ богатыми купцами унижаются... Вонъ становой, бывало, такъ и вьется, такъ и стелется, въ глаза глядитъ, бѣгаетъ, услуживаетъ передъ купцами-то... Да слышно, даже самъ губернаторъ изъ губерніи нарочно къ купцамъ-то въ гости съ праздникомъ поздравлять пріѣзжаетъ... Такъ что это значитъ благородство, дворянство?... Для меня оно наплевать...

— Ну, да, однако-же, это они только передъ деньгами... Кто нынче деньгамъ не кланяется!... А все-таки благородный человѣкъ, или мужикъ, если взять, что капиталы у нихъ равные?... Дворянинъ мужика-то тогда и близко къ себѣ не подпуститъ, а не то, что вниманіе на него обратитъ; ужъ это ты повѣрь мнѣ, хоть тамъ нынче и разсказываютъ, что всѣ стали равны... Все это пустяки!

— А какъ же, папашенька, вѣдь вотъ вы же не дворянинъ, а васъ всѣ, и господа уважаютъ, и вонъ дворянинъ къ вашей дочери сватается? — неосторожно возразила Маша.

— Ну, да я дѣло другое, — отвѣчалъ Яковъ Захарычъ, нахмурившись, — я по мѣсту, по довѣрителю своему... И опять... по всему... Меня давно всѣ ровно что за господина почитаютъ; я и поговорить могу и компанію поведу съ кѣмъ угодно... Я не мужикъ; я этими ракаліями-то чуть не тридцать лѣтъ ужъ командую; цѣлая вотчина ихъ у меня подъ началомъ... Какой же я примѣръ въ этомъ... Я не примѣръ... Да что же ты недовольна, что ли, этимъ женихомъ, что охуждаешь его?... Не хочешь идти, что ли, за него?

Послѣдній вопросъ Яковъ Захарычъ предложилъ дочери уже такимъ тономъ, въ которомъ слышалось неудовольствіе. Маша спохватилась.

— Нѣтъ, я его ничего, не хулю, — отвѣчала она уклончиво, — а только къ тому, что не то онъ изъ-за меня, не то изъ-за денегъ вашихъ жениться хочетъ ... Вотъ мнѣ только что: за васъ мнѣ обидно, что не знаетъ онъ, каковы мои родители для своихъ дѣтей — добры и ничего для нихъ не жалѣютъ ... А я что же, я ничего про него худого не могу сказать ... Конечно, еслибы онъ со мной насчетъ приданаго заговорилъ, такъ я сказала бы ему: я на своихъ родителей надѣюсь, безчастной они меня не оставятъ, и знаю, что наградятъ меня по своей силѣ, а мнѣ тотъ человѣкъ милѣе, что беретъ меня по мнѣ, въ чемъ я есть, и отдается на родителей: сколько имъ Богъ на душу положитъ, столь и наградятъ ...

— Ну, вотъ это ты прекрасно говоришь ... Умная ты у меня и признательная ... Спасибо! ... За это я и тебя не оставлю ... Ну, спать пора ... Прощай ...

Яковъ Захаровъ всталъ. Маша къ нему бросилась на шею.

— Прощайте, папашенька! — говорила она со слезами. — Да благословите вы меня, чтобы мнѣ замужемъ счастливой быть и не оставьте вы меня своими милостями ...

— Да, Богъ тебя благословитъ, Богъ благословитъ, — растроганнымъ голосомъ сказалъ Яковъ Захаровъ, крестя дочь. — Умная ты и признательная! .. Не бойся, не оставлю: на шесть не пойдетъ, еще полтысячи прибавлю для тебя ... За твою любовь и почтеніе ... Богъ съ тобой! ... Ну, иди спать ...

Яковъ Захаровъ освободился изъ объятій дочери и пошелъ къ себѣ въ спальню тронутый и умиленный.

— Мамашенька, и вы благословите! — обратилась Маша къ матери.

— Да не реви, полно, чтой-то ... Еще и наревешься, и наблагословляешься — говорила, обнимая дочь, полусонная Аграфена Емельяновна.—Ну, Богъ съ тобой, Христосъ съ тобой, будь на тебѣ мое благословеніе ... Полно-ка ревѣть-то, перестань ... Поди спать ... Время ужъ: заговорились какъ сегодня, засидѣлись ... Не бойся, не бойся, ни за что онъ не отпуститъ этого жениха: дастъ и шесть съ половиной, и семь дастъ ... Очень онъ ему по мысли ... Ужъ будь покойна: выдадимъ, выдадимъ, пристроимъ къ мѣсту твою головушку ... Ну, ступай, матушка, ступай съ Богомъ.

Маша, проводивши мать, пришла въ свою комнату съ успокоеннымъ сердцемъ: ее очень утѣшило то, что все же она получила отъ родителей благословеніе, хотя и обманнымъ почти образомъ.

— Все теперь я не какъ бѣглянка какая уйду, а съ родительскимъ благословеніемъ! — думала она, присматриваясь къ крѣпко спящей уже сестренкѣ.— И самъ обѣщалъ не оставить: нельзя ужъ теперь вовсе-то отъ своего обѣщанія отказаться ... Посердится, посердится, да и проститъ: видно, что такъ и будетъ ... А я ему все это хорошо намеками-то на усъ намотала: послѣ все пойметъ и раскуситъ, къ чему я что говорила ...

Маша остановилась теперь на мысли, что надо собираться, и пошла было запереть двери, когда въ нихъ показался Викторъ.

XVII.

Комната, въ которой помѣщалась Маша съ сестрою, была самая крайняя къ задней прихожей, или

дѣвичьей, какъ ее называли, слѣдовательно ближайшая и къ черному выходу. Стѣны ея были глухія, безъ сообщенія съ сосѣдними комнатами, два окна выходили на улицу, а единственная дверь вела въ коридоръ, упиравшійся въ переднюю, въ которой ночью спала единственная, всегда усталая, всегда полусонная прислуга семейства Якова Захарыча; разбудить ее во время ночного сна можно было только стащивши съ постели. Спальня родителей помѣщалась черезъ комнату отъ дѣтской. Такимъ образомъ Машѣ было очень удобно пробираться никѣмъ не замѣченной на ночныя свиданія съ Иваномъ: не представлялось особенныхъ затрудненій и для того, чтобы совершить окончательный побѣгъ изъ родительскаго дома.

— Что, спятъ? — спросилъ Викторъ вполголоса, осторожно затворяя за собою дверь и показывая глазами въ сторону, гдѣ была спальня родителей.

— Улеглись, а еще не спятъ, я думаю, — отвѣчала также вполголоса Маша.

— А эта? — спросилъ опять Викторъ, подходя къ постели младшей сестры и наклоняясь надъ нею.

— Эта спитъ, спитъ крѣпко ...

— Ну, а на волѣ на наше счастье такой снѣгъ валитъ, что любо: на саняхъ можно ѣхать ... Это къ счастью, говорятъ, Маша, когда къ вѣнцу ѣдешь, а снѣгъ или дождь идетъ: богато жить будете ...

— Сс ... ты, тише! — остановила Маша.

— Ничего ... Никто не услышитъ теперь ... Акулю-то я къ рабочимъ услалъ; прилаживалась ужъ было спать, да я шепнулъ: поди, говорю, скажи ребятамъ, чтобы начинали ... Пили бы ... Я сейчасъ приду ... И сама выпей стаканчикъ другой ... Даромъ соня, а куда и сонъ дѣвался: живо вскочила,

побѣжала ... Теперь они у меня тамъ кантуютъ во всю ... Ворочусь отъ тебя, всѣ ужъ пьяны будутъ; мнѣ только начисто отдѣлать остается, чтобы въ лежку ... Ну, а ты что же, собираешься ли? ... Пора вѣдь ...

— Кое-что, мелочь, связала давеча еще днемъ ... То успѣю ... Вотъ шкапъ-отъ и комодъ: все тутъ ... Да у вась-то все ли управлено? ... Досталъ ли бумагу-то?

— Да такъ, братъ, досталъ, что лучше требовать нельзя: обработалъ нашего Андрея на первый сортъ, даромъ онъ самъ пройдой и умникомъ считается ... Ужъ и бумага у Ванюхи ... Все готово ... Припасайся ...

— Ай, батюшки, какъ подумаешь, такъ даже сердце схватитъ, руки, ноги затрясутся ... Ну-ка, подумай ... Что я дѣлаю? ... На какое дѣло иду? ... Что этотъ погубитель мой, Ваня, къ чему меня довелъ! ... Изъ-за этого жениха: изъ-за чиновника, съ крестомъ, благороднаго, богатаго ... За него иди, за простого мужика, бѣднаго! ...

— Ну, вотъ еще вздумала ... Пора перестать объ этомъ ... Важность велика — чиновникъ съ крестомъ ... Дай-ка Ванюхѣ деньги, онъ что сдѣлаетъ? .. Не одинъ крестъ-отъ этакой на себя навѣситъ ... Ахъ, да ... Вотъ и забылъ ... какъ твою свадьбу сыграемъ, такъ ко мнѣ милости просимъ: я тоже въ законный бракъ ...

— Ты? — спросила Маша съ невольной улыбкой.

— А что ты думаешь: хуже мы, что-ли, людей? .. Не съумѣю, что-ли, округъ налою-то походить? Сколь угодно ... Да, братъ, сестрица любезная, у меня и невѣста припасена, только я не по тебѣ: я съ мужицкимъ родомъ родниться не

хочу ... Вотъ, очень нужно!.. Стану я унижаться!.. Нѣтъ, я по духовной части, по духовному сословію ... Для души спасенья ... И для всякаго наставленья хорошаго: какъ на свѣтѣ жить, впередъ не грѣшить, а въ старыхъ грѣхахъ каяться ...

— Ай, да полно, Витя, мнѣ, право, не до того: не до смѣху, не до шутокъ ... Изныло во мнѣ сердце ... Подружки-то у меня нѣтъ никакой, пріятельницы сердечной, съ кѣмъ бы посовѣтоваться, погоревать, поплакать ...

— Ну, вотъ еще ... А ты не канительничай ... Собирайся, знай, собирайся ... Время ... И мнѣ пора ребятъ укладывать: вѣдь сегодня я одинъ дежурный-то на всю ночь ... Дружка, вѣдь, я у васъ, а дружкѣ, сама знаешь, хлопотъ много ... Вотъ я посмотрю, какъ вы послѣ-то меня любить, да почитать будете ... За все мое неоставленіе ... Ну, оставайся ...

— Вотъ не знаю: какое платье-то мнѣ надѣть къ вѣнцу ... Вотъ и не съ кѣмъ посовѣтоваться ... Получше ли что надѣть, али попроще? ... Опять что на голову: цвѣты ли, али ленточку только, али просто безо всего? ... Вотъ кого я спрошу: ты мужчина, не знаешь ничего этого ...

— Анъ врешь, знаю, все тебѣ разскажу ... Обряжайся какъ можно ... Чтобы все въ лучшемъ видѣ ... въ самолучшее платье ... И на голову надѣвай всего: и лентовъ, и цвѣтовъ, и шляпку надѣнь ... Чтобы всѣ видѣли, какая госпожа за Ванюху идетъ ... Это ему въ честь, и въ утѣшеніе... Пожалуй, еще увидятъ тебя на своей-то парочкѣ, подумаютъ, что ты съ полнаго родительскаго согласія и съ благословенія ...

— Да я съ благословенія и есть ... Попросила

давеча: благословите, говорю, въ замужество... Они думаютъ, я про того: и благословили, и папашенька, и мамашенька.

— Полно? — почти вскрикнулъ Иванъ и расхохотался бы отъ удовольствія, еслибъ ему не зажала ротъ рукою и не погрозила Маша. — Э, да ты, братъ, вся по мнѣ я вижу: ловкая!... Ну, такъ что же, теперь тебѣ сполгоря! Пречудесная штука!... Ну, собирайся же, собирайся... Смотри, слушай уже: какъ постучатъ въ окно, такъ и... Да Катю-то прикрой...

— Помню я это все... А вотъ ты говоришь: въ шляпкѣ... Развѣ въ шляпкахъ вѣнчаются?... Никогда этого не бываетъ...

— Ну, такъ скинешь... А по крайности, въ церковь войди съ форсомъ... Чтобы видѣли...

— Ахъ, какъ я боюсь, Витя... Что со мной дѣлается, кабы ты зналъ...

— Ну, да будетъ ужъ тебѣ... Повыть вѣдь вамъ надо, дѣвкамъ... Ну, что дѣлать-то. Безъ этого ужъ вамъ нельзя!... Послѣ когда... Ну, я уйду... Запирайся...

Викторъ пошелъ, ухмыляясь про себя и бормоча: ахъ ты, плутъ-дѣвка, и благословеніе получила!... Э, да она баба-то будетъ ловкая... Ванька, держи ухо востро!...

Оставшись одна, Маша тотчасъ же принялась собирать и увязывать всѣ узлы, бѣлье и платье; но, по мѣрѣ того, какъ она увлекалась этимъ дѣломъ, ею начинало овладѣвать какое-то особенное, непонятное ей самой волненіе, какой-то страхъ и стыдъ. Сначала она совершенно спокойно и даже какъ будто весело выдвинула ящики своего комода, открыла шкафъ и аккуратно, не торопясь, даже со сче-

томъ, начала вынимать оттуда свое бѣлье, наготовленное заботами матери, платья, разбирала, разсматривала, укладывала въ скатерти; потомъ, точно вдругъ чего испугалась, стала торопиться, совать кое-какъ, руки ея дрожали, ноги подгибались, глаза застилались слезами, сердце тоскливо замирало. Часто она принуждена была оставлять свою работу и присаживаться, чтобы отдохнуть, успокоиться и собраться съ силами. Никакихъ опредѣленныхъ мыслей не было у нея въ головѣ, но безпрестанно одинъ и тотъ же вопросъ, который Маша беззвучно повторяла губами: Господи, что это я дѣлаю? ... Развѣ не гублю я себя? ... Развѣ не сама по доброй волѣ въ бѣду иду, бѣды себѣ ищу? ... Но она не въ силахъ была дать себѣ какой нибудь отвѣтъ и на эти вопросы.

И Маша снова порывисто принималась собирать и увязывать свои вещи. Несмотря на эти тревожныя думы, несмотря на возбужденіе, въ которомъ находилась Маша, слухъ ея былъ въ самомъ напряженномъ состояніи: она слышала ровное дыханіе спящей сестры, слышала малѣйшій шорохъ въ домѣ: вотъ пробѣжала мышь по коридору, вотъ въ самой дальней комнатѣ прошипѣли, собираясь бить, но не пробили, недавно испортившіеся часы, въ спальнѣ родителей который-то изъ нихъ, кажется отецъ, тяжело вздохнулъ вздохомъ соннаго человѣка и со скрипомъ кровати грузно повернулся должно быть на другой бокъ ... А это что? ... Она слышитъ скрипъ отворяемой и затворяемой двери изъ сѣней въ прихожую, затѣмъ осторожные неровные шаги, шарканье рукой о стѣну и затѣмъ точно паденіе какого-то тяжелаго, но мягкаго тѣла ... Маша поняла, что это возвратилась съ попойки пьяная Аку-

лина и, качаясь и держась за стѣнку, дошла до своего ложа и сунулась на него, въ чемъ была ... Тотчасъ же, вѣроятно, и уснула непробуднымъ сномъ: вонъ слышно ея сиповатое хриплое дыханье, пьяное мычанье и храпъ ...

— Надо, надо торопиться, да скорѣе тушить огонь ... Пожалуй, услышатъ этотъ храпъ отецъ или мать, встанутъ, пойдутъ мимо ея комнаты, увидятъ у нея свѣтъ, захотятъ войти ... А не будетъ огня, дверь заперта, не войдутъ: подумаютъ сплю ... Будить не станутъ ...

Маша кое-какъ, комкая и не жалѣя своихъ любимыхъ нарядовъ, завязала послѣдніе узлы и погасила свѣчку. Въ совершенномъ безсиліи она прилегла на свою постель.

Машѣ вдругъ стало жаль, мучительно жаль своихъ родителей, родного дома, своей дѣвической жизни, даже этой маленькой сестры, которая спала дѣтскимъ сномъ тутъ, недалеко отъ нея, и о которой она прежде никогда не думала. Ей неудержимо страстно захотѣлось расцѣловать сестру: тихо, какъ тѣнь, подкралась она къ Катѣ, наклонилась къ ней и прижалась губами къ ея щекѣ; слезы закапали изъ ея глазъ на эту щеку. Дѣвочка не проснулась, но пошевелилась и повернула головой. Маша быстро отодвинулась отъ нея, чувствовала, что слезы душатъ ее, что она сейчасъ разрыдается, и бросилась на свою постель лицомъ въ подушку, чтобы заглушить рыданія. Она долго лежала такимъ образомъ, давши волю своимъ слезамъ. Слезы облегчили ее, и мало-по-малу она воротилась къ мысли о настоящемъ: вспомнила, что надо сложить всѣ узлы поближе къ окну, чтобы удобнѣе было ихъ передавать, что надо перетащить туда же подушки и перину: не на по-

лушубкѣ же ей спать въ самомъ дѣлѣ! ... Вспомнила и то, что она до сихъ поръ не одѣта, какъ слѣдуетъ къ вѣнцу. Тамъ что будетъ, а не хочу я вѣнчаться въ ношеномъ старомъ платьѣ; хоть не много, а все-таки будутъ чужіе люди, которые никогда ее прежде не видали ... И священникъ, и дьячки, и дядя Ивана, и его мать, да и всѣ крестьяне, которые сбѣгутся непремѣнно смотрѣть на молодыхъ, когда они пріѣдутъ изъ церкви: пусть же они видятъ, что это не кое-кто, что это барышня настоящая ... пускай всѣ увидятъ и сразу поймутъ и оцѣнятъ, какое счастье Ивану, и что хоть онъ и мужикъ, а я не хочу быть крестьянкой ... Такъ и поведу себя; пускай и Иванъ это видитъ ... Надо причесаться, одѣться и прибраться хорошенько ... И держать себя буду гордо, важно. Пускай и онъ знаетъ! ...

Маша боялась зажечь свѣчу, чтобы не разбудить свѣтомъ сестру, и стала чесаться и одѣваться впотьмахъ; но когда одѣлась совсѣмъ, явилось непремѣнное желаніе посмотрѣть на себя въ зеркало. Она обставила кровать Кати стульями и накинула на ихъ спинки большой толстый платокъ, чтобы сестрѣ было не душно, но темно; потомъ зажгла свѣчу и подошла къ зеркалу. Оказалось все въ порядкѣ; даже проборъ на головѣ, сдѣланный, такъ сказать, наобумъ и наощупь, вышелъ совсѣмъ прямой и правильный ... Маша любовалась собой.

— Да, не по мужику бы я ... Барыней я родилась, а не мужичкой! ... думала она. — Ну, сама виновата ... Некого винить! ... Конечно, если-бы тогда, на его мѣстѣ, былъ благородный, воспитанный человѣкъ, можетъ быть, ничего бы не случилось ... А все-таки я и сама ... Ну, лучше объ

этомъ не думать ... Пропала, такъ пропала? ... Если только онъ не будетъ любить, уважать и цѣнить меня ... тогда ... ужъ я и не знаю, что тогда сдѣлаю ... А никогда я ему не прощу, до чего онъ довелъ меня ... Чѣмъ я черезъ него стану ...

Маша приколола на голову цвѣты, достала изъ узелка спрятанныя самыя лучшія свои серги и вдѣла ихъ въ уши. Вспомнила и о кольцахъ.

— Вѣдь, пожалуй, купитъ мѣдныя, или серебряныя ... Вотъ я не сказала ему, забыла ... Не хочу я мѣднымъ обручаться: вотъ возьму это для себя, оно хоть не гладкое, не вѣнчальное, да все-таки золотое ... Пускай вмѣсто вѣнчальнаго будетъ ... А простымъ, дешевенькимъ, я не хочу ... Такъ и скажу ...

Въ узелкѣ съ мелкими вещами она увидѣла письмецо, которое заблаговременно приготовила, чтобы отослать къ родителямъ тотчасъ послѣ вѣнчанія, и спрятала его за лифъ платья, а кошелекъ съ деньгами положила въ карманъ.

— Нѣтъ, да я лучше и узелокъ этотъ возьму съ собой, — пришло ей въ голову; — онъ не великъ, а потеряютъ, такъ жалко будетъ ... Да еще, кто ихъ знаетъ, кто вещи-то повезетъ, пожалуй, разворуютъ половину ... Нехорошо въ церковь, вѣнчаться, и узелокъ въ рукахъ ... Ну, да отдамъ Ивану, какъ пріѣдетъ, пускай спрячетъ, гдѣ знаетъ, чтобы цѣло было ...

Катя повернулась на постели; Маша быстро задула свѣчку и замерла на мѣстѣ, прислушиваясь. Дѣвочка что-то пробормотала во снѣ, но опять затихла.

Наконецъ вдругъ мимо окна мелькнула какая-то тѣнь, за ней другая; Маша вздрогнула. Черезъ нѣ-

сколько секундъ въ оконную раму слегка постучали, и, напрягая зрѣніе, Маша разсмотрѣла темную фигуру человѣка; она быстро поднялась съ мѣста и, оглянувшись на кровать Кати, прислушавшись, осторожно прикрыла ее другимъ одѣяломъ и отворила оконницу. Холодный воздухъ широкой струей ворвался въ комнату и освѣжительно обдалъ ее; она вздохнула всей грудью и вдругъ почувствовала въ себѣ силу, рѣшительность и бодрость.

— Ты? — спросила она, наклоняясь за окно.

— Я, — отвѣчалъ голосъ Ивана. — Передавай скорѣе ... Лошадь здѣсь ... Вонъ стоитъ.

Маша быстро начала подавать въ окно узелъ за узломъ, которые у нея принимали сильныя и проворныя руки.

— Всѣ, — сказала она, подавая послѣдній узелъ.

— А перину, подушки? — спросилъ Иванъ.

— Развѣ нужно? — нерѣшительно переспросила Маша.

— А какъ же ... Говорено, вѣдь ...

— Ровно совѣстно?

— Какъ знаешь; у меня вѣдь нѣтъ ...

— Ну, принимай! — отвѣтила Маша, подавая за окно конецъ тяжелой перины, которая также мгновенно была подхвачена и унесена. Вслѣдъ за периной ушли и подушки.

— Все ли теперь? — спросилъ Иванъ.

— Все ... Маленькій узелокъ съ собой возьму.

— Ну, съ Богомъ! — сказалъ Иванъ и махнулъ рукой.

Потомъ опять обратился къ Машѣ

— Вылѣзай и сама въ окно: скорѣе будетъ ... И ближе ... А вылѣзешь, окно-то отсюда притворимъ послѣ ... Викторъ уже ждетъ съ лошадьми ...

Маша нѣсколько поколебалась, но думать было некогда: она накинула на голову платокъ, салопъ выкинула впередъ себя, а потомъ перекрестилась, заплакала, но поднялась на подоконницу и спустила за окно ноги. Иванъ тотчасъ же подхватилъ ее и опустилъ съ рукъ на землю.

— Ну, вотъ и готово! — сказалъ онъ, осторожно затворивъ оконницы. — Теперь пойдемъ ... Викторъ ждетъ за садомъ.

— А гдѣ же вещи-то? — спросила Маша.

— Въ саняхъ ужъ, и уѣхали ... Видишь, вонъ катятъ по дорогѣ, видишь, аль нѣтъ? .... У меня дядя Володя съ Егоркой и Яшуткой живо управились: молодцами ...

Маша быстрыми шагами пошла впередъ, безсознательно оглядываясь, точно желала поскорѣе оставить за собою родительскій домъ и боялась погони, или того, что сама не выдержитъ и воротится назадъ; она всхлипывала и безпрестанно крестилась.

— Маша, да что же ты ревешь? — спрашивалъ Иванъ. — Теперь все благополучно, слава Богу ... Такъ вышло чудесно ...

Но Маша не отвѣчала и бѣжала впередъ.

— Да что ты ровно поневолѣ? ... Хоть поцѣлуй ... Поздоровайся! ... Вѣдь не видались ... Маша ... Слышишь? ...

Иванъ обнялъ ее и хотѣлъ было остановить, но она сердито, продолжая плакать, вырвалась изъ его рукъ.

— Да что ты? Богъ съ тобой ... Не рада, что ли? ... Али боишься? ... Такъ ужъ теперь нечего бояться: ушла, никто не слыхалъ. Поцѣлуй же, говорятъ ... Слышишь? ...

— Ахъ, отстань ты, Христа ради. Измучилась я ...

— Да чѣмъ? ... Кажись, все какъ по писанному вышло ... Радоваться бы надо ...

— Чему? ... На что я иду? ... На какую жизнь? ... Можетъ, подъ родительское проклятіе ... Ахъ, ужъ не говори лучше! ... Дай хоть изъ усадьбы-то убѣжать, чтобы все изъ глазъ ушло, ровно сквозь землю провалилось ... на другой свѣтъ ...

— Вотъ тебѣ разъ! ... Это даже довольно обидно ... Конечно, родители! ... Да вѣдь что же такое; не вѣкъ бы стала съ родителями жить ... И какое же родительское проклятіе, коли даже, Викторъ сказывалъ, благословеніе получила ... Мы даже довольно очень смѣялись и тебя расхваливали за этотъ самый твой подстрой ...

— Да, подстроила, обманула, обманомъ благословенье взяла ... Развѣ оно подѣйствуетъ? ... Хуже Богъ накажетъ ... Ахъ, пропащая, совсѣмъ пропащая, безпутная, обманщица, бѣглянка, воровка, противъ родителей своихъ непризнательная! ... А все изъ-за тебя, изъ-за тебя! ... Не говори, прошу, лучше не трогай меня ... Дай срокъ ... Отдохну, забудусь ... Все равно ужъ, пропадать, такъ пропадать; не умѣла въ добрѣ, да въ холѣ жить, поживу и въ чемъ Богъ приведетъ! ... Тошно мнѣ теперь ... И сама я себѣ противна, и ты, все черезъ тебя! ... Не говори ты мнѣ теперь ничего ... опять прошу я тебя ... Не до того мнѣ ...

— Однако, какъ же не говорить?.. Что же это такое будетъ теперь промежъ насъ ... Я не того надѣялся ... чтобы этакое огорченіе ... Я думалъ въ радости!.. Какъ отъ всего моего сердца, отъ всей любви моей ...

— Ахъ, отстань ты, какая твоя любовь ... Я

дура: я твоей любви повѣрила тогда, а ты вотъ до чего меня довелъ ...

— Да до чего довелъ?.. Что такое значитъ?.. Я, кажется, довольно благородно ... Не что другое: подъ святой вѣнецъ зову ... Чтобы законнымъ бракомъ ... Не въ обманъ какой нибудь ... Вотъ сейчасъ въ село пріѣдемъ, а утромъ и повѣнчаемся ... И будемъ мужъ и жена законные ... Все какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ ... И передъ людьми не стыдно!..

— Тебѣ чего стыдиться ... А мнѣ-то каково?.. Ты былъ фабричный и останешься, а я-то чѣмъ сдѣлаюсь?.. Что сзади у меня осталось и что впереди-то ты мнѣ сулишь?.. Баба-крестьянка, либо фабричная, вотъ только и всего!..

— А, вотъ въ какомъ предметѣ разговоръ! ... Ну, это бы надо пораньше думать, а теперь передумывать, Марья Яковлевна, ровно какъ и ...

— Да я и не передумываю: иду вотъ, и подъ вѣнецъ съ тобой стану, женой твоей буду, крестьянкой ... Сама себя къ тому довела, коли не ты ... А только тошно мнѣ, измучилась я своими мыслями, и просила я: не приставай ты теперь ко мнѣ ни съ какими разговорами ... Дай срокъ, обойдусь ... Сдѣлается: перемѣнить нельзя будетъ ... тогда ужъ и говори что хочешь!..

— Такъ-съ ... Понимаю я теперь эти самыя всѣ ваши чувства противъ меня ...

Иванъ нахмурился, разсердился, сдѣлался мраченъ. Но въ это время они подходили къ лошадямъ.

— А, князь и княгиня, вотъ они! — вскричалъ имъ Викторъ съ козелъ саней, на которыхъ сидѣлъ за кучера. — Милости просимъ садиться въ большое мѣсто ... Пожалуйте ... Все ли благополучно?..

— Все ... окромѣ Марьи Яковлевны! — злобно отвѣтилъ Иванъ.

Маша молча начала влѣзать въ сани.

— А ты подъ ручку бы подсадилъ! — вскрикнулъ Викторъ на Ивана, указывая на сестру. — Ахъ, кавалеръ ... Никакого-то въ тебѣ нѣтъ благороднаго обращенія ...

— Откуда его взять мужику?.. Мужикъ, мужикъ и есть! — такъ же злобно отвѣтилъ Иванъ, садясь вслѣдъ за Машей.

— Да въ чемъ же она-то неблагополучна, Маша-то?.. Что вы оба какіе: ровно не солоно хлебали?..

— Нѣтъ, я ужъ больно солоно хлебалъ, только хлебово-то хозяйка не скусное заварила, — съ язвительной усмѣшкой возразилъ Иванъ.

— Да вы нечто повздорили, видать? — сказалъ Викторъ беззаботно. — Ну, ничего, обойдетесь послѣ... Усѣлись, что ли?.. Трогаю ... Эхъ вы, соколики!.. Уважьте!..

Молчаливые и угрюмые ѣхали женихъ съ невѣстой, сидя рядомъ въ саняхъ и не смотря другъ на друга, между тѣмъ какъ бойкая пара кормныхъ управительскихъ лошадокъ весело бѣжала по первопутку, поощряемая гиканьемъ и криками Виктора. Послѣдній былъ очень увлеченъ и доволенъ своимъ кучерскимъ дѣломъ, и на время даже забылъ о сѣдокахъ. До Савинскаго было добрыхъ 10 верстъ: они и не замѣтили, какъ проѣхали это разстояніе.

— А вонъ и Савинское, — сказалъ онъ, оборачиваясь, — какъ доставилъ-то!.. Живой рукой!.. Вотъ вамъ какъ, вось, въ кучера, наймовайте меня!.. Заслужу вашей милости!..

Викторъ, имитируя настоящаго кучера, даже при-

поднялъ шапку; но никто не только не отвѣтилъ, даже не улыбнулся на его шутку.

— Да что вы и самъ-дѣлѣ?.. Что вамъ, заяцъ, что ли, дорогу перебѣжалъ, что вы этакіе-то?.. Зналъ бы и не повезъ!.. Али сами себя тѣшите: милые, молъ, бранятся, только тѣшатся ... Что уже слаще, занятнѣй цѣловаться будетъ?.. Да ну васъ къ Богу, и самъ-дѣлѣ!.. Къ попу, что ли, прямо править?..

— Да, стало быть ... Какъ уговорено, — отвѣчалъ Иванъ какъ-то лѣниво.

— Вонъ у него, кажись, огонекъ ... Поджидаетъ, стало быть ... Эка попъ — душа! — вскричалъ Викторъ, подбирая вожжи и поправляясь на козлахъ.

Онъ молодцомъ подкатилъ и осадилъ лошадей подъ самымъ крыльцомъ поповскаго дома, въ которомъ дѣйствительно мерцалъ огонекъ.

— Эхъ, никто не видитъ, какъ женихъ-то съ невѣстой подкатили!.. Похвалили бы кучера, кабы днемъ! — говорилъ Викторъ.

— Что же? Пойдемъ! — нерѣшительно обратился Иванъ къ неподвижно сидѣвшей Машѣ.

— Сходи сначала одинъ ... Переговори ... Можетъ, не время еще ... Да мнѣ и стыдно: не взойти-кажется ... Лучше бы прямо въ церковь, а до тѣхъ поръ гдѣ бы нибудь въ потемкахъ, одной, не на людяхъ посидѣть; хошь бы въ сторожку пустили ... церковную ... Или на паперти бы посидѣть покамъ ... Не пойду я туда въ домъ къ попу ... Ни за что не пойду теперь ...

Въ словахъ Маши слышались рѣшимость и слезы. Иванъ не возражалъ, но только пожалъ плечами, сердито махнулъ рукою и пошелъ къ попу. Маша осталась въ саняхъ. Викторъ, какъ настоящій ку-

черъ, ходилъ около лошадей, поправлялъ сбрую, осматривалъ, не ослабли ли ремни.

— Ты что же это, Марья, комедіи-то эти разводишь? — сказалъ онъ вдругъ, подходя къ сестрѣ — Съ чего парня мучишь даромъ? Сама ему на шею повѣсилась, и теперь, видишь ты, ломаешься, барышню никакую изъ себя представляешь ... Ужъ польстилась на мужика, такъ нечего тутъ бариться-то: мужичкой и будь ... Гляди ему въ глаза, да по его дѣлай, а не по-своему ...

— Сама я знаю все, — упрямо и капризно возразила Маша, — что сдѣлано, — не передѣлаешь, а какова есть, такой и останусь ... Никакихъ я комедій не представляю ...

— А я бы, на его мѣстѣ, взялъ бы да наплевалъ тебѣ ... Небось, не то бы тогда заговорила: ухватилась бы за него обѣими руками ... Да погоди, онъ тебѣ еще выучку задастъ въ свое время, коли этакъ будешь ...

— Да что ты думаешь: жалко мнѣ его, что ли, больно? ... Да откажись онъ теперь отъ меня, сею минутою, можетъ, я бы рада была; пѣшкомъ бы побѣжала домой, въ ноги бы отцу бросилась, во всемъ призналась ... Пускай дѣлаетъ со мной, что хочетъ ... Кажется, много бы легче мнѣ было, нечѣмъ теперь ...

— Такъ кто тебя знаетъ? ... Какая тебя нелегкая тянула? ... Думала бы да и дѣлала раньше, а не теперь ...

— То-то раньше бы надо ... Поздно вздумала ...

— Парня-то ты только даромъ вяжешь, я вижу ... Зналъ бы раньше — дохнулъ бы Ванюхѣ ... Не сталъ бы онъ на себя и хомутъ этотъ надѣвать, коли этакая твоя любовь ...

— А ты думаешь, изъ за любви моей, что ли, онъ женится, али изъ-за того, что своей любви ко мнѣ снести не можетъ ...

— А изъ-за чего же? ...

— Да невѣста я на его голодные, мужицкіе зубы богатая ... Хоть и при томъ-то останусь, что теперь взяла ... А, можетъ быть, еще папашенька и проститъ, и денегъ дастъ ... Вотъ изъ-за чего, только! ... Ну, и дѣвка я красивая, получше бабъ-то деревенскихъ ... Одно къ другому! ... А ты думалъ: любовь тутъ, какъ у благородныхъ людей бываетъ ... Да, какъ же! ...

Маша раздражительно засмѣялась.

— Поздно я только, дура, раскусила-то его ... Не воротишь ... Прямо дуры мы, дѣвки, вѣримъ кого полюбимъ: вотъ такая же дура и я ...

— Чортъ васъ разберетъ, дьяволовъ! — проговорилъ Викторъ, отходя отъ сестры на встрѣчу къ Ивану, быстро сходящему съ лѣстницы.

— Что будетъ? — спросилъ его Викторъ.

— Батюшка велѣлъ церковь отпереть, коли не хочешь въ домъ войти ... А, можетъ, говоритъ, пріодѣться, поправиться хочетъ, такъ вошла бы, говоритъ: я и не выйду ...

— Одѣта я совсѣмъ, нечего мнѣ поправляться, — отвѣтила Марья.

— Ну, такъ поѣзжай, Викторъ Яковличъ, къ церкви, да подождите тамъ, а я побѣгу за дьячкомъ: батюшка велѣлъ.

— А когда же вѣнчанье-то? — спросилъ Викторъ.

— А вотъ какъ поѣзжане пріѣдутъ всѣ, да маненечко свѣтать станетъ, такъ и онъ въ церковь придетъ ... На утрѣ рано и обвѣнчаетъ ...

— Хошь бы водки тѣ привезли, догадались: дядя-то Володя съ Егоромъ ... А то помрешь здѣсь съ тоски, ждамши ... Поди, и въ трактиръ-то теперь еще не пустятъ, не достучишься ... Э-эхъ! — ворчалъ Викторъ, присаживаясь на облучекъ. — Ну, милыя, трогай шажкомъ ... Не стоило васъ и гонять то: ѣхать бы шагомъ, легонько, въ прохладку ... Служба-то наша не въ честь ...

Подъѣхали къ церкви. Маша вышла изъ саней, взошла на паперть, прислонилась къ стѣнѣ и заплакала. Викторъ поставилъ въ сторонку лошадей и шелъ туда же.

— Вона, и реветъ, — сказалъ онъ, подходя къ сестрѣ, — ровно поневолѣ выдаютъ ... Вотъ съ бабами-то канителиться, бѣда сущая! ... Неужто они не догадаются: водки-то не привезутъ? А сами, поди, пьяные прiѣдутъ ... Что это, смерть будетъ съ этой свадебкой ... Пойду къ отцу Павлу; выпрошу хошь маленькую, нѣтъ ли? ... И ночь-то не спалъ, да и теперь-то ... Жди ... Нѣтъ, братцы, этакъ изведешься съ вами ... вовсе ...

Викторъ ушелъ. Маша осталась одна; ей было страшно, и она хотѣла было остановить брата, но посовѣстилась признаться. Къ счастiю, скоро пришелъ Иванъ съ дьячкомъ, отперли церковь, зажгли огарокъ свѣчки передъ образомъ. Маша встала въ уголокъ, начала молиться съ горькими слезами. Иванъ посматривалъ на нее не столько съ сочувствiемъ, сколько съ досадой и раздраженiемъ, не подходилъ и не заговаривалъ. Женихъ съ невѣстой были скорѣе похожи на враговъ или, по крайней мѣрѣ, на людей, совсѣмъ другъ другу постороннихъ.

Между тѣмъ пришелъ пономарь и помощникъ церковнаго старосты, онъ же и церковный сторожъ,

никогда не сторожившій церкви, но получавшій за эту должность жалованье. Всѣ они, входя, крестились, кланялись на образа, искоса посматривая на Машу, продолжавшую молиться, и уходили зачѣмъ-то въ алтарь, откуда опять тотчасъ же возвращались. Староста церковный отперъ малый свѣчной ящикъ, вынулъ пучекъ свѣчекъ и сталъ ихъ разставлять передъ мѣстными иконами, продолжая съ любопытствомъ поглядывать на Машу. Дьячекъ и пономарь, поеживаясь и зѣвая, шептались на клиросѣ. Иванъ то-и-дѣло выбѣгалъ на паперть, присматривался къ небу и прислушивался, не ѣдутъ ли его поѣзжане. Онъ былъ въ нервномъ, возбужденномъ состояніи, продолжалъ чувствовать не только досаду, но какую-то даже злобу противъ Маши, и въ то же время никогда такъ не боялся, что какое нибудь неожиданное препятствіе помѣшаетъ вѣнчанію, никогда такъ не желалъ, чтобы оно состоялось, хотя бы на зло Машѣ.

Наконецъ, пріѣхали и поѣзжане: пьяные Володя, Егоръ и Яшутка. Съ шумомъ и разговорами подъѣхали они къ церкви, но вошли въ нее, стараясь сохранить степенность и показать себя трезвыми. Начинало свѣтать. Иванъ отрядилъ дьячка сказать батюшкѣ, что все готово ... Не пора ли? ...

Явились въ церковь какія-то двѣ старухи, постояли, пошептались между собою и съ мимоидущимъ пономаремъ и затѣмъ исчезли одна за другою; но черезъ нѣсколько минутъ храмъ началъ наполняться зрителями, преимущественно женщинами. Пришелъ, наконецъ, и батюшка въ сопровожденіи Виктора, видимо повеселѣвшаго. Въ церкви началось движеніе.

Маша подозвала Ивана, отдала ему кольцо, ко-

торымъ желала обручаться, кусокъ шелковой матеріи для подножья, и отдала ему на сохраненіе узелокъ, объявивши, что въ немъ всѣ ея драгоцѣнности. Иванъ тоже повеселѣлъ, осмотрѣлся, подумалъ, кому передать довѣренныя ему сокровища, и выбралъ жену дяди Егора, которая пріѣхала въ качествѣ посаженной матери.

Священникъ облачился, отворивъ царскія врата. Въ это время Маша сняла съ себя салопъ, въ которомъ до сихъ поръ стояла. Жена Егора съ нѣкоторымъ подобострастіемъ поправляла на ней платье и охорашивала ее.

Начали обрядъ. Машу подвели къ аналою, гдѣ уже стоялъ Иванъ, въ синей поддевкѣ, расчесанный, съ насаленными волосами. Всѣ смотрѣли на невѣсту. Она подошла, не опуская глазъ, смѣло и рѣшительно. Всѣмъ понравилась ея наружность, особенно нарядъ, но на всѣхъ произвели неблагопріятное впечатлѣніе ея смѣлость и гордый, самоувѣренный видъ.

— Ого, дѣвоньки, — шептались бабы, — не за мужикомъ бы ей быть ... Не по мужику дѣвка ...

— Ужъ коли теперь этакъ фуфырится и ни страху, ни ужасти передъ этакимъ дѣломъ нѣтъ, такъ, видно, соколъ ... Надѣется на себя! — говорили другія.

Бракосочетаніе было совершено, хотя поспѣшно, такъ какъ отецъ Павелъ не любилъ вообще затягивать службу, но достаточно благочинно и безъ всякихъ препятствій. Маша стала женой фабричнаго рабочаго, Марьей Бохваленковой. Когда ее поздравили и заставили поцѣловаться съ мужемъ, она вдругъ, къ удивленію всей публики, горько заплакала. Иванъ опять нахмурился и злобно взглянулъ на жену.

Молодые всю дорогу до самаго дома ѣхали молча и не смотря другъ на друга. Обоимъ было не по себѣ и ни одинъ не находилъ, чѣмъ бы начать разговоръ съ другимъ, какъ будто въ прошедшемъ между ними никогда ничего не было, какъ будто они всегда были чужды другъ другу и вдругъ почувствовали себя неразрывно и на всю жизнь связанными. Каждый изъ нихъ хотѣлъ думать только о себѣ и задавалъ себѣ вопросъ: какъ же это случилось и что его ожидаетъ въ будущемъ?... И каждый изъ нихъ въ то же время сознавалъ и чувствовалъ, что самостоятельно и отдѣльно одинъ отъ другого они уже не существуютъ.

Охмѣлѣвшій отъ поповскаго угощенія Викторъ нѣсколько разъ оглядывался на нихъ съ неопредѣленной улыбкой, наконецъ оборотился совсѣмъ.

— Да полно ужъ вамъ церемоніи-то разводить: цѣлуйтесь, что ли... Никто не увидитъ, а я никому не скажу... А увидятъ, такъ вамъ теперь наплевать: законные, никто не разведетъ!... Вы теперь, ровно цвѣтикъ въ полѣ, знаешь: Иванъ да Марья.

Молодые невольно взглянули другъ на друга и улыбнулись, но улыбка эта, къ сожалѣнію, не напоминала собою того пышнаго расцвѣта, который даетъ цвѣтокъ, выросшій на хорошей почвѣ и согрѣтый горячимъ солнышкомъ; напротивъ, улыбка эта была какая-то вялая, грустная и скорѣе напоминала цвѣтокъ, корень котораго точитъ какой-то червь и который расцвѣлъ преждевременно и болѣзненно...

